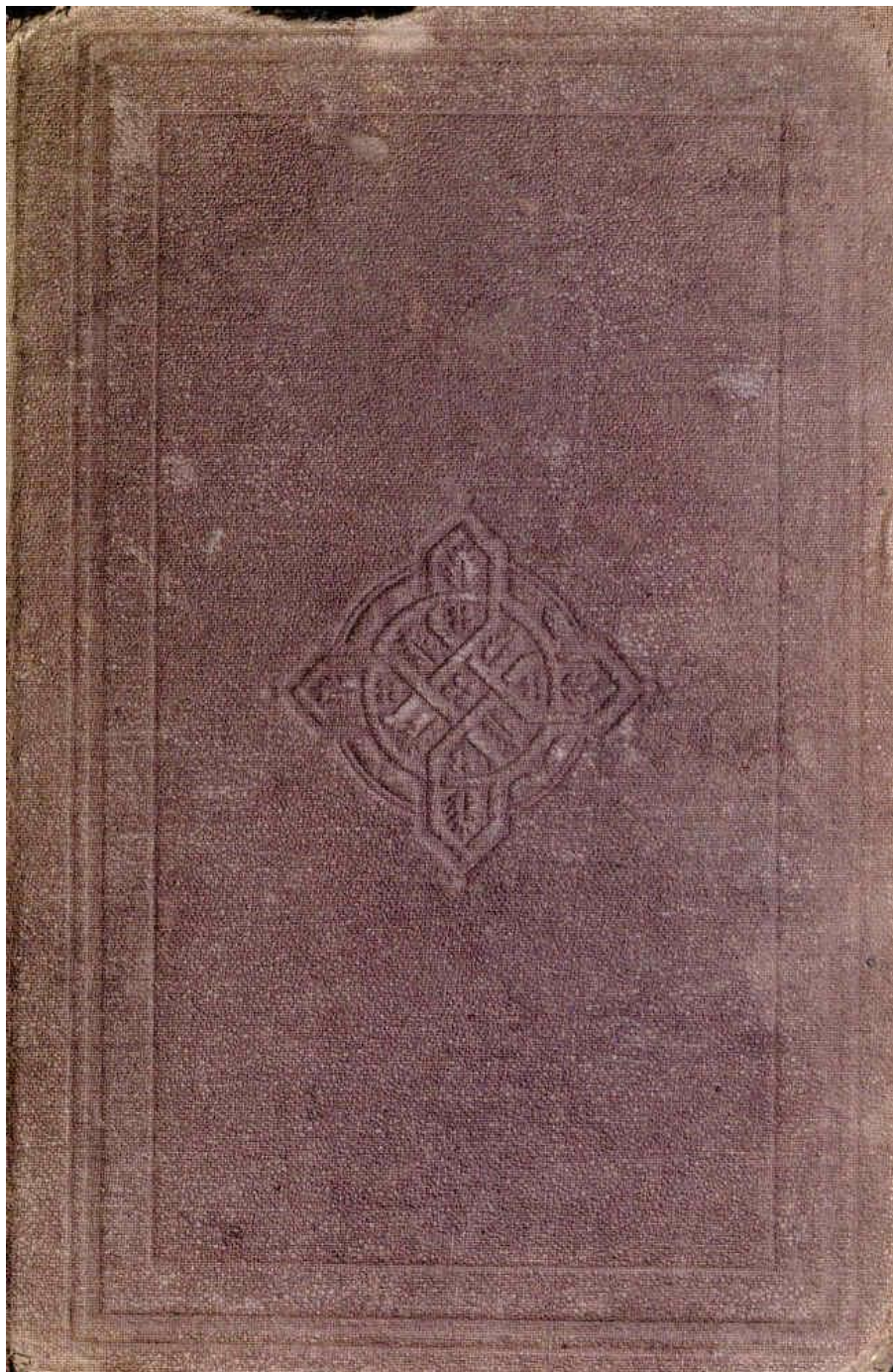

Восходящий Сын, или происхождение и прогресс цветной расы

Уильям Уэллс Браун

Электронная книга проекта "Гутенберг" о восходящем сыне, или о происхождении и продвижении цветной расы

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Восходящий Сын, или Происхождение и прогресс Цветной расы

Автор: Уильям уэллс Браун

Автор: Алонсо Д. Мур

Элайджа В. Смит

Дата выхода: 31 марта 2021 [Электронная книга № 64971]

Последнее обновление: 18 октября 2024

Язык: Английский

Авторские права: hekula03, Мартин Петтит и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВОСХОДЯЩИЙ СЫН, ИЛИ ПРЕДЫСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ ЦВЕТНОЙ РАСЫ" ***

Примечание переписчика:

Исправлены очевидные типографские ошибки.

---

*Very truly your friend,
Wm. Wells Brown.*

ВОСХОДЯЩИЙ СЫН, ИЛИ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРОГРЕСС ЦВЕТНОЙ РАСЫ

АВТОР: WM. УЭЛЛС БРАУН, доктор медицины

АВТОР КНИГ “ОЧЕРКИ МЕСТ И ЛЮДЕЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ”, “ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК”, “НЕГР В ВОССТАНИИ”, “КЛОТЕЛЬ” И ДР.

Тринадцатая тысяча.

БОСТОН:
ИЗДАТЕЛЬСТВО A. G. BROWN & CO.,
1882.

Введен, согласно Акту Конгресса, в 1873 году
А. Г. Брауном
В должности библиотекаря Конгресса в Вашингтоне.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Воспользовавшись всей доступной достоверной информацией, автор вынужден признать скудость материалов для истории африканской расы. Он всегда старался правдиво рассказать об этом народе и его обычаях, не скрывая их недостатков.

Некоторые биографические очерки обязательно краткие из-за трудности получения точной информации о предметах, о которых идет речь. Некоторые из них были опущены по той же причине.

У. М. УЭЛЛС БРАУН.

Кембриджпорт, Массачусетс

Примечание издателя к 13-му изданию.

Немногие произведения, написанные о цветной расе, сравнялись по тиражу с “Восходящим сыном”.

За последние два года продажи в Южных Штатах выросли более чем вдвое, и спрос на книгу значительно возрос. Уже продано двенадцать тысяч экземпляров; и если это можно рассматривать как ориентир на будущее, мы можем с надеждой смотреть вперед, что цветные граждане начинают ценить своих собственных авторов.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В “ВОСХОДЯЩЕГО СЫНА”.

АВТОР: ЭЛАЙДЖА В. СМИТ.

Выходи вперед, историк нашей расы,

И пером Истины

Подкрепить наши претензии на права Мужественности,

Сила письменных доказательств;

Отдерни занавес прошлого,

И развеет пелену веков,

Чтобы мы могли любоваться величественными портретами

Это висит на стене истории!

Расскажи о расе , чей стремительный прилив

Часто опухал от слез;

В чьих сердцах рабство не угасло

Огонь былых лет

Когда непобедимые войска Ганнибала

Исполнял его императорскую волю,

И отважный Туссен к свободе призван,

С поросшего виноградом холма Хейти.

Напишите, когда, в эти наши последние дни,

Названы благородные существа Земли,

У нас тоже есть доска почета,

Чего мы не стыдимся;

Если бы, из-за ошибок прошлого,

В цепях мы искупили свою вину,

Боже, из гробницы нашей расы,
Отвалил камень.
И наша дорогая земля, которая так долго спала
Под чарами угнетения,
Приветствует мужественную силу духа
Который так хорошо выдержал испытание;
С гербовой надписью
Совершив доблестные поступки,
К золотой двери Будущего
Он приходит, “Восходящий Сын”.
Шум битвы стих,
И над изрытой бороздами равниной
Весенние, свежие и зеленые, нежные стебли
Золотого зерна Свободы;
Но орлиный взор должен следить за полем боя,
Чтобы поверженный враг не осмелился
Разбросать, пока сеятели спят,
Пагубная ловушка запрета.
Lo! тенистые деревья посреди леса
Видны их демонические формы,
И зловещий свет злобных глаз
Мелькают сквозь зелень листвы;
И до тех пор, пока работа не будет завершена
Так славно началось,
Верный часовой на стенах Свободы
Встань ты, о “Восходящий Сын”!
Вперед! предвестник грядущих дней
Более славный, чем прошлое;
Затих лязг враждебной стали,

Боевой звук горна;
Иди, вестник обетованного времени,
Когда люди всех стран
Поспешат радостно ухватиться
Протянутая рука Этиопы!

Содержание.

	СТРАНИЦА
Мемуаров автора	9
ГЛАВА I. Эфиопы и египтяне	36
ГЛАВА II. Карфагеняне	49
ГЛАВА III. Восточная Африка	65
ГЛАВА IV. Причины цвета кожи	78
ГЛАВА V. Причины различия в чертах лица	84
ГЛАВА VI. Гражданские и религиозные церемонии	90
ГЛАВА VII. Абиссинцы	97
ГЛАВА VIII.	

Западная и Центральная Африка	101
ГЛАВА IX. Работоторговля	118
ГЛАВА X. Республика Либерия	129
ГЛАВА XI. Прогресс цивилизации	135
ГЛАВА XII. Хайти	140
ГЛАВА XIII. Успех Туссена	150
ГЛАВА XIV. Поимка Туссена	159
ГЛАВА XV. Туссен - узник во Франции	168
ГЛАВА XVI. Дессалин как император Хайти	173
ГЛАВА XVII. Война между неграми и мулатами Хайти	185
ГЛАВА XVIII. Кристоф как король и Петсион как президент Хайти	201
ГЛАВА XIX. Мир в Хайти и смерть Петсиона	209
ГЛАВА XX. Бойе - преемник Петсиона в "Хайти"	218

ГЛАВА XXI.	
Восстание и смерть Кристофа	222
ГЛАВА XXII.	
Союз Хайти и Санто-Доминго	229
ГЛАВА XXIII.	
Сулук как император Хайти	234
ГЛАВА XXIV.	
Жоффрар как президент Хайти	236
ГЛАВА XXV.	
Сальнаве как президент Хайти	241
ГЛАВА XXVI.	
Ямайка	243
ГЛАВА XXVII.	
Южная Америка	255
ГЛАВА XXVIII.	
Куба и Порто-Рико	258
ГЛАВА XXIX.	
Санто-Доминго	262
ГЛАВА XXX.	
Введение чернокожих в американские колонии	265
ГЛАВА XXXI.	
Рабы в Северных колониях	270
ГЛАВА XXXII.	
Восстания цветных в колониях	276

ГЛАВА XXXIII.	
Чернокожие в войне за независимость	282
ГЛАВА XXXIV.	
Чернокожие в войне 1812 года	286
ГЛАВА XXXV.	
Проклятие рабства	291
ГЛАВА XXXVI.	
Недовольство и восстание	296
ГЛАВА XXXVII.	
Растущая оппозиция рабству	319
ГЛАВА XXXVIII.	
Торжество закона о самосуде	322
ГЛАВА XXXIX.	
Героизм на море	325
ГЛАВА XL.	
Железный век	329
ГЛАВА XLI.	
Религиозная борьба	336
ГЛАВА XLII.	
Рейд Джона Брауна на Харперс-Ферри	340
ГЛАВА XLIII.	
Верность и храбрость черных	342
ГЛАВА XLIV.	
Провозглашение свободы	347
ГЛАВА XLV.	

Чернокожие зачислены в армию и сражаются 352

ГЛАВА XLVI.

Ненависть негров к Северу 382

ГЛАВА XLVII.

Каста и прогресс 387

ГЛАВА XLVIII.

Аболиционисты 393

ГЛАВА XLIX.

Новая эра 413

ГЛАВА L.

Представители расы.

Страница.		Страница.	
Аттакс, С.	418	Даунинг, Г. Т.	474
Олдридж, Айра.	489	Данн, О. Дж.	491
Баннекер, Б.	425	Дуглас, Л. Х.	543
Браун, И. М.	449	Дэй, У. Х.	499
Белл, П. А.	470	Эллиотт, Р. Б.	403
Батлер, У. Ф.	525	Фортен, К. Л.	475
Банистер, Э. М.	483	Фримен, Дж. Дж.	551
Бассетт, Э. Д.	497	Гейнс, Дж. И.	450
Белл, Дж. М.	504	Граймс, Лос-Анджелес	534
Кэмпбелл, Дж. П.	446	Гарнетт, Х. Х.	457
Кларк, П. Х.	520	Гринер, Р. Т.	542
Честер, Т. М.	526	Харпер, Ф.Э.	524
Клинтон, Дж. Дж.	528	Хейден, Л.	547
Кэри, М. С.	539	Джексон, Ф.М.	508
Кардозо, Т. В.	495	Джонс, С. Т.	531
Кейн, Р. Х.	544	Джордан, Э., сэр	481
Дуглас, Ф.	435	Льюис, Э.	465
Делани, М. Р.	460	Лэнгстон, Дж. М.	447

Де Морти, Л.	496	Рансье, А. Х.	510
Мартин, Дж. С.	535	Раффин, Дж. С.	540
Нелл, У. К.	485	Стилл, У.	520
Первис, К. Б.	549	Симпсон, У. Х.	478
Первис, Р.	468	Смит, Мак'Кьюн	453
Пинчбек, П. Б. С.	517	Смит, С.	445
Пеннингтон, Дж. У. К.	461	Смит, Э. В.	552
Пейн, Д. А.	454	Таннер, Б. Т.	530
Перри, Р. Л.	533	Вашон, Г. Б.	476
Куинн, В. П.	432	Уитли, П.	423
Разум, С. Л.	442	Уэйман, --	440
Рэй, К. Б.	472	Уилсон, У. Дж.	444
Ремонд, К. Л.	459	Виппер, У.	493
Рагглз, Д.	434	Уэрс, I. С.	512
Ревелз, Х. Р.	500	Зуйл, Дж. Дж.	473
Рейни, Дж. Х.	507		

МЕМУАРЫ АВТОРА.

АВТОР: АЛОНЗО Д. МУР.

Тридцать лет назад молодой цветной мужчина пришел в дом моего отца в Авроре, округ Эри, штат Нью-Йорк, чтобы прочитать лекцию на тему американского рабства, и на следующее утро я сидел у него на коленях, пока он рассказывал мне историю своей жизни и побега с Юга. Хотя мне было восемь лет, я все еще помню основные черты этого повествования, впечатление, которое оно произвело на мой разум, и разговор, который вчерашняя лекция вызвала в нашем маленьком тихом городке. Этим человеком был Уильям Уэллс Браун, ныне столь широко известный как дома, так и за рубежом. Поэтому я без малейших колебаний соглашаюсь написать этот очерк о человеке, чье имя на протяжении многих лет было нарицательным в нашей стране.

Уильям Уэллс Браун родился в Лексингтоне, Кентукки, в 1816 году. Его мать была рабыней, отец - рабовладельцем. Мальчика в младенчестве увезли в штат Миссури, а отрочество он провел в Сент-Луисе. В возрасте десяти лет его наняли капитаном парохода, курсировавшего между Сент-Луисом и Новым Орлеаном, где он оставался год или два, а затем нанялся рассыльным к Элайдже П. Лавджою, который в то время был редактором "Сент-Луис Таймс". Здесь Уильям впервые начал закладывать основы своего образования. После года, проведенного в типографии, объект нашего наброска снова был передан капитану одного из пароходов, курсирующих по реке. В 1834 году Уильяму удалось сбежать с лодки и отправиться на Север.

Он сразу же получил место на пароходе на озере Эри, где в должности стюарда оказал большую услугу беглым рабам, направлявшимся в Канаду. За один год он разрешил свободный переход через озеро шестидесяти пяти беглецам. Обосновавшись в Буффало, мистер Браун организовал комитет бдительности, в обязанности которого входила защита и помощь рабам, проезжающим через этот город по пути в “Страну свободных” или в восточные штаты. Как председатель этого комитета, мистер Браун оказал большую помощь беглым рабам. Ассоциация держала под рукой фонд для найма адвоката в случае поимки беглеца, помимо обеспечения всех одеждой, обувью и всем необходимым для нуждающихся. Сбежав с Юга, не получив образования, герой нашего очерка проводил зимние ночи в вечерней школе и пользовался частными инструкциями, чтобы получить то, в чем ему было отказано в молодости.

Осенью 1843 года он согласился читать лекции для Общества борьбы с рабством и продолжал свою работу в связи с этим движением до 1849 года, когда он принял приглашение посетить Англию. Как только стало известно, что беглый раб собирается за границу, Американское общество мира избрало его делегатом для представления их интересов на Конгрессе мира в Париже.

Без каких-либо просьб Исполнительный комитет Американского общества борьбы с рабством настоятельно рекомендовал мистера Брауна "Друзьям свободы" в Великобритании. Президент вышеупомянутого Общества передал ему личные письма к некоторым ведущим мужчинам и женщинам Европы. В дополнение к этому цветные граждане Бостона провели собрание вечером накануне его отъезда, публично попрощались с мистером Брауном и приняли резолюции, выражающие признательность за доверие и гостеприимство всех любителей свободы на метрополии.

Таковы были условия, под которыми этот человек-самоучка отплыл в Англию 18 июля 1849 года.

Мистер Браун прибыл в Ливерпуль и сразу же направился в Дублин, где его тепло приветствовали друзья дела свободы. Страна Берка, Шеридана и О'Коннелла не позволила бы американцу уехать, не оказав ему публичного приема. Большое и восторженное собрание, состоявшееся в Ротонде под председательством Джеймса Хотона, эсквайра, оказало мистеру Брауну первый прием в Старом Свете.

После двадцатидневного пребывания на Изумрудном острове беглец отправился на Мирный конгресс, который должен был собраться в Париже. Конгресс мира, и особенно французы, присутствовавшие на этом грандиозном собрании, большинство из которых никогда не видели цветного человека, были несколько застигнуты врасплох в последний день, когда мистер Браун произнес речь. “Прием, оказанный ему, “ сообщает *La Presse*, ” был в высшей степени лестным. Он превосходно поддержал свою репутацию публичного оратора. Его речь произвела глубокую сенсацию. По завершении выступления спикера тепло приветствовали Виктор Гюго, президент Конгресса, Ричард Кобден, эсквайр, и другие выдающиеся люди, находившиеся на трибуне. Навечере, устроенном месье де Токвилем, министром иностранных дел, американский раб был принят с заметным вниманием”.

Проведя две недели в Париже и окрестностях, осматривая достопримечательности, он вернулся в Лондон. Джордж Томпсон, эсквайр, был одним из первых, кто встретил беглеца по прибытии в английскую столицу. Несколько дней спустя очень большое собрание, состоявшееся в просторном Мюзик-холле на Бедфорд-сквер под председательством сэра

Фрэнсиса Ноулза, барта, приветствовало мистера Брауна в Англии. По этому случаю выступили многие выдающиеся ораторы Великобритании. Джордж Томпсон предпринял одну из своих самых блестящих попыток. Столь лестный прием вызвал у беглеца поток приглашений почти со всех концов Соединенного Королевства.

В своих “Трех годах в Европе” он рассказывает о многих юмористических происшествиях, которые произошли во время его путешествий, и из которых вот следующее:

“Холодным зимним вечером я обнаружил, что сижу в одиночестве у камина в главном отеле древнего и красивого города Ладлоу, в нескольких минутах ходьбы от знаменитого старого замка, от которого это место получило свое название. Долгая поездка в карете так сильно охладила меня, что я задержался у камина на более поздний час, чем в противном случае.

- Вы звонили, сэр? - спросил официант, когда часы пробили двенадцать.

“Нет, - ответил я, - но вы можете дать мне прикурить, и я пойду спать”.

“ Меня проводили в мою комнату, и вскоре я был в постели. Судя по тяжести покрывала, я был уверен, что дополнительное одеяло, которое я попросил накинуть, было там; и все же я дрожал от холода. Когда простыни начали нагреваться, я, к своему удивлению, обнаружил, что они были влажными — действительно, мокрыми. Моей первой мыслью было позвонить в колокольчик, вызывая слугу, и попросить их переодеться; но, немного поразмыслив, я решил поступить по-другому. Я встал с кровати, сдернул простыни, скатал их, поднял окно и выбросил их на улицу. Сбросив мокрые простыни, я вернулся в постель, забрался под одеяло и лежал там, дрожа от холода, пока Морфей не пришел мне на помощь.

На следующее утро я ничего не сказал о простынях, будучи уверен, что горничная обнаружит их пропажу в свое время. Позавтракав, я осмотрел руины старого замка, а затем вернулся в отель, чтобы дождаться дилижанса в Херефорд. Когда подошло время моего ухода, я подозвал официанта и заказал счет. ‘Да, сэр, через минуту’, - ответил он и поспешно удалился. Прошло десять или пятнадцать минут, и слуга снова вошел, подошел к окну, поднял жалюзи и затем вышел.

“Я увидел, что что-то не так; и мне пришло в голову, что они обнаружили пропажу простыней, чему я обрадовался; поскольку лондонские газеты в то время обсуждали достоинства и недостатки гостиничных номеров королевства, и ни одно письмо не находило в их колонках более радушного приема, чем письмо на эту тему. Поэтому я решил включить мокрые простыни в счет, оплатить их и отправить счет в “Таймс”.

Вскоре официант вернулся и довольно взволнованно сказал: ‘Прошу прощения, сэр, но в холле хозяйка и она хотела бы поговорить с вами’. Я вышел и обнаружил лучший образец английской хозяйки, который я видел за много дней. Там стояла она, почти такая же толстая, как она сама, с красным лицом, обрамленным кудряшками, которые, казалось, говорили: ‘Меня только что смазали маслом и причесали’. Аккуратный фартук прикрывал черное платье из альпаки, которое скромно ниспадало на пол, а на боку у нее висела связка ключей. О, эта улыбка! такую улыбку мог изобразить только адепт. Однако я слишком хорошо изучил человеческую натуру, чтобы не знать, что за этой улыбкой скрываются гром и молния, и я собрался с духом для такого случая.

“Сожалею, что вынуждена сообщить об этом, сэр, - сказала она, - но с вашей кровати пропали простыни”.

“О да, - ответил я. - я снял их прошлой ночью”.

“В самом деле! - воскликнула она. - и что вы с ними сделали?”

“Я выбросил их в окно”, - сказал я.

“Что? на улицу?”

“Да, на улицу”, - сказал я.

-Зачем ты это сделал?

“Они были мокрыми, и я боялась, что, если оставлю их в комнате, их наденут на ночь и кто-нибудь еще простудится”.

“Тогда, сэр, - сказала она, - вам придется за них заплатить”.

“Составьте ваш счет, мадам, - ответил я, - и укажите в нем стоимость мокрых простыней, а я отправлю его в “Таймс” и сообщу общественности, сколько вы берете за мокрые простыни”.

Я повернулся на каблуках и вернулся в гостиную. Еще мгновение, и принесли мой счет, но о простынях ничего не говорилось, и никакой платы за них не взималось. Карета подъехала к дверям; и когда я проходил через холл, выходя из дома, хозяйка встретила меня, но с другой улыбкой.

“Я надеюсь, сэр, ’ сказала она, - что вы никогда не упомянете о маленьком инциденте с простынями. Я очень сожалею об этом. Это разрушило бы мой дом, если бы об этом стало известно. Решив, что она была достаточно наказана за потерю своей собственности, я пообещал не упоминать название дома, если я когда-нибудь совершу этот инцидент.

“На следующей неделе я вернулся в отель, когда узнал от официанта, что они подозревали, что я украл простыни, и что полицейский прятался за дверью холла в тот день, когда я разговаривал с хозяйкой квартиры. Когда я в ту ночь лег спать, то обнаружил в постели два кувшина с горячей водой, а простыни тщательно высушил и проветрил.

“Впоследствии я несколько раз посещал один и тот же отель, и ко мне неизменно относились с величайшим почтением, что, без сомнения, было результатом моей ночи на мокрых простынях”.

В 1852 году мистер Браун представил публике свои “Три года в Европе”, работу, которая сразу же высоко подняла его как автора, как это будет видно из следующих выдержек из некоторых английских журналов. В “Эклектическом обозрении”, редактируемом distinguished доктором Прайсом, одним из лучших критиков в королевстве, говорилось: “Мистер Браун создал литературное произведение, достойное высококультурного джентльмена”.

Преподобный доктор кэмпбелл в “Бритиш Бэннер” отметил: “Мы прочитали книгу мистера Брауна с необычным интересом. Действительно, редко мы встречали что-либо более

увлекательное. Произведение, более достойное прочтения, уже довольно долгое время не попадало к нам в руки”.

“Мистер Браун пишет легко и талантливо, - писала ”Таймс“, - и его разумные наблюдения над великим вопросом, которому он посвятил и продолжает посвящать свою жизнь, вызовут влияние и уважение”.

"Литературная газета", авторитетный источник, говорит об этом так: “Появление этой книги - слишком знаменательное литературное событие, чтобы пройти незамеченным. В тот момент, когда внимание в нашей стране приковано к положению цветных людей в Америке, книга выходит с дополнительным преимуществом; если ее публикация не принесла ничего другого, хорошо бы получить еще одно доказательство способностей негритянского интеллекта. В целом, мистер Браун написал приятную и забавную книгу, и мы рады принести это свидетельство литературных достоинств произведения негритянского автора ”.

Газета Glasgow Citizen в своем обзоре отметила: “У. Уэллс Браун - необычный человек, иначе он не смог бы так замечательно преодолеть многочисленные трудности и преграды, связанные с его обучением в качестве раба. Благодаря решимости, самообразованию и силе характера он стал популярным лектором для британской аудитории и энергичным обличителем зла и зверств той системы, цепи которой он сбросил так триумфально и навсегда. Мы можем с уверенностью объявить Уильяма Уэллса Брауна замечательным человеком и полным опровержением доктрины о неполноценности негра”.

Газета Glasgow Examiner сказала: “Это захватывающая книга, не зависящая от случайных обстоятельств, которые повысят ее популярность. Автор этой книги в Америке — не человек, а движимое имущество, вещь, которую можно купить, продать и выпороть; но в Европе он писатель, и к тому же успешный. В этой книге он дает интересное и наглядное описание трехлетнего пребывания в Европе. Книга, несомненно, получит, как она того заслуживает, быструю и широкую популярность ”.

Весной 1853 года беглец выпустил свой труд “Клотель, или дочь президента”, книгу объемом почти в триста страниц, повествующую о жизни рабов в Южных штатах. Эта работа вызвала новую критику в адрес "Негритянского автора" и его литературных усилий. Лондонская “Дейли Ньюс” назвала это книгой, которая произведет глубокое впечатление; в то время как "Лидер", редактируемый сыном Ли Ханта, счел многие ее части "равными всему, что появлялось по вопросу рабства".

Вышесказанное - лишь некоторые из многочисленных похвал в адрес нашего автора. Помимо написания своих книг, мистер Браун был также постоянным автором колонок в лондонской "Дейли Ньюс", "Либерейторе", газете Фредерика Дугласа и "Национальном стандарте борьбы с рабством". Если мы добавим, что в дополнение к своим литературным трудам мистер Браун был усердно занят изучением профессии врача, то будет признано, что он один из самых трудолюбивых людей. Пробыв за границей почти шесть лет и много путешествуя по Великобритании и континенту, он вернулся в Соединенные Штаты в 1854 году, приземлившись в Филадельфии, где его приветствовали на большом общественном собрании под председательством Роберта Первиса, эсквайра.

По прибытии в Бостон в Тремонт Темпл состоялась приветственная встреча с Фрэнсисом Джексонем, эскайром, во главе, на которой Уэнделл Филлипс сказал: “Я рад, что наш друг Браун уехал за границу; еще больше я рад, что он вернулся. Годы, которые любой вдумчивый человек проводит за границей, должны расширить его кругозор и обогатить его. Но для цветного человека такой визит - нечто большее, чем просто интеллектуальное образование. Впервые он живет свободным от губительного холода предрассудков. Он не видит ни общества, ни института, ни места отдыха, ни средств комфорта, от которых его отгораживал бы цвет кожи.

“Мы должны поблагодарить нашего друга за верность, с которой он, несмотря на множество искушений, поддерживал тех, чье доброе имя религиозные предрассудки пытаются подорвать в Великобритании. Эта земля - не только Рай для цветного человека. Слишком многие из них позволяют превращать себя в орудия самых утонченных представителей своей расы. Сегодня вечером мы признаем дальновидность и верность курса мистера Брауна за границей, и не только для того, чтобы поблагодарить его, но и для того, чтобы заверить наших друзей там, что аболиционисты Бостона поддерживают именно это”.

Мистер Филлипс продолжил: “Я еще больше радуюсь тому, что мистер Браун вернулся. Вернулся во что? Не в то, что он может назвать своей ‘страной’. Белый человек возвращается “домой”. Когда Мильтон услышал в Италии звон оружия из Англии, он поспешил обратно — молодой, полный энтузиазма и купающийся в прекрасном искусстве, каким он был во Флоренции. ‘Я бы не уехал, - сказал он, - когда был нанесен удар за свободу’. Он приехал в страну, где признавали его мужественность, чтобы сражаться на равных.

“Черный человек возвращается домой не к свободе, а к свободе страдания — к борьбе в оковах за благополучие своей расы. Великодушное сочувствие к его крови возвращает такого человека к жизни. Я почитаю это. Мы встретились, чтобы оказать ему честь. Девизом Франклина было: *Ubi Libertas, ibi patria*— Где свобода, там и моя страна. Если бы наш друг принял это за правило, он бы остался в Европе. Свобода для него там. Цветной человек, который возвращается, подобно нашему другу, к труду, раздавленный и презираемый за свою расу, плывет под более высоким флагом. Его девиз гласит: “Где моя страна, там я принесу свободу!”

Хотя доктор Браун мог бы заняться своей профессией, для которой он был так хорошо подготовлен, он, тем не менее, со своим обычным рвением с удвоенной энергией продолжал бороться за свободу своей расы.

Путешествуя по стране и сталкиваясь с предрассудками, которые встречали цветных людей на каждом шагу, он яснее увидел огромную разницу между этой страной и Европой.

Рассказывая о своем путешествии на маленьком пароходике, курсирующем между Итикой и мостом Каюга, он говорит:

“Когда прозвенел звонок к завтраку, я подошел к столу, где обнаружил человек двадцать или тридцать. Едва я занял свое место, как смуглый мужчина довольно снобистского вида, выглядевший так, словно его загарило солнце Южной Каролины или Джорджии, начал потирать руки и, задрав нос, подозвал стюарда и спросил его: “Разве на этом судне принято сажать негров за стол с белыми?”

Слуга на мгновение замер, словно не зная, что ответить, когда пассажир продолжил: "Пойди скажи капитану, что он мне нужен". Стюард ушел. Меня слишком часто оскорбляли из-за моей связи с рабом, чтобы я не знал, для чего нужен капитан. Однако, поскольку я был голоден, я начал накладывать себе то, что видел перед собой, не сводя глаз с двери, через которую вскоре должен был появиться капитан. Когда вернулся стюард и я услышал тяжелые шаги командира по лестнице, меня осенила счастливая мысль, и я с нетерпением ожидал появления офицера.

Еще мгновение, и сильный голос крикнул: "Кто меня хочет?"

- Я сразу ответил: "Я, сэр".

"Чего вы хотите?" - спросил капитан.

"Я хочу, чтобы вы убрали этого человека со стола", - сказал я.

При таком неожиданном повороте дела вся каюта разразилась взрывом хохота, в то время как моего соперника на противоположном конце стола, казалось, распирало от ярости. Капитан, присоединившийся к всеобщему веселью, сказал:

- "Почему вы хотите, чтобы его убрали со стола?"

"Это у вас в обычае, капитан, - спросил я, - разрешать ниггерам сидеть за столом с белыми на вашем судне?"

Этот вопрос, а также тот факт, что другой пассажир послал за офицером и что я "украл его гром", по-видимому, очень понравились компании, которая разразилась смехом, в то время как мужчина с южной внешностью покинул каюту с восклицанием: "Проклятые дураки!"

Осенью 1854 года доктор Браун опубликовал свои "Очерки мест и людей за границей", которые быстро разошлись в продаже и, по словам газеты "Нью-Йорк Трибюн", были "хорошо написаны и чрезвычайно интересны".

Его драма под названием "Лицо из теста", написанная вскоре после этого и прочитанная им перед лицеистами, вызвала всеобщее удовлетворение везде, где ее слушали.

Действительно, в этой конкретной области доктор, кажется, преуспел, и пресса единодушно восхваляла его усилия. The Boston Journal охарактеризовала драму и ее прочтение как "интересное по своей композиции и превосходно переданное".

"Побег, или Прыжок к свободе" последовал за "Лицом из теста", и эта драма дала забавную картину жизни рабов и была столь же благосклонно принята публикой.

В 1863 году доктор Браун опубликовал "Черного человека", произведение, выдержавшее десять изданий за три года, о котором пресса отзывалась с высочайшей похвалой и о котором Фредерик Дуглас написал в своей собственной статье:

"Хотя книга мистера Брауна может выделяться своими достоинствами и быть сильной, все же, читая ее интересные страницы, изобилующие фактами и аргументацией, изобилующие красноречием, логикой и ученостью, облеченные простым, но красноречивым языком, трудно подавить вопрос, откуда у этого человека такие знания? Он, кажется, прочитал и запомнил

почти все, что было написано и сказано о способностях негра, и сжал и оформил все это в восхитительный аргумент, рассчитанный как на интерес, так и на убеждение”.

Уильям Ллойд Гаррисон сказал в “Освободителе”: “Эта работа сослужила хорошую службу и доказывает, что ее автор - человек незаурядного ума и развитых способностей”.

Достопочтенный. Джеррит Смит в письме доктору Брауну отметил: “Я благодарю вас за написание такой книги. Это принесет огромную пользу цветной расе. Пришлите мне пять его копий”.

Льюис Таппен в своей речи в Институте Купера 5 января 1863 года сказал: “Это просто книга на час; она сделает больше для возвышения цветного человека, чем любая работа, опубликованная до сих пор”.

Место, отведенное мне для этого очерка, не позволяет вместить множество интересных выдержек, которые можно было бы привести из американской прессы в пользу доктора Брауна как писателя и опытного читателя. Однако я не могу здесь опустить ценное свидетельство профессора Холлиса, прочитанное в его умело написанной работе “Проблема негров решена”. На странице 183, описывая интеллигентных цветных мужчин страны, он говорит: “Как писатель, я по справедливости должен отдать первое место доктору Уильяму Уэллсу Брауну, автору романа “Черный человек””.

“Клотель”, написанный доктором Брауном, роман, основанный на реальных событиях, является одной из самых захватывающих историй, которые, насколько мы помним, приходилось читать, и демонстрирует огромную многогранность склада ума нашего автора.

Дело трезвости в Массачусетсе, да и во всей Новой Англии, находит в докторе Брауне способного защитника.

Великое отделение “Сынов трезвости” Массачусетса оказало себе честь избранием его Великим достойным членом этого органа и тем самым предоставило ему место в Национальном отделении “Сынов трезвости” Северной Америки, где присутствующие не скоро забудут его речь от имени приема цветных делегатов из Мэриленда на собрании в Бостоне в 1871 году.

Доктор также является видным членом ордена Добрых тамплиеров Массачусетса. Его усилия, связанные с его уважаемой женой, по распространению воздержания среди цветного населения Бостона, заслуживают самой высокой оценки.

Около пяти лет назад наш автор вместе с другими организовал “Национальную ассоциацию распространения трезвости и вечерних школ среди освобожденных людей Юга”, президентом которой он сейчас является. Это общество совершает великое благо среди вольноотпущенников.

Это было во время исполнения его обязанностей по посещению Юга в 1871 году и во время его путешествий по штату Кентукки, он стал жертвой Ку-клукс, рассказ о котором приводится ниже:—

“Я посетил свой родной штат от имени Национальной ассоциации распространения трезвости и вечерних школ среди вольноотпущенников и поговорил с большим количеством из них в Луисвилле и других местах, а также направлялся выступить в Плезервилле, местечке на полпути между Луисвиллем и Лексингтоном. Я прибыл в департамент Плезервиль в начале седьмого вечера, и меня встретил цветной мужчина, который сообщил мне, что встреча должна состояться в пяти милях за город.

“Прождав некоторое время ожидаемую команду, мы отправились пешком, думая, что встретим машину. Мы шли дальше, пока нас не настигла темнота, и, не увидев никакой команды, я начал опасаться, что что-то не так. Однако человек, сопровождавший меня, заверил меня, что никакой опасности нет, и пошел дальше. Но вскоре после этого мы услышали топот лошадей, как спереди, так и сзади, и прежде чем я успел решить, что делать, нас окружили человек восемь или десять, трое из которых спешили, связали мне руки за спиной веревкой, снова сели на своих лошадей и двинулись в том направлении, куда я ехал. Мужчина, который был со мной, исчез, пока меня связывали. Мужчины не были переодеты и свободно разговаривали между собой.

Пройдя милю или больше, они остановились и минуту или две совещались, смысла чего я не расслышал, за исключением того, что один из них сказал— ‘Лоуренс не хочет, чтобы негра повесили так близко от его дома’. Они двинулись снова; я шел пешком, к моим рукам была привязана веревка, а другой конец - к одной из лошадей. Мне пришлось ускорить шаг, чтобы животное не потащило меня за собой. Вскоре они повернули направо и пошли по тому, что казалось коровьей тропой.

“Когда я ехал по этой дороге, у меня упала шляпа, и я окликнул мужчину сзади и сказал: “Я потерял свою шляпу”.

“Через полчаса тебе не понадобится шляпа”, - ответил он. Когда мы проезжали мимо бревенчатого дома на этой дороге, из него вышел мужчина и сказал дрожащим голосом: ‘Джим умирает!’ Теперь все мужчины спешили и, за исключением двоих, вошли в здание. Я отчетливо слышал крики, стоны и бред больного, что сразу убедило меня в том, что это был крайний случай белой горячки; и поскольку я успешно лечил болезнь с помощью подкожного средства и имел при себе маленький инструмент, в моей голове мелькнула мысль, что я мог бы спасти свою жизнь этим испытанием. Поэтому я сказал одному из мужчин: “Я знаю, что случилось с этим человеком, и я могу сменить его через десять минут”.

“ Один из мужчин зашел в дом, передал то, что я сказал, и вся компания вышла. Вожак, которого все они называли ‘Кэп’, начал расспрашивать меня о моем умении обращаться с подобными жалобами. Вскоре он удовлетворился, развязал меня, и мы вошли в комнату больного. Мои руки так онемели от тугой веревки, которая связывала мои руки, что я несколько минут ходил взад и вперед по комнате, потирая руки и обдумывая ситуацию. Мужчина лежал на соломенной подстилке, его руки и ноги были привязаны к спинке кровати, чтобы он не поранил себя и других. В агонии он прикусил себе язык и губы, и рот его был покрыт кровавой пеной, а в глазах горел страх. Его жена, единственная женщина в доме, сидела у кровати с младенцем на коленях, ее лицо было бледным и встревоженным, в то время как компания мужчин казалась мне самой отчаянной компанией, которую я когда-либо видел.

“Я с самого начала решил попытаться внушить им мысль, что я получил свою способность облегчать боль из какого-то сверхъестественного источника. Пока я таким образом обдумывал этот вопрос, "Кэп", прихрамывая, ходил взад и вперед по комнате, чертыхаясь почти на каждом шагу, и, наконец, сказал мне: "Ну же, ну же, старина, держись живее; я хочу домой, потому что это мое чертово бедро сводит меня с ума". Я сказал им: "Теперь, джентльмены, я окажу этому человеку полное облегчение менее чем через десять минут после того, как я возложу на него руки; но мне должно быть позволено удалиться в комнату одному, ибо, признаюсь, у меня есть дела с ним. с дьяволом, и я должен посоветоваться с ним. "Ничто так не очаровывает невежественных людей, как то, что имеет вид суеверия, и я не хотел, чтобы эти люди видели шприц или знали о его существовании. Женщина сразу же зажгла сальную свечу, протянула ее ‘Кэпу’ и указала на маленькую комнату. Мужчина прошел первым, поставил лампу и оставил меня одного. Теперь я достал свой чемоданчик, подсоединил иглу к шприцу, наполнил его раствором ацетата морфия, положил маленький инструмент в карман жилета и вернулся в комнату.

Помахав руками в воздухе, я сказал: ‘Джентльмены, мне нужна ваша помощь; окажите ее мне, и я проведу лечение, которое вы никогда не забудете. Все вы смотрите на этого человека, пока я не скажу: “Стойте!” Смотрите ему прямо в глаза. Все взгляды немедленно обратились на инвалида. Уже заняв позицию в ногах кровати, я взялся за правую ногу возле икры, ущипнул кожу, ввел иглу, вынул ее после выпуска содержимого, сунул шприц в карман и закричал во весь голос: ‘Держи!’ Теперь мужчины повернулись ко мне, поочередно рассматривая меня и больного. С того момента, как была сделана инъекция, бред начал стихать, и менее чем через десять минут он почувствовал себя совершенно спокойно. Я продолжал размахивать руками и приказывать дьяволам ‘убираться и оставить этого человека в покое’. ‘Кэп’ первым нарушил молчание, и сделал он это подчеркнуто, потому что пристально посмотрел на меня, затем на больного и воскликнул: ‘Большое дело! большое дело, ребята, будь я проклят, если это не так!’

Другой сказал: ‘Фокусник, ей—богу! вы слышали, как он сказал, что имеет дело с дьяволом’. Теперь я подумал, что пришло время попробовать "Кэпа", потому что, судя по его хромоте, стонам и ругани по поводу своего бедра, это был явный случай ишиаса, и я сообщил ему об этом, описав характер приступа и прогрессирование, подробно описав различные стадии страдания.

“Я рано узнал из уважения, оказанного этому человеку его товарищами, что он был их лидером, и мне не терпелось заполучить его в свои руки, поскольку я решил, что если когда-нибудь я приведу его в состояние наркотического опьянения, у него никогда не должно быть возможности накинуть веревку мне на шею. ‘Кэп’ был так доволен моим диагнозом его жалобы, что сказал: "Что ж, черт возьми, я устрою вам испытание, если не сделаю этого!" Я сообщила ему, что должна побыть с ним наедине. Женщина заметила, что мы можем пройти в соседнюю комнату. Когда мы уходили из компании, один из них сказал: ‘Ты ведь не собираешься убивать “Кэпа”?’ ‘О, нет!’ Я ответил. Я сказал: ‘Сейчас, кэп, я вылечу тебя, но мне нужна твоя помощь’. ‘Сэр, - ответил он, - я сделаю все, что ты мне скажешь’. Я велел ему лечь на кровать, закрыть глаза и сосчитать до ста. Он немедленно подчинился, и пока он считал, я наполнял шприц морфием.

Когда он закончил считать, я сообщил ему, что мне придется ущипнуть его за хроющую ногу, чтобы избавиться от этого дьявола. "О! — ответил он. - ты можешь ущипнуть меня, сколько тебе б-будет угодно, потому что я видел и чувствовал себя прекрасно с этим старым бедром!" Я ввел морфий, как делал в предыдущем случае, и, как только закончил, начал петь известный методистский гимн. Когда лекарство подействовало, мужчина быстро погрузился в дремоту, от которой он не просыпался, пока я был там, потому что я дал ему двойную дозу.

Здесь я замечу, что, хотя морфий дает мгновенное облегчение при ишиасе, он редко приводит к совершенному излечению. Но в обоих случаях я знал, что это послужит моей цели. Как только 'Кэп' оказался в безопасности, я позвал его товарищей, которые казались еще более изумленными, чем вначале. Они прижимали свои лица к его лицу, чтобы убедиться, что он дышит, качали головами и уходили. Я сказал им, что мне придется пробыть с этим человеком пять или шесть часов. Услышав это объявление, один из компании пришел в ярость и сказал: "Все это уловка, чтобы спасти свою шею от уздечки", - и в заключение крикнул во весь голос: 'Иди к дереву, к дереву!' Все мужчины вышли из комнаты, собрались во дворе и посовещались. Было уже больше одиннадцати часов, и, поскольку у них была с собой большая фляга бренди, они, судя по тому, как в комнате сохранялся приятный аромат, держали себя под завязку. В этот момент один из компании, высокий рыжеволосый мужчина, лицо которого было полностью покрыто бородой, вошел в комнату, сел за стол, достал из кармана револьвер, положил его на стол и начал набивать рот табаком. Мужчины снаружи сели на лошадей и ускакали, один из которых отчетливо крикнул: 'Помните, четыре часа'. Я продолжал навещать то одного, то другого инвалида, щупая им пульс и всячески демонстрируя свою заинтересованность в их выздоровлении.

Бренди, по-видимому, оказало на человека за столом такое же благотворное действие, как морфий на больного, потому что через несколько минут он крепко спал. Единственным препятствием на пути моего побега теперь была большая собака, которую было трудно удержать от меня, когда я впервые пришел в дом, и теперь она лаяла, огрызалась и рычала, как будто была приучена к этому.

Пока шло это время, мне пришло в голову множество способов побега, самым излюбленным из которых было схватить револьвер, выбежать из дома и попытаться счастья с собакой. Однако, прежде чем я успел применить что-либо из этих предложений на практике, женщина вышла, позвала 'Лев, Лев' и вернулась, сопровождаемая собакой, которую она уложила рядом с собой, когда снова уселась. Тихим шепотом эта женщина, чья судьба заслуживает лучшего, сказала: 'Они собираются повесить тебя в четыре часа; теперь тебе пора идти'. Часы как раз пробили два, когда я встал и с благодарным видом вышел из дома. Выбрав дорогу, по которой я пришел, и следуя по ней вниз, я нашел свою шляпу и, по ошибке сбившись с пути, добрался до станции и сел на утренний поезд до Цинциннати".

Я не могу завершить этот очерк жизни нашего автора, не упомянув об инциденте, который произошел в Авроре, моем родном городе, во время посещения этого места зимой 1844 года.

Доктору Брауну было предложено выступить в старой церкви, которая, как он обнаружил, была переполнена, причем аудитория состояла в основном из мужчин, которые ранее решили, что собрание проводить не следует.

Время открытия собрания уже настало, и мой отец, исполнявший обязанности председателя, представил оратора.

Кашель, свист, топание ног и другие звуки, издаваемые собравшимися, свидетельствовали о существовавшем предубеждении против рабства, доктрины которого оратор должен был отстаивать. Эта суматоха длилась полчаса или больше, в течение которых в говорившего щедро бросали несъедобные яйца, горох и другие метательные вещества.

Одно из яиц попало доктору в лицо, забрызгав грудь в хорошо отглаженной рубашке, и придало ему несколько неуклюжий вид, что вызвало взрыв смеха у публики за счет нашего друга-беглеца.

Устав от такого рода развлечений и изрядно расшевелив свою южную кровь, доктор Браун, которого согнали с кафедры и который стоял перед алтарем, собрался с духом, принял в высшей степени драматический вид и сказал: “Я не буду пытаться обращаться к вам; нет, я бы не стал с вами разговаривать, если бы вы этого хотели. Однако позвольте мне сказать вам одну вещь, а именно: если бы вы были на Юге рабом, как я, ни у кого из вас никогда не хватило бы смелости сбежать; только трусы поступили бы так, как вы поступили здесь сегодня ночью”.

Доктор Браун постепенно перешел к рассказу о своей собственной жизни и побеге с Юга. Пристальный интерес, связанный с различными инцидентами, о которых он рассказывал, приковал аудиторию к их местам, и в течение полутора часов он говорил, произнося одно из самых красноречивых обращений, когда-либо слышанных в этой секции от имени своей расы.

Я часто слышал, как мой отец говорил об этом как об усилении, достойном наших величайших государственных деятелей. Перед началом собрания толпа захватила мешок с мукой и отнесла его на колокольню церкви, прямо над входной дверью, с намерением бросить его на оратора, когда он упадет в обморок.

Был послан один из толпы с приказом держаться как можно ближе к доктору и который должен был подать сигнал к разбрасыванию муки. Влияние оратора на этого человека было так велико, что его мнение изменилось, и вместо того, чтобы сказать слово, он предупредил доктора о надвигающейся опасности, сказав: “Когда вы услышите крик “не мешай”, берегись муки”. Как только беглец узнал эти факты, он решил немного поразвлечься за счет других.

Протиснувшись вперед и приблизившись к группе самых уважаемых собравшихся, включая двух священнослужителей, врача и мирового судью, он двинулся вместе с ними, и когда они проходили под колокольной, доктор закричал во весь голос: “Оставьте это в покое!” - когда мука посыпалась на головы некоторых из наших лучших граждан, что вызвало сильнейшее волнение и привело к аресту тех, кто участвовал в беспорядках.

Все расценили меткость доктора Брауна в этом вопросе как великолепную шутку, и много дней спустя девизом мальчиков было: “Пусть все идет своим чередом!”

В 1866 году доктор Браун написал книгу “Негр в восстании”, которая быстро разошлась.

ПОДРАСТАЮЩИЙ СЫН.

— — — — —

ГЛАВА I. ЭФИОПЫ И ЕГИПТЯНЕ.

Происхождение африканской расы вызвало больше критики, чем любая другая из различных человеческих рас на земном шаре. Спекуляции исчерпали себя в попытках объяснить цвет кожи, черты лица и волосы негра, которые столь резко отличают его от остальной части человеческого семейства.

Вся достоверная история и все факты, которые я смог собрать по этому предмету, показывают, что африканская раса произошла из страны Нила, и главным образом из Эфиопии.

Ранняя история Эфиопии покрыта мраком неизвестности. При вторжении египтян было обнаружено, что в нем проживает большое население, состоящее из дикарей, племен охотников и рыболовов, кочующих скотоводов, пастухов и, наконец, цивилизованного класса, живущего в домах и в больших городах, обладающего правительством и законами, знакомого с использованием иероглифов, слава о прогрессе которого в знаниях и общественных искусствах в самые отдаленные века распространилась по значительной части земли. Даже в тот ранний период, когда все народы находились в своем грубом и диком состоянии, Эфиопия была полна исторических памятников, воздвигнутых главным образом на берегах Нила.

Самая ранняя достоверная информация, которая у нас есть об Эфиопии, относится к 971 году до н.э., когда правители этой страны помогли Шишанке в его войне против Иудеи “с очень большим количеством колесниц и всадников”. Шестнадцать лет спустя у нас есть отчет о том, что в Иудею снова вторглась миллионная армия эфиопов без сопровождения каких-либо египетских войск.^[1] Могущество Эфиопии постепенно росло, пока ее монархи не смогли завоевать Египет, где трое из них правили последовательно: Саббакон, Севехус и Таракус, Тирхака Священного Писания.^[2]

Севехус, названный так в Священном Писании, был настолько могущественным монархом, что Хошед, царь Израиля, восстал против ассирийцев, полагаясь на его помощь,^[3] но не был поддержан своим союзником. Это действительно было непосредственной причиной пленения Десяти колен, ибо “в девятый год правления царя Хошеда ассирийский царь взял Самарию и увел Израиля в Ассирию” в наказание за неудачное восстание.

Тирхака был более воинственным князем; он возглавил армию против Сеннахериба,^[4] царь Ассирии, затем осаждавший Иерусалим; и египетские предания, сохранившиеся в эпоху Геродота, дают точный отчет о providенциальном вмешательстве, благодаря которому гордость ассирийцев была смирена.

Говорят, что короли Эфиопии всегда избирались из касты жрецов; и у выборщиков существовал странный обычай, когда они уставали от своего государя, посылать к нему курьера с приказом умереть. Эргамен был первым монархом, осмелившимся воспротивиться этому абсурдному обычаю; он жил в царствование второго Птолемея и был обучен греческой философии. Будучи

столь далек от того, чтобы сдаться, он выступил против крепости священников, перебил большинство из них и учредил новую религию.

В Эфиопии часто правили королевы; одна по имени Кандакия развязала войну с Августом Цезарем примерно за двадцать лет до рождения Христа и, хотя и безуспешно, заключила мир на очень выгодных условиях.

Пирамиды Эфиопии, хотя и уступают по размерам египетским, как говорят, превосходят их архитектурной красотой, а гробницы демонстрируют величайшую чистоту вкуса.

Но самым важным и поразительным доказательством прогресса эфиопов в строительном искусстве является их знание арки и ее использование. Хоскинс заявил, что их пирамиды по древности превосходят египетские. Эфиопские вазы, изображенные на памятниках, хотя и не богато украшены, демонстрируют вкус и элегантность форм, которые никогда не были превзойдены. По скульптуре и колориту здания Эфиопии, хотя и не столь богато украшенные, соперничают с лучшими образцами египетского искусства.

Мероэ был *перевалочным пунктом* торговли между Севером и Югом, между Востоком и Западом, в то время как его плодородная почва позволяла эфиопам приобретать предметы роскоши за границей за счет местного производства. Не похоже, чтобы ткани ткали в Эфиопии так широко, как в Египте; но производство металла должно было быть, по крайней мере, таким же процветающим.

Но Эфиопия была обязана своим величием не столько плодородию своей земли или своим фабрикам, сколько своему положению на пересечении ведущих караванных путей древней торговли.

Эфиопы были одними из первых народов, организовавших регулярную армию, и таким образом заложили основу всей системы ведения древней войны. Таким образом, краткий отчет об их военных делах проиллюстрирует не только их историю, но и историю великих азиатских монархий и греков героических эпох. Самым важным подразделением эфиопской армии были боевые колесницы, использовавшиеся вместо кавалерии. Эти колесницы были установлены на двух колесах и сделаны низкими; открытыми сзади, чтобы воин мог легко входить и выходить; и без сиденья.

Они были запряжены двумя лошадьми и обычно содержали двух воинов, один из которых управлял скакунами, пока другой сражался. Народы отличались друг от друга формой и цветом своих колесниц.

Большое внимание уделялось изготовлению колесниц, а также разведению лошадей для их запряжки. Ничто в наше время не может сравниться с тем вниманием, которое уделяли древние при подготовке лошадей к полю боя.

Сбруя, которую носили эти животные, была богато украшена; а колчан и футляр для лука, отделанные с необычайным вкусом и мастерством, были надежно прикреплены к боку каждой колесницы. Лук был национальным оружием, использовавшимся как кавалерией, так и пехотой. Ни один народ древности не уделял стрельбе из лука большего внимания, чем эфиопы; их стрелы были нацелены лучше, чем у любого другого народа, возможно, за исключением египтян. Детей из касты воинов с раннего младенчества обучали стрельбе из лука.

Вооружением эфиопов были копье, кинжал, короткий меч, шлем и щит. Иногда использовались шестоперы и боевые топоры. Кольчуги носили только высшие офицеры и некоторые выдающиеся воины, такие как Голиаф, чемпион филистимлян. Легкие войска были вооружены мечами, боевыми топорами, булавами и дубинками. Некоторое представление о мужественных формах, огромной силе и военной выучке эфиопов можно почерпнуть из Геродота, отца древней истории.

Описав Аравию как “страну, источающую восхитительнейший аромат”, он говорит: “Эфиопия, которая является оконечностью обитаемого мира, примыкает к этой стране на юго-западе. Его обитатели очень примечательны своими размерами, красотой и продолжительностью жизни”.^[5]

В своей третьей книге он приводит подробное описание единственного племени этого интересного народа, называемого макробианами, или долгоживущими эфиопами. Камбиз, персидский царь, пошел войной на Египет и покорил его. Затем им овладевает честолюбивое намерение расширить свои завоевания еще дальше, и он решает начать войну с эфиопами. Но прежде чем отправиться в свою экспедицию, он посылает в страну шпионов, переодетых дружественными послами, которые привозят дорогие подарки от Камбиза. Они прибывают ко двору эфиопского принца, “человека, превосходящего всех остальных совершенством роста и красоты”, который видит их насквозь и достает лук таких огромных размеров, что ни один перс не смог бы его натянуть. — Передай своему королю этот поклон и от моего имени скажи ему так:

“Царь Эфиопии посылает этот совет царю Персии. Когда его подданные смогут натягивать этот лук с такой же легкостью, как я, тогда пусть он отважится напасть на долгоживущих эфиопов. Между тем, пусть он будет благодарен богам за то, что эфиопы не были вдохновлены такой же любовью к завоеваниям, как он сам”.^[6]

Гомер писал по меньшей мере за восемьсот лет до Рождества Христова, и его стихи, как хорошо известно, являются самым точным зеркалом нравов его времени и знаний его эпохи.

В первой книге "Илиады" Ахилл представлен умоляющим свою богиню-мать заступиться перед Юпитером за своего обиженного сына. Она удовлетворяет его просьбу, но говорит ему, что заступничество должно быть отложено на двенадцать дней. Боги отсутствуют. Они отправились в далекие края Эфиопии, чтобы присоединиться к ее праздничным обрядам. “Вчера Юпитер отправился на пир *с непорочными* эфиопами далеко, на пределы океана, и все боги вместе последовали за ним”.^[7] Гомер никогда не тратит эпитет впустую. В других местах он часто упоминает эфиопов, и всегда в терминах восхищения и восхваления, как самых справедливых из людей, любимцев богов.^[8]

Тот же намек сквозит в греческой мифологии и встречается в стихах почти всех греческих поэтов еще до того, как были открыты страны Италия и Сицилия. Еврейские Священные Писания и еврейская литература изобилуют упоминаниями об этом особом и загадочном народе; ими полны летописи египетских жрецов, и эфиопов везде превозносят как одних из лучших, самых религиозных и цивилизованных людей.^[9]

Давайте остановимся здесь на мгновение и проследим за продвижением цивилизации по Европе. Везде, где ее свет когда-то ярко горел, он был рассеян, но не потушен. Всем известно, что Рим получил свою цивилизацию от Греции; что Греция снова позаимствовала свою у Египта, что оттуда она почерпнула свою самую раннюю науку и формы своей прекрасной мифологии.

Мифология Гомера, очевидно, имеет иероглифическое происхождение и имеет явные признаки семейного сходства с символическим культом Египта.

Он спустился по Нилу; он распространился по дельте этой реки, когда спустился из Фив, чудесного города со ста воротами. Фивы, как известно каждому ученому, более древни, чем города дельты. Руины колоссальной архитектуры покрыты иероглифами и усеяны памятниками египетской мифологии. Но откуда взялись Фивы? Он был построен и заселен колониями из Эфиопии или городами, которые сами были поселениями этой нации. Чем выше мы поднимаемся по Нилу, тем древнее руины, по которым мы ступаем, пока не доберемся до “седого Мероз”, которое Египет признал колыбелью своих институтов.

Но Мероз было царственным городом Эфиопии, в который со всей Африки стекались караваны, груженные слоновой костью, ладаном и золотом. Таким образом, мы прослеживаем свет эфиопской цивилизации сначала в Египте, оттуда в Греции и Риме, откуда, набирая на своем пути новое величие, он распространился по всему миру.^[10]

Теперь мы переходим к рассмотрению цвета кожи эфиопов, который столь заметно отличает их потомков в настоящее время от остальной части человеческой расы.

Адам, отец человеческого рода, получил свое имя от цвета земли, из которой он был создан.^[11]

Библия очень мало говорит о цвете кожи различных человеческих рас и абсолютно ничего о времени, когда или причинах появления этих разновидностей. Есть несколько отрывков, в которых цвет описывает человека или платье. Иов сказал: “Кожа у меня черная”. Иов долгое время болел, и, без сомнения, это привело к изменению цвета его лица. В “Плачах” говорится: “Их лик чернее угля”; также: “наша кожа была чернее печи”. Оба этих автора, по всей вероятности, имели в виду изменение цвета кожи, вызванное массовым голодом. Другой автор говорит: “Я черный, но симпатичный”. Возможно, это был пастух, и такое изменение могло быть вызвано долгим пребыванием на солнце.

Однако теперь у нас есть свидетельство того, кого мы ясно понимаем и которое имеет первостепенное значение для решения этого вопроса. Иеремия спрашивает: “Может ли эфиоп изменить свою кожу или леопард - свои пятна?” Это относится к народу, цвет кожи которого своеобразен, фиксирован и неизменяем. Действительно, Иеремия, по-видимому, был так же доволен тем, что эфиоп был цветным, как и тем, что у леопарда были пятна; и что одно было таким же несмываемым, как и другое. В немецком переводе Лютера “Негритянская земля” означает Эфиопию, *то есть* страну черных.

Вся достоверная история подтверждает веру в то, что эфиопы произошли от Куша, старшего сына Хама, который первым поселился в Шине в Азии. Евсевий сообщает нам, что колония азиатских кушитов обосновалась в той части Африки, которая с тех пор известна как собственно Эфиопия. Иосиф Флавий утверждает, что эти эфиопы были потомками Куша и что в его время они сами и жители Азии все еще называли их кушитами. Гомер делит эфиопию на две части, а Страбон, географ, утверждает, что разделительной линией, на которую он ссылался, было Красное море. Кушиты частично эмигрировали к западу от Красного моря; они, оставаясь несмешанными с другими расами, получили общее название кушитов, или эфиопов, в то время как азиатские кушиты в значительной степени смешались с другими народами и почти или совсем растворились, или, как отдельный народ, почти вымерли. Следовательно, из упоминания Иеремии о коже эфиопа, подтвержденного и объясненного такими авторитетами,

как Гомер, Страбон, Геродот, Иосиф Флавий и Евсевий, мы заключаем, что эфиопы были африканской ветвью кушитов, которые первыми поселились в Азии. *Ethiops* в переводе с греческого означает “загар”, и нет ни малейших сомнений в том, что эти люди в Мероэ и его окрестностях позаимствовали свой цвет кожи из-за климата. Эта теория несколько не противоречит теории общего происхождения человека. Хотя потомки Куша были чернокожими, из этого не следует, что все потомки Хама были темнокожими; но только те, кто поселился в климате, изменившем их цвет.

Слово Божье, переданное его слугой Павлом, навсегда решило вопрос о равном происхождении человеческих рас, и оно устоит вопреки всем научным исследованиям. “Бог сотворил из одной крови все народы человеческие, чтобы они жили по всему лицу земли”.

По конституции эфиопы не отличаются от остальной человеческой семьи, и поэтому мы должны настаивать на *наединстве*, хотя мы видим и признаем разнообразие.

Некоторые авторы пытались объяснить это различие в цвете кожи, связывая его с проклятием, произнесенным над Каином. Эта теория, однако, не имеет под собой никаких оснований; ибо если бы Каин был прародителем Ноя, и если бы новые особенности Каина были увековечены, то, поскольку Ной был отцом нового населения мира, вопрос был бы не в том, как объяснить, что кто-либо из человеческой семьи был черным, а в том, как мы можем объяснить, что кто-либо был белым? Все эти предположения относительно изменения цвета кожи Каина, как теория для объяснения разнообразия, свойственного Кушу и эфиопам, рушатся, когда мы прослеживаем генеалогию Ноя и обнаруживаем, что он произошел не от Каина, а от Сифа.

Конечно, потомки Каина, независимо от их цвета кожи, вымерли во время потопа. В Эфиопии не потребовалось никакого чуда, чтобы изменить цвет кожи ее жителей. Самого факта, что страна получила свое название от климата, должно быть достаточно, чтобы удовлетворить самых скептически настроенных людей. То, что было верно для эфиопов, было верно и для египтян в отношении цвета кожи; Геродот сообщает нам, что последние были цветными и имели завитые волосы.

Значительный рост населения Эфиопии и желание ее правителей завладеть большей территорией побудили их посылать экспедиции вниз по Нилу и к берегам Средиземного моря. Некоторые из этих искателей приключений еще в 885 году до нашей эры поселились на побережье Средиземного моря и основали место, которое впоследствии стало великим городом Карфагеном. Нехо, царь Египта, человек, отличавшийся предприимчивостью, отправил экспедицию (616 г. до н. э.) вокруг африканского побережья. Он нанял финикийских мореплавателей. Этот флот прошел по Красному морю, миновал Балель-Мандебский пролив и, обогнув Африканский континент, обнаружил проход вокруг мыса Доброй Надежды за две тысячи лет до его повторного открытия Диасом и Васко де Гамой. Эта экспедиция занималась исследованиями три года, и пока ее не было, у нее кончилась еда, она приземлилась, посадила кукурузу и дождалась урожая. После сбора урожая зерна они продолжили свое путешествие. Флот вернулся в Египет через Атлантический океан, Гибралтарский пролив и Средиземное море.

Восторженные рассказы вернувшихся мореплавателей об изобилии фруктов, овощей и великолепии климата новой страны разожгли в эфиопах огонь авантюрного энтузиазма, и вскоре они последовали примеру египтян. С тех пор через Суэцкий перешеек, этот большой

путь в Африку, текли потоки эмигрантов, которые стали постоянными жителями земли обетованной.

СНОСКИ:

[1] 2 Хроника. xiv: 8-13.

[2] Хокинс в своей работе о Мероэ отождествляет Тирхаку со священником Сетосом, на основании, как нам кажется, неубедительного.

[3] 2 Царств, xvii: 4.

[4] 2 Царств, xix: 9.

[5] Ирод. iii: 114.

[6] Ирод iii: 21.

[7] Илиада II: 423.

[8] XXIII Илиада.

[9] Хроника. xiv: 9; xvi: 8; Исаия xlv: 14; Иеремия xlv: 9; Иосиф Флавий Авт. II; Херен, том I: стр. 290.

[10] Э. Х. Сирс в "Christian Examiner", июль 1846г.

[11] Josephus Ant., Vol. I: стр. 8.

ГЛАВА II. КАРФАГЕНЯНЕ.

Хотя в истории утверждается, что Карфаген был заселен финикийцами, или эмигрантами из Тира, это ни в коем случае не установленный факт; ибо, когда Дидона бежала от своего надменного и деспотичного брата Пигмалиона, правителя Тира, и плыла вниз по Нилу в поисках убежища, она остановилась в Карфагене, тогда незначительном поселении на полуострове внутри большого залива, ныне называемого Тунисским, на северном берегу Африки (это было в 880 году до н. э.), население которого составляло в основном из бедных людей, большая часть которых была выходцами из Эфиопии и прилегающих стран. Многие преступники, убийцы, разбойники с большой дороги и пираты нашли убежище в новом поселении. Состоящие из представителей всех мыслимых слоев общества, почти не утратившие характера, карфагеняне с радостью приветствовали Дидону, происходившую из царского дома Тира, и сделали ее главой своего правительства. Народ стал законопослушным, и принятая им конституция рассматривалась древними как образец политической мудрости. Аристотель высоко оценивает его как образец для других государств. Он сообщает нам, что на протяжении пяти столетий, то есть с момента основания республики до его времени, ни один тиран не посягал на государственные свободы, и ни один демагог не подстрекал народ к восстанию. Благодаря мудрости своих законов Карфаген смог избежать противоположных зол - аристократии, с одной стороны, и демократии - с другой. Знать не поглощала всю власть, как это было в Спарте,

Коринфе и Риме, а в более современные времена - в Венеции; народ также не проявлял мятежного духа афинской толпы или свирепой жестокости римского сброда.

После трагической гибели принцессы Дидоны главой правительства стали *суфеты*, два главных магистрата, чем-то напоминающих римских консулов, которые председательствовали в сенате и чья власть распространялась как на военные, так и на гражданские дела. Эти офицеры, по-видимому, были всецело преданы делу блага государства и благополучия людей.

Вторым был сам сенат, состоящий из выдающихся деятелей государства. Этот орган издавал законы, объявлял войну, вел переговоры о мире и назначал на все должности, гражданские и военные. Третье сословие было все еще более популярно. В период зарождения и зрелости республики народ не принимал активного участия в управлении государством; но в более поздний период, под влиянием богатства и процветания, он выдвинул свои претензии на власть и вскоре получил почти всю полноту власти. Они учредили совет, призванный обуздать знать и сенат. Этот совет поначалу был очень полезен государству, но впоследствии сам стал тираническим.

Карфагеняне были предприимчивым народом, и со временем построили корабли, и с их помощью исследовали все порты Средиземного моря, посещая страны на побережье, покупая их товары и продавая их другим. Их мореплаватели добрались до берегов Гвинеи и даже продвинулись дальше устьев Сенегала и Гамбии. Карфагеняне перенесли свою торговлю в Испанию, захватили часть этой страны, содержащую рудники, богатые золотом, и построили на ней город, который они называли Новым Карфагеном и который по сей день известен как Карфагиния.

Вскоре Средиземное море было покрыто их флотами, причем в то время, когда Рим не мог похвастаться ни одним судном, а его граждане были совершенно неосведомлены о форме корабля. Карфагеняне завоевали Сардинию и большую часть Сицилии. Их мощный флот и обширные завоевания дали им суверенное господство на морях.

В то время как Карфаген владел владычеством на морях, на противоположном берегу Средиземного моря, на расстоянии около семисот миль, росло конкурирующее государство, от рук которого ему было суждено пасть. Это был Рим, основание которого началось через сто лет после основания Карфагена. Эти две могущественные нации вели войны друг против друга, которые длились почти двести лет. В этих конфликтах карфагеняне проявили большую храбрость.

В первой Пунической войне поражение и пленение римского полководца Регула карфагенянами и их союзниками, греками, унизило римлян и на какое-то время дало первым большое преимущество перед вторыми. Однако война, длившаяся двадцать четыре года, завершилась каким-то соглашением, которое, в конце концов, было выгодно римлянам. Завершение первой Пунической войны (249 г. до н.э.) не удовлетворило более республиканскую часть правящих кругов карфагенян, и особенно Гамилькара, отца Ганнибала, который в то время занимал очень видное положение как благодаря своему рангу, богатству и высоким семейным связям в Карфагене, так и из-за большой военной энергии, которую он проявил, командуя армиями за границей. Гамилькар вел войны, которые карфагеняне вели в Африке и Испании после завершения войны с римлянами, и ему не терпелось снова начать

военные действия с римлянами. Покидая Карфаген в последний раз, чтобы присоединиться к своей армии в Испании, Гамилькар взял своего сына Ганнибала, тогда девятилетнего мальчика, и заставил его поклясться на алтаре своей страны в вечной ненависти к римлянам, клятву, которую он сдерживал до дня своей смерти.

Когда Ганнибалу еще не исполнилось двадцати лет, он был назначен заместителем командующего армией, затем в Испании, где он сразу привлек всеобщее внимание и восхищение своей простотой, воздержанием от крепких напитков и джентльменским обращением, которое он оказывал солдатам, а также своим товарищам-офицерам.

Он спал в своем военном плаще на земле, среди своих солдат, стоявших на страже; и в битве он всегда последним покидал поле боя после боя, так как он был первым, кто продвигался вперед в каждом сражении с врагом. Смерть Гасдрубала поставила Ганнибала во главе армии, и, унаследовав ненависть своего отца к Риму, он решил отомстить своему давнему врагу и сразу же вторгся в римские владения в Испании и осадил город Сагунт, который после героического сопротивления сдался его победоносному оружию. Так началась вторая Пуническая война, в ходе которой Ганнибалу предстояло продемонстрировать миру свой полководческий гений.

Оставив большие силы в Африке, а также в Испании для защиты этих пунктов, Ганнибал весной 218 года до н.э. выступил с большой армией для осуществления своего плана против Рима.

Его курс лежал вдоль Средиземного моря; все расстояние до Рима составляло около тысячи миль по сухопутному маршруту, который он рассматривал. Пересекая Испанию, он добрался до Пиренеев, горной гряды, отделяющей эту страну от Галлии, ныне Франции. Здесь на него напали дикие племена отважных варваров, но он легко отбросил их назад. Он пересек Пиренеи, пересек Галлию и, наконец, добрался до Альп, которые воздвигли свои угрюмые зубчатые стены, воздвигнув грозное препятствие между ним и целью его экспедиции.

Ни один воин тогда не пересекал эти заснеженные вершины с такой армией; и никто, кроме человека такой степени решимости и уверенности в себе, которого невозможно было сбить с толку, не отважился бы на это страшное предприятие. Действительно, мы с изумлением вспоминаем переход Ганнибала через Альпы; этот великий и отважный подвиг превосходит по масштабам все, что когда-либо предпринимал человек. Гордость французских историков часто заставляла их сравнивать переход Наполеона по Великому Сенбернару с переходом Ганнибала через Альпы; но, не умаляя заслуженной славы французского императора, можно с уверенностью утверждать, что его достижения не идут ни в какое сравнение с карфагенским героем. Когда Наполеон начал восхождение на Альпы из Мартиньи, расположенного на берегах Роны и выше Женевского озера, он обнаружил, что горный проход расчищен непрерывным переходом в течение двух тысяч лет. Дорога, неприступная для экипажей, была очень удобна для всадников и пеших пассажиров, и по ней в любое время года проезжало огромное количество тех и других.

Уютные деревни на подъеме и спуске позволяли усталым солдатам легко устраиваться днем и ночью; обильные запасы монахов на вершине и предусмотрительность французских генералов обеспечили едой каждого человека и лошадь, которые проходили мимо. Никакие вражеские войска не препятствовали их переходу; орудия были втащены на санях, сделанных из выдолбленных елей; и через четыре дня после того, как французские войска начали подъем от берегов Роны, французские войска, не потеряв ни одного человека, стояли на реке Дориа-

Балтеа, прибывающие воды которой текли к По, среди садов и виноградников, под солнцем Италии. Но ситуация была совсем иной, когда Ганнибал переправился с берегов Дюранса на берега По.

Склоны гор, которые еще не были расчищены веками кропотливой промышленности, представляли собой сплошной лес, изрезанный в каждой ложбинке стремительными альпийскими потоками. Не было мостов, чтобы пересечь постоянно возникающие препятствия; провизии, которой всегда было мало в этих высокогорных пустынях, тогда нигде нельзя было найти, так как туземцы ее спрятали, и мощная армия горцев заняла вход в ущелья, с отчаянной доблестью защищала ворота своей страны, а когда ее рассеяли превосходящие по дисциплине и вооружению солдаты Ганнибала, все еще осаждала горные хребты вокруг их марша и преследовала его войска постоянной враждебностью. Когда лесистая местность была пройдена, и авангард вышел на открытые горные пастбища, которые вели к краю вечных снегов, их ждали новые трудности.

Дерн из-за соскальзывания свежеевыпавшего снега на этих крутых склонах был таким скользким, что люди часто едва могли удержаться на ногах; вьючные животные теряли опору на каждом шагу и в большом количестве скатывались в пропасть вниз; слоны стали беспокойными среди лишений и климата, к которому они были совершенно непривычны; а силы солдат, измотанных непрерывными маршами и сражениями, начали падать от продолжающегося тяжелого подъема. Ужасы, грозные для всех, но особенно страшные для африканских солдат, ожидали их на вершине.

Был конец октября; зима во всей своей суровости уже воцарилась в этих высоких пустынях; склоны гор, безмолвные и меланхоличные даже в разгар лета, когда они были покрыты цветами и усеяны стайками птиц, представляли собой тогда сплошной снежный покров; озера, разбросанные по ровной долине у их подножий, были замерзшими и неотличимыми от остального унылого пространства, а со всех сторон возвышалась бескрайняя масса снежных вершин, представлявшая собой, по-видимому, непреодолимую преграду для их дальнейшего продвижения. Но именно тогда гений Ганнибала засиял во всем своем блеске.

“Великий полководец, - говорит Арнольд, - который чувствовал, что теперь он победоносно стоит на крепостных валах Италии и что поток, который катился перед ним, несет свои воды на богатые равнины цизальпинской Галлии, старался зажечь в своих солдатах свой собственный дух надежды. Он собрал их вместе; он указал им на долину внизу, спуск в которую казался делом одного мгновения.

“Эта долина, “ сказал он, - Италия; она ведет в страну наших друзей, галлов, а вон там наш путь в Рим”. Его глаза были жадно прикованы к этой части горизонта, и по мере того, как он вглядывался, расстояние, казалось, исчезало, пока ему почти не почудилось, что он пересекает Тибр и штурмует столицу. Трудности перехода и спуска на другой берег были таковы, что Ганнибал потерял тридцать три тысячи человек с того момента, как он вступил в Пиренеи, до достижения равнин Северной Италии, и он прибыл на реку По всего с двенадцатью тысячами африканцев, восемью тысячами испанской пехоты и шестью тысячами всадников.

Затем последовали те великолепные сражения с римлянами, которые повергли в ужас их столицу и вознесли великого полководца на высочайшую вершину в нише военной славы.

Поражение Сципиона в битве при Тицине, полный разгром Семпрония, поражение Фламиния, поражение Фабия и битва при Каннах, в последней из которых у римлян было семьдесят шесть тысяч пехотинцев, восемь тысяч всадников и множество колесниц, а у Ганнибала было всего тридцать тысяч солдат, и где поражение было настолько полным, что с пальцев мертвых римлян были сняты бушели золотых колец и отправлены в качестве трофеев в Карфаген, являются вопросами история и когда-либо даст Ганнибалу самое высокое положение в иерархии древних военачальников. Ганнибал пересек Альпы за двести семнадцать лет до христианской эры и оставался в Италии шестнадцать лет. Наконец, Сципион, римский полководец, носивший то же имя, что и тот, кого Ганнибал разбил при Тицине, завершил войну в Испании, переправил свои войска через Средиземное море; таким образом, “перенеся войну в Африку” и породив выражение, которое все еще в моде и знаменует эффективное возмездие. С помощью Масиниссы, могущественного принца Нумидии, ныне Марокко, он одержал две победы над карфагенянами, которые были вынуждены отозвать Ганнибала из Италии, чтобы защитить свою землю от совместных атак римлян и нумидийцев.

Он высадился в Лептисе и продвинулся вперед близ Замы, в пяти днях пути к западу от Карфагена. Здесь он встретился с римскими войсками, и здесь впервые потерпел полное поражение. Потери карфагенян были огромны, и они были вынуждены просить мира. Это было предоставлено Сципионом, но на унижительных условиях.

Ганнибал все равно оказал бы сопротивление, но его соотечественники вынудили его подчиниться. Так закончилась вторая пуническая война (200 г. до н. э.), продолжавшаяся около восемнадцати лет.

В результате этой войны с римлянами карфагеняне потеряли большую часть своих колоний и в какой-то степени стали римской провинцией. Несмотря на свои недавние неудачи, Ганнибал вошел в карфагенский сенат и продолжал руководить государством, исправляя злоупотребления, которые проникли в управление финансами и отправление правосудия. Но эти разумные реформы вызвали вражду мятежной знати, которой до сих пор разрешалось наживаться на общественной добыче; они объединились со старыми соперниками из рода Барканов, признанным главой которого теперь был Ганнибал, и даже опустились до того, что стали шпионами римлян, которые все еще опасались способностей великого полководца.

Вследствие их козней старый герой был вынужден бежать из страны, которой он так долго трудился, чтобы служить; и после нескольких превратностей судьбы умер от яда, спасаясь от подлых и злобных преследований римлян, ненависть которых преследовала его в изгнании и вынудила царя Вифинии отказать ему в защите. Курган, отмечающий место его последнего упокоения, до сих пор является замечательным объектом.

Ганнибал, как и остальные карфагеняне, хотя и не был таким черным, как нынешнее население Африки, тем не менее, был цветным; не отличался цветом лица от древних эфиопов и имел вьющиеся волосы. У нас мало сведений об этом замечательном человеке, кроме как от его врагов, римлян, и ничего от них, кроме его общественной карьеры. Какими бы предвзятыми ни были эти источники свидетельств, они все равно выставляют его одним из самых выдающихся людей, которые когда-либо жили.

Многие события его жизни напоминают нам карьеру Наполеона. Как и он, он пересек Альпы с великой армией; как и он, он неоднократно одерживал победы над дисциплинированными и

могущественными силами Италии; как и он, он, наконец, был разбит в великой битве; как и он, он был государственным деятелем, а также генералом; как и он, он был кумиром армии; как и он, он, наконец, был изгнан из своей страны и умер в изгнании.^[12] Тем не менее, ни одно из достижений Наполеона не было равным достижениям Ганнибала при переходе через Альпы, если учесть трудности, с которыми ему пришлось столкнуться; и ничто в полководческом мастерстве не превзошло способности, которую он продемонстрировал, поддерживая себя и свою армию в течение шестнадцати лет в Италии, перед лицом Рима и не обращаясь за помощью к своей собственной стране.

Теперь мы переходим к разрушению Карфагена и рассеянию его жителей. Прошло пятьдесят лет с тех пор, как Ганнибал со своими победоносными легионами стоял у ворот Рима; территория Карфагена значительно сократилась, в армии произошло много изменений, Ганнибал и его генералы были мертвы, а римская армия под командованием Сципиона, разгоряченная победой и жаждущая добычи, стояла у ворот Карфагена.

В течение полувека карфагеняне добросовестно соблюдали все свои унижительные договоры с римлянами; терпеливо сносили оскорбления и высокомерие Масиниссы, нумидийского царя, чьи притязания на Карфаген всегда поддерживались сильной рукой Рима; наконец, однако, между Карфагеном и Нумидией возникли серьезные разногласия, для разрешения которых римский сенат направил уполномоченных посетить противоборствующие стороны и доложить о них.

К несчастью для карфагенян, одним из этих уполномоченных был Катон старший, который долгое время питал решительную ненависть к Карфагену. В самом деле, за последние двадцать лет он едва ли произносил речь, не завершив ее словами: *“Дела Карфагена”*. — Карфаген должен быть разрушен. Воодушевленный этим духом, легко можно представить, что Катон использовал бы все свое влияние против карфагенян во всем, что касалось их интересов.

Осматривая великий город, Катон был поражен его великолепием и сохранившимся богатством, что укрепило его во мнении, что окончательный успех Рима зависит от разрушения Карфагена; и он приложил все усилия, чтобы добиться этого результата.

Сципион потребовал, чтобы Карфаген сдал все свое военное снаряжение в знак подчинения, и это требование было выполнено; а также содержимое их складов, состоящих из двухсот тысяч полных доспехов, двух тысяч катапульт и огромного количества копий, мечей, луков и стрел. Разоружившись, они ждали окончательного приговора. Следующим требованием было предоставление военно-морского флота; это тоже было выполнено. Затем было объявлено, что город будет стерт с лица земли, жителей отправят на жительство в другое место и что имя карфагенян будет стерто с лица земли. Как раз в это время военно-морской флот, самый большой в мире, состоящий из кораблей огромной прочности и красоты, был подожжен, пламя которого с ужасающим эффектом осветило побережье на сорок миль вокруг.

Уничтожение этого флота, военно-морского накопления пяти столетий, было тяжелым ударом по гордости покоренных карфагенян, и, черпая мужество в отчаянии, они закрыли ворота города и решили сражаться до последнего.

Как и во всех содружествах, в Карфагене были две политические партии, борющиеся за господство: одна, республиканская, преданная свободе народа и благосостоянию государства; другая, консервативная по своему характеру и выступающая за римское правление. Именно эта последняя партия разоружила государство по приказу римских захватчиков; и теперь, когда народ восстал, консерваторы, которые могли, бежали из города, спасаясь от негодования масс.

Соппротивление безоружных и окруженных сотысячной армией казалось безумием; и все же они сопротивлялись с героизмом, который удивил и завоевал уважение их жестокосердных победителей.

Было сделано все, чтобы возместить ущерб, уже нанесенный в результате сдачи их военно-морского флота и военного снаряжения. Тротуары улиц были разорваны, дома разрушены, а статуи разбиты на куски, чтобы добыть камни для оружия, которое приносили на крепостные валы для защиты. Все, кто мог работать в кузнице, были заняты изготовлением мечей, наконечников копий, пик и такого другого оружия, которое можно было изготовить с величайшей легкостью и быстротой. Они использовали все железо и медь, которые только можно было достать, затем переплавляли вазы, статуи и драгоценные металлы, а наконечники своих копий делали из серебра и золота меньшей толщины.

Когда запасы пеньки и бечевки для изготовления снастей для их луков иссякли, молодые девушки обрезают свои волосы, скрутили и заплели из них веревки, чтобы использовать их как тетивы для метания стрел, которые делали их мужья и братья. Ничто в истории войн, ни древних, ни современных, не может сравниться с этой, последней битвой карфагенян. Начатая таким образом осада продолжалась более двух лет; люди, доведенные до последнего пределачеловеческой выносливости, поднялись на безнадежное сопротивление в каком-то исступлении отчаяния и сражались с отвагой и отчаянием, которые вынудили римлян послать домой за новыми войсками.

Представьте себе город, окруженный стеной, тридцать миль в окружности, с населением в семьсот пятьдесят тысяч душ, мужчин, женщин и детей, живущих на скудной пище, которым угрожает голодная смерть, и окруженный больными, умирающими и мертвецами!

Даже в этих условиях карфагеняне были настолько героичны, что дали отпор римлянам, послали брандеры против флота захватчиков, сожгли их суда и уничтожили бы римскую армию, если бы не мастерство Сципиона, которому удалось прикрыть отступление римских легионов отрядом кавалерии.

По прибытии свежих войск из Рима осада была возобновлена, и после трехлетней войны голод сократил население до немногим более пятидесяти тысяч человек.

Подавляющей армии Сципиона, наконец, удалось прорваться через ворота и проникнуть в город; противоборствующие силы сражались от улицы к улице, карфагеняне отступали по мере продвижения римлян. Одна группа вражеских солдат взобралась на крыши домов, крыши которых были плоскими, и пробилась туда с боем, в то время как другая колонна двинулась в обход, чтобы отрезать отступление к цитадели. Никакое воображение не может представить себе грохот такого нападения на густонаселенный город — ужасную смесь громких команд офицеров и криков наступающего победоносного врага с криками ужаса перепуганных женщин и детей, и ужасных стонов и проклятий умирающих мужчин, обезумевших от неудовлетворенной мести и кусающих пыль в агонии отчаяния.^[13]

Более решительные солдаты во главе с карфагенским полководцем Гасдрубалом вместе со многими храбрыми гражданами обоего пола и несколькими римскими дезертирами овладели цитаделью, которая находилась в сильно укрепленной части города.

Римляне подошли к стенам этого укрепления и подожгли ту часть города, которая находилась ближе всего к нему; огонь горел шесть дней. Когда пожар возле цитадели прекратился, римские войска были отведены на территорию, таким образом, оставленную пустым пламенем, и сражение возобновилось.

Видя, что нет никакой надежды на успешное сопротивление врагу, Гасдрубал открыл ворота и сдался римлянам. Однако в цитадели был храм, способный вместить десять или пятнадцать тысяч человек; в нем укрылись многие храбрые мужчины и женщины; среди них были жена Гасдрубала и двое детей. Едва ворота храма были закрыты и надежно заперты на засов, как кто-то поджег здание изнутри. Наполовину задохнувшиеся от дыма и опаленные пламенем, эти люди вскоре забегали взад и вперед с самыми дикими криками; многие из них добрались до крыши, и среди них жена Гасдрубала.

Посмотрев вниз и увидев своего мужа, стоящего среди римских офицеров, она осыпала его упреками за то, что, по ее мнению, было его трусостью, зарезала своих детей, бросила их в огонь и прыгнула сама. Город был отдан на разграбление и подожжен. После семнадцатидневного горения этого великого города, образца красоты и великолепия, хранилища огромных богатств и одного из главных государств древнего мира, больше не было. Разрушение Карфагена, ранее решенное хладнокровно, после пятидесяти лет мира и без каких-либо новых провокаций со стороны незащитного народа, положившегося на великодушие своих соперников, было одним из самых жестокосердных актов римской политики. Продолжение "Истории Карфагена" представляет собой печальную и трогательную картину унижения и упадка гордого и могущественного государства.

Мероэ, главный город и источник эфиопов, уже быстро приходил в упадок, когда пал Карфаген, и с тех пор судьба этого народа, по-видимому, была направлена вниз. С падением Карфагена, поглощением его территории Римом и преобразованием ее в римскую провинцию Карфагенское государство прекратило свое существование. Из семисот пятидесяти тысяч душ, которые содержались в Карфагене в то время, когда римляне осадили город, только пятьдесят тысяч остались в живых после его падения. Большинство из них, ненавидя римское правление, направились в глубь Африки вслед за тысячами своих соотечественников, ушедших раньше.

После того, как Карфаген был разрушен, римляне сделали все, что было в их силах, чтобы стереть все следы истории этого знаменитого народа. Не видно никаких следов величия древнего Карфагена, за исключением нескольких руин акведуков и цистерн.

На языке Тассо:—

“Низко лежат ее башни, единственные остатки ее власти;

Ее пустынные берега хранят несколько печальных обломков;

Святыни, храмы, города, королевства, государства приходят в упадок;

Над урнами и триумфальной аркой простираются пустыни

Их пески, и львы рычат, и плющ ползет”.

СНОСКИ:

[12] “Знаменитые люди древности”, стр. 154.

[13] “История Ганнибала Эбботта”.

ГЛАВА III. ВОСТОЧНАЯ АФРИКА.

В пустыне между Нилом и Красным морем, среди горного хребта, идущего параллельно побережью, живут хадхаребе, абабдех и бишари, три очень древних племени, современные представители эфиопов из Мероз. Язык этих людей, их черты, столь отличные от арабов, и гвинейских негров, вместе с их архитектурой, убедительно доказывают, что они произошли от Эфиопии; самым многочисленным и могущественным из этих племен является бишари.

Покидая берега Средиземного моря и проходя к югу от Абиссинии, вдоль побережья Африки и простираясь далеко вглубь страны по богатым горным равнинам, находится резиденция так называемых “народов галла”. Это кочевые племена, огромные по численности, неопределимые по протяженности территории, полные огня и энергии, богатые стадами, темнокожие, с густыми волосами и толстыми губами.

Продвигаясь дальше на запад, в ту обширную область, которая лежит между Лунными горами и Великой пустыней, простирающейся через Центральную Африку даже до западного побережья, мы попадаем в то, что более уместно назвать “землей негров”.

Это обширная область, изобилующая достижениями цивилизации. Здесь расположены крупные города, в которых проживает от десяти до тридцати тысяч человек. Перед нами великая семья народов, некоторые из которых только что вышли из состояния варварства, некоторые сформировались в процветающие сообщества, сохранившие формы социальной справедливости и более просвещенного культа, занимающиеся сельским хозяйством и демонстрирующие приятные результаты мирной и производительной промышленности.

Парк Мунго дает блестящий отчет о Сего, столице Бамбувы, городе с населением тридцать тысяч человек, с его двухэтажными домами, мечетями, которые можно увидеть в каждом квартале, паромы, перевозящими людей и лошадей через Нигер. “Вид этого обширного города, - говорит он, - многочисленные каноэ на реке, многолюдное население и возделанная местность вокруг представляли собой в целом картину цивилизации и великолепия, которые я никак не ожидал найти в недрах Африки”.

Дальше на восток он нашел большой и цветущий город под названием Каффа, расположенный посреди страны, такой красивой и высоко возделанной, что она напомнила ему Англию. Люди в этом месте были светло-коричневыми, темно-коричневыми и тускло-черными, что, по-видимому, свидетельствовало о влиянии климата на их предков.

Лунные горы, заканчивающиеся вдоль западного побережья Африки, переходят в череду горных равнин. Они представляют собой три возвышенных фасада, обращенных к морю, каждый из которых окружен террасами, постепенно переходящими в низменности, по каждому из которых пронизаны питательные ручьи и овеваются океанским бризом.

Самое северное из этих плато, с их склонами и равнинами, образует восхитительную землю одного из самых могущественных и умных африканских племен, а именно мандинго. Они состоят из проникательных торговцев и трудолюбивых земледельцев; добрые, гостеприимные, предприимчивые, с великодушным нравом, открытыми и мягкими манерами. Недалеко от мандинго живут люди по имени Солофс, которых Парк описывает как “самых красивых и в то же время самых черных людей в Африке”.

Но, возможно, самым замечательным народом среди этих народов являются “фулы”, родиной которых является южная часть описанных выше плато. Здесь, в своей высокой независимости, они возделывают землю, живут в “чистых и удобных жилищах”, пасут многочисленные отары овец и коз, стада быков и лошадей, строят мечети для поклонения единому Богу и открывают школы для обучения своих детей.

Тимбри, их столица, представляет собой военную базу с девятью тысячами жителей, откуда их победоносные армии выступили вперед и покорили окружающую страну. Они успешно занимаются механическим искусством, куят железо и серебро, выделывают ткани и искусно работают кожей и деревом. Подобно англосаксам, их столица была ульем, из которого вырастали колонии для образования новых поселений и развития промышленного искусства; и хорошо известно, что “феллаты”, предприимчивый народ, живущий на тысячу миль в глубине страны, принадлежат к тому же роду.

В этом обширном центральном регионе есть много других наций, или, скорее, племен, более или менее подробно описанных Притчардом, по-разному развитых в искусстве жизни и проявляющих различную степень предприимчивости и энергии.

Двигаясь вдоль западного побережья на юг, мы затем прибываем к побережью Гвинеи, где находим негров в наихудшем состоянии деградации. Сюда приезжает работорговец за своим жалким грузом, и отсюда были вывезены жертвы той ужасной торговли, которая снабжала невольничьи рынки западного мира. Демонизирующее влияние этого дорожного движения на характер местных жителей не поддается никакому описанию.

В горах и ущельях этой части Африки скрываются банды разбойников, которые всегда готовы схватить жен и детей соседних кланов и продать их торговцам. Каждый уголок страны был ареной грабежа и крови. Родители продают своих детей, а дети продают своих родителей. Таковы страсти, возбуждаемые христианским золотом, и таково состояние общества, вызванное контактом с христианскими нациями. Эти люди, униженные и бесчеловечные работорговцами, являются прародителями чернокожего населения Южных штатов Американского союза.

Тем не менее, мы должны заметить, что, хотя низший тип негритянского характера встречается на побережье Гвинеи и в прилегающем регионе, он деградировал неравномерно. Встречаются племена, значительно продвинувшиеся в цивилизации, черты и характеры которых напоминают те, что мы только что описали в центральном регионе.

Продвигаясь еще дальше на юг и пересекая черту, мы попадаем в южную Африку. Весь этот регион от экватора до Мыса Капская, за исключением готтентотов, насколько известно, населен так называемой “Великой южноафриканской расой”. Они представляют собой обширную семью наций, говорящих на диалектах одного и того же языка, что является неопровержимым доказательством, как говорит Притчард, “общего происхождения”.

В связи с ними есть один факт, представляющий всепоглощающий интерес; он заключается в том, что среди этих народов, а иногда и среди одного и того же племени, встречаются экземпляры низшего негритянского типа, а также экземпляры того же типа, возвышенные и преобразованные настолько, что они сильно приближаются к европейским форме и чертам лица. Между этими двумя существует всевозможное разнообразие, и вариации во многом зависят от морального состояния и физического окружения. На побережье человечество обычно опускается до своих низших форм и принимает самый отвратительный облик.

Продвигаясь вглубь страны и поднимаясь на плоскогорья, обычно появляются свидетельства решительного улучшения. Возможно, самые дикие из этих племен обитают на побережье Конго. Это каннибалы огромной свирепости и брутальности. Но на восточном побережье обитает народ, называемый кафирами, несколько племен населяют побережье, а несколько - горные равнины. Некоторые из этих племен, “чьи изящные формы и непринужденные позы напоминают путешественнику древние статуи”, населяют большие города, достигли больших успехов в промышленном искусстве, возделывают обширные поля сахара и табака, изготавливают различные виды столовых приборов и “строят свои дома из камня и украшают их колоннами и лепниной”.

Они проявляют прекрасные черты интеллектуального и морального облика. Вперемешку со своими суевериями у них есть некоторые возвышенные религиозные идеи; они верят в бессмертие души, в Высшее Существо, которое они называют “Прекрасным”, осуществляющее провидение над человечеством. Таковы народы Центральной и Южной Африки; и если мы можем полагаться на сообщения лучших путешественников, они предоставляют одни из лучших материалов, из которых можно построить процветающие государства и империи, какие только можно найти на лице земли.

Следующими идут готтентоты, включая бушменов, которые принадлежат к той же расе. По шкале человечности он, вероятно, опускается ниже жителей Гвинеи или Конго.

Готтентоты долгое время служили эталоном для сравнения с писателями-моралистами, с помощью которого можно было представить низшее состояние человека. Он обитает в пустыне, живет в пещерах, питается кореньями или сырым мясом, не имеет религиозных идей и считается европейцем слишком жалким существом, чтобы быть обращенным в раба. Как получилось, что он так деградировал?

Это вопрос, на который мы не часто получаем ответ, и на который необходимо ответить, к стыду христианской Европы. До того злого часа, когда христианский мореплаватель приблизился к мысу Доброй Надежды, готтентоты были “многочисленным народом, разделенным на множество племен под патриархальным правлением вождей и старейшин”.

У них были многочисленные стада, они жили в передвижных деревнях, были смелы в охоте, отважны на войне, но при этом мягки по характеру и склонностям; имели грубые представления о религии и вели пастушескую жизнь, подобную жизни древних кочевников сирийских равнин.

Одним словом, они были частью того потока эмиграции, о котором мы упоминали в предыдущей главе, и которые, очевидно, жили примерно так же, как на родине своих предков.

Кольбен, видевший готтентотов в дни их процветания, перечисляет восемнадцать племен этой расы. Европейские колонисты охотились на эти племена так, как они охотились бы на хищных зверей. Большинство из них они истребили и завладели их имуществом; остальных они ограбили и загнали в леса и пустыни, где их жалкие потомки живут как бродячие бушмены, представляя добрым христианам материал для самых поучительных исследований по “анатомии и этнологии”.

Существует огромная область, охватывающая большую часть внутренней Африки, две тысячи миль в длину и тысячу в ширину, почти равная всем Соединенным Штатам, по которой редко ступала нога кавказца. Он простирается под тропиками и, по мнению Гумбольдта, является одним из самых интересных и плодородных регионов на лице земли.

“Это должно быть, - говорит он, - высокое плоскогорье, поднимающееся в более прохладные слои атмосферы, сочетающее, следовательно, качества *огненной земли* Мексики с ее ‘безоблачными эфирами’, пышными склонами Анд и пасторальными равнинами Южной Азии. Это не может быть песчаная пустыня, хотя ее иногда обозначают как таковую на картах, потому что из нее в окружающие моря стекают огромные реки”.

Это долгое время была страна романтики, тайн и чудес, а также странных и дразнящих слухов. “Безупречные эфиопы” Гомера, любимцы богов, и замечательные макробийцы Геродота помещены Хереном на окраине этого региона, где они, скорее всего, были бы ответвлениями от его родительского племени. Эта страна защищена от европейцев силами, более мощными, чем постоянные армии.

Вокруг него простирается граница, на которой свирепствуют малярия, мор и смерть и на прорыв которой английское правительство в течение полувека тратило жизни и сокровища. В одной экспедиции за другой, отправлявшейся с острова Вознесения, девять белых мужчин из десяти стали жертвами “прекрасного, но ужасного климата”.

Тем не менее, более или менее внятные вести из внутренних районов проникали через этот пояс опасностей и смертей. Поскольку это страна тайн, следует иметь в виду, что во всем, что исходит от нее, существует сильная склонность к преувеличению. Нигер, одна из благороднейших рек, огибает эту неизвестную страну на несколько сотен миль, проникая через уже описанную среднюю часть Центральной Африки.

В “Колониал мэгэзин”, говоря об исследовании этой реки английскими экспедициями, говорится: “Они обнаружили, что вся эта местность отличается удивительным плодородием и красотой, изобилует золотом, слоновой костью и всевозможной тропической растительностью. Существуют сотни видов древесины, бесценных для окрашивания и сельскохозяйственных целей, которых нет в других частях света.

“Через него на протяжении сотен миль протекает река шириной от трех до шести миль, с чистой водой и непревзойденной глубиной, текущая со скоростью две-три мили в час, без камней, отмелей или коряг, препятствующих ее судоходству. Другие реки вливают в этот приток воды такого объема, что, должно быть, потребовались бы сотни миль, чтобы собрать их, но, похоже, они едва ли увеличивают его. По берегам этой реки разбросаны города, некоторые из которых,

по оценкам, насчитывают миллион жителей; и вся страна изобилует плотным населением. Далеко в глубине страны, в самом сердце этого континента, находится часть африканской расы, находящаяся на развитом уровне цивилизации”.

В 1816 году капитан английского военно-морского флота Такки совершил неудачную экспедицию вверх по Конго. В 1828 году мистер Оуэн с противоположного побережья попытался проникнуть в эту страну тайн и чудес с таким же результатом. Но чем дальше они продвигались, тем очевиднее улучшалось положение людей, и до них доходили слухи о могущественной и цивилизованной нации, находящейся еще дальше вглубь страны, страну которой они тщетно пытались исследовать.

В 1818 году Джон Кэмпбелл, агент Лондонского миссионерского общества, попытался достичь этой страны, отправившись от мыса на север; а еще позже капитан Александер возглавил экспедицию, преследующую ту же цель. Они нашли большие и густонаселенные города, расположенные в плодородной и высокоразвитой стране, но они не добрались до страны чудес и тайн, хотя до них доходили те же слухи о ее жителях. Автор "Вестминстер Ревью", который несколько лет прожил на западном побережье, дает интересное описание внутренних районов страны. Он говорит: —

“Среди некоторых племен существует такое состояние цивилизации, о котором до сих пор не подозревали те, кто судил только по тем рассказам, которые были даны о племенах, с которыми путешественники вступали в контакт. Их нельзя считать дикарями, поскольку они организовали поселки, прочные жилища, регулярно защищают свои города, занимаются сельским хозяйством и производством хлопчатобумажных тканей для одежды, которую они украшают красивыми красками местного производства, демонстрируют ремесленное мастерство в превращении железа и драгоценных металлов в предметы обихода и украшения”.

Но ни одному путешественнику африканская цивилизация не обязана больше, чем доктору Ливингстону. Двадцать шесть лет его жизни были потрачены на изучение этой страны и работу на благо ее народа. В августе 1849 года он открыл озеро Нгами, одно из самых красивых водных пространств в этой солнечной стране. Его открытие истока реки Замбези и ее притоков, водопада Виктория, залежей золота, серебра, железа и угля, а также его общение с людьми, которые никогда раньше не видели белого человека, заслуживают поздравлений друзьям человечества и возвышения человека во всем мире.

Вдоль берегов Замбези были найдены залежи розового и белого мрамора, по чистоте едва ли сравнимого с чем-либо подобным, когда-либо виденным в Европе. В своем описании местности, по которой протекает эта великолепная река, доктор Ливингстон говорит: “Когда мы поднялись на вершину внешней гряды холмов, нам открылся великолепный вид. На небольшом расстоянии под нами мы увидели Кафуэ, уходящую по покрытой лесом равнине к месту слияния, а по другую сторону Замбези, за ней, тянулась длинная гряда темных холмов.

Появилась линия перистых облаков, лежащая вдоль течения этой реки у их основания. На равнине под нами, слева от Кафуэ, было больше крупной дичи, чем где-либо еще, что я видел в Африке. Сотни буйволов и зебр паслись на открытых пространствах, и там стояли величественные слоны, которые величественно кормились, не двигая, по-видимому, ничем, кроме хобота. Я жалею, что у меня не было возможности сфотографировать сцену, которую так редко можно увидеть и которой суждено, по мере увеличения количества орудий, исчезнуть с

лица земли. Когда мы спустились, то обнаружили, что все животные на удивление ручные. Слоны стояли под деревьями, обмахиваясь своими большими ушами, как будто не видели нас”.

Пернатое племя многочисленно и красиво в этой части Африки. Доктор Ливингстон говорит: “Птицы тропиков, как правило, лишены певучести. Я определенно придерживался мнения, что это неприменимо ко многим частям Лонда. Здесь припев, или основная часть песни, была не намного меньше по объему, чем в Англии. Этим африканским птицам не хватает певучести; им не хватало только поэтов, которые воспевали бы их, как это было у нас со времен Аристофана”.

Говоря о фруктах, он говорит: “В этом квартале растет огромное количество дикого винограда; действительно, он в изобилии растет повсюду по берегам Замбези. Они очень хороши, и мне пришло в голову, что страна, в которой так обильно произрастают дикие лозы, могла бы быть подходящей для культивируемых видов. Мы обнаружили, что многие слоны питались фруктами под названием мокоронга. Это слива черного цвета с фиолетовым соком. Мы все ели его в больших количествах, так как находили вкусным”.

Исследуя Замбези, доктор Ливингстон посетил горячий источник Ньямборонда, расположенный в русле небольшой речушки под названием Ньяондо, что свидетельствует о том, что вулканическая деятельность еще не прекратилась. Из источника текла вода, достаточно горячая, чтобы приготовить рыбу, которая могла случайно попасть в него.

На протяжении всего своего долгого путешествия протяженностью более тысячи миль доктор Ливингстон изображает жителей, доброжелательно относящихся к чужакам, и большинство из них благосклонно относятся к цивилизации и искоренению работорговли, этого проклятия Африки.

Население этой огромной страны оценивается от пятидесяти до ста пятидесяти миллионов человек; но поскольку у нас нет определенных данных, на основе которых можно было бы рассчитать сколько-нибудь сколько-нибудь правильную оценку ее численности, трудно прийти к правильному заключению. И все же из всего, что мы можем узнать, я должен сделать вывод, что сто пятьдесят миллионов ближе всего к этому.

Недавние путешественники по Африке обнаружили руины, свидетельствующие о том, что первые поселенцы строили города, а затем покидали их в поисках более здоровых мест. В сентябре 1871 года южноафриканский исследователь Карл Маух посетил руины древнего и загадочного города в высокогорье между реками Замбези и Лимпопо, давно известного португальцам по рассказам местных жителей и расположенного на земле, которая из-за своего золота и слоновой кости долгое время была идентифицирована некоторыми авторитетами как Офир Священного Писания. Цимбао лежит примерно в широте. 20 градусов 14 секунд южной широты; длина. 31 градус 48 секунд Восточной долготы

Одна часть руин возвышается на гранитном холме относительной высоты около четырехсот футов; другая, разделенная небольшой долиной, лежит на несколько приподнятой террасе. Судя по изогнутой и зигзагообразной форме, все еще заметной в разрушенных стенах, покрывающих весь западный склон холма, они, несомненно, представляли собой некогда неприступную крепость. Все пространство густо заросло крапивой и кустарником, а несколько огромных деревьев переплели свои корни со зданиями.

Все без исключения стены, некоторые из которых все еще достигают тридцати футов в высоту, сложены из обтесанных гранитных камней, обычно размером с обычный кирпич, но строительный раствор при этом не использовался. Толщина стен там, где они выступают над землей, составляет десять футов, сужаясь к семи или восьми футам. Во многих местах из здания выступают монолитные пилястры длиной от восьми до десяти футов, украшенные ромбовидными линиями. Обычно они имеют восемь дюймов в ширину и три в толщину, вырезаны из твердого и плотного камня зеленовато-черного цвета и имеют металлическое кольцо.

Во время первого поспешного визита Мауч не смог найти никаких следов надписи, хотя резные изображения неизвестных символов упоминаются ранними португальскими авторами. Такие, однако, еще могут быть найдены, и таким образом будет получен ключ к разгадке возраста странного сооружения. Цимбао - это, по всей вероятности, древняя фабрика, построенная в очень далекой древности пришельцами на эту землю, чтобы внушать благоговейный страх диким жителям соседней страны и служить складом золота и слоновой кости, которые она дает. Ни одно туземное племя, живущее в глинобитных хижинах, никогда не смогло бы задуматься о его возведении.

ГЛАВА IV. ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ЦВЕТА.

Различные цвета кожи, наблюдаемые у туземцев Африки, где слияние с другими расами невозможно, вызвали много критики и немало озадачили этнологов. И все же нет ничего легче объяснимого, чем эта разница в цвете кожи у одних и тех же людей и даже при одинаковых обстоятельствах. Климат, и только климат, является единственной причиной.

А теперь перейдем к доказательству. Приводятся примеры, когда особи, перенесенные в климат, отличный от того, в котором они родились, как говорят, сохранили свои особенности формы и окраски без изменений и передавали их своим потомкам на протяжении многих поколений. Но случаи такого рода, хотя часто и до некоторой степени обоснованные, по-видимому, были сильнопреувеличены как в отношении продолжительности приписываемого времени, так и в отношении отсутствия каких-либо изменений. Весьма вероятно, что первоначальные характеристики будут постепенно модифицироваться, что приведет к их ассимиляции с характеристиками новой страны и ситуации.

Евреи, как бы мало их черты ни ассимилировались с чертами других народов, среди которых они рассеяны, по уже указанным причинам, безусловно, представляют собой очень яркий пример в том, что касается неопределенности постоянства цвета кожи.

Происходящий из одного племени и запрещенный самыми священными институтами от смешанных браков с представителями других наций, и все же рассеянный, согласно божественному предсказанию, по всем странам земного шара, этот единый народ отмечен всеми цветами: светлыми в Британии и Германии; коричневыми во Франции и Турции; смуглыми в Португалии и Испании; оливковыми в Сирии и Халдее; рыжевато-коричневыми или медно-коричневыми в Аравии и Египте; [14] пока они “черные в Конго, в Африке”. [15]

Давайте рассмотрим градации цвета на самом африканском континенте. Жители севера самые белые; и по мере продвижения на юг, к линии, и к тем странам, на которые солнечные лучи падают более перпендикулярно, цвет лица постепенно приобретает более темный оттенок. И те же самые люди, чей цвет стал черным под сильным влиянием солнца, если они удаляются на север, постепенно становятся белее (я имею в виду их потомство) и в конце концов теряют свой темный цвет.[16]

Португальцам, которые обосновались на побережье Африки несколько столетий назад, наследовали потомки, более черные, чем многие африканцы.[17] На побережье Малабара есть две еврейские колонии, старая и новая, разделенные по цвету кожи и известные как “черные евреи” и “белые евреи”. Старая колония - черные евреи, и они дольше подвергались влиянию климата. Волосы черных евреев вьющиеся, что придает им сходство с неграми. Белые евреи такие же темные, как цыгане, и с каждым поколением становятся все темнее.

Доктор Ливингстон говорит: “Я был поражен внешним видом людей в Лонде и по соседству; они казались более стройными, а их цвет был светлее оливкового, чем у кого—либо из тех, кого мы встречали до сих пор”.[18]

Ниже по течению Замбези тот же автор говорит: “Большинство мужчин мускулисты, у них большие руки пахаря. Их цвет - та же смесь, от очень темного до светло-оливкового, которую мы видели в Лонде”.[19]

В 1840 году писатель был в Гаване и увидел на борту судна, только что прибывшего из Африки, около пятисот рабов, захваченных в разных частях страны. Среди этих пленников были люди разного цвета кожи от светло-коричневого до черного, и их черты лица выдавали лучших англосаксов и самых деградировавших африканцев.

Есть народ, называемый туарикс, который населяет оазисы и южные границы великой пустыни, чье занятие - торговля, и чьи караваны курсируют между странами негров и Феццаном. Они описаны путешественниками Хорнеманом и Лайоном.

Западные племена этой страны белые, насколько позволяют климат и их привычки. Другие имеют желтый оттенок; третьи, опять же, смуглые; а в окрестностях Судана, говорят, есть племя, полностью черное. Все говорят на одном диалекте, и это диалект исконного африканского языка. Нет никаких разумных сомнений в том, что они аборигены.

Лайон говорит, что это самая прекрасная раса мужчин, которую он когда-либо видел: “высокие, стройные и красивые, с определенной аурой независимости и гордости, что очень импозантно”.[20] Если мы понаблюдаем за градациями цвета в разных местах меридиана, под которым мы живем, мы почувствуем очень тесную связь с солнечным теплом в каждом из них соответственно. Ниже экватора мы видим темно-черный цвет негров, затем медный или оливковый цвет мавров Северной Африки; затем испанцы и итальянцы более смуглые по сравнению с другими европейцами; французы еще темнее англичан, в то время как светлый и румяный цвет лица Англии и Германии переходит севернее в выбеленный скандинавский белый.[21]

Хорошо известно, что в каком бы регионе путешественники ни поднимались в горы, они обнаруживают, что растительность на каждом последующем уровне меняет свой характер и постепенно приобретает вид, присущий более северным странам; это указывает на то, что

атмосфера, температура и физические факторы в целом ассимилируются, по мере приближения к альпийским регионам, с местными особенностями, связанными с высокими широтами.

Следовательно, если цвет лица и другие телесные качества, принадлежащие человеческим расам, зависят от климата и внешних условий, мы должны ожидать, что они изменяются в зависимости от высоты поверхности; и если будет обнаружено, что они действительно претерпевают такие изменения, это будет веским аргументом в пользу того, что эти внешние характеристики действительно зависят от местных условий.

Теперь, если мы поинтересуемся физическими особенностями племен, населяющих высокогорные районы теплых стран, мы обнаружим, что они совпадают с теми, которые преобладают в равнинных или низменных частях более северных районов.

У швейцарцев, живущих в высоких горах над равнинами Ломбардии, волосы песочного или каштанового цвета. Какой контраст предстает перед путешественником, спускающимся на территорию Милана, где у крестьян черные волосы и глаза, с ярко выраженными итальянскими и почти восточными чертами лица.

В высокогорной части Бискайи, вместо смуглого цвета лица и черных волос кастильцев, туземцы имеют светлый цвет лица, светло-голубые глаза и льняные или каштановые волосы.^[22]

В межтропическом регионе высокие возвышенности поверхности, поскольку они создают более прохладный климат, способствуют появлению светлого цвета лица. В более высоких частях Сенегамбии, которые выходят на Атлантический океан и охлаждаются ветрами с Западного океана, где, как известно, температура умеренная, а временами даже прохладная, встречаются светло-медного цвета фулахи, окруженные со всех сторон чернокожими народами, населяющими более низкие районы; и почти на той же параллели, но на противоположном побережье Африки, находятся высокогорные равнины Энаред и Каффа, жители которых, как говорят, более светлые, чем жители Южной Европы.^[23]

Нужны ли нам какие-либо лучшие доказательства влияния климата на человека, чем свидетельствовать о его воздействии на зверей и птиц? Эолийский сообщает нам, что Эвбея славилась производством белых быков.^[24] Блюменбах отмечает, что “все свиньи Пьемонта черные, свиньи Нормандии белые, а свиньи Баварии красновато-коричневого цвета. Индюшки в Нормандии, - утверждает он, - все черные; индюшки в Ганновере почти все белые. В Гвинее собаки и галлинистые птицы такие же черные, как и люди, обитающие в той же стране”.^[25]

Отсутствие окраски в северных регионах у многих животных, обладающих окраской в более умеренных широтах, таких как медведь, лиса, заяц, вьючные животные, сокол, ворона, галка и зяблик, — по-видимому, полностью обусловлено климатом. Обыкновенный медведь в разных регионах окрашен по-разному. В Африке собака полностью теряет шерсть и у нее гладкая кожа.

Мы все видим и признаем перемену, которую несколько лет производят в цвете лица кавказца, переезжающего из наших северных широт в тропики.

СНОСКИ:

^[14] Смит о “Цвете лица человеческого вида”.

- [15] Притчард.
- [16] “Дань уважения негру”, стр. 59.
- [17] Учебник Пеннингтона, стр. 96.
- [18] “Путешествия Ливингстона”, стр. 296.
- [19] Там же, стр. 364.
- [20] Хирен, Том I., стр. 297.
- [21] “Северная Америка” Мюррея.
- [22] Притчард.
- [23] Там же.
- [24] Эолийский, библиотека xii, глава 36.
- [25] Притчард.
-

ГЛАВА V. ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЯ В ХАРАКТЕРИСТИКАХ.

Теперь мы переходим к рассмотрению различий в чертах человеческого семейства, и особенно большого разнообразия, которое можно увидеть в африканской расе. Начиная с суровых почитателей Одина в лесах Германии и вплоть до наших дней, все нецивилизованные нации или племена в той или иной степени были пристрастны к варварскому обычаю уродовать свою личность.

Таким образом, среди североамериканских индейцев племя, известное как “плоскоголовые”, обычно прижимает к себе головы своих детей, когда им всего несколько дней от роду; и, следовательно, их название вполнеотражает их внешность. Исследуя долину Замбези, доктор Ливингстон встретился с несколькими племенами, образ жизни которых хорошо иллюстрирует этот момент. Он говорит: —

“ У здешних женщин есть привычка прокалывать верхнюю губу и постепенно увеличивать отверстие, пока они не смогут вставить раковину. Губа тогда кажется вытянутой за перпендикуляр носа и придает им самый неуклюжий вид. Секвебу заметил: ‘Эти женщины хотят сделать свои рты похожими на утиные’. И действительно, похоже, что у них была идея, что женской красоты губ достиг только *Ornithorhynchus paradoxus*. Этот обычай распространен по всей стране марави, и никто не мог видеть его, не признавшись, что мода никогда еще не доводила женщин до такого безумия”.[26]

У берегов Гвинеи есть племя, которое считает плоский нос образцом красоты; и в раннем младенчестве нос ребенка прижимают, чтобы он не казался уродливым, когда достигнет зрелости.

Многие племена во внутренних районах Африки отмечают лицо, руки и грудь; в некоторых случаях это считается национальной идентификацией. Выбивание зубов - обычная практика, как будет видно из "Путешествий доктора Ливингстона". Жизнь на корнях, как это делают многие из наиболее деградировавших племен, оказывает свое влияние на формирование черт характера.

Существует явное совпадение между физическими характеристиками различных видов людей и их моральным и социальным состоянием; и также представляется, что их положение в цивилизованном обществе вызывает заметные изменения в интеллектуальных качествах расы. Религиозные суеверия и поклонение идолам во многом изменили черты негритянского населения - от коренного эфиопа из Мероэ до нынешних обитателей берегов Замбези.

Чем дальше человеческий разум отклоняется от вечно живого Бога как духа, тем ближе он приближается к животным; и поскольку ментальное контролирует физическое, невежество и жестокость отражаются на лице.

Как африканец в результате своего падения утратил те качества, которые украшают облик человека, так и англосакс, поднявшись по лестнице человечества, улучшил свои черты, расширил свой мозг и просветлел интеллектом.

Давайте посмотрим, насколько история подтвердит наше утверждение. Все мы признаем англосаксонскую цивилизацию высшим типом. Но откуда взялась эта утонченная, гордая, надменная и интеллектуальная раса? Вернемся на несколько столетий назад, и мы обнаружим, что их предки описаны графическими штрихами Цезаря и Тацита. Посмотрите на них в мрачных лесах Германии, приносящих жертвы своим мрачным и окровавленным идолам; пьющих теплую кровь своих пленников, совершающих возлияния из человеческих черепов; наводняющих берега Балтийского моря для грабежа; приносящих домой вонючие скальпы врагов в качестве подношения своему королю.

Маколей говорит: "Когда британцы впервые стали известны тирским мореплавателям, они немногим превосходили жителей Сандвичевых островов".

Юм говорит: "Бритты были грубым и варварским народом, разделенным на многочисленные кланы, одетые в шкуры диких зверей: их религией был друидизм, и они были очень суеверны". Цезарь в письме домой сказал о британцах: "Это самый деградировавший народ, который я когда-либо побеждал". Цицерон посоветовал своему другу Аттику не покупать рабов у бриттов, "потому что, - сказал он, - их нельзя научить музыке, и они самые уродливые люди, которых я когда-либо видел".

Иллюстрацию влияния обстоятельств на физический облик человека можно найти еще ближе к нашему времени. Во время ирландского восстания 1641 и 1689 годов огромное количество коренных ирландцев было изгнано из Армы и с Юга в горный тракт, простирающийся от баронства Флюс на восток до моря; на другой стороне королевства та же раса была изгнана в Литрин, Слайго и Майо. С тех пор они почти всегда находятся здесь, подвергаясь худшим последствиям голода и невежества, эти два величайших зверя человеческой расы.

Потомки этих изгнанников теперь физически отличаются от своих сородичей в Мите и других округах, где они не находятся в состоянии личного унижения. Эти люди примечательны

открытыми, выступающими вперед ртами, выступающими зубами и обнаженными деснами; их выступающие вперед скулы и вдавленные носы несут в себе варварство с самого начала.

В Слайго и северном Майо последствия двух столетий деградации и лишений проявляются во всем физическом состоянии людей, влияя не только на черты лица, но и на телосложение и подавая такой пример человеческой деградации, что это вызывает отвращение.

В среднем они всего пять футов два дюйма ростом, кривоногие, с кривыми голеньями, с неправильными чертами лица; воплощение ирландского уродства и ирландской нужды.^[27]

В конце концов, рабство - это великий деморализатор человеческой расы. В дополнение к следам варварства, наложенным на черты африканца, он несет на себе неизгладимый отпечаток надсмотрщика. Нехватка еды, одежды, медицинской помощи при болезни, непосильный труд, под контролем пьяных и бессердечных водителей, наручники и негритянский кнут, вместе с другими атрибутами рабского кодекса, во многом отличили черных от остальной человеческой семьи. Следует также помнить, что в Африке люди, независимо от того, живут ли они в домах или на открытом воздухе, страдают от жаркого климата, который заставляет их спать, в большей или меньшей степени, с открытым ртом. Одного этого факта достаточно, чтобы объяснить большой рот и плоский нос; здравый смысл подсказывает нам, что при открытом рте черты лица должны опадать.

Что касается волос, которые также озадачили некоторых ученых, то их легко объяснить. Хорошо известно, что от высокой температуры волосы становятся более жесткими, будь то на голове человека или на спине животных. Я хорошо помню, как в детстве с большим интересом наблюдал за приготовлениями, которые женщины делали по торжественным случаям в отношении своих волос.

Локоны, которые бережно хранились в течение нескольких месяцев, были вынуты из ящика, расчесаны, смазаны маслом, завернуты в подготовленную бумагу и помещены в слегка разогретую печь, где оставались до тех пор, пока не приобретут желанный вид. Когда их вынимали из печи, снимали с рулонов бумаги и вытряхивали, волосы могли украсить голову любой леди в стране.

Итак, волосы африканца на протяжении многих веков находились под влиянием сильной жары его родного климата и с каждым поколением становились все более вьющимися, пока мы не обнаружим столько разновидностей волос, сколько у нас цветных, от прямых шелковистых прядей малайца до шерсти гвинейского негра. Обычаи, воздух, пища и общие привычки людей, разбросанных по огромной территории Африканского континента, во многом способствуют появлению разновидностей волос, которые так часто встречаются у потомков жителей страны Нила.

В недавних отчетах доктора Ливингстона он описывает физический облик племени, с которым он встречался, и который подтверждает то, что уже было сказано относительно происхождения африканцев из района Нила. Он говорит:—

“Мне довелось присутствовать, когда все главные люди великого вождя Мсамы, который живет к западу от южной оконечности Танганайки, собрались вместе, чтобы заключить мир с некоторыми арабами, которые сожгли их главный город, и я уверен, что ни на одном собрании в Лондоне или Париже нельзя было увидеть более тонко сформированных интеллектуальных

голов, и лица и формы соответствовали головам тонкой формы. Сам Мсама в молодости был чем-то вроде Наполеона, сражавшегося и побеждавшего.

“Многие женщины очень хорошенькие и, как все леди, были бы намного красивее, если бы только оставили себя в покое. К счастью, милые не могут изменить свои милые черные глаза, красивые лбы, красиво округленные конечности, правильные формы и маленькие ручки и ступни; но они должны украшать себя, и они будут делать это, подпиливая свои великолепные зубы до заострения, как у кошек. Эти представительницы прекрасного пола вносят изменения, украшая свою тонкую, тепло-коричневую кожу и нанося татуировки на различные симпатичные устройства без цветов. Они не черные, а светло-теплого коричневого цвета.

“Королеву казембе сочли бы настоящей красавицей ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Нью-Йорке; и все же у нее была маленькая дырочка в хряще возле кончика ее прекрасного орлиного носа. Но она подпилила только одну сторону двух передних лебедино-белых зубов, а потом как же она рассмеялась! Обширные районы страны к северо-западу от Казембе, но все в том же внутреннем регионе, населены людьми, очень похожими на Мсаму и Казембе”.

СНОСКИ:

[26] “Путешествия Ливингстона”, стр. 366.

[27] “Журнал Дублинского университета”, том IV., стр. 653.

ГЛАВА VI. ГРАЖДАНСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ.

Хотя язычество исповедует большая часть африканских рас, оно ни в коем случае не является религией страны. Миссионеры, представляющие почти все направления религиозных верований, появлялись в стране и привлекали более или менее обращенных. Однако мусульманство, безусловно, оказало наибольшее влияние на людей.

Что бы ни говорили о последователях Мухаммеда в других странах, можно с уверенностью утверждать, что африканцы получили огромную пользу от этой религии.

Недавние дискуссии и исследования выдвинули тему мусульманства на видное место перед читающей публикой, а труды Вейля, Нольдеке, Мьюира, Шпренгера и Эмануэля Дойча научили мир тому, что “мусульманство - это явление жизнеспособное, таящее в себе тысячи плодотворных зародышей”; и они наглядно проиллюстрировали принцип, провозглашенный Св. Августин, показывающий, что в системе, которая оказала столь широкое влияние на человечество, есть элементы как истины, так и добра, охватывающие в рамках своей деятельности более ста миллионов представителей человеческой расы; что демонстрация зародышей истины, даже если они “подвешены в галерее подделок”, имеет огромную власть над человеческим сердцем.

Какой бы ни была интеллектуальная неполноценность негритянских племен (если, конечно, такая неполноценность действительно существует), несомненно, что многие из этих племен приняли религию ислама без того, чтобы она была навязана им могучим оружием

победоносных захватчиков. Спокойное развитие и организация религиозной общины в сердце Африки показали, что негры, наравне с другими расами, восприимчивы к моральным и духовным впечатлениям и ко всем возвышенным возможностям религии.

История распространения ислама в стране представила бы те же примеры реального и страстного ментального конфликта умов при честном переходе, тщательном сравнении и размышлении, которые были обнаружены в других сообществах, где перед ними предстали новые аспекты истины и свежие соображения. И мы считаем, что более сильная и здоровая интеллектуальная тенденция проявляется в том, чтобы быть побужденным убеждением и разумом человека морального благородства и глубоких личных убеждений присоединиться к нему во внедрении благотворных изменений, чем быть вынужденным следовать примеру безответственного персонажа, который принуждает нас к мерам своей превосходящей физической мощью.

Мунго Парк во время своих путешествий семьдесят лет назад повсюду отмечал контраст между языческими и мусульманскими племенами внутренней Африки. Одним из очень важных улучшений, замеченных им, было воздержание от хмельных напитков.

“Напитки негров-язычников, - говорит он, - это пиво и медовуха, которых они часто пьют в избытке; новообращенные мусульмане не пьют ничего, кроме воды”.

Таким образом, по всей Центральной Африке было создано обширное общество полного воздержания; и влияние этого общества таково, что там, где есть мусульмане, даже в языческих городах, очень редко можно увидеть человека в состоянии алкогольного опьянения. Таким образом, они представляют собой почти непреодолимую преграду для опустошающего потока пылких спиртных напитков, которыми торговцы из Европы и Америки наводняют побережье в Кабуне.

Где бы ни жил мусульманин на побережье, будь то Джалоф, Фула или мандинго, он считает себя отдельным существом, отличным от своего соседа-язычника, и неизмеримо превосходящим его в интеллектуальном и моральном отношении. Он считает себя тем, кому было “ниспослано” откровение с Небес. Он поддерживает постоянную связь с “Господом миров”, слугой которого он является. Ради него Всемогущество всегда будет вмешиваться во времена опасности. Поэтому он чувствует, что не может потворствовать легкомыслию и порокам, которые, по его мнению, никоим образом не совместимы с характером и профессиями кафира, или неверующего.

Между ними нет кастовых различий. Они не рассматривают привилегии ислама как ограниченные племенными барьерами или ограничениями. Напротив, жизнь их религии - это агрессивность. Они постоянно привлекают прозелитов. Уже в начале нынешнего столетия гибкий и экспансивный характер их системы был достаточно замечен, чтобы привлечь внимание мистера Парка.

“В стране негров, - замечает этот знаменитый путешественник, “ мусульманская религия достигла и продолжает достигать значительных успехов”. “Стремление коренных африканцев, - говорит профессор Краммелл, - к высшей религии иллюстрируется тем удивительным фактом,

что мусульманство быстро и мирно распространяется среди племен Западной Африки, даже в христианские поселения Либерии”.

От Сенегала до Лагоса, протяженностью более двух тысяч миль, едва ли найдется хоть один крупный город на побережье, где не было бы хотя бы одной мечети, и активные представители ислама часто соседствуют с христианскими учителями. И как только язычник, каким бы малоизвестным или деградировавшим он ни был, принимает мусульманскую веру, он сразу же признается равным своему обществу. Рабство и работорговля - похвальные институты, при условии, что рабы являются кафирами. Раб, принявший исламизм, свободен, и никакая должность для него не закрыта из-за рабской крови.[\[28\]](#)

Переходя в южную часть, мы находим людей в состоянии цивилизации, но все же суеверными, как, впрочем, и туземцы повсюду.

Город Нобл - это современное поселение, вмещающее сорок тысяч душ, недалеко от древнего города с тем же названием, Рима аборигенов Южной Африки. Религиозные церемонии, проводимые там, носят самый ребяческий характер, и большинство сочло бы их такими же идолопоклонническими, как те, которые раньше проводились на том же месте потомками мумбо-юмбо.

В Пасхальный понедельник отмечается *Festa del Señor de los Temblores*, или Праздник Повелителя землетрясений. В этот день общественная площадь перед собором увешана гирляндами и гирляндами, а колоколья издаст свои самые громкие звуки. Изображения святых вынесены из их святилищ, покрытых свежими и безвкусными украшениями. Вифлеемскую Мадонну, Сан-Кристовал, Сан-Блас и Сан-Хосе несут в возвышенном состоянии, получая по пути молитвы всех Мари, Кристоферов и Иосифов, которые соответственно считают их покровителями. Но высшие почести предназначены для чудесного Распятia, называемого Повелителем землетрясений, которое, как предполагается, защищает город от страшных земных толчков, *Temblores*.

Процессия движется по предписанному маршруту, давая возможность для публичных молитв и поклонения толпы; чудотворный образ в новой усыпанной блестками юбке, придающей ему самое неуместное сходство с оперным танцором, наконец запирают в церкви; и тогда радостная толпа, чувствуя себя защищенной от землетрясений в следующем году, танцует и поет на площади всю ночь напролет.

Бурильщики, выносливая, воинственная и суеверная раса, прекрасно проводят время на свадьбах и похоронах. Когда наступает назначенный день бракосочетания, друзья договаривающихся сторон собираются и образуют круг; в этот круг жених ведет свою возлюбленную.

Женщина сбрасывает с себя одежду и стоит примерно так же, как мать Ева в саду до того, как вспомнила о фиговом листе. Затем мужчина берет масло из раковины и помазывает невесту от макушки головы до подошв ног; в конце этой церемонии жених разражается радостными раскатами смеха, к которому присоединяется вся компания, музыканты заводят оживленную мелодию, и танец начинается. В конце церемонии вперед выходит самая старшая женщина в группе и, взяв невесту за правую руку, передает ее своему будущему мужу.

Две служанки, стоящие наготове с одеждой, подскакивают к невесте и начинают обтирать ее. После этого ее снова одевают, и начинается пир, состоящий в основном из фруктов и вин.

Не менее интересны похоронные службы тех же людей. При смерти одного из них тело раздевают, кладут на землю, и друзья покойного собираются вокруг него в круг и начинают выть, как множество демонов. Затем они маршируют и контрмаршируют по кругу с приглушенным скандированием. После этого они прыгают сначала на одной ноге, потом на другой; остановившись неподвижно, они кричат во весь голос— “Она на Небесах, она на Небесах!” Здесь все они падают плашмя на землю и несколько минут катаются по ней, после чего одновременно встают, вскидывают руки и убегают, крича и смеясь.

У бечуана, когда умирает вождь, его хоронят на его скотном дворе, и весь скот в течение часа прогоняют над могилой, чтобы она была полностью уничтожена.^[29] Во всех притворных снах и видениях их Бога у Бэквейна всегда кривая нога, как у египтянина.^[30]

Музыкальные и танцевальные празднества составляют большую часть времени людей. У некоторых племен инструментальная музыка достигла высшей точки культуры. Брюс рассказывает о концерте, музыку которого он слышал на расстоянии мили или больше тихой октябрьской ночью. Он говорит: “Это был самый чарующий сорт, который я когда-либо слушал”.

В мои намерения не входит пытаться подробно описать церемонии различных племен, населяющих Африканский континент; на самом деле, это было бы невозможно, даже если бы я был склонен это сделать.

СНОСКИ:

^[28] Профессор. Блайден в “Методистском ежеквартальном обзоре”, июнь 1871г.

^[29] Доктор Ливингстон.

^[30] Спасибо.

ГЛАВА VII. АБИССИНЦЫ.

По словам Брюса, который много путешествовал по Африке, у абиссинцев есть традиция, передающаяся с незапамятных времен, что их отцом был Куш. Теодор, покойный король Абиссинии, утверждал, что он происходит по прямой линии от Моисея. Поскольку этот монарх принес своей стране более широкую известность, чем любой из его предшественников, не лишним будет дать краткий очерк о нем и его правительстве.

Теодор родился в Куареле, на границе западной Амхары, и получил образование в монастыре, куда его поместила мать, поскольку его отец умер. Он рано увлекся военной подготовкой и, еще будучи мальчиком, стал искусным фехтовальщиком и наездником.

Подобно Роберту Клайву, Уоррену Гастингсу и многим другим великим воинам, Теодору стало не по себе в школьной комнате, и он сбежал из монастыря к своему дяде, Деджачу Комфу,

известному мятежнику, от которого он перенял вкус к воинственным занятиям и в конце концов стал правителем значительной части Абиссинии. От природы амбициозный и политикан, он преуспел в том, что неуклонно укреплял свою власть за счет других “рас”, или вождей, Абиссинии. Его могущество особенно возросло, когда в 1853 году он победил своего тестя Рас Али и взял его в плен. Наконец, в 1855 году он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы официально заявить права на трон всей Абиссинии, и был коронован как таковой Абуной Саламой, главой абиссинской церкви.

Вскоре его правление оказалось самым эффективным в истории Абиссинии. Как только он пришел к власти, его внимание было обращено на важность дружбы с правительством, которое правит Индией и которое утвердилось в соседнем оплоте Адене. Поэтому он решил отстаивать права, гарантированные ему в силу договора, заключенного между Великобританией и Абиссинией в 1849 году и ратифицированного в 1852 году, в котором было оговорено, что каждое государство должно принимать послов от другого. Мистер Плоуден, который в течение многих лет был английским консулом в Массаве, хотя и не был аккредитованным агентом в Абиссинии, отправился в эту страну с подарками для людей, находящихся у власти, и оставался там во время войны, разразившейся при наследовании престола Теодором.

К сожалению, мистер Плоуден, которому удалось в значительной степени завоевать расположение императора, был убит; а его преемнику мистеру Камерону вскоре после его прибытия в 1862 году король сообщил, что он желает выполнить вышеупомянутый договор; он даже написал письмо с автографом королеве Виктории, прося разрешения направить посольство в Лондон. Хотя письмо достигло Англии в феврале 1863 года, оно осталось без ответа; и предполагается, что это обстоятельство вкупе со ссорой с мистером Стерном, миссионером, который в книге об Абиссинии неуважительно отозвался о короле и который протестовал против забиения до смерти двух переводчиков, разозлили короля, и через год после отправки письма, оставшегося без ответа, он послал вооруженные силы на миссионерскую станцию, схватил миссионеров и заковал их в цепи. Он также бросил мистера Камерона в тюрьму и приказал постоянно приковывать его цепью к абиссинскому солдату.

Большое волнение царило в Англии при получении известия об этом надругательстве над британскими подданными: но, принимая во внимание, что вооруженной экспедиции приходится претерпевать множество лишений в таком теплом климате, английское правительство сочло за лучшее использовать дипломатию в своих усилиях по освобождению заключенных. Только во второй половине августа 1865 года мистер Рассам, азиат по происхождению, был отправлен со специальной миссией к абиссинскому правителю, и по прибытии в феврале 1866 года его приняли поистине великолепно, причем король немедленно распорядился освободить заключенных. Но возникшей таким образом надежде вскоре суждено было рухнуть, ибо, когда мистер Рассам и другие заключенные уже собирались прощаться с императором, их взяли под арест и уведомили, что им придется оставаться в стране в качестве государственных гостей до тех пор, пока не будет получен ответ на другое письмо, которое король собирался написать королеве.

Исчерпав все дипломатические ресурсы, чтобы добиться от Теодора освобождения пленников, английское правительство объявило Теодору войну. Война должна была вестись главным образом войсками, европейскими и местными, которые в Индии привыкли к жаркому климату. Первые английские войска появились в октябре 1867 года, но вся армия прибыла только к концу

года. Экспедицией командовал генерал сэр Роберт Нейпир, до сих пор командовавший Бомбеем. Под его началом действовали командиры дивизий сэр Чарльз Стивли и полковник Малкольм, в то время как полковник Меревезер командовал кавалерией. Расстояние от Массовы, места высадки войск, до Магдалы, столицы Теодора, составляет около трехсот миль. Англичанам пришлось преодолеть большие трудности, но они преодолели их с замечательной энергией. Король Теодор постепенно отступал перед англичанами, не рискуя вступать в сражение, пока не достиг своей столицы. Затем он выступил и храбро сражался за свою корону, но напрасно; он был побежден, столица захвачена, а сам король убит.

Король Теодор был, в целом, величайшим правителем, который когда-либо был в Абиссинии: даже, согласно английским свидетельствам, он преуспевал во всех мужских занятиях, и его общие манеры были вежливыми и обаятельными. Если бы он избежал этой глупой ссоры с Англией и продолжил путь реформ, на который вступил в начале своего правления, он, вероятно, сыграл бы важную роль в политическом возрождении Восточной Африки.

Как народ, абиссинцы интеллигентны, имеют цвет имбирного хлеба или кофе, хотя большая часть из них черные. Теодор сам принадлежал к этому последнему классу. У них прекрасные школы и колледжи, а также большая и процветающая военная академия. Сельское хозяйство, этот великий цивилизатор человека, развито здесь в масштабах, неизвестных в других частях страны.

ГЛАВА VIII. ЗАПАДНАЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АФРИКА.

Колония Сьерра-Леоне, столицей которой является Фритаун, расположена на 8 градусах 30 минутах северной широты и примерно на 13½ градусах западной долготы; была заселена англичанами и долгое время была самым важным местом на западном побережье Африки. Тремя ведущими племенами на побережье Сьерра-Леоне являются тимани, сусус и вейс. Первые из них окружают британскую колонию Сьерра-Леоне со всех сторон. Основные поселения сусу расположены недалеко от истоков Рио-понга и на некотором расстоянии от морского побережья. Вейи занимают всю местность вокруг Галлиаса и Кейп-Маунт и простираются вглубь страны на расстояние пятидесяти или ста миль.

Тиманийцы в некоторой степени обрабатывают почву, держат небольшие стада домашних животных и в большей или меньшей степени занимаются бартером с английскими колонистами Сьерра-Леоне. Их можно увидеть в большом количестве на улицах Свободного города, одетыми в большие квадратные хлопчатобумажные ткани, наброшенные на плечи. Они сильны и здоровы на вид, но имеют гораздо менее интеллектуальный вид, чем мандинго или фулахи, которых также можно увидеть в том же месте. Как и все другие племена Африки, особенно язычники, они сильно пристрастились к фетишизму — поклонению злым духам, — проведению обрядов из красного дерева и других церемоний. Они порочны, распущенны, ленивы и алчны. Но это не более того, что можно сказать о каждом языческом племени на земном шаре.

Вейи, хотя и не многочисленное и не могущественное племя, очень интеллектуальны и недавно изобрели алфавит для написания своего собственного языка, который был напечатан, и теперь они пользуются благами письменной системы, которой они полностью обязаны своей собственной изобретательности и предприимчивости. Это, несомненно, одно из самых замечательных достижений этой или любой другой эпохи, и его самого по себе достаточно, чтобы навсегда заставить замолчать придирки и насмешки тех, кто с таким презрением относится к интеллектуальным способностям африканской расы. Все символы, используемые в этой системе, являются новыми и были изобретены самими людьми без помощи посторонних. Вейи занимают всю страну вдоль морского побережья от Галлиныса до мыса Маунт.

По росту они примерно обычного роста, стройные, но грациозные, с очень темным цветом лица, но большими и хорошо сформированными головами.

Поскольку Вейи находятся под юрисдикцией Либерии, это правительство окажет им большую услугу. Биассаго, булломы, дего и гола также являются жителями побережья Сьерра-Леоне. Другие, менее известные племена разбросаны по всему побережью, многие из которых попали под хорошее влияние либерийского правительства. Замок Кейп-Кост, оплот англичан на африканском побережье, в последние годы имел огромное значение. Именно отсюда его губернатор, сэр Чарльз Маккарти, отправился на битву с ашанти, воинственным племенем, и потерпел поражение, потеряв свою жизнь вместе с жизнью еще семи человек.

Здесь, в этом замке, умерла и была похоронена в его стенах одаренная английская поэтесса и романист Л. Э. Л. Эта оплакиваемая леди вышла замуж за капитана Маклина, генерал-губернатора замка, и ее смерть вызвала в то время немало комментариев, многие обвиняли мужа в смерти жены.

Народ кру тоже живет на побережье и в целом обладает меньшим интеллектом, чем фулахи, мандинго и дего. Физически это прекрасно выглядящая раса, с более реальной энергией характера, чем любая из остальных. Трудно было бы найти где-либо в мире образцы более развитой мускулатуры, мужчин с более мужественной и независимой осанкой или с более подлинным изяществом манер. Никто никогда не соприкасается с ними в первый раз, не будучи поражен их открытыми, окровавленными лицами, их крепкими и пропорциональными формами и их независимой осанкой, даже когда они почти не прикрывают свои тела.

Цвет их лица варьируется от самого темного оттенка негритянского до истинного мулатского. Их черты лица сравнительно правильны; и, хотя они обладают всеми характерными чертами негра, они ни в коем случае не являются сильно выраженными в своих общих чертах или развитии. Наиболее заметный недостаток заключается в формировании их голов, которые узкие и остроконечные и не указывают на очень высокий уровень интеллектуальной одаренности. Опыт, однако, показал, что они так же способны к интеллектуальному совершенствованию, как и любая другая раса людей.^[31]

В глубине Юэбы, на некотором расстоянии от Кейп-Кост, находится большой город Ибаддан с населением около двухсот тысяч душ. Население Абекуты составляет более ста тысяч человек, она находится примерно в семидесяти пяти милях от морского побережья и имеет небезынтесную историю. Около пятидесяти лет назад несколько человек из разных племен, которым постоянно угрожали и досаждали прибрежные работорговцы, бежали в глубь страны,

спрятались в большой пещере, время от времени выходя в поисках пищи и принимая других, которые искали защиты от этих бесчеловечных охотников на людей.

Эта пещера расположена на берегу реки Огун и со временем стала местом укрытия большого количества людей из окружающей местности. Сначала они питались ягодами, кореньями и другими продуктами питания, которые могли собрать поблизости от места своего отступления; но, набирая силу за счет увеличения численности населения, они начали бросать вызов своим врагам.

Группа охотников за рабами из Дагомеи, имея с собой значительное количество пленников, проходя мимо пещеры, сочла это хорошей возможностью пополнить свои богатства и, следовательно, напала на поселенцев. Последние выступили с большими силами из своего укрытия, дали бой торговцам, разгромили их, захватив их пленников и обратив их врагов в бегство. Пленники были немедленно освобождены и присоединились к своим освободителям. Со временем это поселение получило название Абеокута. Эти люди рано обратили свое внимание на сельское хозяйство и обрабатывающую промышленность, и благодаря неуклонному росту населения он вскоре превратился в город большого богатства и значения. Около тридцати лет назад несколько возвращенцев из Сьерра-Леоне, которые ранее были вывезены из этого региона страны и которые были отбиты англичанами, освобождены и получили образование, посетили Лагос с целью торговли. Здесь они встретились со многими своими старыми друзьями и родственниками из Абеокуты, узнали о выросшем цветущем городе и с большим количеством людей вернулись, чтобы пополнить население нового города.

Король Дагомеи недобрым взглядом наблюдал за растущим могуществом Абеокуты, и в 1853 году он привел в движение большую армию с целью разрушить этот растущий город и обратить его жителей в рабство. Король предпринял отчаянную атаку на это место, но встретил сопротивление, о котором даже не подозревал. Сражение продолжалось за стенами в течение нескольких часов, когда дагомийская армия была вынуждена уступить, а сам король был спасен только героизмом и неистовством, с которыми его защищали амазонки. Этот успех жителей Абеокуты придал этому месту репутацию, превосходящую ту, которой оно пользовалось до сих пор, и с тех пор ни одна армия вторжения не появлялась у его стен.

Большая предприимчивость и совершенствование этих людей во многом обусловлены хорошим управлением Шодеке, их лидера. Прибывшие из всех прибрежных районов и из племени работорговцев, представлявших остатки ста тридцати городов, эти люди поначалу были кем угодно, только не сплоченными. Шодеке собрал их вместе и заставил почувствовать себя одной семьей. Этот замечательный человек когда-то был схвачен работорговцами, но сбежал и был первым, кто предложил пещеру в качестве безопасного места. Во всей Сьерра-Леоне, Абеокуте и стране йоруба в целом самым известным человеком, связанным с африканской цивилизацией, является мистер Сэмюэл Кроутер, коренной житель, которого на языке йоруба звали Адгаи. Он был взят в качестве раба на борт работорговца в Бадагри в 1822 году. Судно было захвачено британским военным кораблем и доставлено в Сьерра-Леоне. Здесь он получил хорошее образование, обратился в христианство и стал служителем Евангелия, после чего вернулся на родину.

Мистер Кроутер - человек выдающихся способностей, и его достижения в учебе служат прекрасной иллюстрацией способности негра к совершенствованию. Дагомея - одно из крупнейших и могущественнейших правительств на западном побережье. Король - самый

абсолютный тиран в мире, владеющий всей землей, людьми и всем, что относится к его владениям. Жители - его рабы, и они должны приходить и уходить по его приказу. Чудовищные жестокости, которые постоянно совершаются по приказу и распоряжению этого монарха, вызвали к нему ненависть цивилизованного мира; и, как ни странно, эти ужасные деяния, по-видимому, санкционируются народом, испытывающим суеверное почитание своего суверена, которому нет аналогов. Абоми, столица Дагомеи, имеет большое население, форт и значительную торговлю. Король взимает пошлины со всех морских портовых городов в этой части побережья, и особенно с Попо, Порто-Ново и Бадагри, где иностранная работорговля до очень короткого периода велась так, как ни в какой другой части Африки.

Дагомийские солдаты в течение последних двухсот лет занимались немногим меньшим, чем охотой на рабов для снабжения торговцев.

Английская блокадная эскадра оказала большую услугу в пресечении работорговли в этой части побережья, и это привлекло внимание населения к сельскому хозяйству. Страна обладает великолепными природными ресурсами, которые при правильном освоении сделают ее одним из лучших уголков Западной Африки. Почва богатая, сезоны регулярные, а климат благоприятен для совершенствования сельского хозяйства. Индийская кукуруза, ямс, картофель, маниок, фасоль, земляные орехи, бананы и бананы являются основными продуктами страны. Хлопок выращивается в ограниченных масштабах.

Практика ежегодного принесения человеческих жизней в жертву на могилах умерших королей в Дагомеи, а затем мощения территории дворца черепами жертв, во многом способствовала сокращению населения этого королевства. За один раз было убито до двух тысяч человек. Чтобы получить требуемое количество, за несколько месяцев до жертвоприношения велись войны с окружающими народами. Нет места, где бы существовало более сильное язычество; и, не говоря уже о какой-либо другой особенности в их суеверной практике, поклонение змеям дагомийцами полностью иллюстрирует это замечание.

Здание в центре города предназначено исключительно для содержания рептилий, и их можно увидеть здесь в любое время в большом количестве. Их кормят, и о них заботятся больше, чем о человеческих обитателях этого места. Если их обнаружат заблудшими, их нужно вернуть; и при виде их люди падают ниц на землю и оказывают им все возможное почтение. Убить или ранить одного из них - значит понести смертную казнь. В определенные дни священники или врачи выносят их и выставляют напоказ по улицам, при этом носильщики позволяют им обвиваться вокруг своих рук, шей и тела и даже класть головы на грудь носильщикам.

Они также используются для обнаружения лиц, подозреваемых в воровстве, колдовстве и убийстве. Если в руках священника они кусают подозреваемого человека, это верное доказательство его вины; и, без сомнения, змей обучен исполнять волю своего хранителя во всех случаях. Изображения, называемые *greegrees*, самой неотесанной формы, можно увидеть во всех частях города, и им поклоняются все.

В каждой части Африки полигамия является излюбленным институтом. По их мнению, она лежит в самой основе любого социального порядка, и без нее общество вряд ли стоило бы сохранять. Самое высокое стремление, к которому когда-либо стремится самый выдающийся африканец, - это иметь большое количество жен. От этого зависят его счастье, его репутация, его влияние, его положение в обществе и его будущее благополучие. Женщины искренне разделяют это

чувство, поскольку женщина предпочла бы быть женой мужчины, у которого было пятьдесят других женщин, чем быть единственной представительницей мужчины, у которого не хватило силы характера подняться над уровнем одинокой женщины.

Следствием этого является то, что так называемые жены немногим лучше рабынь. У них нет другой цели в жизни, кроме как удовлетворять потребности и страсти своих господ, которые являются хозяевами, а не мужьями.

Почти в каждом народе или племени жену покупают; и поскольку в подавляющем большинстве случаев это делается, когда она всего лишь ребенок, с ее желаниями, как само собой разумеющееся, никогда не советуются в этом самом важном деле всей ее жизни.

Поскольку и отец, и мать имеют права на дочь и поскольку каждый заключает отдельную сделку с будущим зятем, родитель, как правило, извлекает выгоду из продажи. Цена жены колеблется от цены коровы до трех коров, козы или овцы, а также некоторых предметов посуды - бус и нескольких других безделушек. Там, где девочку покупают в младенчестве, она остается с родителями до достижения соответствующего возраста. Вдов не бывает, женщина продается пожизненно и становится женой брата мужа в случае смерти первого. Ожидается, что респектабельный мужчина всегда предоставит каждой из своих жен отдельный дом. Каждая женщина является хозяйкой своего дома, обеспечивает себя и своих детей и развлекает своего мужа так часто, как он удостаивает ее своим обществом.

Жена никогда не ставится в положение социального равенства со своим мужем. Ее положение - подчиненное, и она редко стремится к чему-то большему, чем просто удовлетворять страсти своего мужа. Она никогда не садится вместе с ним за стол общественного совета.

Мужчинам с обычным положением никогда не разрешается иметь столько жен, сколько монархам. И королям Дагомеи, и королям Ашанти по закону разрешено иметь три тысячи триста тридцать три. Никому не разрешается видеться с женами царя, кроме родственниц царя или тех посланников, которых он может послать, и даже они должны общаться с ними через свои бамбуковые стены. Иногда они идут целой толпой по улицам, но их всегда сопровождает компания мальчишек, которые предупреждают людей, чтобы они убирались с дороги и избегали непростительного проступка - встречи с королевскими женами. Особенно мужчины, независимо от их ранга, должны убираться с дороги; и если у них не было достаточно времени для этого, они должны упасть плашмя на землю и прятать лица, пока процессия не пройдет. Увидеть одну из жен короля, даже случайно, - преступление, караемое смертной казнью; и говорят, что сцена смятения, которая иногда происходит на общественном рынке из-за неожиданного приближения королевского кортежа, не поддается никакому описанию.

После смерти короля его жены нередко набрасываются друг на друга с ножами и терзают себя самым жестоким и варварским образом; и эта мясорубка продолжается до тех пор, пока их не удерживают силой. Женщины - одни из самых надежных и храбрых в королевской армии и составляют около трети постоянной армии в Ашанти и Дагомее.

Одним из самых влиятельных и важных классов в каждом африканском сообществе являются дейбо, группа профессионалов, которые совмещают медицинские и священнические должности в одном лице. Они ухаживают за больными и назначают лекарства, которые обычно состоят из отваров трав или корней и наружного применения. Ожидается, что врач будет уделять свое безраздельное внимание одному пациенту за раз, и это делается только в случае

успешного лечения. Если случай серьезный, ожидается, что он передаст семье в залог своего хорошего поведения и добросовестного исполнения служебных обязанностей пучок волос, который был срезан с его головы во время инаугурации и без которого он вообще не мог бы иметь навыков в своей профессии.....

Доктор утверждает, что общается с демонами и имеет большое влияние на них. Он также утверждает, что имеет общение с Богом. Ни один человек не может быть принят в конклав, не проведя два или более лет в качестве студента у какого-нибудь выдающегося члена братства. В течение этого периода он должен сопровождать своего наставника во всех его путешествиях, выполнять различные мелкие услуги, ему запрещается брить голову, мыть тело или каким-либо образом поливать себя водой, если только он случайно не упадет в ручей или не попадет под ливень, когда ему разрешается смыть со своего тела как можно больше грязи. Отличительный знак доктора - обезьянья шкурка, которую он носит с собой в виде свертка, куда бы ни пошел, и которой он гордится так же, как его белый брат своим дипломом из овечьей шкуры.

В своем качестве священников эти люди заявляют, что способны воскрешать мертвых, изгонять бесов и делать все то, на что другие люди неспособны. Простые люди очень боятся врачей. Эти люди не допускают никаких инноваций в практике. Недавно произошел довольно забавный случай, который хорошо иллюстрирует зависть, фанатизм и невежество этих профессионалов.

Мистер Сэмюэл Кроутер-младший, вернувшись из Англии, где он учился на врача, начал заниматься своей профессией среди своих родных людей. Старые врачи, услышав, что Кроутер выписывает лекарства, навестили его большой делегацией. Мистер Кроутер сердечно принял членов комитета; выслушал, что они хотели сказать, и выразил готовность подчиниться при условии, что они устроят ему испытание и сочтут его несостоятельным. С этим они согласились, и было назначено время для проведения испытания. В назначенный день появились завсегдатаи, одетые в свои самые дорогие одежды, хорошо снабженные амулетами, каждый держал в руке свою обезьянью шкурку с наиболее выступающей головой.

Мистер Кроутер был готов принять их. Посреди комнаты был установлен стол, а на нем блюдо, в котором находилось несколько капель серной кислоты, размещенной таким образом, что при легком движении стола она попадала в смесь хлората калия и белого сахара. В комнате также стояли английские часы, из которых каждый час выходил и кукарекал петух. Было устроено так, что взрыв с блюда и кукареканье петуха должны были произойти в один и тот же момент.

Все должно было решиться в пользу той стороны, которая совершит величайшее чудо. После того, как все расселись, мистер Кроутер произнес речь и попросил их сказать, кто будет первым в соревновании.

Эту привилегию они ему предоставили. Двери были закрыты, шторы задернуты, и все ждали, затаив дыхание. Обе стрелки на часах быстро приближались к цифре двенадцать. Вскоре оттуда вышел петух и запел, к крайнему изумлению ученых посетителей. Кроутер толкнул стол, и внезапно из середины блюда вырвалось пламя и ужасный взрыв. Это двойное чудо оказалось непосильным для этих мудрецов. Сцена, которая последовала за этим, неопишима. Один парень ворвался в окно и убежал; один потерял сознание и упал на пол; другой в ужасе переворачивал стулья, столы и все на своем пути, укрылся в спальне под кроватью, откуда его впоследствии с трудом вытащили.

Нет нужды добавлять, что они больше не доставляли хлопот, и практика, которую они стремились прекратить, еще больше усугубляла их страдания.[\[32\]](#)

В Южной Гвинее, и особенно в стране Габунов, туземцы непревзойденны по своей хитрости и проницательности в торговле и даже во всем, что касается отношений с незнакомцами. Следующий анекдот проиллюстрирует, как легко они могут обратить дело в свою пользу.

В Габуне есть известный персонаж по имени Кринги. Ни один иностранец никогда не посещает реку, не познакомившись с ним; и все, кто это делает, помнят его навсегда. Он с удивительной легкостью говорит по-английски, по-французски, по-португальски и по меньшей мере на полдюжине родных языков. Лично это маленький, пожилой, седовласый, горбатый человечек с удивительно ясными и отнюдь не неприятными глазами. Его деревня расположена на высоком утесе на северной стороне реки Габун, недалеко от ее истока. Обычно он первым замечает приближающиеся суда и отправляется на своей лодке встречать их. Если капитан никогда раньше не был на побережье, Кринги сделает из него доброе дело, если только его не предупредят другие моряки. Хитрый африканец - лоцман; и после того, как он привел судно и пришвартовал его напротив своего города по хорошо известному обычаю, теперь оно принадлежит Кринги. Он выступает в роли переводчика, дает советы капитану, помогает заключать сделки и ведет себя так, словно корабль принадлежит ему. Если кто-то другой хоть в малейшей степени ущемляет его права, его сразу же клеймят как грубого и невоспитанного человека. Кринги, несомненно, обманывает всех, с кем имеет дело, и его с полдюжины раз или больше хватили военные корабли или другие суда и заковывали в кандалы. Но он так ловок на язык, так добродушен и полон юмора, что всегда высказывается ясно.

Следующий трюк, выполненный им, проиллюстрирует характер этого человека.

Несколько лет назад французы подрались с туземцами. Приведя население близ устья реки к повиновению силой оружия, коммодор Б. предложил посетить города короля Георга, расположенные примерно в тридцати милях выше по реке, в надежде заставить их признать французскую власть, не прибегая в дальнейшем к насилию. Чтобы произвести благоприятное впечатление, он решил взять с собой свою эскадру. Его флот состоял из двух больших военных шлюпов и небольшого судна. Поскольку никто из французов не говорил на родном языке, и никто из людей короля Георга не говорил по-французски, было очень важно нанять хорошего переводчика. Было решено, что Кринги - самый подходящий мужчина. За ним послали, он сразу же принял предложение — поскольку на карту было поставлено нечто важное — и решил извлечь выгоду из этого визита.

Одна из жен Кринги была дочерью короля Георга; и эта женщина из-за жестокого обращения бежала и вернулась в страну своего отца. Все его предыдущие попытки заполучить жену потерпели неудачу. И теперь, когда предложение поступило от коммодора, Кринги пришла в голову мысль, что он мог бы выставить себя человеком большого влияния и власти. Отряд отправился в путь при попутном ветре и приливе и вскоре бросил якорь в месте назначения. В сопровождении отряда вооруженных морских пехотинцев коммодор высадился и направился к королевскому дворцу.

Люди не имели ни малейшего представления о подобном визите, и внезапное прибытие этого вооруженного отряда произвело очень сильное впечатление, и все взгляды были устремлены на Кринги, стоявшего рядом с коммодором, поскольку он был единственным, кто мог объяснить

цель экспедиции. Король Георг и его совет встретились с коммодором, и Кринги было поручено сказать, что последний прибыл для дружеской беседы с королем с целью установления дружеских отношений между ним и королем Франции и был бы рад получить его подпись на документе на этот счет. Теперь настал момент Кринги, и он хорошо сыграл свою роль.

Хитрый африканец с видом человека, на которого возложена очень серьезная ответственность, сказал: “Король Георг, коммодор очень сожалеет, что вы не вернули мою жену. Он хочет, чтобы вы сделали это сейчас, быстро и тихо, и избавили его от хлопот и боли, связанных с наведением его больших пушек на ваш город”.

Король Георг испытывал глубочайшее негодование; не столько против коммодора, сколько отвращение за то, что тот прибегнул к столь экстраординарной мере, чтобы заставить его выдать свою дочь. Но он скрыл чувства своего сердца и, без малейшего изменения в выражении лица, но твердым и решительным тоном, сказал своим соплеменникам: “Спокойно выходите и заряжайте свои ружья; и если сегодня здесь прольется хоть капля крови, будьте уверены, что ни один из этих французов не вернется на свои корабли. Но будьте уверены, и, — он произнес это с большим ударением, — пусть Кринги будет убит первым”.

Это было больше, чем рассчитывал Кринги. И как ему выпутаться из этой неловкой передраги? Лев был разбужен, и как его усмирить? Но это как раз та позиция, в которой можно задействовать особый дар Кринги, и он приступил к работе в самых покаянных выражениях. Он признал это и попросил прощения за свой опрометчивый, необдуманный совет; напомнил своему тестю, что все они иногда совершают неправильные поступки и что это была самая тяжкая ошибка за всю его жизнь. А что касается угрозы коммодора, то одного его слова было бы достаточно, чтобы положить конец всем враждебным намерениям.

Гнев короля был утихомирен. Однако коммодору к этому времени уже не терпелось узнать, что происходит, и особенно, почему люди так внезапно покинули дом. С предельным самообладанием Кринги ответил, что люди пошли ловить овцу, которую король заказал на обед коммодору; а что касается подписания бумаги, то это будет сделано, когда коммодор будет готов отправиться в путь. И для достижения этих двух целей Кринги полностью полагался на свою собственную силу убеждения.

Действительно, овца была произведена на свет и бумага подписана. Король Георг и французский коммодор расстались добрыми друзьями, и больше месяца спустя ни один из них не подозревал о двойной игре, которую вел Кринги; и что было более примечательно, Кринги был вознагражден возвращением к жизни своей жены.^[33]

СНОСКИ:

^[31] “Западная Африка” Вильсона.

^[32] “Паломничество на мою Родину”. Кэмпбелл.

^[33] “Западная Африка”. Уилсон.

ГЛАВА IX. РАБОТОРГОВЛЯ.

Работоторговля была большим препятствием для цивилизации Африки, развития ее ресурсов и благосостояния негритянской расы. Перспектива наживы, которую сулила туземцам эта торговля, побудила одно племя начать войну с другим, сжигать деревни, убивать стариков и похищать молодежь. Взамен успешные мародеры получали в уплату порох и ром, двух злейших врагов невежественного и деградировавшего народа.

Воспламененные пылким духом и вооруженные старыми мушкетами, эти люди путешествовали из округа в округ, оставляя за собой тлеющие руины, убитых горем друзей и унося с собой жертвы, рыночная стоимость которых должна была разжечь алчные страсти жителей нового света.

Хотя порабощение одной части африканского народа другой было обычаем многих веков, к вечному стыду португальцев, следует сказать, что они были первыми, кто занялся иностранной работоторговлей. Еще в 1503 году несколько рабов были отправлены из португальского поселения в Африке в испанские колонии в Америке. В 1511 году Фердинанд, пятый король Испании, разрешил перевозить их в большом количестве.

Фердинанд, однако, вскоре понял ошибку этого и приказал прекратить торговлю. После смерти короля Бартоломею де лас Кассас, епископ Чиапы, обратился к кардиналу Хименесу, который держал бразды правления Испанией до восшествия на престол Карла V. С предложением о создании регулярной системы торговли среди коренных африканцев. Кардинал, однако, с предусмотрительностью, великодушием и справедливостью, которые всегда будут чтить его память, отклонил это предложение; он не только счел незаконным вообще отправлять невинных людей в рабство, но и крайне непоследовательным передавать жителей одной страны в пользу другой.

Карл вскоре взошел на престол, кардинал умер, и в 1517 году король выдал патент одному из своих фламандских фаворитов, содержащий исключительное право ввоза четырех тысяч африканцев на острова Сан-Доминго, Порто-Рико, Кубу и Ямайку. В 1562 году англичане, во время правления королевы Елизаветы, начали ввоз африканских рабов, которые были доставлены на Эспаньола сэром Джоном Хокинсом. Затем торговля стала повсеместной. Французы убедили Людовика XIII, тогдашнего короля Франции, что импорт африканцев в колонии, где их можно было бы обратить в христианскую религию, способствовал бы распространению христианства; и французы занялись торговлей.

Голландцы были слишком проницательны, чтобы упустить такую возможность пополнить свою казну, поэтому они последовали примеру португальцев, англичан и французов. Поскольку торговля считалась законной во всех странах, и особенно в Африке, способы приобретения рабов варьировались в зависимости от пожеланий торговцев.

Некоторые белые путешествовали по стране, насколько это было возможно, и обменивали товары на рабов, сковывая их цепями, которые следовали за своими хозяевами из города в город, пока не достигали побережья, где их продавали владельцам кораблей. Другие обосновались на побережье и во внутренних районах страны и покупали рабов по мере их поступления на продажу.

Вождь одного из племен гвинейского побережья, участвовавший в успешной мародерской экспедиции, в ходе которой он захватил около двухсот рабов, доставил их на побережье, продал свое имущество капитану судна и был приглашен на борт корабля. Вождь со своими тремя сыновьями и слугами едва успели подняться на палубу корабля, как их схватили, надели наручники и поместили вместе с другими неграми, что позволило капитану сэкономить деньги на покупку, а также добавить в свой список еще дюжину рабов.

Если бы это произошло в девятнадцатом веке, это было бы объявлено “уловкой янки”.

Несколько больших кораблей появились у прибрежных городов-работорговцев, готовых доставить в колонии любых рабов, чьи владельцы могли бы счесть нужным нанять их. Их грузы часто состояли из рабов полудюжины партий, и в таких случаях движимое имущество иногда смешивалось и вызывало спор о праве собственности. Чтобы избежать этого, была введена практика клеймения рабов на побережье перед их отправкой. Клеймо человека на обнаженном теле, шипение раскаленного железа в трепещущей плоти, крики и стоны беспомощных существ - все это было сценами, разыгравшимися несколько лет назад, и которых африканский работорговец не отрицал.

Там, на грубой циновке, расстеленной на земле,

Крепкий негр лежит крепко связанный;

Его мускулистую грудь ударяет один жестокий похититель,

И обратите внимание на приглашающий звук звонка;

Другой приоткрывает рот, показывая зубы,

Как обычно поступают торговцы скотом.

Прислушайтесь к этому пронзительному и мучительному крику!

Взгляните в этот обращенный к вам умоляющий взгляд!

Как дрожит плоть и как сжимается тело,

Как инициалы имени ее владельца

Ожог на спине этой девушки-мандинго;

И все же спокойно выются вверх дымовые завитки

От его сигары, чья правая непоколебимая рука

Зажигает спичкой клеймо прижигателя,

В то время как его левая рука сжимает круглое плечо,

И сжимает свою жертву в тисках.

Какой бы жестокой ни была подготовка перед отъездом с родной земли, она не уступала, если не превосходила, переходу на борт корабля. Две тысячи человек, помещенных на судно, не способное вместить и половины этого числа; болезни, вспыхивающие среди рабов всего через

несколько дней плавания; мертвые и умирающие, выбрасываемые за борт, и крики и стоны, доносящиеся с нижних палуб, - это лишь слабая картина ужасной торговли.

- Все готовы? - крикнул капитан.

“Да, да!” - сказали моряки;

“Поднимите никчемных болванов —

Умирающие и мертвые”.

Сбежал из тюрьмы на невольничьем корабле

Высунулись свирепые бородатые головы;

— А теперь пусть акулы посмотрят на это...

Сначала поднимите мертвых!”

Фабрики по производству рабов, или торговые загоны, были созданы вверх и вниз по побережью. И хотя Англия в течение многих лет держала флот в африканских водах, чтобы следить за этой отвратительной торговлей и пресекать ее, быстрота работоторговцев и ловкость их лоцманов позволили им избежать обнаружения, укрывшись в некоторых небольших речушках на побережье или повернув к океану, пока не представится более благоприятная возможность для высадки.

Калабар и Бонни были двумя крупнейшими невольничьими рынками на африканском побережье. Только из этих мест в 1806 году было отправлено двадцать тысяч рабов. Поэтому можно с уверенностью сказать, что в этот период в колонии ежегодно отправлялось пятьдесят тысяч рабов; или, скорее, их отправляли с побережья, ибо многие тысячи из тех, кто был отправлен, так и не достигли места назначения. В период, когда эта торговля осуществлялась без какого-либо вмешательства со стороны британского правительства, караваны рабов направлялись в Лоанго с расстояния в несколько сотен миль, и от каждого трудоспособного мужчины требовалось привезти зуб из слоновой кости. Таким образом, осуществлялась двойная торговля: слоновой костью на английских и американских судах и рабами на португальских.

Все, кто исследовал этот предмет, знают, что реки Бенин, Бонни, Брасс, Калабар и Камерунс когда-то были главными центрами этой торговли. Именно через эти реки Нигер впадает в океан; и поскольку фабрики вблизи устьев этих различных рукавов имели большой доступ к сердцу Африки, вполне вероятно, что торговля здесь велась более энергично, чем где-либо еще на побережье.

Но отмена работоторговли Англией и присутствие британской эскадры на побережье почти остановили торговлю.

Число судов, занятых в настоящее время законной торговлей на этих реках, составляет от пятидесяти до шестидесяти; и выгоды, извлеченные туземцами из этой перемены в их коммерческих делах, настолько очевидны, что, по-видимому, они никогда больше не вернулись бы к ней, даже если бы были сняты все внешние ограничения. До тех пор, пока африканские моря были отданы пиратству и работоторговле, а аборигены, как следствие, находились в

состоянии постоянного волнения и войн, было почти невозможно ни начать, ни продолжать работу миссионерской станции на побережье для улучшения положения туземцев. И тот факт, что до 1832 года нигде между Сьерра-Леоне и мысом Доброй Надежды их не было, показывает, что это считалось невыполнимым.^[34]

Христианство не призывает на помощь меч; но когда оно может защитить от насилия незаконных людей вмешательством “сильных мира сего” или когда провидение Божье идет впереди и сглаживает волны раздора, оно принимает это как благодарное благо и выполняет свой долг с большей готовностью и бодростью.

Во всем регионе, где когда-то велась работорговля, наблюдается значительный спад в бизнесе, за исключением тех случаев, когда этот оборот был заменен законной торговлей или сельским хозяйством. Да и не могло быть иначе. Самых мер, которые использовались для осуществления этой отвратительной торговли по крайней мере на трех четвертях территории страны, самих по себе было вполне достаточно, чтобы подорвать позиции любого правительства в мире. В течение длительного периода времени эти более крупные и могущественные правительства добывали рабов, ведя войну против своих более слабых соседей с этой конкретной целью; и таким образом они не только отрезали все источники своего собственного процветания и богатства, но и сами люди, ведя эту безжалостную и бесчеловечную войну, впитывали понятия и принципы, которые сделали бы для них невозможным долгое существование в качестве организованных наций.

Законопроект об отмене британской работорговли получил королевское одобрение 25 марта 1807 года; и этот закон вступил в силу 1 января 1808 года и после этой даты. Это было хорошо сделанное дело, и славным был результат для человечества. Уильяму Уилберфорсу, Томасу Кларксону, Грэнвиллу Шарпу и нескольким другим следует отдать должное за этот великий поступок.

Хотя работорговля была отменена британским правительством, а затем американским и некоторыми другими странами, работорговля все еще продолжалась и существует даже в наши дни, в более ограниченной форме, за исключением, возможно, Северной и Центральной Африки и на Ниле. В этом разделе торговля ведется самым масштабным образом. Она начинается каждый год в августе месяце, когда торговцы готовятся к крупному улову.

Завершив все приготовления, они поднимаются по Нилу обычной эскадрой. Каждая экспедиция означает войну; и, в зависимости от ее масштабов, в ней задействовано от ста до тысячи вооруженных человек. Нанятые солдаты состоят из несчастных донголови, которые носят двуствольные дробовики и ножи и в основном известны своим огромным аппетитом и любовью к мариссе (пиву). У каждого крупного дилера есть своя территория, и он немедленно возмущается любой попытке другого трейдера вторгнуться на нее.

Например, Агат, самый известный из всех африканских работорговцев, знал, и его люди часто посещали "Виктория Ньянза", задолго до того, как Спик о ней мечтал. Станция Агата сейчас находится недалеко от Ньянзы, и он держит там большие силы, как, впрочем, и на всех своих станциях. Когда экспедиция готова, она медленно продвигается, например, к стране ням-ням, и если одно племя враждебно другому, он присоединяется к сильнейшему и получает плату рабами. Активным шпионам щедро платят за то, чтобы они сообщали ему о количестве и качестве маленьких детей; и когда шеф считает, что может украсть сотню, он принимается за

работу, поскольку эта цифра означает четыре тысячи долларов. Он совершает посадку со своими людьми-гончими, предварительно разведав позицию, — обычно в ночное время. На рассвете он продвигается к деревне, и тревога распространяется среди негров, которые сбиваются в кучу, прикрываясь своими аборигенными нагрудниками, и выпускают тучи отравленных стрел. Торговец начинает с ружейной стрельбы, а затем начинается всеобщая резня мужчин, женщин и детей. Поселение, окруженное горючей травой, предается огню, и все жилище превращается в пепел. Вероятно, из обломков тысячи обугленных и зарезанных людей его резерв выловил сотню желанных женщин и детей, которые в диком отчаянии спасаются от смерти. Их связывают вместе длинным шестом, и они навсегда покидают свои дома. У трети из них может быть оспа, и тогда с этим зараженным грузом торговец отправляется на ближайшую станцию.

Оттуда негров тайно отправляют через пустыню в Кордофан, откуда они рассредоточиваются по Нижнему Египту и другим рынкам. Нередко случается, что в этих боях неграм удается убить своих противников. Но здешние чернокожие не отличаются храбростью. Обычно они убегают после потери нескольких человек убитыми, за исключением ням-нимов, которые всегда сражаются с храбростью, соизмеримой с их славой канибалов.

Статистические данные о работорговле трудно получить с абсолютной точностью, но адекватное приближение может быть достигнуто. Можно с уверенностью сказать, что ежегодный вывоз рабов из страны, лежащей между Красным морем и Великой Пустыней, составляет двадцать пять тысяч в год, распределенных следующим образом: из Абиссинии в Яффу или Галлабат доставляется десять тысяч; другими путями Абиссинии вывозится пять тысяч; по Голубому Нилу - три тысячи; по Белому Нилу - семь тысяч. Чтобы получить эти двадцать пять тысяч рабов и продать их на рынке, ежегодно убивают более пятнадцати тысяч, и часто смертность достигает ужасающей цифры в пятьдесят тысяч. По справедливым подсчетам, ежегодно у родителей крадут пятьдесят тысяч детей. Установлено, что из числа угнанных в рабство пятнадцати тысяч мальчиков и десяти тысяч девочек около шести тысяч отправляются в Нижний Египет, две тысячи становятся солдатами, девять тысяч наложницами, пятьсот евнухами, пять тысяч поварами или слугами, в то время как десять тысяч в конечном итоге умирают от климата, а три тысячи получают документы о свободе. Они рассредоточены на территории в три миллиона квадратных миль, и их кровь в конце концов смешивается с кровью турок, арабов и европейцев. Лучших чернокожих солдат набирают из племени динка, сильных, красивых негров, лучших на Белом Ниле. Другие расы крепко сложены и неуклюжи и никогда не украшаются; абиссинцы, какой бы ни была служба и какого бы класса они ни были, превосходят всех своих соперников по рабству. Они тихие и покоренные, редко проявляют вероломство или неповиновение. Многие из них предпочитают рабство свободе, потому что у них нет чрезмерных устремлений. Девочки хрупкие и не созданы для тяжелого труда. Хотя они родились и выросли в стране, где наложницы столь же законны и почитаемы, как и жены, они восстают против ужасов полигамии.

В Абиссинии существует особенность работорговли, которой, по-видимому, нет нигде в другом месте. Сами туземцы порабащают своих соотечественников и землячек. После смерти Теодора страна превратилась в арену сложной гражданской войны. Каждое племя ведет войну против своего соседа; и когда дело доходит до решающего сражения, победитель отнимает у своего противника все его имущество, превращает детей в товар и переправляет их на египетский пост Галлабат, где они находят готовый и деятельный рынок сбыта. На всем протяжении границы не

предпринимается никаких попыток предотвратить рабство. Оно существует с санкции официальных лиц и при их непосредственном сотрудничестве. Другая профессия - тайные похитители людей. Мир мало знает, сколько утонченности, порочности и двуличия требуется в этом бизнесе. За границей сложилось впечатление, что работорговля провоцирует не что иное, как убийства, воровство, поджоги и изнасилования. Но это позорный факт, что некоторые трейдеры обычно прибегают к самому бесчеловечному обману для достижения своей цели. Они часто селятся в общинах и семьях под видом благотворителей и, находясь в таком положении, регистрируют каждого желанного мальчика и девочку, а затем устраивают заговор с целью похитить или убить их, при случае. Такова история современной африканской работорговли.

СНОСКА:

[34] “Западная Африка” Уилсона.

ГЛАВА X. РЕСПУБЛИКА ЛИБЕРИЯ.

Республика Либерия расположена на западном побережье Африки и была заселена эмигрантами из Соединенных Штатов в 1822 году.

Основатели этого правительства столкнулись со многими препятствиями: сначала с болезнями, затем с сопротивлением местных жителей, которые, однако, они героически преодолели.

Территория, принадлежащая правительству Либерии, простирается примерно на шестьсот миль вдоль побережья Западной Африки и бесконечно простирается во внутренние районы страны, право собственности на которые было честно приобретено местными жителями.

Она привлекла к своему возвышающему влиянию по меньшей мере двести тысяч коренных жителей, которые постепенно приобщаются к искусствам, удобствам цивилизованной жизни. У него регулярно организованное правительство по образцу нашего собственного, со всеми успешно функционирующими ведомствами. Школы, семинарии, колледж и около пятидесяти церквей, принадлежащих к семи различным деноминациям, находятся в обнадеживающем состоянии. Города строятся там, где когда-то процветала работорговля со всей ее неопишуемой жестокостью, кровопролитием и резней. Развивается сельское хозяйство, растет торговля. Республика Либерия насчитывает сегодня среди своих цивилизованных жителей около тридцати тысяч человек, около пятнадцати тысяч из которых - американские либерийцы, то есть те, кто эмигрировал из Соединенных Штатов вместе со своими потомками. Более трехсот тысяч аборигенов проживают на территории Либерии и более или менее непосредственно подпадают под влияние и контроль ее цивилизованных институтов. В Республике есть церкви, представляющие различные конфессии, со своими воскресными школами и библейскими классами, которые каждую неделю что-то жертвуют в миссионерских целях. Экспорт в 1866 году составил около трехсот тысяч долларов.

Неразвитые возможности для торговли никто не может оценить. Благодаря самой плодородной почве и климату, способному выращивать почти все разновидности тропических фруктов, ресурсы этой земли не поддаются исчислению. Линия морского побережья протяженностью в

шестьсот миль и внутренние районы, бесконечно простирающиеся в сердце страны, предлагают самые великолепные возможности для внешней торговли.

На протяжении тысячи миль вдоль побережья и двухсот миль вглубь страны влияние правительства было направлено на домашнее рабство среди туземцев и на искоренение работорговли, пока и то, и другое не прекратилось.

Внутренние районы представляют собой страну, привлекательную во всех ее аспектах; прекрасная холмистая местность, изобилующая ручьями; леса из древесины в большом разнообразии, изобилии и полезности; и я не сомневаюсь, что они вполне целебны, поскольку свободны от миазматического влияния мангровых болот у побережья.

Коммерческие ресурсы Либерии даже в настоящее время, хотя они едва начали разрабатываться, имеют достаточное значение, чтобы побудить иностранцев, американцев и европейцев, обосновываться в Республике с целью торговли; а сельскохозяйственные и коммерческие источники богатства в Западной и Центральной Африке выходят далеко за рамки самых тщательно изученных предположений даже тех, кто лучше всех знаком с природой и возможностями страны. Развитие этих технологий будет продолжать прогрессировать и должно, по самой природе вещей, обеспечить Либерии большое коммерческое значение; и это приведет ее граждан к таким деловым отношениям с жителями других частей света, которые обеспечат им то уважение, которое никогда не перестают внушать богатство, ученость и моральная ценность.

С самого начала народ Либерии с похвальным рвением и твердостью преследовал неуклонную цель достижения великой цели своей миссии в Африке. Они основали на ее берегах убежище, свободное от политического гнета и от всех недостатков нечестивых предрассудков; они оказали существенную помощь в искоренении работорговли по всей линии ее западного побережья; они принесли блага цивилизации и христианства ее языческому населению, и своей полной свободой от всякого неподчинения или пренебрежения законной властью, и своей успешной дипломатией с Англией, Францией и Испанией по вопросам, затрагивающим очень сложные международные вопросы, они продемонстрировали некоторую способность, по крайней мере, к самоуправлению и управлению собственной жизнью. связи с общественностью.

Берега рек Сент-Полс, Сент-Джонс, Сино и Фармингтон, а также реки Кавалла, ныне изобилующие цивилизованной жизнью и промышленностью, представляющие вниманию комфортабельные христианские дома, привлекательные школы и внушительные церковные здания, если бы не основание Либерии, по сей день оставались бы усеянными бараками рабов, театрами неописуемых страданий, зла и шокирующих смертей.

В Либерии постепенно укрепляются элементы национальной стабильности. Природные богатства этого региона огромны и таковы, что рано или поздно поддержат торговлю, по сравнению с которой та, что в настоящее время существует на побережье, является лишь частью. Либерийцы владеют флотом “каботажных судов” и управляют ими, собирая пальмовое масло, верблюдовую древесину, слоновую кость, золотой песок и другие товары. Была построена восьмидесятитонная шхуна стоимостью одиннадцать тысяч долларов, которую погрузили осенью 1866 года в Нью-Йорке на деньги и выручку от продажи африканских продуктов, присланных для этой цели предприимчивым торговцем из округа Гранд-Басса.

Фирма в Монровии заказывает строительство судна на одной из верфей Нью-Йорка стоимостью пятнадцать тысяч долларов.

Один умный друг дал нам следующую приблизительную оценку урожая сахара на соборе Святого Павла в 1866 году: “Шарп - сто двадцать тысяч фунтов; Купер - тридцать тысяч фунтов; Андерсон - тридцать пять тысяч фунтов; Хауленд - сорок тысяч фунтов; Роу - тридцать тысяч фунтов; различные мелкие фермеры - сто пятьдесят тысяч; итого - пятьсот семьдесят пять тысяч фунтов. Урожай кофе также значителен, хотя мы не можем сказать, насколько”.

В течение 1866 года в экспорт Республики входило не менее шестисот тонн пальмовой древесины, тысячи двухсот тонн пальмового масла и двухсот тонн пальмовых косточек. И эти элементы коммерческой предприимчивости и богатства могут быть увеличены практически в любой степени.

Колонизационное общество, под эгидой которого была основана колония Либерия, было, как автор искренне верит, враждебно настроено по отношению к свободе американских рабов и, следовательно, навлекло на нее справедливое осуждение американских аболиционистов и, следовательно, поставило народ в критическое положение; я имею в виду колонистов. Но с того момента, как либерийцы в 1847 году основали Республику, развернули свое национальное знамя по ветру и начали сами распоряжаться своими делами, мы тогда сказали: “Будь проклята наша рука, которая бросит камень в нашего брата”.

К счастью для колонии, многие эмигранты были людьми более чем обычных способностей; людьми, которые отправились в путь с двойной целью: во-первых, найти дом для себя и семей вне досягаемости американских предрассудков; во-вторых, нести евангелие цивилизации своим братьям. Эти люди обладали необходимой выдержкой и энтузиазмом.

Моулз, Тиге и Джонсон - это имена, которые мы в детстве научились уважать и любить. Робертс, Бенсон, Уорнер, Краммелл и Джеймс, люди более позднего времени, многое сделали для того, чтобы обеспечить Либерии ее заслуженно высокую репутацию.

С правительством, созданным по образцу нашей собственной конституции и законов, которые являются честью для любого народа, и управляемым людьми с гением и способностями, которые характеризуют нынешнюю правящую власть, Либерии суждено занять влиятельное место в истории наций. Ее великолепные ресурсы все еще будут разрабатываться; ее широкие реки будут пересекаться на пароходах, а ее плодородные равнины все еще будут оглашаться грохотом локомотива. Телеграфный канал все еще будет ловить африканские новости и передавать их на Кукурузную биржу в Лондоне и на Уолл-стрит в Нью-Йорке.

Этой нравственной пустыне еще предстоит расцвести благороднейшими плодами цивилизации и сладчайшими цветами религии. У нее еще будет своя литература, свои историки и свои поэты. Великолепные города вырастут там, где сейчас нет ничего, кроме темных джунглей.

ГЛАВА XI. ПРОГРЕСС ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Приятно сообщить, что за последние пятьдесят лет Африка стала свидетелем значительного прогресса на пути к цивилизации, и особенно на западном побережье. Это стало результатом главным образом успешных усилий, предпринятых для отмены работорговли. В первую очередь англичанам, а затем либерийцам следует воздать должное за пресечение этой бесчеловечной и нехристианской торговли людьми. Однако нельзя сказать слишком много в пользу миссионеров, мужчин и женщин, которые, забыв о родной земле и домашнем комфорте, посвятили себя работе по обучению этих людей и тем самым принесли цивилизацию в страну, куда каждый отправился, держа свою жизнь в своих руках.

Среди самих туземцев, у некоторых наций, проявляется большой интерес к их собственному возвышению. Изобретение вейсами алфавита для написания своего языка, сделанное также благодаря их собственной изобретательности, свидетельствует о замечательном прогрессе расы, которая до сих пор считалась неспособной к такой задаче.

Этот прогресс цивилизации в большей степени ограничен джалофами, мандинго и фулами, населяющими Сенегамбию, а также вейсами, о которых я уже упоминал. Расовое предубеждение существует среди африканцев, как и у других народов. Однако это предубеждение не по признаку цвета кожи, а по признаку клана или племени. Например, путешественники говорят, что джалофы - самые красивые негры в Африке. Они горды, надменны и хвастаются своим превосходством над другими племенами и не вступают с ними в браки; тем не менее, у них густые волосы, толстые губы и плоские носы, но при этом высокие и изящные формы. По религии они мусульмане.

Преподобный Сэмюэл Кроутер был одним из самых успешных миссионеров, которые когда-либо были в стране. Он местный, что, без сомнения, дает ему большое преимущество перед другими. Двое его сыновей, Иосия и Самуил, идут по стопам своего прославленного отца.

Влияние этих джентльменов более непосредственно ощущалось в окрестностях Лагоса и Абеокуты. Старший Кроутер является главным епископом в Африке и делает доброе дело для своей деноминации и человечества.

Местное красноречие и прекрасные образцы ораторского искусства можно услышать на многих африканских ассамблеях. Их популярные ораторы демонстрируют почти такое же мастерство в использовании удачных иллюстраций, поразительных аналогий, заостренных аргументов, исторических деталей, едкой иронии, как и любой другой публичный оратор в мире; а по непринужденности, изяществу и естественности манер они, пожалуй, непревзойденны. Аудитория обычно выражает свое согласие своего рода ворчанием, которое повышается по тону, а часто и пропорционально тому, как оратор становится оживленным, и нередко перерастает в оглушительный крик, и таким образом прекращает дискуссию в соответствии с мнениями выступающего. Он сказал именно то, что было в сердце собрания, и им больше нечего сказать или услышать по этому вопросу.^[35] Цивилизация получает импульс от производства различных видов товаров, производимых людьми в Африке, и особенно в странах эгба, йоруба и Сенегамбии. Во многих крупных городах можно увидеть деревни с выплавкой железа, города, полностью посвященные изготовлению определенного вида посуды, и работников кожевенного дела, портных, ткачей, изготовителей шляп, корзин и циновок, а также работников шелковых и камвольных фабрик.

Некоторые из этих изделий очень выгодно отличались бы от лучших работ английских и американских производителей.

Многое делается из золота, серебра и латуни, а ювелирные изделия высокого качества производятся в более цивилизованных частях страны.

Исследования различных путешественников по Африке за последние двадцать пять лет оказали существенную помощь цивилизации. Я в долгу перед доктором Ливингстоуном за его труды в этой конкретной области.

Я уже упоминал о музыкальном таланте, часто проявляемом в африканских деревнях, к великому удивлению путешественника.

Следующий отчет выдающегося исследователя будет прочитан с интересом. Доктор Ливингстон говорит: “Затем мы спросили короля о его музыкальном оркестре, поскольку слышали, что он у него есть. Он ответил благосклонно, сказав, что у него есть группа, и она должна немедленно встретиться и сыграть для нас. Прошло не так много минут, как прямо перед нашим домом разожгли большой костер, и группа расположилась на земле. Они начали играть; и будьте уверены, я был немало удивлен гармонией их музыки. Оркестр состоял из восьми участников, у шестерых из которых были рога, сделанные из слоновых бивней, красиво вырезанные и раскрашенные. Все они издавали разные звуки, или тона. Басовый рожок был сделан из большого бивня; и по мере того, как они поднимались по шкале, рожки становились меньше. Они имели отверстие, нарезать Туск возле его тонкого конца, в которой они взорвали же, как на флейте или дудочке. В них не было отверстий для пальцев, поэтому различные тона производились из-за длины рогов, а также из-за того, что руку помещали в большую открытую часть рога и снова вынимали ее. Я заметил, что у одного маленького рожка большой конец был закрыт, а маленький открыт. Разные звуки издавал исполнитель, открывая и закрывая этот конец ладонью. У них также было два барабана; у одного было три головки, насаженные на полые палки или бревна длиной от одного до двух футов; у другого была только одна головка; они били в них руками, а не палками. Однако я увидел большой военный барабан высотой около пяти футов, сделанный по описанному выше принципу, в который били палками. За время нашего пребывания оркестр трижды спел нам серенаду. Они играли разные мелодии, и на протяжении всего их выступления было большое разнообразие; иногда играл только один рожок, иногда два или три, а затем к ним присоединялись все; иногда барабаны били тихо, потом снова громко и во всю силу. Рожки, используемые в этой ленте, также используются для боевых рожков.

“Около одиннадцати часов нас разбудила музыка — человеческий голос и инструмент — прямо перед нашей дверью. “Что это?” “Гитара?” “Нет, но это прекрасная музыка”. “Ах! это арфа. Давайте пригласим его войти”. Подобные предположения были высказаны, когда старик стоял перед нашей дверью и великолепно пел и играл. Мы пригласили его войти, и действительно, оказалось, что это разновидность арфы с двенадцатью струнами. Он долго пел и играл, а затем ушел на покой, доказав нам, что даже далеко в диких джунглях Африки эта самая благородная из всех гуманитарных наук в определенной степени культивируется. Он трижды спел нам серенаду. Он приехал издалека.

Одним из величайших препятствий на пути цивилизации в Африке являются торговцы. Эти вредители, как правило, имеют низкий уровень образования, и многие из них бежали из своей

собственной страны, чтобы избежать наказания за какое-то совершенное преступление. Большинство из них - сквернословящие, распущенные люди, которые распространяют безнравственность везде, где появляются. Для туземцев было бы благословением, если бы девять десятых этих пиявок были изгнаны из страны.

СНОСКА:

[35] “Западная Африка” Вильсона.

ГЛАВА XII. ХАЙТИ.

В общих чертах рассказывая о людях Хайти и о борьбе, через которую они были призваны пройти, мы признаем, что это была трудная задача. Хотя автор посетил остров тридцать лет назад и прочитал все важное, что сообщили историки, по-прежнему нелегко дать правдивое описание революции, в результате которой Остров оказался во власти цветных людей, настолько противоречивы рассказы.

Прекрасный остров Сан-Доминго, частью которого является Хайти, был назван великим первооткрывателем “Раем Божьим”.

Великолепие его долин, живописность гор, тропическая роскошь равнин и непревзойденная целебность климата подтверждают высокое мнение великого испанца. Колумб обнаружил на острове более миллиона представителей карибской расы. Воинственный вид испанцев заставил туземцев уйти вглубь страны. Однако обольстительный гений Колумба вскоре побудил карибцев вернуться в свои города, и они оказали знаменитому незнакомцу свое гостеприимство.

После того, как великий первооткрыватель был отозван домой и покинул Остров, Довадильо, его преемник, основал систему безудержного угнетения карибцев и в конечном итоге обратил всех жителей в рабство; и таким образом положил начало этому отвратительному греху в Новом Свете. По мере того как на остров прибывали новые искатели приключений, испанская власть становилась все более консолидированной и деспотичной. Туземцев заставляли трудиться на золотых приисках без вознаграждения и во многих случаях без какого-либо отношения к сохранению человеческой жизни; дошло до того, что в 1507 году число туземцев голодом, тяжелым трудом и мечом сократилось с миллиона до шестидесяти тысяч. Таким образом, за короткий промежуток в пятнадцать лет более девятист тысяч человек погибли от железной руки рабства на острове Сан-Доминго.

Остров сильно пострадал от потери своих исконных жителей, а нехватка рабочих рук для обработки земли и работы в шахтах впервые натолкнула на мысль о ввозе рабов с побережья Африки. Вскоре началась работорговля, которая развивалась с большой быстротой. Перед отправкой африканцев имя владельца и плантация, на которой они должны были трудиться, были выбиты на их плечах раскаленным железом. В течение ряда лет Сан-Доминго ежегодно открывал свои рынки для более чем двадцати тысяч вновь ввезенных рабов. С развитием

торговли и сельского хозяйства богатство распространилось во всех направлениях. Огромный прилив иммиграции из Франции и Испании и ежегодно ввозимое огромное количество африканцев настолько увеличили население, что к началу Французской революции в 1789 году на острове насчитывалось девятьсот тысяч душ. Из них семьсот тысяч были африканцами, шестьдесят тысяч - смешанной крови, а остальные были белыми и выходцами с Карибского бассейна. Подобно принудительному труду в наших Южных Штатах, рабство в Сан-Доминго держало мораль на низком уровне. Из-за слияния господ и рабов возникло мулатское население, которое в конечном итоге оказалось злейшими врагами своих отцов.

Многие плантаторы отправляли своих сыновей-мулатов получать образование во Францию. Когда эти молодые люди вернулись на Остров, они были очень недовольны проскрипциями, которые встречали их везде, где они появлялись. Достаточно белые, чтобы вселять в них надежду и устремления, многие мулаты обладали достаточным богатством, чтобы стать влиятельными. Благодаря своему образованию они знали о принципах свободы, которые пропагандировались в Европе и Соединенных Штатах, и всегда были начеку, чтобы воспользоваться возможностями для улучшения своего социального и политического положения. Только во французской части острова двадцать тысяч белых жили среди тридцати тысяч свободных мулатов и пятисот тысяч рабов. В испанской части перевес был еще больше в пользу рабов. Таким образом, численное преимущество и физическая сила были на стороне угнетенных. Право — самое опасное оружие - горе тому, кто оставляет его своим врагам!

Усилия Уилберфорса, Шарпа, Бакстона и Кларксона по отмене африканской работорговли и их пропаганда равенства рас были хорошо поняты цветными людьми. Кроме того, на Острове они убедились в своей собственной силе и в том, что им симпатизирует вся Европа. Известие о присяге Теннисного корта и взятии Бастилии в Париже было воспринято жителями Сан-Доминго с величайшим энтузиазмом.

Объявление об этих событиях было с восторгом встречено как белыми плантаторами, так и мулатами; первые, потому что они надеялись, что революция в Метрополии обеспечит им независимость колонии; вторые, потому что они рассматривали это как движение, которое даст им равные права с белыми; и даже рабы рассматривали это как предвестие их собственной эмансипации. Но волнение, которое вспышка в Париже вызвала среди свободных цветных людей и рабов, сразу же убедило плантаторов в том, что отделение от Франции станет похоронным звоном по рабству в Сан-Доминго.

Хотя мулаты и были освобождены законом от власти отдельных лиц, они не имели никаких прав; изолированные от общества из-за своего цвета кожи, лишенные религиозных и политических привилегий, они ощущали свою деградацию даже острее, чем невольники. Сыну-мулату не разрешалось обедать за столом своего отца, преклонять с ним колени во время богослужений, носить его имя, наследовать его имущество и даже лежать на кладбище своего отца. Сознывая свою личную социальную несправедливость, мулаты терпели, если не поощряли, низкие и мстительные страсти. Они были надменны и презрительны к черным, которых презирали, и ревнивы и буйны по отношению к белым, которых ненавидели и боялись.

Мулаты немедленно отправили одного из своих представителей в Париж, чтобы изложить перед Конституционным собранием свое требование о равных правах с белыми. Винсент Оже, их депутат, был хорошо принят в Париже Лафайетом, Брисо, Барнавом и Грегуаром и был допущен к участию в Ассамблее, где он красноречиво описал недостатки своей расы. Настаивая на

своих требованиях, он заявил, что если мулатов лишат равенства, они прибегнут к силе. Это поддержали Лафайет и Барнав, которые сказали: “Скорее погибнут колонии, чем принцип”.

Ассамблея приняла указ, удовлетворяющий требования цветных людей, и Оге был назначен разносчиком этой новости своим собратям. Плантаторы вооружились, встретили молодого помощника шерифа, когда он возвращался на Остров, и завязалась битва. Свободные цветные сплотились вокруг Оге, но они потерпели поражение и были взяты в плен вместе со своим храбрым лидером; сначала их пытали, а затем живьем вздернули на колесе.

Перспектива свободы на время была отложена, но кровь Оге и его товарищей тихо бурлила в сердцах африканской расы; они поклялись отомстить за них.

Объявление о смерти Оге в залах Ассамблеи в Париже вызвало значительный ажиотаж и стало темой разговоров в клубах и на бульварах. Грегуар защищал курс цветных мужчин и сказал: “Если свобода была правильной во Франции, то она была правильной и в Сан-Доминго”. Он хорошо знал, что преступление, за которое Оге пострадал в Вест-Индии, составило славу Мирабо и Лафайета в Париже, Вашингтона и Хэнкока в Соединенных Штатах. Плантаторы на острове дрожали от собственных репрессивных действий, и ужас подтолкнул их к еще большему насилию. Кровь Оге и его сообщников повсюду посеяла отчаяние и заговоры. Французы послали армию в Сан-Доминго, чтобы обеспечить соблюдение закона.

Плантаторы силой отразили войска, посланные Францией, отрицая ее прерогативы и отказываясь от гражданской присяги. В разгар этих нарастающих проблем плантаторам, проживавшим во Франции, было предложено вернуться и помочь в отстаивании гражданской независимости острова. Тогда мулаты искренне обратились к рабам, и результат был ужасающим. Рабы пробудились, как от зловещего сна, и потребовали своих прав с мечом в руке. Добившись немедленного успеха и обнаружив, что плантаторы не предоставят им свободу, они быстро увеличили свою численность; и менее чем через неделю после начала шторма он пронесся по всей северной равнине, с востока на запад, и от гор до моря. Великолепные виллы и богатые фабрики поддались ярости всепожирающего пламени, так что горы, покрытые дымом и горячей золой, поднимаемой ветром, были похожи на вулканы, а атмосфера, охваченная огнем, напоминала печь.

Таковы были возмущенные чувства народа, чьи предки были безжалостно оторваны от родной земли и проданы на развалинах Сан-Доминго. Чтобы запугать чернокожих и убедить их в том, что они никогда не смогут стать свободными, плантаторы убивали их со всех сторон тысячами.

За борьбой в Сан-Доминго с большим интересом наблюдали друзья чернокожих как в Париже, так и в Лондоне, и все, казалось, с надеждой смотрели на восстание чернокожего вождя, который должен был проявить себя адекватно в чрезвычайной ситуации. И искали они не напрасно. Посреди беспорядков, которые угрожали со всех сторон, негритянский вождь появился в образе раба по имени Туссен. Этот человек был внуком короля Ардры, одного из самых могущественных и богатых монархов на западном побережье Африки. Благодаря своей собственной энергии и настойчивости Туссен научился читать и писать и пользовался большим уважением окружающих плантаторов, а также их рабов.

Внешне он был среднего роста, с ярко выраженными африканскими чертами лица, хорошо развитым лбом, довольно прямой и опрятной фигурой, пронзительными и яркими глазами, с серьезностью в разговоре, которая, казалось, очаровывала слушателя. Его достойное, спокойное и незатронутое поведение привело бы к тому, что в любой компании мужчин его выбрали бы как человека, рожденного для лидера.

У него было много личных добродетелей, и он обладал глубоким и всепроникающим чувством религии; в лагере он доходил до Оливера Кромвеля. Туссен родился на острове, и ему было пятьдесят лет, когда его призвали на фронт. Одной из его главных черт была человечность.

Прежде чем принять какое-либо участие в революции, он помог семье своего хозяина спастись от надвигающейся опасности. Увидев, что революционное движение недостижимо для них, он поступил в армию младшим офицером, но вскоре был назначен адъютантом генерала Биссу. На острове царили беспорядки и кровопролитие, и каждый день приносились свежие известия о грабежах, совершенных белыми, мулатами и чернокожими.

До сих пор чернокожими руководили Жан-Франсуа, Биссу и Жанно. Первым из них был раб, молодой креол приятной наружности; он задолго до революции получил свободу. В начале трудностей он бежал в горы и присоединился к маронам, большому клану беглых рабов, которые в то время скитались по лесам и горам, что обеспечивало этому классу безопасное убежище. Этот человек был мягким, тщеславным, добродушным и любил роскошь.

Биссу принадлежал к религиозной организации, получившей название “Отцы милосердия”. Он был вспыльчивым, гневным, опрометчивым и мстительным; всегда в действии, всегда верхом на лошади, с белым поясом и перьями на шляпе, или грелся на солнышке в обществе женщин, которых он очень любил. Жанно, раб с плантации месье Булле, был маленьким и худощавым человеком и отличался безграничной активностью. Вероломный душой, он выглядел устрашающе и отталкивающе. Способный на величайшие преступления, он был недоступен сожалению или раскаянию.

Поклявшись в непримиримой ненависти к белым, он трепетал от ярости, когда видел их; и самым большим удовольствием для него было омыть руки в их крови. Эти трое были предводителями чернокожих до появления Туссена; и при их правлении криком было “Кровь, кровь, кровь!” Таково было положение дел, когда Колониальная ассамблея приняла декрет, предоставляющий равные права мулатам и призывающий их помочь в восстановлении порядка и возвращении рабов в их оковы. Пораженные этим указом и получившие все, чего они желали, свободные цветные присоединились к плантаторам в кровавом крестовом походе против рабов. Этот союз белых и мулатов, призванный помешать рабу получить свободу, породил неприязнь между двумя запрещенными классами, которую семьдесят лет не смогли изгладить. Французское правительство направило вторую армию в Сан-Доминго, чтобы обеспечить соблюдение законов, дав свободу рабам, и Туссен присоединился к ней по прибытии на остров и храбро сражался против плантаторов.

В то время как жители Сан-Доминго таким образом боролись между собой, революционное движение во Франции попало в руки Робеспьера и Дантона, и гильотина ежедневно обезглавливала тысячи людей. Когда известие о смерти Людовика XVI. достигло Сан-Доминго, Туссен и его спутники покинули французов и присоединились к испанской армии в восточной

части острова и сражались на стороне короля Испании. Здесь Туссен был произведен в бригадные генералы и проявил себя на поле боя как самый решительный враг французских плантаторов.

Две армии встретились; на улицах завязалась битва, и многие тысячи были убиты с обеих сторон; плантаторы, однако, потерпели поражение. Во время конфликта город был подожжен, и со всех сторон были представлены шокирующие свидетельства резни, пожаров и мародерства. Политические и религиозные распри, бушевавшие в клубах и на улицах Парижа, перенеслись на Сан-Доминго, где они бушевали со всей жарой тропического климата и враждебностью гражданской войны. Пламя французской революции в Париже, невежество и своеволие плантаторов действительно подожгли остров Сан-Доминго. Комиссары со своей свитой удалились из горящего города в соседнее нагорье, где был разбит лагерь для защиты разрушенного города от противоборствующей стороны. Не доверяя плантаторам и опасаясь реакции, комиссары провозгласили всеобщую эмансипацию рабовладельческого населения и пригласили чернокожих, присоединившихся к испанцам, вернуться. Туссен и его последователи приняли приглашение, вернулись и были зачислены в армию под началом комиссаров. Из Франции прибыли свежие войска, которые, как только оказались на острове, разделились — одни перешли на сторону плантаторов, другие - комиссаров. Белые республиканцы Метрополии были настроены против белых республиканцев Сан-Доминго, которым они были посланы на помощь. Чернокожие и мулаты воевали друг с другом; старые и молодые, обоего пола и всех цветов кожи, были преданы мечу, в то время как ярость пламени перекидывалась от плантации к плантации и от города к городу.

ГЛАВА XIII. УСПЕХ ТУССЕНА.

Во время этих печальных волнений Туссен, благодаря своему превосходному знанию характера своей расы, своей человечности, великодушию и мужеству, завоевал доверие всех, кто находился под его командованием. Скорость, с которой он перемещался от поста к посту, поражала всех. Благодаря своему гению и выдающейся активности Туссен собрал свежие силы, поднял репутацию армии и изгнал англичан и испанцев с острова.

Кипящий котел революции во время ее развития выбросил на поверхность нескольких новых военных, чьи имена стали нарицательными в Сан-Доминго. Первым из них, после Туссена, был Кристоф, человек чисто африканского происхождения, хотя и уроженец Новой Гренады. Выйдя на свободу в возрасте пятнадцати лет, он приехал в Сан-Доминго, где прожил до начала революции. У него были горящие глаза, и более храброго человека на свете не было. Туссен рано обнаружил в нем хорошие качества и сделал его своим лейтенантом, из которого он вскоре дослужился до дивизионного генерала.

Как военный Кристоф считался намного выше Туссена; и его высокую, стройную фигуру, одетую в генеральскую форму, приветствовали с энтузиазмом, где бы он ни появлялся.

Рядом с Кристофом был Дессалин. Никто из тех, кто принимал участие в революции Сан-Доминго, не подвергался столь суровому осуждению, как этот вождь. В начале трудностей Дессалин был рабом домашнего плотника, у которого он научился этому ремеслу. Это был невысокий мужчина мускулистого телосложения, грязно-черного цвета. У него был надменный и свирепый вид. Голод, жажду, усталость и недосыпание он, казалось, был вынужден терпеть, как будто из-за особенностей телосложения. Дессалин не был уроженцем ни одного из островов Вест-Индии, поскольку отметины на его руках и груди, а также глубокие борозды и порезы на лице указывали на то, что местом его рождения было побережье Африки. Закаленный выдержкой и тяжелым трудом в тяжелой жизни, его тело обладало удивительной силой выносливости. Своей активностью и необычайной свирепостью на поле боя он впервые привлек внимание Туссена, который поместил его среди своих проводников и сопровождающих, а впоследствии быстро продвинул по нескольким ступеням до звания третьего в командовании. Более отважный человек никогда не появлялся на поле битвы. Что самое странное в истории Дессалина, так это то, что он был дикарем, рабом, солдатом, генералом и умер императором.

Среди мулатов было несколько отважных вождей. Самым способным из них был Риго, сын богатого плантатора. Получив образование в Париже, он отличался утонченными манерами и элегантным языком. Если бы Риго родился в Азии, он правил бы империей, поскольку обладал всеми качествами великого человека.

В религии он был полной противоположностью Туссену. Поклонник Вольтера и Руссо, он изучал их работы. Долгое пребывание в Париже позволило ему познакомиться со многими последователями этих двух выдающихся философов.

Он видел, как двести тысяч человек шли за останками Вольтера, когда их переносили в Пантеон, и в своем восхищении великим писателем смешал свободу с неверием.

Риго был первым среди мулатов и встал на сторону плантаторов в их войне против черных. Но растущее влияние этого вождя рано посеяло страх в рядах белых, который мулаты видели и чувствовали повсюду.

В военном деле, верховой езде и других видах деятельности Риго был первым человеком на острове любого цвета кожи. Туссен свидетельствует о великом мастерстве генерала-мулата следующим образом: “Я хорошо знаю Риго. Он соскакивает с лошади на полном скаку и вкладывает всю свою силу в руку, когда наносит удар”. Он был безграничен в средствах, так же как храбр и отважен. Вспыльчивый и раздражительный, он временами казался надменным. Завораживающую власть, которую он имел над мужчинами своего цвета кожи, трудно описать. В начале революции он возглавил движение мулатов в своем родном городе и вскоре собрал вокруг себя внушительную армию людей. Легион Риго считался, безусловно, самым обученным и надежным в бою из всех войск, собранных на острове.

Мулаты теперь настаивали на своих притязаниях на гражданство и политические права, вооружаясь для защиты своих прав; активность и талант их великого лидера Риго были руководством и поддержкой их предприятия. Белые ненавидели его в той же степени, в какой они боялись его влияния на свою расу.

Непреклонность его характера, которая придавала твердость и последовательность его политике, одновременно контролируя интересы его собратьев, сделала его дорогим для них.

Интриги и коварство ничего не могли поделать с планами того, кто всегда был начеку и у кого были средства противодействия всем тайным покушениям против него; а открытое применение силы в полевых условиях не могло привести к успеху в уничтожении вождя, власть которого часто ощущалась, но личность которого редко видели.

Таким образом, чтобы осуществить давно вынашиваемый план, белые из О—Ке теперь тайно готовили шахту для Риго, которая, хотя и была усыпана цветами и должна была быть взрыта рукой мнимой дружбы, считалась надежным и действенным способом избавить их от такого противника и навсегда уничтожить притязания мулатов.

Было предложено, чтобы годовщину разрушения Бастилии отмечали в городе как белые, так и мулаты в знак единения и благодарности. Гражданская процессия направилась к церкви, где было пропето "Богослужение" и произнесена речь гражданина Дельпеча. Площадь Армии была заставлена столами с закусками, за которыми сидели как белые, так и мулаты. Но за этим кажущимся патриотизмом и дружбой скрывался темный и роковой заговор, замышлявший предательство и смерть.

Было решено, что по заранее установленному сигналу каждый белый за столом должен вонзить свой нож в грудь мулата, который сидел ближе всех к нему. Вокруг места празднества были расставлены пушки, чтобы ни один беглец от резни не имел возможности скрыться; и чтобы Риго не преминул стать первой жертвой заговора, специально подготовленного против его жизни, главнокомандующий национальной гвардией был поставлен рядом с ним, и убийство вождя мулатов должно было послужить сигналом к общему наступлению на всех его сторонников.

Но между замыслом и совершением преступного деяния врожденное отвращение человека к преступлению часто создает множество препятствий на пути к успеху. Офицер, которому было поручено убийство Риго, счел нелегким делом довести свою храбрость до предела, и ожидаемый сигнал, который он должен был показать кровью своим соратникам, был так долго отложен, что к нему со всех концов стола начали прибывать тайные гонцы, спрашивая, почему над Риго не была произведена казнь. Побуждаемый этими последовательными призывами, белый генерал, наконец, приступил к выполнению роковой задачи, которая была ему поручена. Но вместо того, чтобы молча вонзить кинжал в грудь вождя мулатов, он набросился на него с пистолетом в руке и с громкими проклятиями выстрелил в намеченную жертву. Но Риго остался невредим, и в завязавшейся драке белый убийца был обезоружен и обращен в бегство.

Изумление мулатов вскоре уступило место волнению и негодованию, и это привело к сражению вничью, в котором и белые, и мулаты, хотя и были доведены до крайности, дрались один на один.

Борьба продолжалась ожесточенно, пока белые не были изгнаны из города, потеряв сто пятьдесят человек и убив многих своих противников. Весть об этом заговоре быстро разлетелась во всех направлениях; и таково было возмущение мулатов этим нападением на их вождя, смерть которого даже была объявлена в нескольких местах несомненной, что они схватились со всеми белыми в пределах их досягаемости, и их немедленная резня была предотвращена только получением сведений о том, что Риго все еще жив.[\[36\]](#)

Враждебные притязания Туссена и Риго, которые делили между собой всю власть на острове, вскоре вызвали кровавую борьбу между неграми и мулатами.

Борьба была неравной, ибо чернокожих насчитывалось пятьсот тысяч, в то время как мулатов было всего тридцать тысяч. Мулаты, встревоженные перспективой того, что будущее правительство острова, скорее всего, будет полностью поглощено неграми, стекались со всех концов острова, чтобы присоединиться к рядам Риго. Как народ, мулаты были наделены большим умом; они были более предприимчивыми, и во всех отношениях их физическое превосходство было более очевидным, чем у их соперников, чернокожих.

Они были одинаково свирепы и, хотя были уверены в своем превосходстве, они без малейшей мысли об унынии или страхе видели огромное неравенство в десять к одному между их противниками и ими самими. Риго начал войну, застигнув врасплох Леоган, где множество людей всех рангов и цвета кожи были безжалостно преданы смерти.

Туссен, узнав об этом, поспешил собрать все войска, которые у него тогда были в окрестностях Порт-о-Пренса, и приказал всем мулатам собраться в церкви этого города, где он взойшел на кафедру и объявил им о своем намерении отправиться войной против их братьев. Он сказал: “Я заглядываю в тайники вашей груди; вы готовы восстать против меня; но, хотя мои войска вот-вот покинут эту провинцию, вам это не удастся, потому что я оставлю позади себя и глаза, и руки: одну, чтобы наблюдать, а другую, чтобы дотянуться до вас”. В конце этого предостережения, каким бы угрожающим оно ни было, мулатам разрешили покинуть церковь, и они удалились, охваченные благоговением и трепещущие от беспокойства, по своим домам.

Войска Риго, сражаясь под предводительством вождя, которого они обожали, энергично защищали перевалы, ведущие на их территорию; и хотя их было всего несколько человек по сравнению с ордами, маршировавшими под знаменами Туссена, их храбрые усилия в целом увенчались успехом.

Мулаты под командованием Риго, более искусные в комбинациях военных действий, восполняли свой численный недостаток большей быстротой и эффективностью в своих операциях. За этим последовала серия виртуозных маневров и диверсий, которые обеспечивали полную занятость черной армии. Но Туссен был слишком силен, и он полностью разрушил надежды мулатов чередой побед, которые дали ему полный контроль над островом, за исключением, возможно, небольшой части Юга, которая все еще держалась. Риго, лишенный средств защиты, имел несчастье видеть, как его города один за другим переходили во власть Туссена, пока он не был отброшен к последней цитадели своей силы — городу О-Ке. Когда он таким образом уступал шаг за шагом, все было предано запустению, прежде чем было оставлено, и гений Туссена был полностью виноват в его попытках вытеснить генерала-мулата из его последних укреплений.

Каждая его попытка терпела неудачу, и его враг непоколебимо держался в страхе, несмотря на активные атаки и превосходящую численность его войск.

Правительство Франции было слишком занято дома своей собственной революцией, чтобы обращать какое-либо внимание на Сан-Доминго. Республиканцы в Париже, избавившись от своих врагов, ополчились друг на друга. Революция, подобно Сатурну, пожирала своих собственных детей; священник и народ были убиты на пороге правосудия. Марат погиб от рук Шарлотты Корде, Людовика XVI. Мария-Антуанетта были гильотинированы, Робеспьер взойшел на эшафот, а Бонапарт стал хозяином Франции.

Теперь завоеватель Египта обратил свое внимание на Сан-Доминго. Это был слишком важный остров, чтобы быть потерянным для Франции или уничтоженным гражданской войной; и благодаря посредничеству Бонапарта война между Туссеном и Риго была доведена до конца.

С прекращением этой борьбы исчезли все следы рабства и все препятствия на пути к свободе. Туссен приложил все усилия, чтобы сделать Хайти таким, каким он был раньше. Он делал все, что было в его силах, для развития сельского хозяйства; и в этом он преуспел сверх самых оптимистичных ожиданий друзей свободы как в Англии, так и во Франции. Даже оставшиеся на острове плантаторы признавали процветание Хайти под руководством человека, лучшие дни которого прошли в рабстве.

Амьенский мир оставил Бонапарта без соперника на континенте и с большой и опытной армией, которую он боялся оставлять без дела; и он решил отправить часть ее в Сан-Доминго.

Армия для экспедиции на Сан-Доминго была снаряжена, и не жалели сил и средств, чтобы сделать ее внушительной. Пятьдесят шесть военных кораблей с двадцатью пятью тысячами человек на борту отправились из Франции в Хайти. Это был действительно самый доблестный флот, который когда-либо выходил из французских владений. Альпы, Нил, Рейн и вся Италия гремели подвигами людей, которые теперь покидали свою страну с целью снова надеть цепи на конечности героического народа Сан-Доминго. В этой армии были люди, которые следовали за Бонапартом от осады Тулона до битвы под сенью египетских пирамид, — люди, поседевшие в лагере. Среди них было несколько цветных мужчин, отличившихся на поле боя.

Там был Риго, храбрейший из вождей мулатов, чья доблесть оспаривала лавры у Туссена. Там также был Петион, самый выдающийся ученый, которым мог похвастаться Сан-Доминго; и, наконец, был Бойе, которому в будущем суждено было стать президентом Республики Хайти. Эти последние трое храбрецов стали простофилями и орудиями Бонапарта и теперь были на пути к тому, чтобы помочь превратить страну, на которой они родились, в рабство.

СНОСКА:

[36]"История Святого Духа" Брауна. Доминго, Том I., стр. 257.

ГЛАВА XIV. ПЛЕНЕНИЕ ТУССЕНА.

Ле Клерк, шурин Бонапарта, человек, женившийся на сладострастной Полин, был главнокомандующим армией. Сам Ле Клерк не был человеком, особо выдающимся в военном деле; его близкие отношения с правителем Франции были всем, что у него было, чтобы рекомендовать его армии вторжения. Но с ним был Рошамбо и другие генералы, у которых было мало начальников по оружию. Перед прибытием в Хайти флот разделился, чтобы атаковать остров с разных сторон.

Известие о предполагаемом вторжении достигло Сан-Доминго за несколько дней до выхода эскадры из Бреста, и поэтому у черных было время подготовиться к встрече со своими врагами. Туссен сосредоточил свои силы в таких точках, которые, как он ожидал, подвергнутся

нападению в первую очередь. Кристофа послали защищать Кейптаун, а Порт-о-Пренс остался в руках Дессалина.

Ле Клерк с большей частью эскадры бросил якорь у Кейптауна и потребовал, чтобы это место сдалось. Ответ, который он получил от Кристофа, был таков, что он дал понять генерал-капитану, чего ему следовало ожидать при покорении Сан-Доминго. “Идите и скажите моему генералу, что французы пройдут сюда только по пеплу и что земля будет гореть у них под ногами”, - таков был ответ, который Ле Клерк получил в обмен на свое командование. Французский генерал отправил к Кристофу другого гонца, убеждая его сдаться и обещая чернокожему вождю высокий чин во французской армии. Но он обнаружил, что ему приходится иметь дело с мужчиной, а не с рабом. Разгневанный Кристоф прислал героический ответ: “Военное решение может впустить вас только в город, превращенный в пепелище; и даже на этом пепелище я все равно буду сражаться”. Затем чернокожий вождь раздал факелы своим старшим офицерам и стал ждать подхода французов.

Не имея военно-морского флота и практически не имея средств обороны, хайтийцы решили скорее разрушить свои города, чем они попадут в руки врага. Поздно вечером было замечено, что французские корабли сменили позицию, и Кристоф, довольный тем, что они вот-вот высадутся, поджег свой собственный дом, что послужило сигналом к сожжению города. Французский генерал заплакал, увидев океан пламени, поднимающийся с крыш домов в самом прекрасном городе Сан-Доминго.

Другая часть флота высадилась в Самане, где Туссен с опытным крылом армии был готов встретить их. Увидев, как корабли входят в гавань, героический вождь сказал: “Сюда идут поработители нашей расы. Вся Франция прибывает в Сан-Доминго, чтобы снова попытаться наложить оковы на наши конечности; но ни Франция со всеми ее войсками на Рейне, в Альпах, на Ниле, Тибре, ни вся Европа, пришедшая ей на помощь, не смогут погасить душу Африки. Эта душа, когда она когда-то была душой человека, а не раба, может свергнуть пирамиды и сами Альпы скорее, чем снова будет обращена в рабство”. Французы, однако, высадились, но не нашли ничего, кроме тлеющих руин там, где когда-то стояли великолепные города. Туссен и его генералы сразу же покинули города и ушли в горы, эти цитадели свободы в Сан-Доминго, где черные всегда оказывались сильнее белых.

Туссен обратился с воззванием к цветному населению, в котором сказал: “Сейчас вам предстоит встретиться и сразиться с врагами, у которых нет ни веры, ни закона, ни вероисповедания. Давайте примем решение, что эти французские войска никогда не покинут наши берега живыми”. Началась война, и черные одержали победу почти во всех сражениях. Там, где французы одерживали победу, они подвергали своих пленников самым мучительным пыткам; во многих случаях их сжигали в ямах и бросали в котлы с кипятком. Этому примеру жестокости, поданному белыми, последовали и черные. Именно тогда Дессалин, свирепый вождь, удовлетворил свою давно сдерживаемую месть белым плантаторам и французским солдатам, которых он взял в плен. Французский генерал понял, что ничего не добьется от черных на поле боя, и решился на хитрость, в которой слишком преуспел.

С Туссеном завязалась переписка, в которой капитан-генерал обещал признать свободу чернокожих и равенство всех, если он уступит. Поддавшись уговорам своих генералов и окружавших его чернокожих, которые были больны и устали от пролития крови, Туссен сдался французским властям. Это была величайшая ошибка его жизни.

Потери, которые французская армия понесла во время войны, были велики. Пятнадцать тысяч их лучших солдат и несколько храбрейших генералов пали от рук этих негров, которых они презирали.

Вскоре после того, как Туссен отказался от своей приверженности, во французской армии вспыхнула желтая лихорадка и унесла жизни почти всех оставшихся великих людей — более семисот врачей, не считая двадцати двух тысяч матросов и солдат. Среди них было полторы тысячи офицеров. Именно в это время Туссен мог возобновить войну с большим успехом. Но он был человеком слова и не захотел воспользоваться печальным состоянием французской армии.

Хотя воцарился мир, Ле Клерк все еще боялся Туссена; и по совету Наполеона черный генерал был арестован вместе со своей семьей и отправлен во Францию.

Едва великий вождь Сан-Доминго был доставлен на борт корабля "Креол", как он вышел из гавани, как Риго, генерал-мулат, сопровождавший Ле Клерка на Сан-Доминго, был арестован, закован в цепи и отправлен во Францию.

Арест Туссена и Риго вызвал подозрение и тревогу как у чернокожих, так и у мулатов, и это побудило их снова поднять знамя восстания, в котором объединились два запрещенных класса.

Из Франции прибыло двадцать тысяч свежих солдат, но им не суждено было увидеть Ле Клерка, потому что его унесла желтая лихорадка. В горах жило много варваров и диких негров, которые сбежали из рабства вскоре после того, как их привезли с побережья Африки. Одной из этих банд дикарей командовал Ламур де Ранс, ловкий, суровый, свирепый человек, полуголый, с эполетами, привязанными к обнаженным плечам, как единственный знак власти. Этот человек был привезен с побережья Африки и продан в рабство в Порт-о-Пренсе. Однажды ему приказали оседлать лошадь своего хозяина, и он так и сделал; затем сел на животное, убежал в горы и с тех пор навсегда сделал эти страшные края своим домом. Ламур переплывал с горы на гору с легкостью птиц своей родины. Туссен, Кристоф и Дессалин, каждый в свою очередь, преследовали его, но тщетно. Его манера сражаться соответствовала его одежде. Этот дикарь, объединившись с такими же, как он, стал полным хозяином дикой местности Сан-Доминго. Они вышли из своих горных жилищ и воевали с белыми везде, где их находили. К тому времени Ле Клерк был мертв, и Рошамбо, сменивший его в правительстве Сан-Доминго, отправился на Кубу за ищейками, с помощью которых можно было отслеживать чернокожих в горах.

Внешне Рошамбо был невысоким и полным, с деформированным телом, но крепкого телосложения; его манеры были жесткими и суровыми, хотя он имел склонность к сладострастию. У него не было ни способностей, ни опыта ведения войны. В юности он на глазах своего прославленного отца служил делу свободы в Соединенных Штатах; и, находясь на службе в рабовладельческой части нашего правительства, у него сложилось низкое представление о чернокожих, которое преследовало его даже в Сан-Доминго.

Поэтому плантаторы с радостью приветствовали Рошамбо как преемника Ле Клерка; и когда прибыли ищейки, за которыми он послал на Кубу, раздались выстрелы из пушек и различные проявления радости.

Даже женщины, жены плантаторов, ходили на берег моря, знакомились с животными и надевали им на шеи гирлянды, а некоторые целовали и ласкали собак.^[37]

Такова была деградация человеческой природы. В то время как белые женщины подбадривали французов, которые завезли ищеек в качестве вспомогательных средств, чернокожие женщины использовали всю свою силу убеждения, чтобы поднять чернокожих на бой. Многие из этих женщин ходили от лагеря к лагерю и от батальона к батальону, выставляя напоказ свои обнаженные тела, показывая свои израненные и избитые лица; это были знаки рабства, сделанные много лет назад, но теперь используемые во имя свободы человека.

Кристоф, принявший командование повстанцами, теперь безошибочно доказал, что он великий полководец и едва ли уступает Туссену. Двадцать тысяч свежих солдат прибыли из Франции на помощь Рошамбо, и все же черные одерживали победы, где бы они ни сражались. Французы слепо полагали, что жестокость по отношению к неграм заставит их подчиниться, и с этой целью направили всю свою энергию. Был возведен амфитеатр, и туда поместили двести собак, измученных крайним голодом, и бросили чернокожих пленников. Разъяренные животные спорили друг с другом за конечности своих жертв, пока земля не окрасилась человеческой кровью.

Триста отважных чернокожих были преданы смерти таким ужасным способом. Черные, рассредоточив свои силы по всем частям острова, быстро отбивали форты и города. Кристоф командовал на севере, Дессалин на западе и Клерво на юге.

Деспотизм и чувственность часто были спутниками. У Рошамбо одно обостряло аппетит к другому, как будто жадность к телесным удовольствиям приветствовала остроту, возникающую при виде телесной боли.

Немалую часть своего времени Рошамбо проводил за столом или на диванах с креолками, поклонницами удовольствий, а также самыми жестокими по отношению к своим рабам. Чтобы удовлетворить этих обворожительных куртизанок, в городах, залитых кровью чернокожих, были возведены эшафоты. Они даже казнили женщин и детей, единственным преступлением которых было то, что у них были братья, отцы или мужья среди повстанцев. Эти зверские убийства французов повергли чернокожих в ужас. Дессалин направился к мысу, чтобы встретиться с Рошамбо и отомстить за смерть черных. В своем стремительном и ужасном походе он окружил отряд французов и взял их в плен; и с помощью ветвей деревьев этот свирепый вождь воздвиг на глазах у Рошамбо пятьсот виселиц, на которых он повесил столько же пленников.

Многочисленные казни, начавшиеся на мысе, вскоре распространились и на другие места. Соленые воды Порт-о-Пренса были окроплены кровью, а внутри и снаружи стен были установлены и погружены строительные леса. Рука тирании посеяла ужас и смерть по берегам севера и запада. По мере того как восстание становилось все более дерзким, считалось, что наказания не были ни достаточно многочисленными, ни достаточно жестокими, ни достаточно разнообразными. Колонисты советовали и поощряли еще большую месть. Детей, женщин и стариков заточали в мешки и бросали в море; таково было наказание за отцеубийство у римлян десять столетий назад; и теперь к нему прибегают эти ненавистники свободы.

Рошамбо за один день предал смерти пятьсот чернокожих, пленных, которых он взял в бою. Двадцать старых офицеров Туссена были прикованы к скалам и умерли от голода.

Но черные постепенно овладевали опорными пунктами на островах.

“К оружию! к оружию!” - раздался клич по всему острову, пока каждый, кто мог использовать даже самое легкое орудие смерти, не оказался под оружием.

Дессалин, Белер и Ламартиньер разбили французского генерала при Веретте; нигде резня не была такой ужасной, как там. По простому кивку Дессалина люди, которые когда-то были рабами и которые боялись нового рабства, которым им угрожали, вырезали семьсот белых, которые были у Дессалина в плену.

Ребенок умер на руках своей больной и перепуганной матери; отец не смог спасти дочь, а дочь не смогла спасти отца. Мулаты лишали жизни своих белых отцов, у которых они были рабами или которые, позволив им выйти на свободу, отреклись от них; таким образом, они мстили себе за смешение своей крови. Столь ужасной была эта резня, что берега Артибонита были усеяны мертвыми телами, а воды окрасились кровью убитых. Могила не была вырыта, поскольку Дессалин запретил погребение, чтобы глаза французов могли видеть его месть даже в отвратительных остатках кровавой бойни.

Объединенный энтузиазм и храбрость чернокожих и мулатов оказались для французов непосильными. Окруженный со всех сторон, Рошамбо видел, как его войска гибнут из-за нехватки продовольствия. В течение многих недель они питались кониной, и им даже приходилось питаться собаками, которых они привезли с Кубы.

Доведенный до последней крайности голодом, французский генерал запросил мира и пообещал, что немедленно покинет остров; предложение было принято неграми, и Рошамбо приготовился вернуться во Францию. Французы сели на свои военные корабли, и знамя чернокожих снова развевалось над Кейптауном, столицей Сан-Доминго. Когда французы отплывали от Острова, они увидели освещенные вершины гор; это было пламя, разожженное не для войны, а для свободы. Каждое сердце билось за свободу, и каждый голос кричал от радости. От океана до гор, от города до города раздавался крик “Свобода! Свобода!” Так закончилась экспедиция Наполеона на Сан-Доминго. Менее чем за два года французы потеряли более пятидесяти тысяч человек. После ухода белых цветные люди опубликовали Декларацию независимости, в которой они сказали: “Мы поклялись не проявлять милосердия к тем, кто осмелится говорить с нами о рабстве”.

СНОСКА:

[37]"Жизнь Туссена Лувертюра" Берда.

ГЛАВА XV. ТУССЕН В ПЛЕНУ ВО ФРАНЦИИ.

В то время как дело независимости, в конце концов навязанное чаяниям туземцев Хайти, продвигалось быстрыми шагами среди всей этой суматохи армий и всей неразберихи деспотических жестокостей, Туссен Лувертюр чах в темной, сырой и холодной тюрьме Жу.

Этот замок стоит на берегу реки Доб; со стороны суши дорога из Безансона, ведущая в Швейцарию, дает крепости контроль над коммуникациями между этой страной и Францией. В этом подземелье, построенном римлянами, есть комната площадью пятнадцать квадратных

футов с каменным полом, таким же, из какого построен весь замок. Одно маленькое окошко, расположенное высоко сбоку и выходящее на снега Швейцарии, - единственное отверстие, которое освещает это унылое место. Зимой пол покрыт льдом, летом он залит водой. В эту живую гробницу поместили Туссена и оставили умирать.

Ему было запрещено всякое общение с внешним миром. Он не получал никаких известий о своей жене и семье. Он написал Бонапарту, требуя суда, но ответа не получил. Его проезд был ограничен суммой, недостаточной для обеспечения ему жизненных удобств. Его слугу забрали, а еды стало еще меньше; и таким образом, бывший правитель Сан-Доминго, человек, у которого в самый мрачный день восстания белые плантаторы искали спасения, хорошо зная его человечность, мало-помалу оказался на грани голодной смерти.

Жена и дети Туссена были арестованы, отправлены во Францию, разлучены с ним, и он ничего не знал об их местонахождении. Он написал Наполеону от их имени. В документе содержались такие слова:

“Генерал Ле Клерк применил по отношению ко мне средства, которые никогда не применялись по отношению к злейшим врагам. Несомненно, я обязан этим презрением моему цвету кожи; но разве этот цвет помешал мне служить своей стране с рвением и верностью? Цвет моего тела наносит ущерб моей чести или моему мужеству? Предположим, я преступник и что главнокомандующий имеет приказ арестовать меня; нужно ли было нанимать карабинеров для ареста моей жены и детей; выгонять их из дома без уважения и милосердия? Было ли необходимо стрелять по моим плантациям и по моей семье или грабить мою собственность? Нет! Моя жена, мои дети, мои домочадцы не несли никакой ответственности; им нечего было отчитываться перед правительством. Генерал Ле Клерк не имел права даже арестовать их. Боялся ли этот офицер соперника?

“Я сравниваю его с римским сенатом, который преследовал Ганнибала даже после его ухода в отставку. Я прошу, чтобы мы с ним предстали перед судом и чтобы правительство передало всю мою переписку с ним. Таким образом, моя невиновность и все, что я сделал для республики, будут доказаны”.

Туссен даже не знал о смерти Ле Клерка. Обнаружив, что гуманность Коломье, коменданта замка, не позволит узнику умереть с голоду достаточно быстро, Наполеон приказал сторожу удалиться, и по его возвращении Туссен был мертв.

Так в начале апреля 1803 года умер Туссен Лувертюр, внук африканского короля. Большую часть своих дней он провел в рабстве, стал солдатом, генералом, губернатором и по сей день живет в сердцах жителей своего родного острова. Наделенный от природы высокими душевными качествами, он был обязан своим возвышением собственной энергии и своей преданности благополучию и свободе своей расы. Его привычки были вдумчивыми, и, как у большинства людей энергичного темперамента, он вкладывал много смысла в то, что говорил.

Его взгляды были настолько глубокими и оригинальными, что начиная с его эпохи к ним последовательно прислушивались все вожди Сан-Доминго, и до сих пор они не утратили своей приспособленности к условиям страны. Его мысли были обильны и полны энергии; и то, что он мог хорошо выразить на своем родном наречии, он находил скучным и неудовлетворительным во французском языке, которым он был вынужден пользоваться в деталях своего официального бизнеса.

Он никогда не подписывал то, чего не понимал до конца, заставляя двух или трех секретарей переписывать документ до тех пор, пока им не удавалось сформулировать конкретную фразу, выражающую его смысл. Находясь на пике своего могущества, когда все вокруг него было обставлено со всеми удобствами, а его офицеры жили в роскоши, сам Туссен придерживался строгой трезвости, граничившей с воздержанностью.

Одетый в обычную одежду, с красным мадрасским платком, повязанным вокруг головы, он ходил среди людей, как чернорабочий. В таких случаях он часто брал мушкет, подбрасывал его в воздух и, поймав, целовал; снова поднимал его и восклицал, обращаясь к глазеющей толпе: “Вот ваш избавитель; в этом ваша свобода!” Туссен был полным хозяином своих appetites и страстей.

У него был обычай отправляться в путь в своей карете с явной целью посетить какую-нибудь определенную точку Острова, а когда он проезжал несколько миль, выходить из кареты, которая продолжала свой путь под тем же эскортом стражи, в то время как Туссен садился верхом и в сопровождении своих офицеров совершал быстрые экскурсии по стране в места, где его меньше всего ожидали. Именно одному из таких случаев он был обязан своей жизнью своему необычному способу передвижения. Он только что вышел из кареты, когда засада мулатов, укрывшихся в зарослях Букассена, выстрелила в гвардейца; несколько пуль пробили карету, и одна из них убила старого слугу, сидевшего на месте своего хозяина.

Никто лучше него не знал искусства управления людьми, находящимися под его юрисдикцией. Большая часть чернокожих любила его до идолопоклонства. Почитание Туссена не ограничивалось границами Сан-Доминго; оно распространилось по всей Европе; и во Франции его имя часто произносилось в сенате с восхвалением отточенного красноречия. Никто не может оглядываться назад, на его карьеру, не чувствуя, что Туссен был замечательным человеком. Не будучи приучен к военному делу, он стал доблестным солдатом и поставил в тупик мастерство самых опытных генералов, следовавших за Наполеоном. Не имея военных знаний, он сражался так, словно родился в лагере.

Не имея средств, он успешно вел войну. Он разбил своих врагов в бою и обратил их оружие против них самих. Он обладал великолепными чертами гения, которые развились в частном кругу, в зале совета и на поле битвы. Само его имя стало опорой для его друзей и ужасом для его врагов.

ГЛАВА XVI. ДЕССАЛИН КАК ИМПЕРАТОР ХАЙТИ.

Едва Рошамбо с остатками своей разбитой армии отступил с Сан-Доминго, как весть о смерти Туссена достигла Острова. Сообщение об этом, а также тот факт, что их великий полководец умер от голода, убедили туземцев в истинной правоте их дела и подлинной мощи их сил. Они мерялись силами с белыми и сознавали собственное превосходство. Рабство в Сан-Доминго было мертво, и мертво навсегда. Общий враг был уничтожен, и победа была одержана союзом чернокожих и мулатов, и они выдвинули Декларацию прав, в которой говорилось:

“Провозглашается независимость Сан-Доминго. Восстановленные в нашем первобытном достоинстве, мы обеспечили свои права; мы клянемся никогда не уступать их ни одной силе в

мире. Ужасающая завеса предрассудков разорвана в клочья; пусть это останется так навсегда. Горе тому, кто захочет собрать окровавленные лохмотья. Мы поклялись не проявлять милосердия к тем, кто осмелится говорить с нами о рабстве”. Этот документ был подписан Дессалином, Кристофом и Клерво, тремя вождями, которые вели войну после взятия Туссена.

Первый из них был чернокожим и представлял ту часть его расы, которая питала чувства самой крайней ненависти к белым. Второй тоже был чернокожим, но более склонным к умеренности. Третий представлял мулатов, хотя у него не было ни малейшего предубеждения против чернокожих, столь распространенного в те дни. Клерво был храбрым человеком и сражался под командованием Туссена до высадки Ле Клерка и Рошамбо.

Благодаря отваге, проявленной на поле битвы, своему свирепому и кровожадному взгляду, своей жажде крови Дессалин стал лидером чернокожих в войне за свободу; и теперь, когда победа была на их знаменах и гражданское правительство Острова должно было перейти в их руки, он отставил своих соратников и взял управление государством в свои руки. Жан-Жак Дессалин был назначен пожизненным генерал-губернатором. Он был не только пожизненным офицером, но и обладал властью устанавливать законы, объявлять войну, заключать мир и даже назначать своего преемника.

Показной мягкостью добившись преимущества, которого он добивался, — приобретения власти, — Дессалин через несколько недель после своего назначения пожизненным губернатором сбросил маску и поднял крик “Хайти для хайтийцев”, думая, что, запретив въезд иностранцам, он самым эффективным образом укрепит свою собственную власть.

С этого момента карьера этого свирепого человека была запятнана невинной кровью и преступлениями, которым нет аналогов, разве что в темных деяниях Рошамбо, которому он, казалось, стремился подражать. Чернокожие, обезумевшие от воспоминаний о рабстве и преступлениях, совершенных под его влиянием; обезумевшие от часто повторяющихся историй об убийствах, совершенных французами, и от присутствия многих из их старых хозяев, все еще находящихся на Острове, и чьи кровавые деяния Дессалин постоянно напоминал им в своих прокламациях, были легко втянуты этим человеком в худшее из преступлений.

8 октября 1804 года Дессалин был провозглашен императором Хайти с титулом Жан-Жака Первого. Перепись населения, проведенная в 1805 году, показала, что население той части острова, которой правил Дессалин, составляло всего четыреста тысяч.

Титул величества был присвоен новому императору, а также его августейшей супруге, императрице; их личности были объявлены неприкосновенными, а корона - выборной; но император имел право назначить своего преемника из числа избранных кандидатов. Сыновья государя должны были пройти все чины армии.

Каждый император, который придаст себе привилегированное подразделение под названием "почетный караул" или любое другое обозначение, фактически будет рассматриваться как находящийся в состоянии войны с нацией и должен быть свергнут с трона, который затем должен был занять один из государственных советников, выбранный большинством членов этого подразделения.

Император имел право издавать, одобрять и публиковать законы; заключать мир и войну; заключать договоры; распределять вооруженные силы по своему усмотрению; он также

обладал исключительной прерогативой помилования. Генералы бригады и дивизии должны были входить в состав государственного совета. Помимо государственного секретаря, в состав должны были входить министр финансов и военный министр. Всем лицам было рекомендовано урегулировать свои разногласия путем арбитража.

Не допускалась никакая господствующая религия; была провозглашена свобода вероисповедания; государство не должно было брать на себя поддержку какого-либо религиозного института. Брак был объявлен чисто гражданским актом, и в некоторых случаях разрешался развод. Государственные преступления должны были рассматриваться советом, назначаемым императором. Все имущество, принадлежащее белым французам, было конфисковано в пользу государства. Дома горожан были объявлены неприкосновенными.

Конституция была поставлена под охрану магистратов, отцов, матерей, граждан, солдат и рекомендована их потомкам, всем друзьям свободы, филантропам всех стран как поразительный знак благости Бога, который в порядке своих бессмертных указов дал гаитянам власть разорвать свои узы и сделать себя свободным, цивилизованным и независимым народом. Эта Конституция, которая, учитывая ее происхождение, содержит так много превосходного и которую даже давно цивилизованные государства Европы могли бы с пользой изучить, была принята императором и приказана немедленно привести в исполнение.

Положение батрака было таким же, как при системе Туссена-Лувертюра; он трудился за заработную плату, которая была установлена в размере одной четвертой части продукта, и этого продукта было в избытке. Кнут и все телесные наказания были отменены.

Праздность считалась преступлением, но наказывалась только тюремным заключением. Две трети рабочей силы, добываемой при рабстве, составляли сумму, необходимую при новой системе. Таким образом, трудящиеся добились уменьшения на треть своего труда, в то время как их потребности были в изобилии удовлетворены. Мулатам, или кватеронам, детям белых и мулаток, которых было очень много, если они могли доказать какое-либо родство, законное или нет, со старыми белыми владельцами, разрешалось наследовать их имущество.

Среди этих внешних и материальных условий образованием не пренебрегали. Почти во всех округах были открыты школы; и люди, видя, какую пользу можно извлечь из обучения, поступали в них и усердно трудились, чтобы обрести на свободе то, чего они лишились в рабстве.

Создатели конституции, согласно которой Дессалин вступил в должность императора, предприняли достойные похвалы усилия, направленные на устранение всех различий по цвету кожи среди самих цветных людей.

Они постановили, что люди должны называться *чернокожими*; но такие различия гораздо сильнее, чем слова на бумаге. К сожалению, различия, о которых идет речь, глубоко укоренившиеся и основанные на предрассудках и антипатиях, которые никогда не изгладятся из человеческой натуры, усугубились длительными и кровопролитными столкновениями между неграми и мулатами.

Сознавая то индивидуальное превосходство, которое проистекает из участия в влиянии цивилизации, мулаты Хайти презирали необразованных чернокожих рабочих, которыми они были окружены, и чувствовали, что, подчиняясь их власти, они ставят себя под господство

большинства, единственная власть которого заключалась исключительно в их численности. Мулаты действительно верили, что их естественное положение - занимать места в правительстве, которые когда-то занимали белые.

Они, без сомнения, забыли бы о своих партийных интересах и трудились бы над распространением среди широких масс населения более высокого влияния цивилизации, если бы могли занять эти позиции.

Взаимная ненависть между мулатами и неграми была настолько глубоко укоренившейся, что ни одна из сторон не могла видеть ничего хорошего в другой; и поэтому все, что выдвигала одна сторона, каким бы достойным само по себе оно ни было, другая воспринимала с подозрением.

Регулярная армия Дессалина состояла из пятнадцати тысяч человек, в которую был включен корпус из полутора тысяч кавалеристов. Это было пестрое сборище чернокожих в лохмотьях, которых держали в строю и которые выполняли свои ограниченные обязанности благодаря благоговейному страху, внушаемому им суровой имперской дисциплиной. Форма войск не была изменена, когда Остров был превращен в независимую державу, и красный и синий цвета французской армии все еще продолжали отличать солдат армии Хайтиан, даже когда французов презирали как расу монстров, с которыми чернокожие Сан-Доминго не должны были иметь ничего общего. Вместе с регулярной армией империи существовал многочисленный корпус национальной гвардии, состоявший из всех, кто был способен носить оружие; хотя в их услугах не нуждались, кроме как в случае какой-нибудь опасной чрезвычайной ситуации в государстве. Национальная гвардия и регулярная армия вызывались на поле боя четыре раза в год; и в эти периоды военных действий правительство Дессалина руководило страной вооруженных солдат, поскольку они оставались в своем лагере в течение нескольких дней, чтобы пройти инструктаж по военным знаниям и быть осмотренными высшими офицерами империи.

Теперь Дессалин выступил с прокламацией, полной обвинений в адрес белых французов, все еще находящихся на острове.

Этот свирепый манифест был задуман как предварительная мера в череде последующих ужасных событий. В феврале 1805 года были изданы приказы о преследовании и аресте всех тех французов, которые были обвинены в соучастии в казнях по приказу Рошамбо.

Дессалин утверждал, что более шестидесяти тысяч его соотечественников были утоплены, задушены, повешены или расстреляны в ходе этих массовых убийств. “Мы принимаем эту меру, - сказал он, - чтобы показать народам мира, что, несмотря на защиту, которую мы предоставляем тем, кто лоялен к нам, ничто не помешает нам наказать убийц, получивших удовольствие от омовения своих рук в крови сынов Хайти”.

Эти подстрекательства не заставили себя долго ждать, вызвав соответствующие последствия среди населения, за столько лет приученного к жестокости, которое ненавидело французов в их отсутствие в той же степени, в какой боялось их в присутствии. 28 апреля было объявлено, что все французы, проживающие на острове, должны быть преданы смерти; и этому бесчеловечному приказу Дессалина с готовностью подчинились его сторонники, особенно мулаты, которым пришлось проявить пламенное рвение к своему новому государю, чтобы не пасть жертвами его кровавой мести. Действуя под страшным надзором Дессалина, все чернокожие вожди были вынуждены проявлять одинаковую жестокость; и если кто-то из

французов был спасен от смерти, то это произошло благодаря милосердию низших чернокожих, которые не осмеливались уклоняться от их великодушия. Дессалин обошел все города, где еще оставались французские граждане, и пока его солдаты убивали несчастных жертв его свирепости, чудовище с тайным самодовольством злорадствовало над сценой побоища, словно какой-то злобный дьявол, наслаждающийся муками страданий тех, кто пал жертвой его коварства.

Массовое убийство было совершено со строгим соблюдением порядка, что доказывает, насколько тщательно оно было подготовлено. Были приняты все надлежащие меры предосторожности, чтобы под запрет не попали никакие другие белые, кроме французов. В городе Кейп-Франсуа, где произошла резня, в ночь на 20 апреля сначала были приняты меры предосторожности, послав отряды солдат в дома американских и английских купцов со строгим приказом не допускать туда никого, даже черных генералов, без разрешения хозяина дома, который был заранее проинформирован обо всем, что должно было произойти. Этот приказ был выполнен настолько точно, что одному из этих привилегированных лиц посчастливилось сохранить жизни нескольким французам, которых он прятал в своем доме и которые оставались в своем убежище до тех пор, пока не закончилась преступная трагедия.

Были спасены от уничтожения священники, хирурги и некоторые необходимые ремесленники, составлявшие в общей сложности десятую часть жителей Франции. Все остальные были убиты без учета возраста или пола. Личная безопасность, которой пользовались белые иностранцы, не была защитой от ужаса, внушаемого им сценами страданий, которые разыгрывались снаружи. Каждую минуту ночи был слышен стук топоров, которыми выламывали двери соседних домов; пронзительные крики, за которыми следовала гробовая тишина, вскоре, однако, сменившаяся возобновлением тех же звуков горя и ужаса, когда солдаты переходили от дома к дому.

Когда эта ночь ужаса и резни закончилась, вероломная жестокость Дессалина еще не утихла. Утром было опубликовано императорское воззвание, в котором утверждалось, что французы достаточно отомстили за чернокожих, и приглашалось всем, кто избежал убийства предыдущей ночью, явиться на площадь Армии в городе, чтобы получить охранные грамоты; им было объявлено, что, поступая так, они могут рассчитывать на полную безопасность для себя.

Многие сотни французов были предупреждены о резне, и благодаря своевременному сокрытию им удалось сохранить свои жизни. Полностью обойденные дьявольской хитростью Дессалина, эти немногие уцелевшие вышли из своих укрытий и собрались в кучу на площади Армии. Но в тот момент, когда они с нетерпением ожидали обещанных сертификатов безопасности, был отдан приказ об их исполнении. Поток воды, протекавший через город Кейп-Франсуа, был изрядно пропитан их кровью.^[38]

Многие великие вожди черной армии были поражены ужасом и отвращением при виде этой дьявольской жестокости своего императора. Кристоф был потрясен жестокостью этой меры, хотя и не осмелился открыто выступить против воли монарха. Дессалин не обладал болезненной чувствительностью души, которая нарушала бы его покой из-за сделки, почти не имеющей аналогов в истории. Он старался не делиться позором этой акции с подчиненными ему военачальниками своей армии, но без малейших угрызений совести присвоил себе всю честь этой меры.

В другом воззвании, обращенном к миру через несколько дней после резни, он хвастается, что проявил больше, чем обычно, твердости, и делает вид, что противопоставляет свою политическую систему мягкости Туссена, которого обвиняет если не в недостатке патриотизма, то, по крайней мере, в недостатке твердости в его общественном поведении. Принять участие в этой операции Дессалина побудила врожденная свирепость характера; но дух личной мести, несомненно, оказал свое влияние на подчиненных участников резни. Они ненавидели французов за жестокость Рошамбо.

Хотя полная эвакуация острова французскими войсками и непрерывное участие армий Наполеона в европейских войнах оставили чернокожих Сан-Доминго в полном владении этим островом, Дессалин жил в постоянном страхе, что завоеватель Европы воспользуется первой же свободной минутой для попытки подчинения своей новой империи. Чернокожий вождь даже утверждал в оправдание только что учиненной им резни, что французские жители острова были вовлечены в махинации против владычества чернокожих и что несколько французских фрегатов, находившихся в то время в Сан-Яго-де-Куба, вели военные действия на побережье и, казалось, угрожали высадкой на эту землю.

Находясь под влиянием этой постоянной озабоченности, Дессалин теперь обратил свое внимание на меры обороны на случай, если французы снова предпримут сокращение территории страны. Было приказано, чтобы при первом появлении иностранной армии, готовой высадиться на берегах острова, все города на побережье были сожжены дотла, а все население изгнано в глубь страны.

Он также построил укрепления в горах как места убежища на случай иностранного вторжения. Всегда жестокий и кровожадный, когда не оставалось белых, на ком можно было бы применить его свирепость, он изливал свою жестокость на своих собственных подданных. По малейшим причинам как чернокожие, так и мулаты были преданы смерти без пощады и без всяких форм судебного разбирательства. Вид крови пробудил в нем желание убивать, и в конце концов его правление превратилось в страшный деспотизм, от всепожирающей мести которого не был застрахован никто, даже из его собственных домочадцев. Генералы Клерво, Жеффрар и Габар умерли внезапно и загадочно; и агрессивные действия Дессалина, направленные особенно против мулатов, вскоре пробудили месть этого завистливого класса, который уже был недоволен их незначительностью в государстве и возвышением черной династии, которая, казалось, вот-вот станет постоянной в стране. Соответственно, был спланирован тайный заговор против черного монарха, и когда 17 октября 1806 года он отправился из Сен-Маркса в Порт-о-Пренс, представился удобный случай уничтожить его. Группа мулатов, засевших в засаде в местечке под названием Пон-Руж, напала на него, и он был убит при первом же выстреле.

Так завершилась карьера Дессалина, человека, который начал жизнь рабом, а закончил императором; человека, чья неутомимая энергия, безудержная храбрость, непревзойденная дерзость и врожденный гений заставляли бояться его как черных, так и белых, и чьи проступки предоставили моралистам больше повода для критики, чем у любого другого человека, чья жизнь прошла в Вест-Индии.

И все же этот "монстр", при всех своих недостатках, многое сделал для избавления своей расы от рабства. Если бы Дессалин был на месте Туссена, его никогда бы не схватили и не перевезли в Европу. Тот, кто прочтет историю борьбы на Сан-Доминго без предубеждения и внимательно изучит положение сторон, увидит усилия, предпринятые плантаторами-эмигрантами, чтобы

вернуть себе владение островом, и беспристрастно посмотрит на жестокую и истребляющую войну против черных, которую вели Ле Клерк и Рошамбо, не почувствует желания набрасывать мантию милосердия на некоторые деяния Жан-Жака Дессалина. После смерти императора победоносные мулаты развили свой успех, напав на партизан Дессалина, и на их уничтожение ушло четыре дня. 21-го числа появилась прокламация, описывающая преступления павшего императора и объявляющая, что страна избавилась от тирана. Затем было сформировано временное правительство, которое продолжало действовать до тех пор, пока не будет предоставлено время для выработки новой конституции, и генерал Кристоф был провозглашен временным главой государства.

СНОСКА:

[38] Мало.

ГЛАВА XVII. ВОЙНА Между НЕГРАМИ И МУЛАТАМИ ХАЙТИ.

Честолюбивые и надменные мулаты долгое время были недовольны тем мрачным положением, в которое их поставило правление Дессалина; и после смерти этого правителя они решили выдвинуть свои претензии. Поэтому, пока Кристофа не было в столице, мулаты создали конвент, разработали конституцию, организовали республику и избрали своим президентом Александра Петiona.

Этот человек был квадруном, преемником Риго и Клерво, пользовавшимся доверием мулатов. Он получил образование в военном училище в Париже, обладал утонченными манерами и всегда отличался мягкостью характера и вкрадчивым изяществом обращения. Он был искусным инженером, и на момент своего прихода к власти он считался самым научным сотрудником и самым эрудированным человеком среди жителей Хайти. Привязанный к богатству Риго, Петион был его лейтенантом в войне против Туссена и сопровождал этого вождя во Францию. Здесь он оставался до отбытия экспедиции под командованием Ле Клерка, когда предпринял это катастрофическое предприятие, чтобы применить свои таланты для возвращения своей стране французского владычества. Петион присоединился к Дессалину, Кристофу и Клерво, когда они восстали и обратились против французов, и помог добиться окончательной независимости острова. Он командовал батальоном мулатов при правительстве Дессалина, на закате империи.

Поэтому Кристоф, как только услышал, что у него появился соперник в лице Петiona, собрал свои силы и отправился в Порт-о-Пренс, чтобы встретиться со своим врагом и завоеванием получить то, в чем ему было отказано по праву наследования и, как он думал, по заслугам. Петион уже был на поле боя; две армии встретились, и завязалась битва.

В этом состязании стремительность атаки Кристофа более чем соответствовала мастерству и науке Петiona, и новый президент потерпел поражение в своем первом предприятии против врага своего правительства. Ряды Петiona вскоре пришли в непоправимое замешательство, и через несколько минут они были изгнаны с поля боя — самого Петiona яростно преследовали во время бегства, и он счел необходимым для сохранения своей жизни сменить свои награды на

одежду фермера, которого он встретил на своем пути, и зарыться по шею в болото, пока его свирепые преследователи не скроются из виду.

После этого знаменательного успеха Кристоф двинулся к Порт-о-Пренсу и осадил этот город в надежде на легкую победу над своим соперником. Но Петтион теперь находился в соответствующей сфере деятельности, и Кристоф обнаружил, что в борьбе с опытным инженером в укрепленном городе добиться успеха было труднее, чем при встрече с тем же врагом в открытом поле, где его наука не могла быть применена в действии. Кристоф не мог произвести никакого впечатления на город; и, не будучи уверен в непоколебимости своего собственного правительства на мысе Франсуа, он отвел свои войска от окружения Порт-о-Пренса, решив установить на Севере свое собственное отдельное правительство и отложить до более благоприятной возможности попытку подчинить своего соперника в Порт-о-Пренсе.

Таким образом, оказавшись во враждебном положении друг против друга, два вождя хайти занялись укреплением и установлением своих соответствующих правительств, а также попытками добиться признания своей власти в различных частях острова. Кристоф принял титул президента государства, а Петтион - республики; и жители страны присягали на верность в соответствии с мнением своих вождей или местами их проживания.

Успехи Кристофа в его последней кампании против своего соперника в Порт-о-Пренсе вселили в него надежду на полную победу над ним, когда он укрепит и утвердит свою власть над неграми Севера. Большая часть этой провинции уже высказалась за него и отказалась признать нового президента в Порт-о-Пренсе, который был выбран из числа мулатов Юга. В таком состоянии общественных настроений Кристоф приступил к выпуску серии прокламаций и обращений к народу и армии, призывая их надеяться на лучшую эпоху, которая вот-вот наступит под его покровительством, в которой зло иностранного вторжения и катастрофа кишечных расстройств прекратятся, а раны страны будут залечены восстановлением мира и спокойствия. Он проявил желание способствовать процветанию торговли и сельского хозяйства и, таким образом поощряя индивидуальную предприимчивость, обеспечить счастье народа, находящегося под его властью. Чтобы поддержать авторитет своего правительства среди торговых стран за рубежом, он разослал каждому из них манифест с целью устранить недоверие, которое начало возникать в торговом мире к новым правительствам Хайти.

В этих депешах сообщалось, что склады и магазины Острова переполнены богатой продукцией Антильских островов в ожидании прибытия иностранных судов для обмена на нее продукции и тканей других стран; что досадные правила и невежественные запреты его предшественника больше не существуют, чтобы препятствовать коммерческому процветанию Острова; и что коммерческим факторам из-за границы, которые должны приехать на жительство в порты страны, будут предоставлены защита и поощрение.

Кристоф чувствовал, что его приход к власти был всего лишь узурпацией, и что до тех пор, пока его правительство продолжало действовать без формальной санкции народа, его соперник в Порт-о-Пренсе обладал огромными преимуществами перед ним, поскольку он стал законным главой страны благодаря соблюдению форм конституции. Чтобы исправить этот очевидный недостаток, ослабивший его власть, он решил разработать другую конституцию, которая утвердила бы его во власти, которую он узурпировал, и предоставила бы ему законное оправдание для сохранения его нынешней позиции. В соответствии с этой политикой он созвал еще одно собрание на мысе Франсуа, состоящее из генералов его армии и основных граждан

этой провинции, и после короткого заседания эти услужливые законодатели завершили свою работу, представив миру другую конституцию страны, датированную 17 февраля 1807 года. Этот новый закон объявлял всех лиц, проживающих на территории Хайти, свободными гражданами и что правительство должно было осуществляться верховным судьей, который должен был принять титул президента государства и главнокомандующего сухопутными и военно-морскими силами.

Должность не передавалась по наследству, но президент имел право выбирать своего преемника из числа генералов армии; и при нем в правительстве должен был существовать Государственный совет, состоящий из девяти членов, избираемых президентом из числа главных военачальников. Это, как и конституция, наделившая властью Дессалина, сделало Кристофа автократом, хотя номинально он был всего лишь главным судьей республики.

Конкурирующее правительство Порт-о-Пренса отличалось от правительства Кристофа тем, что в нем было больше республиканских форм. С президентом, который сохранял свою власть пожизненно и который не мог напрямую назначить своего преемника, был связан законодательный орган, состоящий из палаты представителей, избираемой непосредственно народом, и сената, назначаемого популярной ветвью власти, для поддержки президента или контроля над ним при осуществлении им своих полномочий.

Вражда между Кристофом и Петионом продолжалась долгое время, что привело лишь к ослаблению обеих сторон. Чернокожий вождь, однако, установил свою власть на прочном фундаменте на Севере, в то время как Петиону удалось сохранить прочные позиции на Юге. Таким образом, Остров еще раз был несчастливо разделен между двумя властями, каждая из которых использовала свой шанс для свержения другой.

Борьба между двумя президентами Хайти продолжалась уже три года, когда появился новый конкурент - Риго из Франции. Он проехал через Соединенные Штаты и прибыл в О-Кей 7 апреля 1810 года. Это было неожиданное событие, пробудившее глубокую тревогу в душе Петиона, который не мог не считать этого выдающегося мулата более грозным соперником, чем Кристоф. Он боялся своих выдающихся талантов и того господства, которое он имел над мулатским населением. Его старые приверженцы приветствовали Риго восторженными проявлениями привязанности и уважения; и, насладившись в течение нескольких дней гостеприимством, которое ему так настойчиво предлагали, он продолжил свой путь в Порт-о-Пренс. Хотя Петион не мог чувствовать себя в своей тарелке, пока такой соперник с видом триумфатора разъезжал по стране, он не осмеливался, по крайней мере в своем теперешнем состоянии, открыто выразить свое неудовольствие или применить силу против человека, под началом которого были такие преданные сторонники. Поэтому он решил скрывать свою ревность и напускать на себя видимость покладистости до тех пор, пока не раскроет замыслы Риго. Последний был любезно принят президентом, все подозрения которого были эффективно усыплены безобидным поведением великого вождя мулатов; и Петион даже назначил его правительством Юга. Это означало установить идола в самом храме его почитателей, ибо Риго вернулся в О-Ке, чтобы привлечь к себе сердца всех. Никто в этой провинции теперь и не думал о Петионе, и через короткое время Риго полностью овладел своим былым могуществом. Петион, напуганный своим положением, окруженный двумя такими соперниками, как Риго и Кристоф, начал открытый разрыв с первым еще до того, как полностью убедился, сможет ли он выстоять против враждебности второго. Некоторые из мулатов, которые в духе патриотизма или клановости

предвидели победы, которые принесут черным гражданские раздоры между ними, предложили компромисс между Риго и Петионом; но это было отвергнуто последним, который начал готовиться к вторжению в провинцию Риго.

Решив извлечь выгоду из этого разделения, Кристоф выступил против Петиона, но общая опасность привела к объединению, и Кристоф счел благоразумным удалиться.

Когда Петион был оставлен в покое из-за временного ухода Кристофа из войны против него, в нем пробудилась вся его прежняя ревность к Риго. Мирагоанский мирный договор был вырван у него тяжелой необходимостью его положения, которая была такова, что заставляла его выбирать между тем, чтобы стать жертвой воинственного честолюбия Кристофа, или подчиниться настоятельным требованиям, предъявляемым к нему политической важностью Риго. Соглашение, заключенное таким образом под суровым давлением надвигающейся опасности, а не принесенное в качестве добровольной жертвы ради сохранения мира, вряд ли могло остаться ненасилимым¹, когда необходимость момента миновала и была забыта. Таким образом, как уже было замечено, когда Кристоф, занятый обновлением структуры своего правительства, прекратил враждебные действия против Петиона, последний немедленно проникся всей своей прежней неприязнью к Риго. Против него были начаты интриги, призванные поколебать верность его сторонников и настроить сердца чернокожих южан против мулата, который был поставлен над ними как их вождь.

Во всех частях этой провинции были посланы эмиссары, напоминавшие народу об обязательствах, которыми он обязан официальным властям Республики в Порт-о-Пренсе, и призывавшие их помнить, что защита страны от замыслов Франции могла быть обеспечена только единодушной поддержкой главы Республики, который один мог увековечить институты страны и сохранить ее независимость от внешних врагов.

Перемирие, заключенное между Петионом и вождем маронов Гомаром, предоставило первому возможность вооружить этого грозного разбойника против правительства Юга. Последователи Гомара, жаждавшие новых мест для грабежей, начали свои набеги на равнину О-Ке, и плантации в этом квартале вскоре подверглись таким же опустошениям, какие выпали на долю плантаций Гран-Анса. В то время как Риго был вовлечен в запутанную войну с этими бандитами и уже обнаружил, что преданность его собственных последователей в О-Ке была шаткой и ненадежной, он был встревожен известием о том, что Петион уже вторгся на его территорию во главе армии. Таким образом, мулаты покончили с собой своими политическими надеждами, если не с самим своим существованием, в безумной борьбе за дело своих соответствующих вождей, в то время как их грозный враг на Севере концентрировал свою власть и выжидал благоприятный момент, чтобы обрушить разрушение на обоих.

Риго поспешил собрать свои силы, чтобы защитить свою территорию от вторжения Петиона; и последний, уже перевалив горы Ла Хотт, был встречен своим противником на равнине О-Ке. Немедленно разгорелась яростная битва; и после доблестного сопротивления войска Риго уже начали отступать перед превосходящей численностью и последовательными атаками противника, когда сильное подкрепление войск под командованием генерала Борджеллы, прибывшее из Аквина, переломило ход сражения в пользу Риго, и Петион, в свою очередь,

потерпел поражение, а его армия была почти полностью уничтожена в последовавшем за этим разгроме.[39]

Радость от этой знаменательной победы над противником, изгнавшей его с южных земель, не изгладила горьких воспоминаний, поселившихся в чувствительном уме Риге. В этой провинции, где он когда-то был всемогущим, а Петион - послушным орудием его воли, он увидел, что его былая слава настолько померкла, что он не мог доверять верности своих личных слуг, в то время как его бывший лейтенант теперь был его победоносным соперником. Рукоплескания и клятвенная преданность, с которыми толпа когда-то следовала за его властью, теперь с вошедшим в поговорку непостоянством сменились холодным безразличием или открытым союзом с его врагами.

При таком плачевном состоянии своего состояния Риге растерял всю свою обычную энергию; и вместо того, чтобы развить свой недавний успех и вооружиться для последней отчаянной попытки сокрушить своего вкрадчивого, но недружелюбного противника, он вернулся в О-Ке, к новым заботам и новому опыту неверия той толпы, чье стремительное продвижение он когда-то направлял одним словом. Сторонники Петиона теперь привлекли на свою сторону значительную часть населения О-Ке, и Риге едва успел въехать в свою столицу, как на улицах напротив дома правительства собралось множество чернокожих и мулатов.

Их крики о мести Риге и их угрожающие приготовления повергли в панику маленькую группу последователей, которые, верные среди неверных, все еще с непоколебимым постоянством поддерживали ухудшающуюся судьбу своего некогда славного вождя. Его друзья умоляли Риге прибегать к рискованному эксперименту - показываться на галерее, чтобы убедить толпу разойтись. Но, не подозревая, что последние остатки его некогда могущественного влияния покинули его, Риге упорствовал в своем намерении и, выйдя на галерею здания парламента, мягким голосом поинтересовался у предводителей толпы, чего они добиваются столь угрожающим движением, когда в ответ получил ружейный залп, нацеленный на его жизнь.

Но он остался невредимым, хотя и вернулся в дом с больным сердцем и в отчаянии. Снаружи немедленно началось яростное наступление, на которое последовала бдительная и смертельная оборона со стороны последователей Риге внутри. Сражение продолжалось всю ночь, но толпа терпела поражение при всех попытках, которые она предпринимала, чтобы укрыться в стенах здания, и никакого решающего успеха в ее рассеянии добиться не удалось. Риге, теперь убежденный, что волшебства его власти больше не существует, официально отрекся от своих полномочий и назначил генерала Борджеллу своим преемником на посту командующего Южными войсками. Риге, измученный досадой и унижением, удалился на свою плантацию Лаборд, где через несколько дней умер, став жертвой неверия толпы.

Так закончилась жизнь Андре Риге, самого способного ученого и опытного военного из всех, кого породила революция Сан-Доминго. Смерть Риге привела к объединению генералов-мулатов, Борджеллы и Буайе под предводительством Петиона и против Кристофа; последнему, однако, удалось сохранить свою власть на Севере, и он все еще надеялся на то время, когда сможет управлять всем островом.

Кристоф, как и Дессалин, был провозглашен монархом конституцией, которая легла в основу его власти; но сначала он присвоил себе лишь скромный титул президента. Эта умеренность в его честолубии была вызвана желанием вытеснить Петиона из своего правительства и стать

верховным главой всей страны без какого-либо соперника или соратника. Для этой цели необходимо было окружить его власть республиканскими формами; сделать ее привлекательной в глазах высшего класса чернокожих и мулатов, среди которых республиканские представления были в моде.

Но перспектива сместить Петиона в его власти становилась все менее очевидной с каждой последующей попыткой Кристофа выступить против него; и после многих лет неустанной враждебности было очевидно, что Петион более прочно обосновался в сердцах своего народа, чем в начале своего правления, и что никаких серьезных и долговременных преимуществ над ним на поле боя получено не было. Таким образом, Кристоф был вынужден изменить свою политику; и вместо того, чтобы пытаться ассимилировать природу двух правительств, чтобы вытеснить своего соперника в глазах своих соотечественников, он теперь решил сделать свое правительство полной противоположностью другому и предоставить народу его страны решать, какая из двух форм власти лучше всего соответствует природе и гению населения, над которым они поддерживали свое влияние.

Первая была республикой, находящейся в непосредственном контакте с народом и управляемой простым офицером-инженером, который, хотя и был облечен суверенитетом государства, “проявлял свои способности так кротко”, что свободно общался со своими согражданами, но как человек, пользующийся высокой репутацией за свой ум и добродетели.

Кристоф решил, что другой должна быть монархия, окруженная всеми знаками отличия верховной власти и поддерживаемая потомственной знатью, которая, сохраняя свои гражданские и военные привилегии от короны, будет опорой трона и поддерживать трудолюбие и порядок среди подданных правительства. Республика была правительством мулатов и находилась под властью президента-мулата. Монархия должна была стать по существу и на всем протяжении владычеством чистокровных чернокожих, между которыми и мулатами, как утверждалось, существовало такое разнообразие интересов и личных чувств, что между ними не могло существовать общей симпатии.

В соответствии с этой новой политикой был созван Государственный совет при Кристофе, который приступил к работе по изменению конституции февраля 1807 года, чтобы привести ее в соответствие с новыми амбициями Кристофа. С этим советом были связаны главные генералы армии и несколько частных лиц, которые были достаточно благосклонны к Кристофу, чтобы быть причисленными к числу тех, кто желал оказать ему честь. Работа этого совета была непродолжительной, и 20 марта 1811 года сессия была закрыта принятием новой формы правления. Имперская конституция 1805 года была изменена, чтобы сформировать наследственную монархию на Севере и возложить корону Хайти на Кристофа под титулом Генриха Первого.

В своем объявлении миру об этой новой организации правительства Совет заявил, что конституция, принятая в 1807 году, какой бы несовершенной она ни была, была адаптирована к условиям страны той эпохи, но что наступил благоприятный момент для совершенствования их работы и установления постоянной формы правления, соответствующей характеру и состоянию людей, над которыми она должна была править.

Они добавили, что большинство нации разделяет их мнение о необходимости установления наследственной монархии в стране, поскольку правительство, управляемое одним человеком, в меньшей степени, чем любое другое, подвержено шансам революции, поскольку оно обладает высшей властью поддерживать законы, защищать права граждан, сохранять внутренний порядок и поддерживать уважение за границей; что титул генерал-губернатора, который был присвоен Туссену Лувертюру, был недостаточен для достоинства верховного судьи; что титул императора, которым был наделен Туссен Лувертьюр. Дессалину, строго говоря, можно было бы присвоить только суверена нескольких штатов, объединенных одним правительством, в то время как должность президента, по сути, вообще не несла в себе идеи суверенной власти. Принимая во внимание эти серьезные возражения против всех других условий назначения верховного главы государства, совет был вынужден, наконец, принять титул короля. Затем совет издал официальный указ о присвоении титула короля Хайти Анри Кристофу и его преемникам по мужской линии и о внесении таких изменений в конституцию 1807 года, какие потребовались в связи с недавними изменениями в структуре правительства.

4 апреля Государственный совет, который с пополнением своего числа из числа военачальников и лидеров населения, помпезно именовавшийся Генеральным советом, в парадных одеждах и возглавляемый своим президентом, проследовал во дворец Кристоф, чтобы официально объявить о прекращении своих трудов, результатом которых стала разработка новой конституции, делающей корону Хайти наследственной в семье правящего принца. После речи, проникнутой самой сутью преклонения, президент Совета генерал Ромэн воскликнул в присутствии монарха: “Народ Хайти, с гордостью смотрите на свое нынешнее положение. Не лелейте больше никаких опасений за будущее процветание вашей страны и возносите свою благодарность Небесам; ибо, пока на троне находится Генрих, всегда найдется Саблезубый, который направит шествие вашего счастья”.

На следующий день новая конституция была официально провозглашена по всему королевству, и Кристоф приступил к осуществлению королевских полномочий, которые были ему дарованы. Первым актом его правления было обнародование королевского указа, создающего наследственное дворянство в качестве естественной поддержки его правительства и института, придающего блеск и постоянство его суверенитету. Эти сановники королевства были набраны в основном из числа военачальников и состояли из двух принцев не королевской крови, семи герцогов, двадцати двух графов, тридцати пяти баронов и четырнадцати шевалье.

Приоритетными по рангу среди принцев королевства были представители королевской крови, состоящие из двух сыновей Кристофа, старший из которых, как очевидный наследник, получил титул королевского принца.

Завершив эти творения своей новой монархии и получив две королевские короны Хайти, Кристоф назначил 2 июня 1811 года днем своей коронации. Все военачальники и другие вельможи королевства получили приказ отправляться в столицу, и среди них появилась депутация от чернокожих жителей испанской территории, которые присвоили себе помпезные имена дона Рафаэля де Вилларса, главного коменданта Сантьяго; дона Раймонда де Вильи, коменданта Веги; дона Винсента де Луна и дона Хосе Табанеса, которые, по крайней мере, представляли испанских креолов высокопарностью своих имен. На площади Армии в Кейп-Генри был возведен огромный павильон, оборудованный тронном, галереями для знатных придворных дам, часовнями, ораториями, оркестром и всеми необходимыми

принадлежностями для августейшей церемонии. Это было совершено с должным величием новым архиепископом Хайти, капуцином Брелле, который посвятил Кристофа в сан короля Хайти под титулом Генриха Первого.

СНОСКА:

[39] Лакруа.

ГЛАВА XVIII. КРИСТОФ КАК КОРОЛЬ И ПЕТИОН КАК ПРЕЗИДЕНТ ХАЙТИ.

Кристоф, теперь восседавший на троне как суверен Севера, воспользовался досугом, который был предоставлен ему после совершенствования внутренних деталей его нового правительства, чтобы попытаться заключить мирный союз чернокожих Юга с теми, кто уже был лояльными подданными того, что он считал законной властью Острова. С этой целью из его столицы была отправлена большая депутация, которая должна была проследовать на территорию республики в качестве посланцев черного короля, предложившего объединение всего населения в одно нераздельное правительство, защищенное в форме наследственной монархии как от революций, так и от слабости той, структура которой была более популярной. Эти эмиссары, посланные заявить о милосердии и мирных намерениях монарха Севера, были взяты из числа пленников, которые попали во власть Кристофа после капитуляции Крота Святого Николая и которые были приняты в королевскую армию и стали соучастниками королевских щедрот черного короля. Чтобы содействовать осуществлению этой новой меры, 4 сентября 1811 года из дворца на мысе Генри было выпущено воззвание, адресованное жителям Юга, которых больше не называли врагами королевского правительства, а заблудшими детьми, введенными в заблуждение замыслом; и их умоляли вернуться к своей верности отеческому правительству вождя, который только что был провозглашен наследственным принцем черных. “Новая эра, - говорилось в этом королевском документе, - теперь наступила в судьбах Хайти.

“Новые звания, новые занятия, новые достоинства; в конце концов, орден наследственного дворянства отныне будет наградой тем, кто посвятил себя государству. Вы можете воспользоваться всеми этими преимуществами. Тогда присоединяйтесь к рядам тех, кто встал под знамена королевской власти, у которой нет иной цели, кроме счастья и славы страны”.

Эта политика Кристофа заключалась в том, чтобы использовать оружие Петиона против него самого. Но республиканский вождь лучше владел рапирой, чем его более бесхитростный соперник монархии, и Кристоф вскоре обнаружил, что, пока он нападал на правительство Петиона, обращаясь к чернокожим, которые должны были быть ослеплены его королевской добротой, уловки его соперника были применены в самом сердце его владений и уже распространили яд мятежа среди его самых доверенных подданных. Едва его зарождающийся флот был спущен на воду и укомплектован объектами его милосердия и королевской милости, как отряд эскадры, состоявший из "Принцессы Ройял" и нескольких боевых бригад, отрекся от его власти и поднял знамя республики. Это дезертирство было наказано английским фрегатом

под командованием сэра Джеймса Лукаса Йео,^[40] который захватил мятежную эскадру и вернул агентов к месту Кристофа.

Возмущенный этими попытками правительства мулатов отвлечь внимание своих подданных от их клятвы верности его трону, Кристоф решился на немедленную войну и применение меча против этой расы, гордость и ненависть которой делали их врагами чистокровных чернокожих. Сознавая свое военное превосходство, он решил подготовиться к намеченному предприятию таким образом, чтобы обеспечить успех над своим противником, и все располагаемые силы его армии были собраны вместе для вторжения на территорию Республики.

Артибонит вскоре был форсирован, и войска Петиона под командованием генерала Буайе были встречены и разбиты в ущельях гор Святого Марка; и таким образом открылся путь для немедленного наступления на Порт-о-Пренс.

Целью экспедиции была осада этого места, и Кристоф снова двинулся вперед, чтобы попытаться счастья в войне со своим ненавистным врагом. Вторжение было настолько внезапным, что Петион был застигнут совершенно врасплох — значительная часть его армии отсутствовала в столице, занятая наблюдением за передвижениями генерала Борджеллы на юге.

В таком состоянии слабости город мог быть застигнут врасплох и стать легкой добычей вторгшейся армии, но Кристоф не рассчитывал на такой быстрый результат, и хотя его авангард захватил пост немного севернее города, в то время как жители в их незащищенном состоянии были охвачены паникой из-за неминуемой перспективы быть захваченными немедленно, прибытие основных сил армии Кристофа задерживалось на двадцать четыре часа, таким образом, Петиону было предоставлено время собраться и сконцентрировать свои средства обороны, чтобы быть готовым к нападению. эффективное сопротивление. Все силы Кристофа подошли на следующий день, и столица Петиона была почти окружена грозным эшелоном артиллерии и двадцатитысячной армией.

В этой гигантской попытке их старого противника мулаты с ужасом почувствовали, что поражение и завоевание не будут для них простой сменой правительства, но повлекут за собой ужасные последствия полного истребления их расы. В столь опасной ситуации их учили размышлять о безумии своих амбиций, которые, посеяв раздор между ними самими, подвергли их, слабых и безоружных, всей мощи их естественного врага. В условиях столь страшного кризиса было, наконец, принято решение исправить их прежнюю ошибку и таким образом предотвратить бедствия, которые теперь висели над ними ослабленной нитью. Были спешно начаты переговоры с генералом Борджеллой, который, сочувствуя своим собратьям из Порт-о-Пренса в их опасном положении, согласился на условия мира и даже подчинился приказам Петиона. Таким образом, была обеспечена помощь южной армии, и генерал Борджелла во главе своих войск выступил на помощь Петиону, и ему удалось, несмотря на усилия Кристофа, войти в город.

Осадные операции уже начались, но мулаты, объединившиеся теперь, смогли организовать энергичную оборону. Грозный артиллерийский эшелон Кристофа был установлен на батареях на высотах над городом и вел медленный, но непрерывный огонь по укреплениям гарнизона внутри.

Петион вел оборону со значительным умением, и серия энергичных вылазок, предпринятых на позиции осаждающей армии за пределами города, показала последним, что перед ними грозный противник, которого необходимо одолеть, прежде чем город сдастся на их милость.

Среди этой продолжающейся борьбы, которая ежедневно давала работу двум войскам и уже начала распалять Кристофа яростью досады из-за того, что его ожидаемый успех с такой вероятностью сменился поражением, Петион однажды во главе разведывательного отряда продвинулся слишком далеко за свои рубежи, когда его преследовал эскадрон вражеской кавалерии.

Президента Республики обнаружили по орденам на его шляпе, и враг продолжал преследование по горячим следам, которое велось по самым следам главнокомандующего-мулата, побег которого при таких обстоятельствах казался невозможным, когда один из его офицеров пошел на смерть, чтобы спасти жизнь своего начальника.

Обменявшись шляпами с президентом, он быстро поехал в другом направлении. Таким образом, весь вражеский отряд был втянут в погоню за ним, и вскоре он был настигнут и зарублен, в то время как Петион бежал в город.

Осада Порт-о-Пренса продолжалась уже два месяца, и упорство его обороны уже начало заставлять Кристофа отчаиваться в окончательном успехе, когда произошло событие, которое заставило его немедленно поднять ее. Возмущенные тиранией черного короля, несколько военачальников его армии составили заговор с целью убить его во время посещения церкви. Кристоф всегда был пунктуален на мессе, и в этих случаях церковь была заполнена ожидающими офицерами и окружена солдатами. Было решено заколоть его, когда он стоял на коленях у алтаря, а затем объявить о смерти тирана солдатам, чья привязанность к своему монарху, как считалось, была не настолько горячей, чтобы сделать подобное предприятие рискованным.

Это опасное предприятие готовилось в такой тайне, что большое количество офицеров и солдат армии было привлечено в ряды заговорщиков, и теперь все было готово к нанесению окончательного удара. На этой стадии сделки мулат проявил неверность своим сообщникам и подробно проинформировал Кристофа обо всех планах заговора и обо всех агентах, которые посвятили себя его уничтожению.

Монарх, таким образом, обладавший полным знанием обо всем, что было подготовлено против него, скрывал пылающие в нем мстительные чувства под маской величайшего хладнокровия. Он опасался, как бы шепот, намекающий на то, что ему сообщили о намерениях заговорщиков, не отвлек их от его мести, побудив дезертировать к врагу. В обычный час войска прошли парадом перед церковью, и Кристоф, вместо того чтобы войти и присутствовать на мессе, встал во главе своей армии и назвал по именам главарей заговора, которым было приказано пройти в центр. Затем войскам был отдан приказ открыть огонь, и выполнение было завершено.

Чернокожий по имени Этьен Маньи был одним из самых способных генералов Кристофа; и хотя он был секретарем государственного совета, который возвел последнего на трон Хайти, теперь он был настолько недоволен своей работой, что ничто не удерживало его под знаменами своего короля, кроме мысли о том, что его семье, которую он оставил на мысе Генри, придется заплатить за его дезертирство своими головами. Группа чернокожих солдат, которые были на грани дезертирства в армию Петиона, желая подчеркнуть свое дезертирство, взяв с собой

своего командира, ночью окружила палатку Маньи и сообщила ему о своем намерении. Чернокожий генерал без колебаний выразил готовность сопровождать их; но он настаивал на том, что нежность к его семье запрещает попытку, которая обрекает их всех на верную гибель.

Чернокожие солдаты отказались подчиниться этим соображениям и, схватив Маньи, унесли его раздетым и без оружия в город. Чтобы сохранить жизни семьи Маньи, Петион обращался с ним как с военнопленным; и он оставался в Порт-о-Пренсе до смерти Кристофа, когда его назначили командующим Северными войсками под командованием Бойе.

Кристоф, обескураженный своими поражениями и взбешенный массовым дезертирством, которое с каждым днем уменьшало численность его армии и усиливало ресурсы его соперника, теперь начал отступление на север, откуда недавно до него дошли сведения о замыслах, готовящихся против него среди его собственных подданных. Армия республики под командованием генерала Бойе начала преследование. Дело Петиона казалось победоносным. Бойе вплотную приблизился к тылам королевской армии, и Кристоф, казалось, был на грани потери всего, когда осторожная политика Петиона сдержала активность Бойе, и республиканцы отказались от преследования. Петион и Борджелла помешали Кристофу в его великих усилиях, и теперь он относился к мулатам с такой глубокой и дьявольской ненавистью, что ничто не могло утолить жажду его мести, кроме полного истребления этой расы. Группа мулатских женщин из города Гонаив, которые сочувствовали своим братьям из Порт-о-Пренса в борьбе, которую последние вели против власти Кристофа, и с таким чувством возносили молитвы Пресвятой Деве об успехе их короля, стали первыми жертвами ярости Кристофа против их расы.

Их вывели маршем из города и всех подвергли военной казни, без различия в наказании и без учета милосердия к их полу. Кристоф давным-давно решил основать свою власть на поддержке чистокровных чернокожих, и теперь он решил превратить свое правление в сплошную ненависть и преследование мулатов.

Благодаря влиянию этой политики он надеялся, что численность чернокожих возобладает над умом и храбростью мулатов.

СНОСКА:

[40] Лакруа.

ГЛАВА XIX. МИР В ХАЙТИ И СМЕРТЬ ПЕТИОНА.

Теперь Кристоф обнаружил слишком очевидную истину, что он не только не обладал средствами изгнать своего соперника из правительства Юга, но и всеми своими заботами и предосторожностями был обязан сохранению суверенитета над своими собственными подданными на Севере. Череда постоянных подозрений поддерживала в нем живую ревность, и, измученный муками вечной заботы, его деспотический нрав рос из-за жестокости, ставшей его пищей. Наряду с этим постоянным беспокойством за сохранность своей власти, которое превратило новый трон Хайти в подушку из шипов и пыток, другие соображения оказали свое влияние на прекращение вражды между двумя вождями страны. Гигантская власть Наполеона

теперь распространилась почти на все троны Европы, и при таком бесконечном количестве средств, имевшихся в его распоряжении, ежегодно ожидалось, что другое вооружение, пропорциональное растущему могуществу французского императора, будет отправлено для подавления мятежников Сан-Доминго и возвращения этого острова во владение его древних колонистов.

Под влиянием страхов, навеянных этими предчувствиями, два правительства Хайти были движимы общим инстинктом самосохранения, чтобы прекратить военные действия и вместо того, чтобы тратить свои ресурсы на гражданскую борьбу, которая грозила стать бесконечной, заняться тем, чтобы обеспечить постоянство существующего положения и процветание страны, находящейся под их контролем. Население, служившее в армиях двух держав, было оторвано от работы на земле, а опустошительные последствия войны поглотили и уничтожили скудную растительность на плантациях.

Среди этой непроизводительности сельского хозяйства, которая распространяла бедствия нужды среди жителей обоих правительств, разразившаяся морская война между Соединенными Штатами и Англией полностью перекрыла поставки, поступавшие из этих двух стран, и ужасное состояние острова стало полным. При таком печальном положении своих дел и Кристоф, и Петсион прекратили все военные операции друг против друга без предварительной договоренности или военного перемирия; и они направили все свои усилия на то, чтобы залечить раны, которые были нанесены враждебным грабежом или пренебрежением мирными занятиями на их соответствующих территориях.

Налоги, наложенные Кристофом на своих подданных, превосходили по деспотизму все, что когда-либо было известно на Острове, и даже возмутительные требования Дессалина.

Петсион не осмеливался облагать налогами своих подданных, чтобы удовлетворить потребности своей администрации; и с этой целью он был вынужден затруднить торговлю, наложив огромные пошлины на торговлю, осуществляемую в его портах. Но Кристоф занял положение, которое не позволяло ему бояться своих подданных, и он ежегодно приносил миллионы в свою казну за счет территориального налога, который вливал в королевскую казну четвертую часть всех продуктов королевства. Обладая таким доходом, который ставил его финансы вне зависимости от случайностей, торговые правила Кристофа были полной противоположностью тем, которые применялись в республике; и товарооборот в портах королевства ежегодно увеличивался за счет конкуренции, обеспечивавшей столь огромные преимущества.

Армия монархии была во всех отношениях лучше оснащена и более респектабельна, чем армия республики. Войска были хорошо одеты и вооружены. Их держали в рамках настолько строгой дисциплины, что она не знала пощады и не допускала послаблений. За малейший проступок нарушителя наказывали беспощадным бичеванием или военной казнью. Войска получали чисто номинальное жалованье за свою службу, и каждый солдат должен был зарабатывать на жизнь обработкой нескольких акров земли, которые были выделены ему из национальных владений; и из этого скудного ресурса четвертую часть требовалось передать в руки королевских офицеров в качестве части королевских доходов.

Хотя Кристоф был полон решимости поддерживать свою власть с помощью солдатских штыков, он не снизошел до необычной умеренности в своем поведении по отношению к этим

сторонникам его власти. Солдаты армии, так же как и работники плантаций, жили в постоянном страхе перед жезлом власти, который всегда был занесен над их головами, и перед безжалостным применением власти, которой первые получали более чем обычную долю.

В обычных случаях Кристоф не придавал большого значения, проявляя себя среди своих подданных, но как частное лицо высшего ранга. Подобно своему образцу, Георгу III, он имел привычку разгуливать по улицам столицы в простом гражданском костюме и без каких-либо украшений, обозначающих его ранг, кроме золотой звезды на груди. В этой ненавязчивой манере его часто видели на набережной, наблюдающим за работой таможи, или в городе, наблюдающим за рабочими, занятыми возведением общественных зданий. Его неизменным спутником в этих случаях была огромная трость, которой он безжалостно обрушивался на тех, кто бездельничал в его присутствии или чьи мелкие проступки любого рода влекли за собой импровизированное бичевание.

Кристоф не имел образования, но, как и его предшественник Дессалин, он нашел королевский путь к знаниям. Его познания в книгах были обширны, поскольку несколько образованных мулатов, которых он держал при себе в качестве секретарей, по несколько часов в день читали монарху. Особенно его восхищала история, в которой его знания были обширны и точны; а Фридрих Великий из Пруссии был личностью, которой он был очарован больше всех остальных, поскольку название Сан-Суси, его дворца, было позаимствовано в Потсдаме.

Его гению, проницательному от природы, была сообщена такая острота благодаря тому, что знания таким образом выдавались ему ежедневными порциями, что Кристоф в конце концов стал проницательным критиком произведений, читаемых перед ним, и даже стал придирчивее к выбору своих авторов. События того бурного периода европейской истории, подробно описанные в публичных журналах того времени, слушались с жадностью, а за ходом политики Наполеона следили с пристальностью, которая свидетельствовала о заинтересованности самого Кристофа в этом деле.

Кристоф, хотя и был чистокровным африканцем, не был угольно-черным, его цвет лица был скорее темно-коричневым. Он был властным, слегка полноватым и красивым. Его обращение было холодным, изысканным и грациозным. Он обладал определенной аурой врожденного достоинства, которая хорошо соответствовала его высокому официальному положению, и он требовал большого личного уважения от всех, кто к нему обращался. Личные качества и величественная осанка черного короля произвели впечатление на его придворных. Самая официальная церемония соблюдалась на публичных мероприятиях, и ни один вельможа королевства не мог спокойно появиться при дворе своего государя без костюма и украшений, соответствующих его рангу. Церемониал и обряды были созданы по образцу гостиных Сент-Джеймского дворца, и Кристофу всегда нравилось присутствие белых, особенно если они были титулованными англичанами. Многие знатные иностранцы посещали двор чернокожего монарха, привлеченные любопытством понаблюдать за африканскими празднествами, которые, согласно установленному порядку, проводились во дворце по четвергам каждой недели.

Труппу собрали в приемной, примыкавшей к главному залу дворца, где двое или три помощника великого церемониймейстера барона де Сикара должным образом обучали новичков придворной жизни мельчайшим деталям ролей, которые им предстояло сыграть на предстоящем представлении. Когда все было готово, как внутри, так и снаружи, двери

распахнулись, и появился монарх Хайти, восседающий на троне в королевском наряде, с короной на голове и окруженный сверкающим кортежем, состоящим из его министров, главного раздающего милостыню, главного маршала дворца, камергеров и герольдов при оружии.

Политические преступления Кристоф никогда не оставлял безнаказанными, и по отношению к преступникам такого рода он никогда не проявлял свою месть открытым насилием или проявлением личного негодования. Те, кто вызывал его недоверие, в некоторых случаях даже удостоивались личного визита монарха, который старательно скрывал свои мстительные намерения под маской доброты и предельной любезности в обращении. Но это проявление вежливости не замедлило свершения его мести. Агенты Кристофа обычно появлялись ночью, и подозреваемого в совершении преступления тайно отправляли навстречу ожидавшей его участи. Но хотя гнев Кристофа за преступления, не носящие политического характера, был неистовым, он редко бывал кровавым.

Среди потока филиппик в адрес таких людей его обычное выражение: “О! дьявол” был сигналом для присутствующих наброситься на преступника и побить его тростями; и когда наказание было признано достаточным, справедливость монарха была удовлетворена, и преступник снова был восстановлен в своих правах. Иногда, однако, его негодование в этих случаях доходило до свирепости дикаря, которого нельзя успокоить иначе, как кровью его жертвы.

Теперь мы должны обратиться к делам республики. Петион долгое время сомневался в незыблемости республики, и это чувство постепенно переросло в стойкое отчаяние, когда он обнаружил, что его долгое правление не преуспело в наведении порядка и цивилизации среди праздных и варварских орд, составлявших опасное население его правительства. В то время как более деспотическое правление Кристофа поддерживало процветание его королевства, Петион обнаружил, что народ республики с каждым днем становился все более неуправляемым сбродом, ленивым, распущенным и несчастным. В то время как казна Кристофа была переполнена миллионами сокровищ, отнятых в результате жестоких поборов его тирании с чернокожих, которые трудились на земле, финансы республики уже были в непоправимом замешательстве, поскольку продукции этой территории едва хватало для прокорма ее населения.

Среди этих затруднений Петион заболел в марте 1818 года, и после болезни, продолжавшейся всего восемь дней, он скончался от душевного расстройства, заявив своим слугам, что устал от жизни.

Известие о том, что Петиона больше нет, повергло в ужас всех иностранных купцов республики. Они ожидали, что подобное событие станет предвестником еще одной революции, которая опрокинет все, что было достигнуто, или долгой и разрушительной анархии, которая полностью уничтожит ту малую власть, которая еще оставалась в республике. Товары на миллионы долларов были проданы в кредит страны в сомнительной надежде на долговечность ее правительства. На карту были поставлены и сокровища, и кровь, но ужас момента вскоре утих. При известии о болезни Петиона Сенат собрался на заседание, и этот орган наделил истекающего президента полномочиями назначить своего преемника; и Петион, когда он предвидел, что его смерть неизбежна, назначил для этой цели генерала Буайе, в то время командовавшего округом Порт-о-Пренс.

Траурные церемонии покойного президента состоялись первого апреля и были проведены с самой августейшей торжественностью. Всем высшим офицерам армии было приказано занять свои посты и сохранять неусыпную бдительность для сохранения спокойствия. До следующего воскресенья было введено эмбарго на все суда в гавани Порт-о-Пренса, и несколькими подразделениям войск было приказано выступить в разные пункты границы. Соблюдение всех мер предосторожности, какие только могла предложить самая ревностная забота о поддержании внутреннего мира и предотвращении вторжения из-за границы, было доказательством того, что Петион передал свою власть преемнику, достойному его выбора.

Между Петионом и Кристофом была большая разница: первый в душе был республиканцем, второй - тираном по натуре. Не претендуя на личное или служебное достоинство и полностью отвергая все придворные церемониалы, Петион стремился сохранить вид простого республиканского судьи. Одетый по-деревенски в белое полотняное платье и с мадрасским платком, повязанным вокруг головы, он свободно и неразборчиво общался со своими согражданами или сидел на открытой для всех площади дома правительства.

Петион был тонким, осторожным и расчетливым. Он стремился стать Вашингтоном, поскольку Кристофа считали Бонапартом Хайти. Внедряя доктрины равенства и республиканизма, Петион преуспел в управлении населением, насчитывающим более двухсот тысяч чернокожих, насчитывавшим всего десять тысяч мулатов.

Правление Петиона было мягким, и он делал все, что мог, для возвышения народа, которым правил. Он был покровителем образования и искусств, и ученые в течение многих лет после его смерти произносили его имя с благоговением. Он пользовался большим уважением представителей иностранных держав, и незнакомцы, посещавшие его республику, всегда упоминали его имя в связи с самым образованным и благородным из жителей Хайти. Народ республики, без различия цвета кожи или вероисповедания, расценил смерть Петиона как великое национальное бедствие; и это чувство распространилось даже на владения Кристофа, где у президента-республиканца было много теплых друзей как среди чернокожих, так и среди мулатов. Петиону было всего сорок восемь лет на момент его смерти. Он был мужчиной среднего роста, красивым, как и почти все мужчины смешанной крови, принимавшие участие в Хайтянской войне. Его манеры были типичны для парижской школы, а ранняя военная подготовка придала ему осанку, которая добавила достоинства его внешнему виду.

ГЛАВА XX. БОЙЕ - ПРЕЕМНИК ПЕТИОНА В ХАЙТИ.

Бойер, новый президент, был мирно признан народом республики своим законным главой, и ни один другой генерал армии не проявлял склонности предъявлять враждебные претензии на вакантное звание.

Буайе, обнаружив, что спокойно стоит у власти и находится вне какой-либо опасности со стороны враждебных предприятий соперничающей династии, посвятил себя поощрению сельского хозяйства и торговли на своей территории. Он совершил инспекционную поездку по всем различным округам, и в каждом из них было предписано надлежащее соблюдение законов, а гражданам было настоятельно рекомендовано отказаться от своих праздных

привычек и для блага государства, если не для продвижения своих личных интересов, заняться освоением огромных ресурсов страны.

В течение нескольких месяцев после своего прихода к власти новый президент принял решение разогнать орды бандитов, наводнившие Гранд-Анс и державшие весь Юг в постоянной тревоге. Сознавая важность того, чтобы лишить своего главного конкурента убежища в самом сердце республики, чтобы подвергнуть саму ее столицу опасности нападения как спереди, так и с тыла, Бойе решил выделить достаточные силы для зачистки гор Ла Хотт и, если возможно, захватить Гомар в пределах тех самых укреплений, которые столько лет были его естественной цитаделью.

С другой стороны, Кристоф, решив, по возможности, сохранить этот важный пункт, с которого он мог так легко проникнуть на территорию республики, предпринял отвлекающий маневр в пользу маронов в этом движении против них, заняв враждебную позицию на северной границе республики. Внушительный отряд королевской армии уже вступил на нейтральную территорию Букозена и угрожал новой атакой на Порт-о-Пренс, когда Буайе счел необходимым отложить намеченную экспедицию против Гомара и отозвать все свои силы для отражения опасности, которая угрожала с противоположной стороны. Это был единственный результат, которого Кристоф намеревался достичь своим наступлением на Порт-о-Пренс; и когда это было достигнуто, его армия вернулась в свои части на Севере.

Но Бойера нельзя было отвлечь от его решения спасти лучшие районы своей территории от постоянных грабежей, и когда паника, вызванная угрозой вторжения в Кристоф, улеглась, осенью 1819 года он привел свои войска в движение для кампании против маронов Гран-Анса. Войска республики встретились и разгромили разбойников.

Достигнув цели своего визита и оставив мир и безмятежность там, где эти условия так долго были неизвестны, Буайе начал свое возвращение в свою столицу, довольный тем, что его приход к власти прошел так мирно и что надежды его администрации уже более прочно, чем когда-либо, основывались на пожеланиях народа.

Теперь Буайе достиг полного успеха в своем намерении закрыть границы своих штатов от происков Кристофа; и до более благоприятного момента он довольствовался тем, что проводил строго оборонительную политику против столь воинственного противника. Последний, со своей стороны, разъяренный поражением и свержением своих союзников в Гранд-Ансе, начал угрожать новым вторжением на территорию Буайе, и многие месяцы пролетели незаметно в ежедневном ожидании начала военных действий между двумя правительствами. В этот промежуток времени растущая тирания Кристофа вызвала поток эмиграции из его владений на территорию республики, и даже домашние войска монарха начали в большом количестве дезертировать со службы государю, чья жестокость опустошала их ряды по наущению его каприза. Смелый, хитрый и подозрительный, Кристоф на одном дыхании поздравил своих подданных с великолепным обладанием личной свободой и национальной независимостью, а на другом обрел их на бичевание, тюремное заключение и смерть.

Его суровость была настолько безграничной и привычной, что о нем говорили, что он предаст человека смерти так же без колебаний, как спортсмен убивает добычу. Его подземелья были заполнены тысячами жертв всех мастей, и ежедневно прибывали новые отряды заключенных, чтобы увеличить их число. Невинных смешивали с виноватыми, ибо, побуждаемый своей

ненавистью или ревностью, деспот не останавливался перед тем, чтобы проводить приятные различия.

ГЛАВА XXI. ВОССТАНИЕ И СМЕРТЬ КРИСТОФА.

Кристоф, которого теперь можно было бы назвать черным Калигулой, с каждым днем усиливал недовольство и ужас своих подданных. С его солдатами обращались крайне сурово за каждую действительную или мнимую провинность, и они ничего так не искали, как повода оставить службу у него и найти убежище на территориях его соперника; или попытаться сделать то, о чем они едва осмеливались помышлять, - свергнуть с престола тирана, который заставил их проводить свою жизнь в нищете. Кристоф знал об этом недовольстве, питаемом к нему, и вместо того, чтобы стремиться обеспечить и увековечить верность своей армии, штыкам которой он был обязан своей силой, его месть становилась с каждым днем все более осторожной и ужасной, пока его поведение не превысило по жестокости даже то, что уже посеяло ненависть и нищету по всей стране. Кристоф решил править, внушая только страх, и он не прибегал к искусству примирения, чтобы сохранить в своих интересах даже тех, кто был необходим для поддержания его власти.

Таким образом, его деспотизм вышел за пределы возможного. Столь далекий от стремления привязать к себе своих высших офицеров, расточая им благосклонность своего правительства, он был встревожен растущим богатством своей знати вследствие огромных доходов, получаемых ими от поместий, находящихся под их контролем, в пределах округов, титульными лордами которых они были. Чтобы предотвратить это чрезмерное увеличение богатства среди класса лиц, которые, как считалось, однажды могли бы использовать его против трона и достоинства государя, было создано учреждение, названное Королевской счетной палатой, которое с помощью своего рода процедуры звездной палаты оценивало поместья знати и выделяло им столько их богатства, сколько король считал для них излишним. Несколько чернокожих дворян уже были подчинены юрисдикции этого королевского суда; и, движимые тайным негодованием по поводу этого произвольного разграбления их собственности, они искали только возможности лишить Кристофа его власти в надежде разделить ту же власть между собой.

В августе 1820 года во время посещения мессы на Кристофа напал паралич, и его немедленно перевезли в его дворец в Сан-Суси, где он оставался инвалидом в течение многих месяцев, к великому удовлетворению его подданных.

Это событие, столь благоприятствовавшее вероломным замыслам недовольных глав его правительства, послужило поводом для создания опасного заговора, во главе которого стояли Поль Ромен, принц Лимбский, и генерал Ричард, губернатор королевской столицы. Заговорщики намеревались казнить Кристофа и после совершения дела, столь приемлемого для нации, образовать северную республику, подобную по своей структуре той, что существовала на Юге, во главе которой должен был быть поставлен генерал Ромен с титулом президента.

Но прежде чем этот план смог быть приведен в исполнение, дивизия королевской армии, расквартированная в Сен-Марке и состоящая из шести тысяч человек, разъяренная жестокостью, применявшейся к ним, воспользовалась случаем и подняла восстание. Командующий был обезглавлен, и депутация мятежников была отправлена отнести голову убитого офицера президенту республики в Порт-о-Пренс.

Известие об этом восстании быстро дошло до столицы Кристофа, и оно вызвало взрыв народных настроений, предвещавший скорое падение черной монархии. Столичные войска немедленно взялись за оружие и приняли угрожающий вид. Вечером 6 октября жители столицы были поражены грохотом барабанов, призывающих к оружию.

Вскоре улицы наполнились солдатами, подчиняющимися или сопротивляющимися власти своих офицеров, поскольку последние предпочитали или ненавидели власть короля. Губернатор столицы, который не желал такой развязки в своих планах, предпринял меры, чтобы усмирить мятежный дух войск; но хотя он искал поддержки со всех сторон, он не нашел готовности ни со стороны армии, ни со стороны народа помочь ему в его попытке. Волнение нарастало с каждой минутой и постепенно распространилось по всем частям города, пока всенаселение не объединилось в восстании. Армия взяла на себя инициативу, и все жители последовали примеру солдат. Путем всеобщего одобрения было решено двинуться на Сан-Суси и схватить Кристофа в его собственном дворце, но это движение было отложено до следующего дня.

Тем временем Кристоф был проинформирован об этих событиях, столь угрожающих сохранению его власти, если не его жизни. Он еще не оправился от своего недуга, но его неукротимая энергия души не была парализована болезнью, поскольку он немедленно вскочил с постели, требуя, чтобы ему принесли оружие и приказали подать лошадь к двери. Но если его отважный дух не дрогнул перед надвигавшимися на него бедствиями, то его физическое состояние оказалось не в силах противостоять деятельности его разума, и он был вынужден довольствоваться тем, что выслал вперед свою стражу для усмирения мятежных войск столицы, в то время как сам остался в своем дворце ожидать своей судьбы.

Тем временем генерал Ришар, губернатор столицы, встал во главе повстанцев, численность которых достигала десяти или двенадцати тысяч, и колонна двинулась маршем прямо на Сан-Суси. В воскресенье, 8 октября, повстанцы встретили на своем пути отряд телохранителей, который монарх направил против них.

Два отряда быстро построились в боевой порядок, и между ними завязалась оживленная перестрелка. Однако это продолжалось всего несколько минут. Криком повстанцев было “Либерте, либерте”, и произнесение этого волшебного слова вскоре стало заразительным в рядах королевской гвардии. Последние испытывали еще меньшее пристрастие к своему монарху, чем другие части армии, поскольку их положение и ранг приближали их к королевской особе, они часто подвергались ужасающим вспышкам королевской мести.

Таким образом, внутренние войска с удвоенным энтузиазмом откликнулись на лозунг мятежников, и они всем скопом перешли на сторону повстанцев. Вся военная мощь королевства была теперь объединена в огромную колонну мятежников, горящих желанием отомстить Кристофу и продвигающихся ко дворцу Сан-Суси.

Вскоре королю сообщили, что его гвардия выступила против него и что силы повстанцев уже находятся в непосредственной близости от его дворца. Услышав это поразительное известие, он в отчаянии воскликнул: “Тогда со мной все кончено!” - и, схватив пистолет, выстрелил себе в сердце.

Так погиб человек, которому удавалось сохранять свою власть над черными дольше, чем любому из вождей революции. Этого он добился благодаря единственному средству необычайной энергии своего характера. Непоколебимая смелость и решительность его мер сделали террор защитой его трона, пока его чрезмерная жестокость не довела его подданных до такой степени, что страх сменился отчаянием. Сначала его политика была политикой Туссена, но он довел ее до такой строгости, что превратил его правление в деспотизм. Как и его великий предшественник, он обладал таким глубоким знанием африканского характера, которое позволило ему полностью преуспеть в контроле над теми, кто находился под его властью, и, несмотря на национальные склонности, претворить в жизнь свои планы по освоению ресурсов страны. В то время как территория все еще была заброшенной пустошью, а ее население бедным, земли Кристофа находились в состоянии высокой продуктивности, и монарх умер, оставив миллионы в королевской казне.

Но благотворные ограничения, наложенные на его беспорядочных подданных в начале его правления, постепенно усиливались, чтобы соответствовать требованиям постоянно растущей ревности, пока они не сменились суровой дисциплиной или местью, какие практиковались лишь в немногих странах земного шара. Подземелья Цитадели Генри были почти такими же смертельными для человеческой жизни, как Черная дыра в Калькутте, и утверждалось, что среди зловонных испарений и удушливой атмосферы этих обитателей страданий заключенные были почти уверены, что умрут после короткого заключения. С меньшей достоверностью утверждалось, что пятьдесят тысяч человек лишились жизни в этих живых гробницах, в то время как тридцать тысяч других погибли от усталости, голода и лишений тех, кто был осужден за преступления более легкого характера на общественные работы королевства, все из которых выполнялись под плетью и штыками солдат.^[41]

Эти оценки, вероятно, выходят за рамки истины, хотя число тех, кто погиб от суровых требований тирании Кристофа, от лишений, тюремного заключения, военной казни или внезапной смерти, совершенной в порыве свирепой мести деспота, невероятно. Кристофу не удалось обеспечить бессрочность своего правительства простым злоупотреблением своей властью.

На момент смерти королю было пятьдесят три года, он правил девять лет. Обладая умом, мало способным к непрерывному мышлению, Кристоф обладал сильной и упрямой волей. Достигнув однажды высокого положения, он проявил огромную энергию характера. Стремясь увеличить с помощью торговли материальную мощь своих владений и развить их моральную мощь с помощью образования, он возложил на освобожденный народ труд, мало чем отличающийся от труда времен их рабства. Многие сотни жизней были принесены в жертву при возведении дворца Сан-Суси и благоустройстве его территории. Школы, введенные в эксплуатацию в его время, превзошли все, что когда-либо было введено в этой части острова до или после.

СНОСКА:

[41] Мало.

ГЛАВА XXII. СОЮЗ ХАЙТИ И САНТО-ДОМИНГО.

Смерть Кристофа была встречена с энтузиазмом и аплодисментами как в его родной части острова, так и в республике; и 15 октября 1821 года генерал Поль Ромен поставил себя во главе дела и провозгласил республику. К президенту Бойе была немедленно направлена депутация с предложением объединить два правительства под его руководством в качестве их главы. Это было принято, и через короткое время объединение состоялось.

Со времени эвакуации острова французами под командованием Рошамбо Санто-Доминго, испанская часть острова, стала местом убежища для белых колонистов, и преследуемых мулатов; и во время правления Дессалина и Кристофа в Санто-Доминго было сравнительно тихо, если не считать случайных визитов сторонников некоторых вождей хайтов. Санто-Доминго был мулатским правительством, и оно с радостью приветствовало союз при Бойере, и был запущен в действие план передачи испанской части острова Бойеру. Многие из их лучших людей считали, что для всего острова было бы лучше, если бы им управлял один законодательный орган и чтобы его столица находилась в Порт-о-Пренсе.

Власти Санто-Доминго явно придерживались этого мнения, ибо, когда им был представлен новый проект, они с готовностью согласились, и в декабре 1821 года немедленно отправилась депутация, чтобы передать пожелания испанских чернокожих вождю мулатов французской части острова. Бойеру было официально предложено дать свое согласие на то, чтобы испанская часть острова была присоединена к республике. Это требование настолько отвечало личным амбициям Бойера, что любое нежелание с его стороны выполнить его было явно невозможным. Таким образом, испанские депутаты были приняты с величайшей любезностью и отпущены со всеми почестями, какие только могла оказать удовлетворенная надежда.

Но прошел год с тех пор, как восстание на Севере передало владения Кристофа как драгоценный дар божий в мирное владение Буайе, и теперь армии республики было приказано подготовиться к победоносному и бескровному походу на Санто-Доминго. Бойер встал во главе ее, и было предпринято быстрое продвижение в самое сердце испанской территории. Не было встречено ни малейшего сопротивления, и жители каждого из городов подряд поспешили усердно засвидетельствовать свою приверженность делу республики, пока колонна захватчиков наконец не вступила своего рода триумфальным маршем в город Санто-Доминго.

Основные органы власти и народ в целом официально присягнули на верность своим новым правителям, и им было разрешено продолжать пользоваться своими прежними привилегиями. Главное командование недавно приобретенной территорией было передано Бойером в руки генерала Борджеллы, и президент вернулся в Порт-о-Пренс, довольный необычайным успехом, которым фортуна увенчала его администрацию; которую он начал с управления отдаленной провинцией в юго-западной части острова, и в результате череды непредвиденных инцидентов

он был поставлен во главе всей страны, без конкурента, который мог бы ему досаждать, или каких-либо недовольных, которые могли бы нарушить внутренний покой его правительства.

Смерть Кристофа и назначение Буайе в правительство всего Сан-Доминго были событиями, которые тем временем произвели сильную сенсацию в рядах старых колонистов, проживающих во Франции, а также в канцелярии министра по делам колоний. Предполагалось, что привязанность Бойе к Франции была сильнее, чем у его предшественника Петиона, и при таких обстоятельствах событие его прихода к власти породило новую надежду. Теперь считалось, что событие, столь благоприятное для притязаний Франции на ее древнюю колонию, приведет к удовлетворительному разрешению трудностей, которые препятствовали успеху предыдущих переговоров. Французский кабинет министров немедленно принял решение разузнать у нового главы Хайти о его чувствах относительно соглашения между двумя правительствами. Трудности на пути к легкому завоеванию страны и твердость, с которой Кристоф и Петион относились ко всем прежним требованиям, предъявляемым к ним агентами Франции, постепенно ослабили надежды колонистов и уменьшили ожидания французского правительства в отношении притязаний на Сан-Доминго. Восстановление острова в его прежнем состоянии колониальной зависимости и установление прав древних плантаторов на свои поместья и негров больше не рассматривались как события, находящиеся в пределах возможного, и требования Франции к правительству Хайти были теперь сведены к простому требованию возмещения колонистам убытков, которые довели их до нищеты.

Наконец, секретный агент морского министра получил аудиенцию у Буайе и сообщил ему, что французское правительство в прежние годы неоднократно предпринимало попытки достичь соглашения между двумя странами, все из которых были бесплодными, и было желательно, чтобы сам Буайе, в свою очередь, возобновил переговоры. На основании этой информации Буайе назначил генерала Бойе своим полномочным представителем, который был снабжен инструкциями, уполномочивающими его начать переговоры с назначенным агентом Франции либо в этой, либо в какой-либо нейтральной стране с целью прекращения разногласий, существующих между их соответствующими правительствами. Месье Эсмангарт и посланник Хайтиана согласились провести свои конференции в Брюсселе, но надеждам двух договаривающихся стран в этом случае также было суждено потерпеть крах. Стороны не смогли прийти к согласию относительно характера подлежащего возмещению ущерба.

Наконец, в 1825 году, после признания независимости Хайти другими странами, французы при Карле X продали его жителям права, завоеванные ими своими мечами, за сумму в сто пятьдесят миллионов франков, которые должны были быть выплачены в качестве контрибуции колонистам. Это было основой мирного договора и братских чувств между Францией и Хайти, которые принесли последней большую пользу. В 1843 году появилась партия, выступающая против президента Бойе, которая оформилась в заговор с целью свержения правительства. Видя, что он ничего не может с этим поделать, Бойер с отвращением и достоинством распрощался с народом и удалился на остров Ямайка, где несколько лет назад скончался.

Жан-Пьер Буайе родился в Порт-о-Пренсе второго февраля 1776 года, получил европейское образование в Париже, сражался под командованием Риго и Туссена Лувертюра; и вследствие успеха, которого добился чернокожий вождь, покинул остров. Бойе вернулся в Хайти в составе экспедиции Ле Клерка; однако он отделился от французского главнокомандующего и первым вступил в великую битву за свободу своей расы. Он был храбрым человеком, хорошим солдатом

и проявил себя как государственный деятель незаурядных способностей. Когда он пришел к власти, горы были заполнены маронами во главе с их знаменитым вождем Гомаром; Риго и Петион тщетно пытались избавить страну от этих разбойников.

Бойер, однако, вскоре разрушил их крепости, рассеял их и, наконец, уничтожил или подчинил их всех. Благодаря своему здравому смыслу, управлению и человечности ему удалось объединить весь остров под единым правительством и заполучить то, ради чего Кристоф изнурял себя усилиями и о чем вздыхал Петион, не смея лелеять ни малейшей надежды на то, что это может быть достигнуто. Мало кто из людей, принимавших участие в драме Сан-Доминго, сделал больше добра или прожил более безупречную жизнь, чем Бойер.

ГЛАВА XXIII. СУЛУК КАК ИМПЕРАТОР ХАЙТИ.

Генерал Рич, *грифф*, или темнокожий мулат, был выбран на место, освободившееся после бегства Бойе; и его способности вместе со всеобщим доверием, оказанным ему всеми классами общества, казалось, предвещали процветающую эпоху для республики. Однако он успел сделать немногим больше, чем приступить к своим тяжелым обязанностям, когда его унесла внезапная болезнь, о которой сожалело все население.

Сенат, в обязанность которого входило избирать президента, первого марта 1847 года отдал большинство своих голосов за Фостена Сулука, и в тот же день он был введен в должность.

Сулук был высоким, добродушным, чистокровным негром, который с 1804 года, когда он был домашним слугой генерала Ламарра, прошел через все события в своей стране, не оставив о себе никаких следов, хороших или плохих. Не имея ни образования, ни способностей, за исключением того, что он был большим любителем поесть, он был последним человеком в республике, которого можно было бы назначить на какой-либо пост, кроме того, который он занимал.

Правда, в 1810 году, когда его хозяин, генерал Ламарр, защищал Моль от Кристофа, первый был убит, и Сулуку было поручено отнести сердце генерала Петиону, который произвел слугу в лейтенанты своей конной гвардии; а после смерти Петиона он завещал его Бойе как предмет мебели, принадлежащий президентскому дворцу. Бойе сделал Сулука первым слугой своей экономки под титулом “капитан”. Здесь он растолстел и был забыт до 1843 года, когда революция привлекла к нему внимание. После непродолжительного пребывания на посту президента его тщеславие побудило Сулука стремиться стать императором, и этот титул был присвоен ему в 1849 году. В этом глупом шаге он взял за образец Наполеона Бонапарта, согласно чьему двору и лагерю Сулук сформировал свой собственный.

Но народ Хайти вскоре увидел печальную ошибку в избрании такого человека к власти, и его смена власти пробудила тайное чувство против империи, что привело к ее свержению в 1859 году.

ГЛАВА XXIV. ЖОФФРАР КАК ПРЕЗИДЕНТ НАҮТІ.

Фабр Жеффрар родился в Кайсе 19 сентября 1806 года. Его отцом был генерал Николас Жеффрар, один из основателей движения за независимость Хайта. Он стал солдатом в раннем возрасте пятнадцати лет и, отслужив в рядах, быстро прошел несколько ступеней продвижения по службе, пока не получил звание капитана. В 1843 году, когда генерал Херард поднял оружие против президента Бойе, он выбрал Жеффрара своим лейтенантом, который своим мастерством и храбростью во многом способствовал успеху революционной армии. В награду за свои ценные услуги он получил от нового правительства временное звание бригадного генерала и был комендантом Жакмея, а в 1845 году был назначен дивизионным генералом. В 1849 году Сулук назначил его принять командование своей хайтийской армией, посланной против доминиканцев, а в 1856 годуна его долю выпало, благодаря проявлению редких военных талантов, в какой-то мере устранить бедствия, сопутствовавшие вторжению хайтийской армии на Сан-Доминго во главе с самим императором. Вскоре после этого Сулук, движимый, несомненно, ревностью к заслуженной славе Жоффрара, опозорил его; но император дорого заплатил за это, ибо в декабре 1858 года Жоффрар выступил против него, а в январе 1859 года Сулук был свергнут вместе со своей ложной империей, и Жоффрар был провозглашен президентом Республики, которая была восстановлена.

Он сразу же принялся энергично работать над устранением многочисленных пороков, которые выросли под руководством его невежественного, ограниченного и жестокого предшественника, и стал чрезвычайно популярен. Он основал множество школ во всех частях республики и всячески поощрял сельскохозяйственные и промышленные предприятия в целом. В 1861 году он заключил конкордат с папой Римским, создав Хайти архиепископство. Гуманный по своему характеру, просвещенный и либеральный по своим взглядам, верный друг прогресса, его правление в свое время обещало быть долгим и процветающим.

Жеффрард был цветным *гриффом*, и ему было пятьдесят два года, когда его призвали на пост президента Хейти. Он был среднего роста, стройной фигуры, с приятным лицом, блестящими глазами, седыми волосами, гибкими от физических упражнений руками и ногами, великолепным наездником и склонным к искусствам, даже к экстравагантности. Обладая блестящим образованием, он был джентльменом в разговоре и манерах. Вскоре после вступления в должность президента он решил поощрять иммиграцию и выступил с обращением к цветным американцам, которое по сочувствию и патриотическому чувству к его расе не превзошел ни один человек, живой или мертвый.

Можно считать прописной истиной, что рабство, запреты и угнетение - это плохие школы для обучения независимых, уважающих себя свободных людей. Люди, обученные таким образом, склонны иметь все свои стремления, цели, концы и объекты в жизни на уровне низкого, пресмыкающегося и раболепствующего плана рабского и зависимого ума; или, если случайно этот ум стал беспокойным под своими оковами и вздыхает о предоставлении избирательных прав и свободы, он склонен бросаться в другую крайность в своих желаниях и стремится занять те позиции, для которых у него нет никакой надлежащей квалификации. Склонность дисциплинированного рабством ума либо слишком низка, либо слишком высока. Он не может

оставаться в равновесии. Он либо съезживается со всем подлым раболепием раба, либо принимает величественный вид жестокого и властолюбивого деспота.

Следовательно, поскольку все это верно в отношении жертв унижительного рабства, здесь мы находим ключ к провалу цветной эмиграции в Хайти.

По приглашению президента Жеффрара в 1861 году некоторые цветные граждане Соединенных Штатов действительно приняли приглашение и уехали; но для них и для Хейти было бы лучше, если бы они остались дома. Большинство эмигрантов отважились на путешествие в Хайти, потому что Жеффрар предоставил им бесплатный проезд; и предложение правительства Хайти снабжать эмигрантов провизией до тех пор, пока они не соберут урожай, было приманкой, перед которой эти бездельники не смогли устоять.

Вряд ли можно было ожидать, что люди, потерпев неудачу в своей собственной стране, добьются успеха, просто переплыв море.

В чем нуждалась Хайти, так это в мужчинах с отважными сердцами и твердыми руками, приспособленных к сельскохозяйственной жизни, полных решимости осваивать ресурсы страны. Людей вышеуказанного типа можно найти в нашей стране, но они могут легко зарабатывать здесь на жизнь, и у них нет причин эмигрировать.

Либеральное предложение президента Хайтии американцам и другим чернокожим приехать на Остров и его общие прогрессивные усилия по возвышению своего народа не были оценены жителями Хайтии, и дух революции, который так долго правил островом, вскоре начал проявляться.

Несколько восстаний против власти президента Хайти Жоффрара в конце концов завершились его свержением и изгнанием с острова, а также возведением на пост президента его старого врага Сальнаве. Восстание, которое возглавил Сальнаве, началось в 1865 году. Повстанцы захватили и удерживали город Кейп-Хайтиан в течение нескольких месяцев и были окончательно вытеснены оттуда только после его бомбардировки английским военным кораблем "Булл Дог" под командованием капитана Уэйка. Сальнаве был вынужден покинуть Хайти и укрыться в Сан-Доминго. Британское правительство вызвало капитана Уэйка и отправило его в отставку за нападение на мыс Хайтиан.

Находясь в изгнании, Сальнаве продолжал свои усилия по революционизации страны и нашел много приверженцев, но мало возможностей для восстания. 1 февраля 1867 года его друзья предприняли попытку в Порт-о-Пренсе; но Жоффрар был предупрежден, и эта попытка провалилась, а главари были схвачены и расстреляны. Однако революционеры не отчаялись, и в ночь на 22 февраля была предпринята более успешная попытка; Жоффрар был вынужден искать спасения в бегстве и, отрекшись от президентства, отправился в изгнание на Ямайку. Было назначено Временное правительство, и Сальнаве, которого народ приветствовал как "Гарибальди из Хайти" и "Освободитель народа", был назначен президентом 26 апреля 1867 года. Однако он настаивал на том, что примет президентство только из рук народа. Поэтому были назначены и проведены выборы. Соперничающих кандидатов на местах не было, другие наиболее выдающиеся участники революции, генералы Ниссаж и Шевалье, с большой готовностью уступили президентское кресло Сальнаве. Он был единогласно избран и в воскресенье, 12 мая, был приведен к присяге.

ГЛАВА XXV. САЛЬНАВЕ КАК ПРЕЗИДЕНТ ХАЙТИ.

Президент Салнаве был уроженцем мыса Хайтиан, и на момент прихода к власти ему был сорок один год. Он был сыном французов и негров. Он вступил в армию Хайти в ранней юности и был майором при Жеффрарде, когда империя была свергнута. Занимая ту же должность при Республике, Салнаве спланировал восстание 1865 года и захватил мыс Хайтиан, с которого он был изгнан, как мы уже описывали. Говорили, что он был человеком необычного ума, прогрессивных и либеральных идей, большой энергии характера, и от его администрации ожидалось блестящие результаты.

Однако получение верховной власти силой, столь распространенное в Хайти, было очевидным, что правление Салнаве продлится недолго. Те же самые люди, которые помогли ему изгнать Жеффрара, вскоре начали тайно работать против нового президента, и 18 декабря 1869 года Сальнав оказался запертым в своей столице и окруженным со всех сторон своими самыми злейшими врагами. Наконец, 8 января 1870 года хэйтианский президент попытался спастись бегством, но был схвачен президентом Доминики Кабралом, в правительстве которого укрылся Сальнаве.

Президент Доминиканской Республики передал Салнаве своему собственному правительству, его судили за государственную измену, осудили и расстреляли. Внешне побежденный вождь был прекрасным представителем расы. У него был смуглый цвет лица, волосы черные, мягкие и волнистые, образование хорошее для Вест-Индии. Салнаве был вспыльчивым, беспечным и даже жестоким. Его сменил в правительстве Хайти генерал Ниссаж Сагет, который, похоже, пользуется доверием народа и которого, как мы надеемся, у него хватит сил объединить.

ГЛАВА XXVI. ЯМАЙКА.

Ямайка, главный из островов Британской Вест-Индии, была открыта Колумбом во время его второго путешествия в мае 1494 года и была отнята у Испании англичанами в мае 1655 года, во время правления Оливера Кромвеля. Таким образом, она стала придатком британской короны после того, как пробыла во владении Испании сто сорок шесть лет. Количество рабов на острове в то время составляло около полутора тысяч.

Морган, печально известный пират и буканьер, был посвящен в рыцари и назначен губернатором острова в 1670 году. Лорд Воган сменил Моргана, и под его руководством была создана Африканская компания и легализована работорговля; африканцев ввозили в больших количествах, а освоение природных ресурсов Ямайки значительно увеличило богатство плантаторов.

Количество рабов, ежегодно ввозимых на Остров, составляло шестнадцать тысяч,^[42] таким образом, за тридцать лет численность рабов увеличилась с девяноста девяти тысяч до более чем двухсот тысяч, в то время как общая численность белых не превышала шестнадцати тысяч.

С этого времени и вплоть до 1832 года он представлял собой череду войн, узурпаций, преступлений, нищеты и порока; и в этой пустыне человеческого убожества нет ни одного зеленого пятнышка, на котором разум филантропа хотел бы остановиться; все это одна отвратительная сцена позора, кровопролития и нескрываемого горя; ненадежного мира и открытых беспорядков; злоупотребления властью и реакции нищеты на угнетение. В 1832 году произошло восстание рабов, в результате которого были принесены в жертву жизни семисот рабов и расходы, включая уничтоженное имущество, составили сто шестьдесят две тысячи фунтов стерлингов.

Общий ввоз рабов с момента завоевания острова англичанами до 1805 года составил восемьсот пятьдесят тысяч, и это в сочетании с сорока тысячами, привезенными испанцами, составило в общей сложности восемьсот девяносто тысяч, без учета всех рождений, за триста лет. Влияние, которое система рабства распространила на общество Ямайки и остальной части Британской Вест-Индии, было не менее деморализующим, чем на Хайти и других островах.

Преступления, которые в европейских странах рассматривались бы как бессмысленное оскорбление общества в целом, не исключали участников из круга респектабельного общества и, как правило, не ставили их в невыгодное положение среди женской части общества.

Безрассудные разрушители женской невинности и счастья объединялись в танце, участвовали в публичных развлечениях, были допущены в светский совет и поддерживали близкие отношения с младшими ветвями семей.^[43]

Промежуточные цвета между белыми^[44] и чистокровными чернокожими были обозначены следующим образом: самбо - это потомство мулатки от чернокожего мужчины; мулат - это ребенок чернокожей женщины и белого мужчины; квадрун - это потомство мулатки от белого человека, а метис - от чернокожего мужчины. женщина-квадрун от белого мужчины. Потомок женщины-метиса от белого мужчины, стоящего выше третьего по прямой линии от негритянского предка, был белым, по оценке закона, и пользовался всеми привилегиями и иммунитетами белых подданных Ее Величества; но все остальные, будь то мулаты, четвероногие или метисы, рассматривались законом как мулаты или цветные лица.

Хотя народ Ямайки заявлял правительству метрополии, что рабы довольны и счастливые и не приняли бы свою свободу, если бы ей предложили ее, в 1832 году произошло восстание чернокожих. Более пятидесяти тысяч человек были вовлечены в эти усилия по получению долгожданного блага.

Человек, с которого началось восстание, — Сэмюэл Шарп, — был рабом и членом баптистской церкви в Монтего-Бей. Он родился в рабстве, но никогда не испытывал горечи рабства. Он родился в семье, где к нему относились снисходительно; он был домашним любимцем и воспитывался как товарищ по играм малолетних членов семьи, и у него были возможности научиться читать и развить свои умственные способности, к которым имели доступ очень немногие из его товарищей-рабов; и Шарп, помимо всего этого, обладал умом, достойным любого мужчины, и ораторскими способностями необычного порядка.

Шарп твердо решил освободить себя и своих товарищей-рабов. Я не знаю, был ли он сам обманут, или он сознательно обманул своих товарищей по заговору; но он убедил большое количество из них поверить, что британское правительство сделало их свободными и что их владельцы держали их в рабстве вопреки желанию властей Англии. Так случилось, что как раз в то время сами плантаторы придерживались курса, который непосредственно благоприятствовал деятельности Sharp. Они проводили митинги по всему острову, протестуя против вмешательства правительства метрополии в их собственность, принимая весьма провокационные резолюции и угрожая, что они передадут свою верность Соединенным Штатам, чтобы те могли увековечить свой интерес к своим рабам.

Восстание было подавлено, и около двух тысяч рабов были казнены. Эта попытка рабов освободиться дала новый импульс движению за отмену рабства, которое уже началось под эгидой Бакстона, Аллена, Броэма и Джорджа Томпсона, преемников Кларксона, Уилберфорса, Шарпа и Маколея; и работа смело продолжалась. Элизабет Хейрик, чувствуя, что освобождение рабыни никогда не может быть осуществлено постепенными средствами, подняла крик о “Немедленном освобождении”. Она писала: “Немедленная эмансипация - это цель, к которой следует стремиться; это более мудро и рационально, более политично и безопасно, а также более справедливо и гуманно, чем постепенная эмансипация. Интересам, моральным и политическим, временным и вечным, всех заинтересованных сторон наилучшим образом будет способствовать немедленное освобождение”.

Доктрина немедленной эмансипации была подхвачена друзьями негров повсюду, и Броэм в парламенте сказал:

“Не говорите мне о правах; не говорите о собственности плантатора на своих рабов. Я отрицаю право; я не признаю собственность. Принципы, чувства нашей общей природы восстают против этого. Будь то апелляция к разуму или сердцу, приговор один и тот же, который отвергает ее. Напрасно вы рассказываете мне о законах, которые санкционируют подобное заявление”.

Джон Филпот Карран выступил с одной из лучших речей, когда-либо произнесенных в защиту прав человека. Он сказал: —

“Я говорю в духе британского закона, который делает свободу соизмеримой с британской землей и неотделимой от нее; который провозглашает, даже чужаку и временному жителю, в тот момент, когда он ступает своей ногой на британскую землю, что земля, по которой он ступает, священна и освящена гением Всеобщей Эмансипации. Неважно, на каком языке могла быть произнесена его участь; неважно, какой цвет лица, несовместимый со свободой, могло опалить его индийское или африканское солнце; неважно, в какой катастрофической битве его свобода могла быть раздроблена; неважно, с какой торжественностью он мог быть предан алтарю рабства; в первый момент, когда он касается священной земли Британии, алтарь и бог вместе рассыпаются в прах; его душа разгуливает во всем своем величии; его тело раздувается сверх меры от его цепей, которые срываются со всего него, и он стоит искупленный, как только он касается священной земли Британии. возрожденный и освобожденный от пут неотразимым гением всеобщей эмансипации”.

Имя и труды Грэнвилла Шарпа были омрачены трудами других людей, которые в лучах яркого солнца успеха собрали урожай всеобщего восхищения результатами филантропической политики, сеятелем которой был Грэнвилл Шарп. Закари, Маколей, Кларксон, Уилберфорс и

Бакстон считаются лидерами великого движения, которое освободило рабов Великобритании. Берка и Уилкса помнят как просвещенных защитников независимости Америки; и эти великие имена бросают тень на клерка из Министерства обороны, который с благородной честностью оставил свое место и отказался от призвания, которое было его единственной профессией и средством к существованию, вместо того, чтобы служить правительству, которое вело братоубийственную войну, и который, вопреки мнению Солиситора и генерального прокурора, а также лорда Главного судьи, которому противостояли все юристы и которого отвергли даже его собственные профессиональные советники, взялся изучать индексы закона, который был его единственной профессией. библиотеку, пробираться сквозь огромную массу сухой и отталкивающей литературы и по ходу дела делать выписки из всех важнейших актов парламента; пока, в то самое время, когда в Ливерпуле и Лондоне с аукциона продавались рабы, и когда он не смог найти ни одного юриста, согласного с его мнением, он смело не воскликнул: “Слава Богу! ни в одном английском законе или статуте нет ничего, что могло бы оправдать порабощение других”.

Грэнвилл Шарп, в детстве ученик портнихи, а затем клерк в артиллерийском департаменте Англии, однажды в приемной своего брата увидел негра по имени Джонатан Стронг, хромого, нетрудоспособного, почти слепого, очень больного, брошенного на произвол судьбы на улицах Лондона своим хозяином, адвокатом из Барбадоса. Помощь Грэнвилла Шарпа и его брата Уильяма, хирурга, восстановила здоровье Джонатана Стронга и обеспечила ему рабочее место. Два года спустя барбадосский юрист узнал своего раба, сильного, здорового, и ценного человека, служащего лакеем за каретой леди, и он арестовал негра и посадил его в тюрьму до тех пор, пока не представится возможность отправить его в Вест-Индию.

Мистер Шарп обратился к лорд-мэру, который, хотя и решил, что некомпетентен решать юридический вопрос о свободе блэка, освободил Стронга, поскольку против него не было выдвинуто никаких обвинений в совершении преступления.

И тогда — это было в 1767 году — теперь уже более ста лет назад - тогда в Англии началось затаенное движение в пользу рабовладельцев. Хозяин Джонатана Стронга немедленно подал иск против Грэнвилла Шарпа, чтобы вернуть себе своего негра, которого, по его словам, у него украли; и Шарп изложил результат своего изучения вопроса в простом, ясном и мужественном заявлении, которое, после некоторого распространения в рукописи, было напечатано в 1769 году и озаглавлено “О несправедливости терпимости к рабству в Англии”.

Это произвело такой эффект на общественное мнение, что адвокат отказался от своего разбирательства. Вскоре другие дела стали испытанием искренней филантропии друга рабов. Жена некоего Стайлса была схвачена и отправлена на Барбадос. Шарп вынудил агрессора вернуть женщину. В 1776 году Томас Льюис был похищен и отправлен на Ямайку. Шарп нашел его прикованным к грот-мачте корабля в Спитхед и по приказу *хабеас корпус* доставил его к лорду Мэнсфилду, тому самому судье, чье мнение было наиболее решительно выражено в противовес мнению Грэнвилла Шарпа по вопросу рабства.

Лорд Мэнсфилд освободил негра от должности, поскольку не было представлено никаких доказательств того, что он когда-либо номинально был собственностью человека, предъявившего на него права; но великий вопрос о свободе или рабстве оставался таким же нерешенным, как и прежде. В то время работорговля открыто велась на улицах Лондона, Бристоля и Ливерпуля.

Негритянское рабство насаждалось торговцами, поддерживалось юристами и поддерживалось судьями; и то, что служащий государственной службы, не имеющий личного влияния и вооруженный только честностью и моральным мужеством, должен при таких обстоятельствах утверждать и, в конце концов, доказывать, что раб, ступивший ногой на британскую землю, становится в этот момент свободным, является одним из самых поразительных инцидентов в современной истории.

Вскоре представилась возможность высказать противоречивые мнения по какому-либо вопросу. Негр по имени Джеймс Сомерсет был увезен в Англию и оставлен там своим хозяином, который впоследствии пожелал отправить его обратно на Ямайку. Шарп нашел адвоката для защиты негра, и лорд Мэнсфилд намекнул, что это дело представляет такой общий интерес, что ему следует прислушаться к мнению всех судей по нему. Рассмотрение дела было отложено и пересмотрено, и переносилось из семестра в семестр; но, наконец, лорд Мэнсфилд заявил, что суд четко придерживается мнения, что “иск о рабстве никогда не может быть поддержан в Англии; что заявленная власть никогда не использовалась в Англии и не признавалась законом; и что, следовательно, человек Джеймс Сомерсет должен быть освобожден от должности”. Этим решением работорговля в Англии была фактически отменена.

История не дает более благородной картины, чем история Грэнвилла Шарпа. Стоял в одиночестве, вопреки мнениям самых способных юристов и самым укоренившимся предрассудкам и обычаям того времени; сражался без посторонней помощи в самой запоминающейся битве за конституцию своей страны и за свободы британских подданных и своими единственными усилиями одержал самую запоминающуюся победу.

1 августа 1838 года восемьсот тысяч африканских рабов были полностью и безоговорочно освобождены; законодательный акт, самый великодушный и возвышенный в анналах британской истории. Хотя враги эмансипации предсказывали, что за таким актом последуют убийства и грабежи, поведение освобожденных людей было всем, чего только могли пожелать самые ярые друзья негров.

Вечером дня, предшествовавшего фактическому дарованию неоценимого дара ученикам Ямайки, города и миссионерские станции по всему острову были переполнены людьми, особенно заинтересованными в этом событии, и которые, заполнив различные места поклонения, оставались в некоторых случаях, совершая различные акты благочестия, пока не наступил день свободы, когда они приветствовали его самыми радостными возгласами. Другие, до и после подобных служб, разбрелись в разных направлениях по городу и деревням, распевая национальный гимн и религиозные гимны, время от времени оглашая воздух возгласами “Свобода пришла! Мы свободны, мы свободны; наши жены и наши дети свободны!”

Поведение новоиспеченного крестьянства повсюду сделало бы честь христианам самой цивилизованной страны в мире. Их поведение было скромным, непритязательным, вежливым и обязывающим друг к другу как членов одной гармоничной семьи.

Многие из первоначального поголовья рабов были привезены из племен мандинго и фула с берегов Сенегала, Гамбии и Рио-Гранде, наиболее утонченных и интеллектуальных африканских племен, а также из конго Верхней и Нижней Гвинеи, самых низших представителей африканской расы. Представители последнего класса принесли с собой все пороки и суеверия своей родной страны, и они были культивированы на Ямайке.

Худшей из этих суеверных идей был богобоязненность, разновидность колдовства, применявшаяся для мести за нанесенные обиды или как защита от воровства и убийства, а также для завоевания любви противоположного пола. Оно заключалось в наложении заклинания или амулетов рядом с домом человека, который должен был попасть под его влияние, или когда оно предназначалось для предотвращения разбойничьих набегов, в какой-нибудь видной части дома или на дереве; это обозначалось калебасом или тыквенной тыквой, содержащей среди прочих ингредиентов комбинацию разноцветных тряпок, кошачьих зубов, перьев попугаев, жабьих лапок, яичной скорлупы, рыбьих костей, зубов змей и хвостов ящериц.[45]

Ужас немедленно охватывал человека, который видел это, и либо из-за того, что он предавался отчаянию, либо из-за тайного введения яда, в большинстве случаев неизбежным следствием была смерть. Подобным влиянию этого суеверия было влияние их торжественных проклятий, произносимых над ворами, но подробно описывать это здесь было бы слишком утомительно. Все негритянские врачи древности заявляли, что обладают даром почтения, и их боялись гораздо больше, чем любили.

Сны и видения составляли фундаментальные статьи их религиозной веры. Некоторые сверхъестественные откровения считались необходимыми для получения всех привилегий их общины. Действительно, от кандидатов требовалось увидеть определенное количество снов, прежде чем они были приняты в члены клуба, предметы для которых им давали их учителя.

Собрания этого братства часто затягивались почти до полночи. Священники обязали своих последователей соблюдать пост один или два дня в неделю и поощряли еженедельные встречи друг у друга дома, поочередно, чтобы пить “горячую воду” из белых чайных чашек (соответствующие принадлежности чайного стола), которые они обозначали абсурдным и неуместным эпитетом “нарушение мира”. До такой прискорбной степени они придерживались этих суеверных обычаев, и такова была степень невежества как священников, так и народа, что в отсутствие лучшей информации о том, что должно петься на их религиозных собраниях, у них вошло в привычку распевать детскую сказку “Дом, который построил Джек”.

Миссионеры, и особенно баптисты, которые боролись с большими трудностями до отмены рабства, теперь, когда проклятие снято, совершили благородную работу для освобожденных людей. Возведение часовен по всему острову вскоре изменило моральное и социальное положение чернокожих, а также дало им правильное представление о христианском долге.

СНОСКИ:

[42] “Ямайка, прошлое и настоящее”. Филиппо.

[43] Филиппо.

[44] Филиппо.

[45] “Ямайка, прошлое и настоящее”. Филиппо.

ГЛАВА XXVII. ЮЖНАЯ АМЕРИКА.

Португальцы ввели рабство в Бразилии примерно в 1558 году, и рост этого класса населения был таким же быстрым, как и в любой другой части недавно открытой страны. Обращение с рабами не отличалось от обращения на Ямайке, Сан-Доминго и Кубе.

Бразилия нанесла смертельный удар порочной системе, которая так долго была ее тяжким бременем и позором. Отныне каждый ребенок, рожденный в империи, свободен, и через двадцать лет цепи спадут с конечностей ее последнего оставшегося в живых раба. Этим указом почти три миллиона чернокожих восстанут из праха; и хотя лишь немногие из этого поколения могут надеяться дожить до дня всеобщей эмансипации, для них важно знать, что проклятие, лежавшее на родителях, больше не передастся детям; это то, к чему у младших из них есть светлое, хотя и отдаленное будущее, в которое они могут смотреть и которого ждут. Весьма вероятно также, что умирающему институту не позволят продлить все то существование, которое предоставляет ему новый закон; поскольку преимущества бесплатного труда для всей страны станут ценными новое законодательство может ускорить наступление национальной свободы и справедливости.

Первые колонисты поработили индейцев; и, несмотря на тщетные меры по освобождению, принятые португальской короной в 1570, 1647 и 1684 годах, эти несчастные туземцы оставались в рабстве до 1755 года и, возможно, содержались бы и по сей день, если бы они не оказались очень невыгодными. Соответственно, негры были завезены из других португальских владений, и работорговля с африканским побережьем естественным образом возникла и только что прекратилась. Португалия обязалась договором с Англией в 1815 году отменить торговлю. Бразилия возобновила обязательство от своего имени в 1826 году. Однако в 1839 году было подсчитано, что ежегодно ввозилось восемьдесят тысяч чернокожих, а десять лет спустя министр иностранных дел сообщил, что грубый оборот сократился лишь на четверть. Энергичные действия Англии, заявившей в 1845 году, что бразильские невольничьи суда должны подчиняться английским властям, привели к длительному дипломатическому противостоянию и угрозам войны; но это принесло плоды в 1850 году в виде закона, по которому Бразилия приравнивала торговлю к пиратству, а в 1852 году император объявил ее практически вымершей.

Тем временем в империи постепенно укреплялась оппозиция не только работорговле, но и рабству. Освобождение стало частым явлением, и законы сделали это очень легким. Под покровительством императора было организовано общество, которое каждый год в открытой церкви торжественно освобождало некоторое количество рабов; а в 1856 году английский посол написал домой, что правительство сообщило ему о своем решении постепенно отменить рабство во всех частях империи. Великий шаг, который они сейчас предприняли, без сомнения, был подтолкнут примером нашей собственной страны. Это один из многих драгоценных плодов, которые вззошли и которым суждено еще взойти на почве, которую мы так щедро поливали кровью патриотов.

Информация о Бразилии в целом скудна, особенно в отношении чернокожих; но цветные люди встречаются в этой стране во всех сферах жизни.

В бразильской армии многие офицеры - мулаты, причем некоторые очень темного оттенка. Предрассудки по поводу цвета кожи здесь не так заметны, как в некоторых других рабовладельческих странах.

ГЛАВА XXVIII. КУБА И ПОРТО-РИКО.

Куба, оплот Испании в западном мире, более трехсот лет страдала от недостатков рабства. Лиссабонские купцы больше заботились о больших прибылях, получаемых от работорговли, чем о разработке богатых ресурсов этого одного из красивейших островов Вест-Индии, и поэтому они вкладывали значительные средства в эту гнусную торговлю. Увеличение числа рабов, спрос на сахар и тропические продукты, а также стимул, который создает в сознании человека гонка за богатством, быстро привели к росту города Гавана, столицы острова. Цветное население Кубы, как и белые, произвело мало впечатления на мир за пределами их собственного южного дома. Однако есть одно исключение в пользу чернокожих. В 1830 году в Гаване появился молодой цветной мужчина, мать которого недавно привезли из Африки. Его звали Плачидо, и кровь его была несмешанной. Находясь у сравнительно доброго учителя, он нашел время, чтобы научиться читать, и начал развивать в себе талант, который проявился позже.

Молодой раб проявлял интерес к поэзии и часто писал стихи, которые клали на музыку и распевали в гостиных самых изысканных собраний города. Его молодой хозяин ухаживал за богатой наследницей, и рабу было приказано написать стихотворение, олицетворяющее страсть хозяина к юной леди. Плачидо оправдал себя, к полному удовлетворению влюбленного, который собственноручно переписал послание и отправил его по назначению. Сочинениями раба так восхищались, что они попали в газеты; но никто не знал негра как их автора.

В 1838 году эти стихи вместе с несколькими, которые никогда не появлялись в печати, были доверены белому человеку, который отправил их в Англию, где они были опубликованы и получили высокую оценку за талант и научные достижения, которые они демонстрировали. Несколько молодых белых людей, которые были хорошо знакомы с Плачидо и ценили его гений, решили купить его и подарить ему свободу, что и было сделано в 1842 году.

Но освобожденному черному открылось новое поле, и он начал ступать по его тропинкам. Свобода для него самого была только началом; он вздыхал, чтобы сделать свободными других.

Богатое воображение поэта породило стихи, которые рабы пели в своей собственной грубой манере и которые разожгли в их сердцах более сильное стремление к свободе. Плачидо планировал восстание рабов, в котором он должен был стать их лидером и освободителем; но план провалился.

После поспешного судебного разбирательства он был признан виновным и приговорен к смертной казни. Настал роковой день, он шел к месту казни с таким спокойствием, как будто это было обычное увеселительное заведение. Его мужественная и героическая осанка вызывала симпатию и восхищение у всех, кто его видел. Добравшись до рокового места, он начал декламировать гимн, который написал в своей камере предыдущей ночью.

“Всемогущий Бог, чья благодать не знает границ,
К Тебе я бегу в своем жестоком горе;
О, пусть Твоя могучая рука исправит мои ошибки,
И разорвать отвратительную завесу клеветнической раной
О моем челе. Рука низменного мира, будь она проклята,
На ком теперь лежала бы печать позора на моем лице”.

Свободные чернокожие на Кубе составляют важный элемент ее населения, и эти люди представлены во всех профессиях. Первыми дантистами были мулаты Блейк и Купат; первым музыкантом был мулат Хосейто Уайт; одной из лучших академий для молодых леди, существующих в настоящее время в Гаване, лично руководит образованная негритянка Мария де Серра, которой многие высокопоставленные дамы обязаны своими социальными и интеллектуальными достижениями. Единственная кубинка, проявившая себя как актриса на зарубежных сценах, - Дакосте, мулатка; Коваррубиас, великий комик и живой писатель, на протяжении многих лет звезда кубинской сцены, тоже был мулатом; Франсиско Мансано, поэт, был негром-рабом.

Суфлером театра Святого Иоанна в Порто-Рико является Бартоло Антик, негр, настолько умный, что драматические труппы, приезжающие из Испании, предпочитают его своим собственным суфлерам. Машинист единственного парохода в Порто-Рико - цветной мужчина. Единственным художником, достойным упоминания на том же острове, является религиозный художник Хосе Кампече, мулат. Это лишь немногие известные и признанные цветными, но если бы мы исследовали происхождение каждой семьи на Кубе и в Порто-Рико, мы уверены, что более или менее смогли бы проследить африканскую кровь в большинстве наших самых выдающихся граждан.

В Порто-Рико мулат Дюбуа поплатился головой за свою смелость и патриотизм. В 1862 году на Кубе насчитывалось двести двадцать одна тысяча четыреста семнадцать свободных цветных людей и триста шестьдесят восемь тысяч пятьсот пятьдесят рабов. В Порто-Рико в том же году насчитывалось двести сорок одна тысяча пятнадцать свободных цветных людей и сорок одна тысяча семьсот тридцать шесть рабов.

Когда английские войска вторглись на остров Куба в 1762 году, негры вели себя так хорошо во время осады Гаваны, что многие из них получили из рук губернатора Прадо от имени короля грамоты об освобождении в знак признания их доблести и хороших услуг.

ГЛАВА XXIX. SANTO DOMINGO.

Хотя Санто-Доминго и не является строго испанским владением, его можно причислить к числу уже перечисленных народов Вест-Индии. Его история идентична истории Хайти. Образующий часть того же острова и населенный неграми, мулатами и белыми; и являющийся частью поля битвы, на котором негры сражались с французами во время революции, освободившей остров

от его бывших хозяев. Санто-Доминго прошел через все сцены крови и опустошения, только в более мягкой форме, которые пережили их соседи на другом конце острова. Санто-Доминго находился под властью Испании, Франции и Гаити, и часто был ее собственной республикой, последней из которых она сейчас наслаждается.

Именно во время правления Буайе испанская или доминиканская часть острова была объединена с французской. В связи с этим вопросом были допущены грубые искажения; —в защиту притязаний доминиканцев на независимое правительство, независимость, основанную на признании недействительной, утверждалось, что их побили, растоптали и почти раздавили, прежде чем они объединились с чернокожей нацией.

Факты таковы: на момент избрания Бойера испанская часть острова была независимой, но ее положение было наиболее шатким; война между Испанией и ее восставшими провинциями в Южной Америке была в самом разгаре, и колумбийские каперы, наводнившие Карибское море, постоянно грабили людей вдоль берегов испанского побережья; более того, в этой части острова было много людей, которые были склонны к союзу с патриотами Южной Америки, но подавляющее большинство выступало против этого предложения.

Таково было положение вещей в начале правления Бойера. По зрелом размышлении о трудностях, которыми они были окружены, слабое правительство испанской части страны обратилось за защитой в союзе с гаитянами, и они официально попросили Бойера дать свое согласие на аннексию Восточной части. Эта просьба была удовлетворена, и Восточный регион стал неотъемлемой частью этой республики.

Таким образом, видно, что доминиканцы приняли правительство Хайтиана не только добровольно, но и с радостью.

К концу правления Буайе доминиканцы отделились от гаитян и образовали республику, с тех пор последние при каждом удобном случае воевали с первыми, что было главной причиной бедности и недостаточного развития обеих частей острова.

Херард, сменивший Бойе в правительстве Хайти и занимавший пост президента во время отделения доминиканцев, сам был мулатом, и, казалось, никаких проблем не возникло, но жители Санто-Доминго хотели перемен.

Доминиканцы находились в лучшем состоянии цивилизации, чем их соседи, и, если их оставить в покое, вскоре превзойдут хайти во всем, что касается свободного и независимого правления.

Но доминиканцам приходится содержать большую постоянную армию, в которую набирается большая часть их молодежи, и они всегда находятся в неустроенном состоянии, что сильно препятствует коммерческому и сельскохозяйственному росту страны.

И Хайти, и Санто-Доминго, несомненно, в недалеком будущем попадут в руки какой-нибудь более цивилизованной нации или наций, поскольку обе находятся в упадке, особенно в том, что касается самообороны. И те, и другие сегодня находятся во власти почти всех других наций, и когда-нибудь “Доктор” придет ухаживать за “Больным человеком”.

ГЛАВА XXX. ВНЕДРЕНИЕ ЧЕРНОКОЖИХ В АМЕРИКАНСКИЕ КОЛОНИИ.

Одновременно с высадкой пилигримов с "Мэйфлауэра" на Плимутской скале, 22 декабря 1620 года, неуклюжий на вид бриг, старый и грязный, с почти стертой краской со всех частей, медленно проплыл вверх по реке Джеймс и причалил к берегу в Джеймстауне. Невысокий, коренастый, мясистый вид матросов, командовавших судном, и пять пустых бочонков из-под кислых сухарей, стоявших на палубе, ясно говорили о том, к какой стране принадлежали мореплаватели.

Даже в тот ранний день у них был с собой их "местный напиток", который, хотя и не походил на нынешнее светлое пиво, был напитком, за которым они курили и говорили о "Далеких землях", а также обменивали на негров, которых они привозили. Поселенцы Джеймстауна, да и всей Виргинии в то время, были в основном кавалерами, джентльменами-авантюристами, стремившимися жить своим умом и чужим трудом. Мало кто из первопроходцев испытывал искреннюю симпатию к прямо-таки постоянным мышечным нагрузкам, и все же срочно требовались определенные усилия, чтобы вырубить густой лес, который почти полностью покрывал почву молодой колонии, и выращивать табак, который легко стал основным экспортным товаром, за счет которого в Англии оплачивалось почти все, что требовалось ее жителям, кроме продуктов питания.

Высадка двадцати рабов с голландского брига послужила сигналом для разного рода авантюристов заняться такой же гнусной торговлей. Изношенные и немореходные европейские корабли, бриги, барки, шхуны и, действительно, все остальное, что могло плавать, каким бы небезопасным оно ни было, было реквизировано, чтобы удовлетворить спрос на транспортные средства в новой торговле.

Тысячи людей, заключенных в тюрьмах старого света, были освобождены при условии, что они будут работать на этих судах работорговли. Освобожденные заключенные использовались на рабовладельческих фабриках на африканском побережье, и даже мародерские экспедиции, отправлявшиеся с невольничьих кораблей в поисках жертв, в основном состояли из этих мерзких отбросов тюремного населения Англии, Франции, Германии, Испании и Португалии. Рост этого товарооборота был настолько велик, что за короткое время ввоз за один год составил сорок тысяч рабов.

Огромный рост числа рабов в Южных штатах вскоре заставил политиков встать на сторону этого института или против него. Это, однако, не проявлялось в какой-либо значительной степени до тех пор, пока борьба за национальную независимость не закончилась, и народы Севера и Юга не начали задумываться о своих интересах, связанных с каждой частью страны.

На момент опубликования Декларации независимости не производилось никаких достоверных подсчетов; но когда в 1791 году была проведена первая перепись населения, общее количество рабов в так называемых Северных штатах составляло сорок тысяч триста семьдесят человек; в Южных - шестьсот пятьдесят три тысячи девятьсот десять.

В наши дни очень часто говорят о нашей революционной борьбе как о начатой и ускоренной союзом свободных и рабовладельческих колоний; но это не так. Какой бы хрупкой и сомнительной ни была его правовая основа, рабство существовало во всех колониях, которые

объединились, чтобы провозгласить и сохранить свою независимость. Рабов было пропорционально больше в определенных частях Юга; но их безнаказанно держали по всему Северу, рекламировали как собак или лошадей и продавали на аукционах или иным образом как движимое имущество. Вермонт, в то время спорная территория между Нью-Гэмпширом и Нью-Йорком, с очень небольшим количеством цивилизованных жителей, в основном на его южных и восточных границах, вероятно, был единственной частью революционной конфедерации, никогда не оскверненной поступью рабов.

Дух свободы, пробужденный или усиленный затяжной борьбой колонистов против узурпированной и злоупотребляемой власти в метрополии, вскоре оказался вовлеченным в естественный антагонизм против нынешней формы внутреннего деспотизма.

“Как мы можем жаловаться на произвольную или неограниченную власть, оказываемую над нами, в то время как мы оказываем еще более деспотическую и непростительную власть над зависимой и невежественной расой?” - был задан очень справедливый вопрос. В Массачусетсе, где огни свободы горели раньше и ярче всего, было возбуждено несколько исков с целью проверить законное право рабовладения; и ведущие виги пожертвовали свои деньги и юридические услуги для поддержки этих действий, которые, как правило, по тем или иным причинам были успешными. Попытки принять прямой закон об освобождении, однако, потерпели неудачу даже в Массачусетсе; законодательное собрание, несомненно, опасалось, что такая мера, отчуждающая рабовладельцев, увеличит число и власть тори; но в 1777 году капер, доставивший на Ямайку много захваченных рабов и объявивший их выставленными на продажу, Генеральный суд, как называлось законодательное собрание, вмешался и освободил их. Первый Континентальный конгресс, решивший силой противостоять узурпации и угнетению Великобритании, уже объявил, что наша борьба будет вестись “за природу человека”, которую Конгресс 1776 года под руководством Томаса Джефферсона расширил до благородного утверждения права “всех людей на жизнь, свободу и стремление к счастью”, содержащегося в бессмертной преамбуле к Декларации независимости. Аналогичное утверждение о том, что “все люди рождаются свободными и равными”, было включено в 1780 году в Билль о правах Массачусетса; и Верховный суд этого штата в 1783 году по обвинению хозяина в нападении и побоях постановил, что это заявление отныне запрещает рабовладение в штате.

Аналогичный пункт во второй Конституции Нью-Гэмпшира был принят судами этого штата для обеспечения свободы каждому ребенку, родившемуся в нем после его усыновления. В 1780 году в Пенсильвании был принят закон, запрещающий дальнейший ввоз рабов и обеспечивающий свободу всем лицам, родившимся в этом штате впоследствии. В 1784 году аналогичные законы были приняты в Коннектикуте и Род-Айленде. Вирджиния в 1778 году по ходатайству мистера Джефферсона запретила дальнейший ввоз рабов; а в 1782 году сняла все юридические ограничения на эмансипацию. Мэриленд принял оба этих закона в 1783 году. Северная Каролина в 1786 году объявила ввоз рабов в штат “пагубными последствиями и крайне невежливым” и ввела пошлину в размере 5 фунтов стерлингов с человека. Нью-Йорк и Нью-Джерси последовали примеру Вирджинии и Мэриленда, включив внутренние страны в тот же запрет на иностранную работорговлю. Однако ни один из этих штатов не провозгласил всеобщую эмансипацию еще много лет спустя, и рабство полностью прекратилось в Нью-Йорке примерно до 1830 года, а в Нью-Джерси - гораздо позже. Революционерам было совершенно незнакомо различие между свободными и рабовладельческими государствами и родственное предположение о естественном антагонизме между Севером и Югом.

ГЛАВА XXXI. РАБЫ В СЕВЕРНЫХ КОЛОНИЯХ.

Самое раннее известие о рабстве в Массачусетсе, которое у нас есть, содержится в описании Джосселином его первого визита в Новую Англию в 1638 году. Даже в то время на Севере существовало небольшое рабовладение. Джосселин говорит: “У мистера Маверика была негрятка, от которой он хотел иметь породу рабов; поэтому он приказал своему молодому негру переспать с ней. Мужчина послушался своего хозяина до такой степени, что лег спать, когда молодая женщина выгнала его”.^[46] Похоже, что это был первый случай восстания в колониях, и инициатором его тоже была женщина. Вероятно, этот факт ускользнул от внимания современных защитников “Прав женщины”. Общественное мнение первых христиан по вопросу о рабстве можно увидеть по следующей форме церемонии, которая использовалась при заключении брака рабынь.

Это было подготовлено и использовано преподобным Сэмюэлем Филлипсом из Андовера, чье служение там, начавшееся в 1710 году и закончившееся его смертью в 1771 году, было продолжительным и в высшей степени выдающимся служением более половины восемнадцатого века:—

“Ты, Боб, сейчас же, в присутствии Бога и этих Свидетелей, возьми Салли в жены;

“Обещая, что в той мере, в какой это будет соответствовать вашим Отношениям, которые вы сейчас поддерживаете как слуга, вы будете выполнять по отношению к ней роль мужа: И в частности, по мере возможности и способностей вы будете должным образом заботиться о ней в болезни и здравии, в Процветании и невзгодах;

“И что вы будете Верны ей и будете прилепляться только к ней до тех пор, пока Бог в своем Провидении будет продолжать ваше с ней пребывание в Таком Месте (или в Таких Местах), где вам будет удобно собираться вместе. -- Вы это обещаете?

“Ты, Салли, сейчас же, в Присутствии Бога и этих Свидетелей, возьми Боба в Мужья;

“Обещая, что, насколько позволят ваши нынешние Отношения как Служанки, вы будете выполнять по отношению к нему Роль Жены, и, в частности,

“Вы обещаете, что будете любить его; И что, поскольку у вас будет Возможность и способности, вы будете должным образом заботиться о нем в болезни и Здравии; в Процветании и невзгодах:

“И вы будете прилепляться к нему только до тех пор, пока Бог в своем Провидении будет продолжать свое и ваше Пребывание в таком Месте (или в Таких Местах), где вы сможете собраться вместе. -- Вы это Обещаете? Тогда я, соглашаясь с вашей Просьбой и с вашего Согласия ваших Хозяев и любовниц, заявляю, что у вас есть Разрешение, данное вам на общение и фамильярность вместе как мужу и жене, до тех пор, пока Бог сохранит ваши Места Обитания, как указано выше; И до тех пор, пока вы будете вести себя так, как подобает слугам:

“Ибо вы оба должны помнить, что вы по-прежнему остаетесь, как всегда, Собственностью вашего Хозяина, и поэтому как Бог, так и Человек справедливо ожидают, что вы будете

вести себя как Послушные и верные Слуги по отношению к вашим соответствующим Хозяевам и Любовницам в настоящее время:

И, наконец, я увещаю и повелеваю вам остерегаться, чтобы вы не уступили место Разврату, чтобы воспользоваться предоставленной вам теперь вольностью, возгордиться и тем самым навлечь на себя Неудовольствие не только Человека, но и Бога; ибо написано, что Бог Гордым противится, но смиренным дает Благодать.

“Теперь я завершу Молитвой за вас, чтобы вы могли стать добрыми христианами и чтобы вы могли вести себя соответственно; и, в частности, чтобы вы могли иметь Благодать вести себя соответствующим образом друг с другом, а также послушно по отношению к своим Хозяевам и Любовницам, не служа Глазами, как угодники Мужчин, вы, Слуги Христа, исполняющие Волю Божью от всего сердца, и т.д.”

“[Одобрено]

“Негритянский брак”.

Мы привели вышеупомянутую форму брака, *дословно и литературно*.

В 1641 году колония Массачусетс приняла следующий закон:—

“Среди нас никогда не будет никакого рабства, измены или пленения, если только это не будут законные пленники, взятые в справедливых войнах, и такие чужеземцы, которые добровольно продадут себя. И они должны обладать всеми свободами и христианскими обычаями, которых морально требует закон Божий, установленный в Израиле в отношении таких людей. Это никого не освобождает от рабства, кто будет судим по закону”.

В 1646 году некто Джеймс Смит, прихожанин бостонской церкви, привез домой двух негров с побережья Гвинеи и убил еще около сотни. Вследствие такого поведения Суд Общей юрисдикции вынес следующее постановление:—

“Суд общей юрисдикции, полагаящий себя обязанным при первой же возможности выступить свидетелем против отвратительного и вопиющего греха человекоугодия, а также предписать такое своевременное возмещение за то, что было принято, и такой закон на будущее, который может в достаточной степени удержать всех других, принадлежащих к нам, от совершения таких мерзких и отвратительных действий, вызывающих справедливое отвращение у всех добрых и справедливых людей, распорядитесь, чтобы незаконно захваченный негр-переводчик с другими, находящийся в настоящее время под присмотром правительства страны, был отправлен в его родную страну (Гвинею) с письмом от имени страны. возмущение здешнего суда и его справедливость требуют, чтобы наш уважаемый губернатор, пожалуйста, привел этот приказ в исполнение”.

С этого времени примерно до 1700 года количество рабов, ввезенных в Массачусетс, было невелико. В 1680 году губернатор Саймон Брэдстрит в ответ на запросы “лордов тайного совета его Величества” так пишет:

“С момента основания этой плантации в течение пятидесяти лет в страну не ввозилось ни одной компании чернокожих или рабов, только одно небольшое судно около двух лет назад, после двадцатимесячного путешествия на Мадагаскар, доставило сюда от сорока до пятидесяти негров, в основном женщин и детей, проданных по 10, 15 и 20 фунтов стерлингов за штуку, что

обошлось торговцам примерно в 40 фунтов стерлингов за штуку друг с другом: время от времени двух или трех негров привозят сюда с Барбадосов и других плантаций Его Величества и продают на продажу”. здесь примерно по 20 фунтов стерлингов за штуку, так что в нашем правительстве может быть около ста или ста двадцати человек, и может быть столько же шотландцев, привезенных сюда и проданных в качестве слуг во время войны с Шотландией, и большинство из них сейчас женаты и живут здесь, и примерно вдвое меньше ирландцев, которых несколько раз привозили сюда в качестве слуг ”.

Количество рабов в этот период в средних и южных колониях установить нелегко, поскольку до 1704 года в Северной Америке издавалось мало книг и ни одной газеты. В том же году было начато издание “Еженедельного информационного письма”, и в том же году “Общество распространения Евангелия в зарубежных странах” открыло школу катехизации для рабов в Нью-Йорке, в этом городе, по тогдашним подсчетам, насчитывалось около полутора тысяч негритянских и индийских рабов”, достаточное количество, чтобы предоставить материалы для “непреодолимого конфликта”, который начался задолго до этого. Катехизатором, которого наняло Общество, был “мистер Элиас Нео, по национальности француз, исповедовавший протестантскую религию во Франции, за что был приговорен к нескольким годам тюремного заключения и семи годам каторги. ” Мистер Нео приступил к исполнению своих обязанностей “с большим усердием, и его труды были очень успешными; но негров сильно отговаривали от принятия христианской религии из-за того, что они очень мало относились к любому религиозному уважению. Их браки заключались только по взаимному согласию, без благословения церкви; их хоронили люди их страны и цвета кожи, на общем поле, без какого-либо христианского служения; возможно, какие-то нелепые языческие обряды совершались на могиле кем-то из их соплеменников. Не было никакого уведомления об их болезни, чтобы их можно было навестить; напротив, в разговорах часто говорилось о том, что у них нет души, и они погибли, как звери, и что им стало хуже, когда их научили и сделали христианами ”.[47]

С этого времени число рабов в Вирджинии и Южной Каролине росло очень быстрыми темпами, и с этим ростом среди чернокожих начало проявляться недовольство.

СНОСКИ:

[46] Джон Джосселин.

[47] Джошуа Коффин

ГЛАВА XXXII. ВОССТАНИЯ ЦВЕТНЫХ В КОЛОНИЯХ.

Первая серьезная попытка восстания рабов в колониях произошла в Нью-Йорке в 1712 году; где, если бы не своевременная помощь гарнизона, город превратился бы в пепелище. Следующее восстание произошло в Южной Каролине в 1720 году, где чернокожие в значительном количестве нападали на белых в их домах и на улицах.

Были немедленно подняты и отправлены в погоню за ними войска, двадцать три из которых были схвачены, шестеро осуждены, трое казнены, а трое сбежали.

В октябре 1722 года около двухсот негров близ устья реки Раппаханнок, штат Вирджиния, собрались в группу, вооруженные, с намерением убить людей в церкви, но были обнаружены и скрылись.

13 апреля 1723 года губернатор Даммер издал прокламацию со следующей преамбулой, а именно:

“Принимая во внимание, что в течение некоторого короткого времени в городе Бостон вспыхнуло много пожаров, и в результате сгорели различные здания: эти пожары были преднамеренно и усердно разожжены некоторыми злодейскими и отчаявшимися неграми или другими распутными людьми, как явствует из признаний некоторых из них (которые были допрошены властями) и многих сопутствующих обстоятельств; и поскольку имеются серьезные подозрения, что они вступили в сговор с целью поджога и разрушения города, я поэтому счел нужным, по совету совета его Величества, опубликовать это заявление ,” и т.д.

18 апреля 1723 года преподобный Джозеф Сьюэлл произнес речь, особенно посвященную “недавним пожарам, которые вспыхнули в Бостоне и которые, как предполагается, были намеренно подожжены вами, неграми”.

На следующий день, 19 апреля, члены бостонской избирательной комиссии представили городу отчет по этому вопросу, состоящий из девятнадцати статей, из которых следующая является № 9:

“Если на Улицах или магистралях в Городе или его окрестностях будет обнаружено более двух Слуг или рабынь-индейцев, негров или мулатов, которые бездельничают или скрываются вместе, за исключением случаев, когда они находятся на службе у своего Хозяина или Нанимателя, каждый обнаруженный таким образом должен быть наказан в Исправительном доме”.

В то время тревога и опасность в Бостоне, вызванные рабами, были настолько велики, что в дополнение к обычной страже не только выставлялись военные силы, но и при каждом пожаре части ополчения приказывалось выходить с оружием в руках, чтобы поддерживать порядок среди рабов!!

В 1728 году в Саванне, штат Джорджия, произошло восстание рабов, в которых дважды стреляли, прежде чем они сбежали. Они составили заговор с целью уничтожить всех белых, и ничто им не помешало, кроме разногласий по поводу режима. В то время население состояло из трех тысяч белых и двух тысяч семисот чернокожих.

В августе 1730 года в Уильямсбурге, штат Вирджиния, произошло восстание чернокожих, вызванное сообщением о прибытии полковника Спотсвуда о том, что он получил указания от Его Величества освободить всех крещеных. Негры довели это дело до больших высот. Пять графств с оружием в руках преследовали их, имея приказ убить их, если они не подчинятся.

В августе 1730 года рабы в Южной Каролине устроили заговор с целью уничтожить всех белых. Это было первое открытое восстание в том штате, где негры были действительно вооружены и воплощены, и произошло оно в субботу.

В том же месяце негр разграбил и сжег дом в Малдене (Массачусетс) и объяснил свое поведение тем, что его хозяин продал его человеку в Салеме, который ему не нравился.

В 1731 году капитан Джордж Скотт с Род-Айленда возвращался из Гвинеи с грузом рабов, которые поднялись на корабль, убили троих членов экипажа, все вскоре умерли, за исключением капитана и мальчика.

В 1732 году капитан Джон Мейджор из Портсмута, штат Нью-Гэмпшир, был убит вместе со всей своей командой, а шхуна и груз захвачены рабами.

В 1741 году в Нью-Йорке произошло крупное восстание рабов. В то время население состояло из двенадцати тысяч белых и двух тысяч чернокожих. Из заговорщиков тринадцать были сожжены заживо, восемнадцать повешены и восемьдесят вывезены.

Те, кого перевезли, были отправлены на острова Вест-Индии. В качестве примера лиц, которые были пригодны для перевозки, я привожу следующее из “Бостон газетт”, 17 августа 1761 г.:

“Продается партия, вероятно, молодых негров, привезенных из Африки, дешево за наличные. Спросите Джона Эйвери. Кроме того, если у кого-либо есть негры, сильные и крепкие, хотя и не с лучшими моральными качествами, которые являются подходящими объектами транспортировки, они могут обменять их на маленьких негров”.

В 1747 году рабы на борту корабля из Род-Айленда под командованием капитана Бирса восстали у Кейп-Кост-Касла и убили капитана и всю команду, за исключением двух помощников капитана, которые выплыли на берег.

В 1754 году К. Крофт, эсквайр из Чарльстона, Южная Каролина, приказал негритянкам сжечь свои здания, двое из которых сгорели заживо!!

В сентябре 1755 года рабы Марк и Филлис были казнены в Кембридже (штат Массачусетс) за отравление своего хозяина, мистера Джона Кодмана из Чарльзтауна. Марка повесили, а Филлис сожгли заживо. Убедившись, что их хозяин по своей воле освободил их после своей смерти, они отравили его, чтобы как можно скорее обрести свободу.

В 1800 году город Ричмонд, штат Вирджиния, да и вся рабовладельческая страна были повергнуты в состояние сильного возбуждения, оцепенения и тревоги, узнав о готовящемся восстании среди рабов. Заговор был заложен рабом по имени Габриэль, который считался собственностью мистера Томаса Проссера. Полный и правдивый отчет об этом генерале Габриэле и о действиях, последовавших за раскрытием заговора, еще никогда не публиковался. В 1831 году в Олбани в “Ивнинг Джорнэл” под заголовком “Поражение Габриэля” появился короткий отчет, который почти во всем является ложным.

Ниже приводится копия письма от 21 сентября 1800 года, написанного джентльменом из Ричмонда, штат Вирджиния, опубликованного в “Бостон газетт” 6 октября:

“К настоящему времени вы, без сомнения, слышали о заговоре, организованном в этой стране неграми, который, если бы не вмешательство Провидения, передал бы метрополию штата и даже само государство в их владение. Ужасный шторм с проливным дождем, который снес мосты и повсюду сделал водотоки непроходимыми, помешал осуществлению их замысла. Он был обширным по своему замыслу. Ничего нельзя было придумать лучше. Заговорщики должны были захватить магазин, казначейство, мельницы и мосты через реку Джеймс. Они должны были войти в город Ричмонд в трех местах с огнем и мечом, чтобы начать беспорядочную резню, исключая только французов. Затем они должны были призвать своих братьев-негров и

друзей человечества по всему континенту посредством воззвания сплотиться под их знаменами. Магазин, который был беззащитен, снабдил бы оружием многие тысячи человек.

“Казначейство дало бы им деньги, мельницы - хлеб, а мосты позволили бы им впускать своих друзей и не пускать врагов. Никогда еще не было более благоприятного времени года для достижения их цели.

“Страна покрыта богатыми урожаями индийской кукурузы; на полях повсюду тучные стада, и доктрина свободы и равенства, какой бы бессмысленной и порочной она ни была (в этой стране тиранов и рабов), используется в целях предвыборной агитации и разносится по нашим долинам и горам во всех направлениях. Город Ричмонд и прилегающая к нему местность вооружены, и так продолжается уже десять или двенадцать дней. Патрульные удвоены по всему штату, и губернатор, впечатленный масштабом опасности, назначил для себя трех помощников. Несколько заговорщиков были повешены, и еще очень многих предстоит повесить. Суды и казни продолжаются день за днем. Бедные, обманутые негодяи! Их демократические обманщики, сознающие свою собственную вину и боящиеся общественной мести, наиболее активно привлекают их к ответственности”.

ГЛАВА XXXIII. ЧЕРНОКОЖИЕ В ВОЙНЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Бостонскую резню 5 марта 1770 года можно рассматривать как первый акт великой драмы Американской революции. “С этого момента, ” сказал Дэниел Вебстер, “ мы можем датировать распад Британской империи”. Присутствие британских солдат на Кинг-стрит вызвало патриотическое негодование народа. Вся община была взбудоражена, и мудрые советники обсуждали, писали и говорили об общественных обидах. Но не “мудрым и осмотрительным” полагалось первыми выступить против посягательств произвола власти.

Разношерстная толпа мужчин и мальчишек под предводительством негра Криспуса Атакса с криками: “Способ избавиться от этих солдат - напасть на главную охрану; бей под корень; это гнездо!” - проявив больше отваги, чем осмотрительности, они бросились на Кинг-стрит и были обстреляны ротой капитана Престона. Криспус Атакс пал первым; он, Сэмюэл Грей и Джонас Колдуэлл были убиты на месте. Сэмюэл Маверик и Патрик Карр были смертельно ранены.

Последовавшее за этим волнение было сильным. В городе зазвонили колокола; был проведен импровизированный митинг, и собралось огромное собрание. Через три дня, 8-го, состоялись публичные похороны мучеников. Магазины в Бостоне были закрыты; звонили во все колокола Бостона и соседних городов. Было сказано, что по этому случаю собралось больше людей, чем когда-либо прежде на континенте с аналогичной целью.

Тело Атакса, негритянского раба, было помещено в Фаней-холл вместе с телом Колдуэлла, поскольку оба были чужаками в городе. Маверик был похоронен в доме своей матери на Юнион-стрит, а Грей - в доме своего брата на Ройял-Бирж-лейн. Четыре катафалка образовали перекресток на Кинг-стрит, и там процессия двинулась колоннами в шесть рядов,

сопровождаемая длинной вереницей карет, принадлежащих наиболее выдающимся гражданам, к среднему месту захоронения, где четыре жертвы были захоронены в одной могиле, над которой был установлен камень со следующей надписью:

“Пока за дело Свободы борются мудрые,

Твоя слава будет расти, дорогая твоей стране;

В то время как миру будет говорить камень с буквами,

Где пали Колдуэлл, Атакс, Грей и Маверик”.

Годовщина этого события публично отмечалась в Бостоне речью и другими упражнениями каждый год, пока после обретения нашей национальной независимости четвертое июля не было заменено пятым марта, как более подходящий день для всеобщего празднования. Было отмечено не только это событие, но и были вспомнены и почитаемы мученики, которые затем отдали свои жизни. В течение полувека после окончания войны имя Криспа Атакса с честью упоминалось самыми известными людьми страны, которые не были ослеплены глупыми предрассудками, которые, мягко говоря, были лишь поверхностными.

Один отрывок из истории Бэнкрофта даст краткий и ясный отчет о состоянии армии в отношении цветных солдат во время битвы при Банкер—Хилл:-

История также не должна забывать отметить, что, как в армии в Кембридже, так и в этом доблестном отряде свободные негры колонии имели своих представителей. Право свободных негров носить оружие для общественной защиты в те дни в Новой Англии оспаривалось так же мало, как и другие их права. Они заняли свое место не в отдельном корпусе, а в рядах белых людей; и их имена можно прочесть в пенсионных списках страны рядом с именами других солдат Революции”.[48]

Взятие в плен генерал-майора британской армии Прескотта 9 июля 1777 года стало поводом для большого ликования по всей стране. Принца, доблестного негра, схватившего этого офицера, всегда следует с честью помнить за его важную службу.

Битва при Ред-Бэнк и битва при Род-Айленде 29 августа 1778 года дают черным право на вечную славу.[49]

Когда полковник Грин был застигнут врасплох и убит возле Пойнтс-Бридж, штат Нью-Йорк, 14 мая 1781 года, его цветные солдаты героически защищали его, пока их не изрубили на куски; и враг добрался до него по мертвым телам его верных негров. Об этом последнем сражении Арнольд в своей “Истории Род—Айленда” говорит:

“В третий раз враг с отчаянной храбростью и возросшими силами попытался атаковать редут и взял бы его, если бы не своевременная помощь двух континентальных батальонов, отправленных Салливаном для поддержки его почти измотанных войск. Именно при отражении этих яростных атак недавно созданный черный полк под командованием полковника Грина отличился отчаянной доблестью. Расположившись за зарослями в долине, они трижды отбрасывали гессенцев, которые неоднократно спускались с холма, чтобы выбить их; и противник был настолько решителен в этих последовательных атаках, что на следующий день после битвы гессенский полковник, на которого была возложена эта обязанность, подал

прошение сменить командование и отправиться в Нью-Йорк, потому что он не осмеливался снова повести свой полк в бой, чтобы его люди не застрелили его за то, что он нанес им такие большие потери”.

СНОСКИ:

[48] “История Соединенных Штатов” Бэнкрофта. Том VII. с. 421.

[49] “Дневник американской революции” Мура. Том I. стр. 468.

ГЛАВА XXXIV. ЧЕРНЫЕ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА.

Во время войны 1812 года цветные мужчины снова оказали себе честь, добровольно оказав помощь в борьбе за свободу Америки, как на Севере, так и на Юге. В последнем разделе даже рабы были приглашены и поступили в армию, где их храбрость была высоко оценена. Следующий документ говорит сам за себя.

“Штаб-квартира Седьмого военного округа,
Мобил, 21 сентября 1814 года. }

“Свободным цветным жителям Луизианы:

“Из-за ошибочной политики вы до сих пор были лишены возможности участвовать в славной борьбе за национальные права, в которой участвует наша страна. Этого больше не должно существовать.

“Как сыны свободы, вы сейчас призваны защищать наши самые бесценные благословения. Как американцы, ваша страна с уверенностью ожидает от своих приемных детей доблестной поддержки, как верного воздаяния за преимущества, которыми пользовалось ее мягкое и справедливое правительство. Как отцы, мужья и братья, вы призваны сплотиться вокруг знамени Орла, чтобы защитить все, что дорого в существовании.

“Ваша страна, хотя и призывает вас прилагать усилия, не желает, чтобы вы участвовали в ее деле, не вознаградив вас за оказанные услуги. Ваши разумные умы не должны быть уведены в сторону ложными представлениями — ваша любовь к чести заставила бы вас презирать человека, который попытался бы обмануть вас. С искренностью солдата и на языке правды я обращаюсь к вам.

“Каждому цветному человеку с благородным сердцем, добровольно согласившемуся служить во время нынешнего противостояния с Великобританией, и не более, будет выплачена та же награда в деньгах и землях, которую сейчас получают белые солдаты Соединенных Штатов, а именно — сто двадцать четыре доллара деньгами и сто шестьдесят акров земли. Сержанты и рядовые также будут иметь право на то же ежемесячное жалованье, ежедневный паек и одежду, что и любой американский солдат.

“При зачислении вас в роты генерал-майор, командующий ими, выберет офицеров для вашего правительства из числа ваших белых сограждан. Ваши унтер-офицеры будут назначены из вашей среды.

“Чувствам свободных людей и солдат будет уделено должное внимание. Вы не будете, будучи связаны с белыми мужчинами в одном корпусе, подвергаться неподобающим сравнениям или несправедливому сарказму. Как отдельный батальон или полк, идущий по пути славы, вы безраздельно удостоитесь аплодисментов и благодарности ваших соотечественников.

“Чтобы заверить вас в искренности моих намерений, и моем стремлении воспользоваться вашими неоценимыми услугами для нашей страны, я передал свои пожелания губернатору Луизианы, который полностью информирован о порядке зачисления и предоставит вам всю необходимую информацию по теме этого обращения.

Эндрю Джексон,
командующий - генерал-майор“.[50]

18 декабря 1814 года генерал Джексон обратился со следующим обращением к цветным военнослужащим своей армии:—

“Солдаты!— Когда на берегах Мобила я призвал вас взяться за оружие, приглашая разделить опасности и славу ваших белых сограждан, я много ожидал от вас; ибо я не был в неведении, что вы обладаете качествами, наиболее грозными для вторгшегося врага. Я знал, с какой стойкостью ты можешь переносить голод и жажду, а также все тяготы похода. Я хорошо знал, как вы любили свою родную страну и что вам, так же как и нам, приходилось защищать то, что человеку дороже всего — своих родителей, жену, детей и собственность. Вы сделали больше, чем я ожидал. В дополнение к предыдущим качествам, которыми, как я знал, вы обладаете, я обнаружил в вас благородный энтузиазм, который ведет к совершению великих дел.

“Солдаты! президент Соединенных Штатов услышит, каким похвальным было ваше поведение в час опасности, а представители американского народа воздадут вам должное за ваши подвиги, на которые вы имеете право. Ваш генерал предвосхищает их, аплодируя вашему благородному рвению.

“Враг приближается; его корабли покрывают наши озера; наши храбрые граждане едины, и все раздоры между ними прекратились. Их единственный спор заключается в том, кто получит награду за доблесть или кому достанется наибольшая слава, самая благородная награда.

- По приказу,
- Томас Батлер, адъютант.

В “Новоорлеанской забаве”, в отчете о праздновании битвы за Новый Орлеан в этом городе в 1851 году, говорится:

“Не менее интересной, хотя и самой новой особенностью вчерашней процессии было присутствие девяноста цветных ветеранов, которые сыграли заметную роль в опасностях того дня, когда их впервые призвали помочь в праздновании, и которые своим хорошим поведением в присутствии врага заслужили одобрение своего прославленного главнокомандующего. За тридцать шесть лет, прошедших с тех пор, как они помогли отбросить захватчиков от наших берегов, эти верные люди никогда прежде не участвовали в ежегодных торжествах по случаю победы, одержанной благодаря их доблести.

“Их добрые дела остались только в их памяти или прожиты лишь для того, чтобы претендовать на мимолетное упоминание на странице историка. И все же, кто больше, чем они, заслуживает благодарности страны и благодарности последующих поколений? Кто с большей готовностью сплотился в ответ на призыв опасности? Кто с большей радостью переносил тяготы лагеря или с большим мужеством встречал опасности боя? Если в тот опасный час, когда нашим домам угрожали ужасы войны, мы не побрезговали призвать цветное население помочь в отражении вторжения орды, мы не должны, когда опасность миновала, отказываться позволить им объединиться с нами в праздновании славного события, которое они помогли сделать столь запоминающейся эпохой в нашей истории. Мы были не слишком возвышенны, чтобы смешаться с ними в драке; они были не слишком смиренны, чтобы присоединиться к нашей радости.

“Мы думаем, что таково всеобщее мнение наших граждан. Вчера мы беседовали со многими, и все без исключения они выразили одобрение приглашению, которое было направлено цветным ветеранам, принять участие в церемониях этого дня, и удовлетворение от того, что увидели их на видном месте в процессии.

“Респектабельность их внешности и скромность поведения производили впечатление на каждого наблюдателя и вызывали безоговорочное одобрение. Действительно, хотя, говоря так, мы не имеем в виду неуважение к кому-либо еще, мы думаем, что они определенно составляли самую интересную часть конкурса, поскольку, безусловно, привлекли наибольшее внимание”.

На озерах Эри и Шамплейн цветные мужчины также участвовали в этих сражениях, ставших историческими, проявляя тот же героизм, который отличал их во всех предыдущих усилиях по защите прав своей страны.

СНОСКА:

[50] Реестр Найлса, Том VII., стр. 205.

ГЛАВА XXXV. ПРОКЛЯТИЕ РАБСТВА.

Деморализация, которую этот институт влек за собой для всех классов общества, в котором он существовал, действительно вызывала страх при мысли; и мы вполне можем сказать, что рабство - это проклятие из проклятий. Хотя это превращало жертву в простое движимое имущество, отнимая у нее все признаки мужественности, это унижало разум хозяина, ожесточало его чувства, опаляло его совесть и разрушало его моральное чувство.

Безнравственность в значительной степени пронизывала каждый рабовладельческий город, поселение и жилище на Юге. Мораль и добродетель всегда были исключениями. Южное духовенство, поддерживаемое церквями, отстаивало свое право содержать рабов до последнего. Дома религиозного поклонения и негритянский загон часто находились на виду друг у друга.

Южные газеты пестрели рекламными объявлениями, которые были наглядным показателем этого чудовищного социального зла.

Теперь, когда рабство уничтожено, возможно, будет интересно ознакомиться с некоторыми из этих газетных заметок в свете нового установления свободы.

Новоорлеанская “Тру Дельта” в 1853 году украсила свои колонки следующим: “Мистер Джозеф Дженнингс почтительно сообщает своим друзьям и общественности, что по просьбе многих своих знакомых он был вынужден приобрести у мистера Осборна из Миссури знаменитую темно-гнедую лошадь “Стар”, возрастом пять лет, крупной рысью и гарантированного качества, с новой легкой коляской и сбруей; а также полную мулатку “Сару”, возрастом около двадцати лет, обычную домашнюю прислугу, оцененную в девятьсот долларов и гарантированную; розыгрыш состоится в четыре часа пополудни 1 февраля в любом отеле, выбранном организатором. подписчики.

“Вышесказанное представлено в том виде, в каком оно представлено, и те лица, которые, возможно, пожелают заняться обычной практикой розыгрыша призов, я заверяю их, будут полностью удовлетворены своей судьбой в этом деле.

-Полторы тысячи шансов по одному доллару за каждый.

- Все это оценивается по справедливой стоимости - полторы тысячи долларов.

Розыгрыш проведут джентльмены, выбранные присутствующими заинтересованными подписчиками. На розыгрыш отводится пять ночей. Все вышеперечисленное можно увидеть в моем магазине на Коммон-стрит, 78, вторая дверь от Кэмп, с 9 часов утра до половины третьего пополудни

“Первый выбирает тот, кто сделает самый высокий бросок; тот, кто бросит самый низкий, получает оставшийся приз, а счастливые победители должны заплатить по двадцать долларов каждому за угощение, приготовленное по этому случаю”.

“Пустяк” из того же города сообщает следующее:

“Вознаграждение в размере 100 долларов.—Сбежал с плантации нижеподписавшегося негра Шедрика, проповедника, ростом пять футов девять дюймов, около сорока лет, но на вид не старше двадцати трех, с клеймом N. E. на груди и с отрезанными обоими маленькими пальцами на ногах. У него очень смуглый цвет лица, маленькие, но яркие глаза и довольно дерзкий взгляд. Он хорошо одевается и был арестован как беглец в Дональдсонвилле около трех лет назад. Вышеуказанное вознаграждение будет выплачено за его арест по адресу господ. Братья Армант, приход Сент-Джеймс, или A. Miltenberger & Co., улица Каронделет, 30”.

К уведомлению прилагается газета из Саванны (Джорджия).

“Три недели назад при подозрительных обстоятельствах в тюрьму была заключена негритянка, называющая себя Фиби, или Филлис. Говорит, что она свободна и недавно приехала из округа Бофорт, Южная Каролина. Указанной женщине около пятидесяти лет, она плотного телосложения, с мягким голосом, ростом пять футов четыре дюйма и весит около ста сорока фунтов. Проведя тщательное расследование с помощью письма и исходя из того, что я смог

узнать, указанная женщина сбежала. Любой человек, владеющий указанной рабыней, может получить ее, обратившись ко мне с заявлением, должным образом заверенным”.

Практика поимки беглых рабов с помощью натренированных для этой цели ищеек во времена рабовладельческого правления на Юге хорошо известна. Ниже мы приводим одно из рекламных объявлений в том виде, в каком оно появилось в печати в то время.

“Нижеподписавшийся, имеющий превосходную свору гончих для выслеживания и поимки беглых рабов, информирует общественность, что его цены на подобные услуги в будущем будут следующими:

За каждый день, потраченный на охоту или выслеживание	2,50 доллара
За поимку каждого раба	10,00
За прохождение более десяти миль и поимку рабов	20,00

“В случае отправки запроса вышеуказанные цены будут оплачены наличными. Подписчик проживает в полутора милях к югу от Дадевилля, штат Алабама.

“Б. Блэк”.

Рабство настолько сильно выжгло совесть белых на Юге, что у них не было чувства сострадания к черным, как покажет следующая иллюстрация. В Сент-Луисе в 1835 году Фрэнсис Макинтош, свободный цветной человек, защищаясь от нападения белых хулиганов, один из последних был убит. Цветной мужчина был немедленно схвачен, прикован к дереву и сожжен заживо. Одна из газет того времени дала следующий отчет об этом бесчеловечном поступке: —

Все было тихо, как смерть, пока палачи складывали дрова вокруг своей жертвы. Он не произнес ни слова, пока не почувствовал, что пламя охватило его. Затем он издал ужасный вой, пытаясь петь и молиться, затем опустил голову и страдал молча, за исключением следующего случая. После того, как пламя окружило свою жертву, его глаза выгорели из орбит, а во рту, казалось, пересохло дотла, кто-то в толпе, более сострадательный, чем остальные, предложил положить конец его страданиям, застрелив его, на что ему ответили: "Это было бы бесполезно, поскольку боль у него уже прошла". "Нет, нет, - сказал негодяй, - я не страдаю, я страдаю так же сильно, как всегда; пристрелите меня, пристрелите". "Нет, нет, - сказал один из злодеев, стоявших около жертвы, которую они жарили, - его не пристрелят. Я бы скорее погасил огонь, если бы это увеличило его страдания"; и человек, сказавший это, был, как мы понимаем, представителем правосудия!"

Чтобы эта демонстрация "общественного мнения" не была расценена просто как внезапный импульс, а не показатель установившегося тона чувств в этом сообществе, важно добавить, что почтенный Дж. Люк Э. Лоулесс, судья Окружного суда штата Миссури, на заседании этого суда в городе Сент-Луис, через несколько месяцев после сожжения этого человека, официально постановил, что, поскольку сожжение Макинтоша было совершено либо непосредственно, либо с одобрения большинства граждан, это “дело, которое выходит за рамки юрисдикции” Большого жюри! Таким образом, штат Миссури объявил миру, что негодяи, совершившие это невыразимо дьявольское убийство, и тысячи тех, кто стоял рядом,

соглашаясь на это, были ее представителями, и Суд освятил это торжественным судебным решением.

ГЛАВА XXXVI. НЕДОВОЛЬСТВО И ВОССТАНИЕ.

Неразвитое недовольство всегда охватывало чернокожее население Юга, связанное и свободное. Человеческое рабство всегда порождает восстание, где бы оно ни существовало и при каких обстоятельствах ни проявлялось. Законы, запрещающие как свободным цветным людям, так и рабам собираться в сколько-нибудь значительных количествах для религиозных или любых других целей без присутствия двух или более белых, и строгое соблюдение таких законов показывают, насколько боялись рабовладельцы своих обиженных жертв.

Делалось все, чтобы заставить негра почувствовать, что он не человек, а вещь; ему внушали его неполноценность всеми возможными способами. В крупных городах Юга свободным цветным дамам не разрешалось носить вуаль на улицах или в любых общественных местах. Нарушение этого закона каралось тридцатью девятью ударами плетью по обнаженной спине. То же самое было сделано со свободным цветным человеком, которого можно было увидеть на улицах с сигарой во рту или с тростью в руке. Обоим, прогуливаясь по улицам, было запрещено заходить на тротуар. Любому, кто выходил из своих домов после девяти часов вечера, грозило наказание в виде штрафа и тюремного заключения.

На каждого члена свободной цветной семьи был наложен дополнительный налог. В то время как все эти одиозные указы в 1822 году свободные цветные жители Чарльстона, Южная Каролина, молча переносили, существовало подавленное чувство негодования, унижения и недовольства, которое оценили лишь немногие. Среди самых недовольных свободными чернокожими был Дания Веси, человек, который купил свою свободу в 1800 году и с тех пор зарабатывал на жизнь своим ремеслом, будучи плотником и столяром.

Лично Веси был высоким и худощавого телосложения; по цвету кожи смуглый мулат; высокий лоб; глаза темно-карие; нос длинный, с римскими чертами лица. Его образование было выше, чем у его коллег, и он много читал, особенно о положении своей собственной расы, и глубоко сочувствовал им в их униженном состоянии.

Веси был уроженцем Вест-Индии. Работая на корабле у своего хозяина, капитана Веси, Дания много повидал в мире, приобрел большой запас информации и считался ведущим человеком среди чернокожих. Он изучал Священные Писания и никогда не упускал возможности показать, что они выступают против рабства движимого имущества. Он свободно говорил на эту тему с рабами и часто с белыми, когда обнаруживал, что может делать это без риска для своей собственной свободы.

Приняв решение подстрекать рабов к восстанию, он начал посвящать в свои тайны тех людей, которым мог доверять, и инструктировать их набирать сторонников из числа наиболее надежных как среди рабов, так и среди свободных. Питер Пояс, раб, обладавший незаурядной дальновидностью и способностями, был выбран Веси своим лейтенантом; и на него была

возложена трудная обязанность организовать способ нападения и действовать как военный лидер.

Его планы демонстрировали некоторое прирожденное полководческое мастерство; он организовал ночную атаку; он планировал задействовать конный отряд для прочесывания улиц; и у него был список всех магазинов, где хранилось оружие и боеприпасы для продажи. Он добровольно взял на себя руководство самой трудной частью предприятия — захватом главного караульного помещения - и поклялся наступать в одиночку и заставить часового врасплох. Говорили, что в его глазах был магнетизм, перед которым его сообщники благоговели; если он однажды попадался на глаза человеку, сопротивляться было невозможно.

Галла Джек, Том Рассел и Нед Беннетт. Последние двое были не менее ценны, чем Питер Пояс, потому что Том был гениальным механиком и мастерил боевые топоры, пики и другие орудия смерти, с помощью которых можно было вести войну. Все вышеперечисленные должны были стать генералами бригад и были посвящены во все секреты предполагаемого восстания. В Чарльстоне уже давно вошло в обычай, что сельские рабы в большом количестве посещают город по воскресеньям и возвращаются в свои дома как раз к началу работы на следующее утро. Поэтому Дания решила провести восстание в воскресенье. Рабы почти со всех близлежащих плантаций были завербованы и должны были принять в нем участие.

Детали плана, однако, не были опрометчиво посвящены в массы конфедератов; они были известны лишь немногим и, наконец, должны были быть объявлены после вечернего молитвенного собрания в назначенное воскресенье. Но у каждого лидера была своя рота, и его собственная работа была определена. Когда часы пробили двенадцать, все должны были двигаться. Питер Пояс должен был возглавить отряд, которому было приказано собраться в Саут-Бэй, и к нему должны были присоединиться силы с острова Джеймс; затем он должен был выступить и захватить арсенал и гауптвахту напротив церкви Святого Михаила, а также выделить достаточное количество людей, чтобы отрезать всех белых граждан, которые должны появиться на постах тревоги. Вторая группа негров из Кантри и Перешейка во главе с Недом Беннетом должна была собраться на Перешейке и захватить тамошний арсенал. Третья группа должна была встретиться у мельниц губернатора Беннетта под командованием Роллы, другого лидера, и, предав смерти губернатора и интенданта, пройти маршем через город или занять пост у Кэннонс-Бридж, таким образом не позволив жителям Кэннонсборо войти в город. Четвертая группа, частично из сельской местности, частично из соседних районов города, должна была встретиться на пристани Гэдсдена и напасть на верхнюю караульную будку.

Пятая группа, состоящая из негров из сельской местности и перешейка, должна была собраться на ферме Балкли, в двух с половиной милях от города, захватить верхний пороховой склад и затем двинуться вниз; а шестая должна была собраться у Денмарка Веси и подчиняться его приказам. Седьмому отряду под командованием Галлы Джека предстояло собраться на Пограничной улице, в начале Кинг-стрит, чтобы захватить роту ополчения "Нек" и забрать дополнительные припасы из магазина мистера Дюкеркрона. Военно-морские склады на пристани Мэй также должны были подвергнуться нападению. Тем временем конная рота, состоящая из множества извозчиков, конюхов и мальчишек-мясников, должна была встретиться на аллее Лайтвудов, а затем прочесать улицы, чтобы помешать скоплению белых. Каждый белый, выходящий из своей двери, должен был быть убит, и, при необходимости, город

должен был быть подожжен в нескольких местах — для этой цели из общественного арсенала были украдены медленные спички и расставлены в доступном месте.

Однако тайна и план нападения были неосторожно разглашены рабу по имени Девани, принадлежащему полковнику Приоло, и он немедленно сообщил об этом семье своего хозяина. Мэр, получив в свое распоряжение факты, созвал городской совет для консультаций.

Расследование не выявило ничего нового, поскольку рабы упорствовали в своем незнании этого вопроса, и власти начали думать, что их обманули Девани и его информатор, когда другой из заговорщиков, будучи подкупленным, раскрыл то, что ему было известно. Производились аресты за арестами, и суд мэрии неделями проводил ежедневные допросы. После нескольких недель заключения обвиняемые, числом сто двадцать человек, предстали перед судом: тридцать четыре были приговорены к ссылке, двадцать семь оправданы судом, двадцать пять освобождены без суда и следствия и тридцать пять приговорены к смертной казни. За двумя или тремя исключениями, все заговорщики отправились на виселицу, чувствуя, что поступили правильно, и умерли как люди, отдавшие свои жизни за дело свободы. В отчете о судебном процессе, написанном вскоре после этого, говорится о Дании Веси: —

“В течение нескольких лет, прежде чем он раскрыл кому-либо свои намерения, он, по-видимому, постоянно и усердно пытался настроить умы цветного населения против белых. Он оказался прекрасно знакомым со всеми теми частями Священного Писания, которые, по его мнению, он мог извратить в своих целях, и с готовностью цитировал их, чтобы доказать, что рабство противоречит законам Бога, — что рабы обязаны пытаться освободиться, какими бы шокирующими и кровавыми ни были последствия, — и что такие усилия не только были бы угодны Всевышнему, но и были абсолютно предписаны, а их успех предсказан в Священных Писаниях. Его любимыми текстами, когда он обращался к представителям своего цвета кожи, были Захария XIV: 1-3 и Иисус Навин vi: 21; и во всех своих беседах он отождествлял их положение с положением израильтян.

Количество подстрекательских брошюр о рабстве, привезенных в Чарльстон из некоторых наших братских штатов за последние четыре года (и однажды из Сьерра-Леоне) и распространенных среди цветного населения города, для чего имелись большие возможности, вследствие неограниченных сношений, разрешенных цветным лицам между различными штатами Союза, и выступлений в Конгрессе тех, кто выступал против приема Миссури в Союз, возможно, искаженных и искаженно представленных, предоставили ему достаточно средств для воспламенения умов цветного населения этого штата; и, искажая определенные части этих выступлений, он или, выбирая из них конкретные отрывки, он убедил слишком многих в том, что Конгресс фактически объявил их свободными и что они содержались в рабстве вопреки законам страны.

Даже прогуливаясь по улицам в компании с другим человеком, он не сидел сложа руки; потому что, если его спутник кланялся белому человеку, он упрекал его и замечал, что все люди рождены равными, и что он удивлен, что кто-то может унижить себя таким поведением, — что он никогда не раболепствовал бы перед белыми, как и не должен делать этого никто, у кого есть чувства человека. Когда ему отвечали: “Мы рабы”, он саркастически и возмущенно отвечал: “Вы заслуживаете того, чтобы оставаться рабами”; а если бы его еще спросили: “Что мы можем сделать?” - он замечал: “Пойди купи учебник правописания и прочти басню о Геркулесе и извозчике”, которую затем повторял и применял к их ситуации. Он также искал любую

возможность завязать разговор с белыми людьми, когда их могли подслушать негры поблизости, особенно в закусочных; во время этого разговора он искусно вставлял какое-нибудь смелое замечание о рабстве; и иногда, когда, судя по характеру собеседника, он обнаруживал, что может быть еще смелее, он заходил так далеко, что, если бы его заявления в таких ситуациях не были четко доказаны, им вряд ли поверили бы. Он продолжал этот курс некоторое время спустя после начала прошлой зимы; к тому времени он не только приобрел невероятное влияние среди цветных людей, но многие боялись его больше, чем своих владельцев, и, как заявил один из них, даже больше, чем своего Бога”.

Волнение, вызванное разоблачениями судебного процесса, и постоянное раздувание скандала газетами не поддавались описанию. Двойная охрана в городе, патрулирование сельской местности верхом и пешком, бдительность, которая соблюдалась на всех плантациях, свидетельствовали о глубоком чувстве страха, охватившем сердца рабовладельцев, не только в Южной Каролине, но лихорадка распространилась и на другие южные штаты, и все, казалось, чувствовали, что великий кризис миновал. И действительно, их опасения, по-видимому, были не беспочвенны, поскольку более сложный план восстания вряд ли можно было придумать. И многие придерживались мнения, что, начав восстание, они взяли бы город и удерживали его, и, возможно, решили бы судьбу рабства на Юге.^[51] Но более успешная попытка восстания была предпринята в Саутгемптоне, штат Вирджиния, в 1831 году, во главе которого стоял Нат Тернер.

На одной из старейших и крупнейших плантаций в округе Саутгемптон, штат Вирджиния, принадлежащей Бенджамину Тернеру, эсквайру, Нат родился рабом 2 октября 1800 года. Его родители были несмешанного африканского происхождения. Поскольку он был окружен суевериями рабовладельческих кварталов и его мать внушала ему, что он рожден для пророка, проповедника и избавителя своей расы, неудивительно, что ребенок усвоил принципы, которые впоследствии были развиты в его карьере. Рано проникнувшись верой в то, что он видел видения и получал сообщения непосредственно от Бога, он, подобно Наполеону, считал себя существом, предопределенным судьбой. В детстве Нат отличался дружелюбным нравом; но обстоятельства, в которые он попал в качестве раба, привели к инцидентам, которые изменили его нрав и превратили его доброе и послушное чувство в самую сильную ненависть к белой расе.

Однажды ночью он отсутствовал на плантации своего хозяина без пропуска, и его поймали Уитлок и Малл, два районных патрульных, и жестоко выпороли. Этот акт жестокости воспламенил молодого раба, и он решил отомстить. Уговорив двух мальчишек с соседней плантации присоединиться к нему, Нат раздобыл длинную веревку, вышел ночью на дорогу, по которой проходили патрули, и, расставив своих товарищей по одному с каждой стороны дороги, он протянул веревку поперек, привязав каждый конец к дереву и туго затянув ее. Закрепив таким образом веревку и проинструктировав своих сообщников, как действовать со своей стороны, Нат двинулся вверх по дороге. Ночь была темной, а веревка находилась всего в шести-восьми дюймах от земли, и раб был уверен, что устроит своим врагам “высокое падение”.

Услышав их, он крикнул фальшивым голосом: “Это ты, Джим?” На это Уитлок ответил: “Да, это я”. Дождавшись, пока белые люди окажутся рядом с ним, Нат пустился бегом, за ним последовали офицеры. Мальчик положил на дорогу лист белой бумаги, чтобы знать, в какой момент нужно перепрыгнуть через скакалку, чтобы не попасть в свою собственную ловушку. Услышав сигнал, он перепрыгнул через веревку и помчался по дороге, как антилопа. Но не так

обстояло дело с белыми людьми, потому что обоих схватили за ноги и с такой силой швырнули на землю, что Маллу вывихнуло плечо, а лицо было страшно изранено при падении; в то время как левое запястье Уитлока было сломано, а на голове ужасающим образом разбита голова. Нат поспешил домой, в то время как его товарищи сделали то же самое, не забыв прихватить с собой бельевую веревку, которая так пригодилась во время конфликта. Патрульные остались на поле боя, плача, ругаясь и зовя на помощь.

Снег редко выпадает так далеко на юг, как южная часть Виргинии; но когда он выпадает, мальчишки обычно развлекаются, катаясь в снежки, и в таких случаях рабов, старых и молодых, женщин и мужчин, обычно забрасывают безжалостно и без права на ответный удар. Всего через несколько месяцев после его романа с патрульными на Нэта напала банда мальчишек, которые гнались за ним некоторое расстояние, изо всех сил гоняя снежки. Мальчик-раб знал парней и решил отомстить. Дождавшись ночи, он набил карманы камнями и вышел на улицу. Очень скоро та же банда мальчишек преследовала его по пятам и забрасывала его камнями. Пряча лицо, чтобы его не узнали, Нат разряжал камни во все стороны, пока все его враги не обратились в бегство.

Жестокое обращение, которому он подвергся со стороны белых, и видения, которые, по его утверждению, он видел, заставили Нэта избегать, насколько это было возможно, любых контактов со своими товарищами-рабами и навели на него уныние и меланхолию, которые исчезли только с его жизнью.

И молодой раб, и его друзья утверждали, что полное знание алфавита пришло к нему за одну ночь. Впечатленный верой в то, что его миссия была религиозной, и это впечатление усилилось благодаря советам его бабушки, набожной, но невежественной женщины, Нат начал проповедовать примерно в двадцать пять лет, но никогда не выезжал за пределы местности, где жил его собственный учитель. Ростом он был ниже среднего, длиннорукий, сутуловатый, с ярко выраженными африканскими чертами лица. Мрачный огонь горел в его взгляде, и у него было меланхоличное выражение лица. Он никогда в жизни не пробовал ни капли горячительных напитков и, как известно, никогда не улыбался. В 1828 году Нэту явились новые видения, и он утверждал, что имеет прямое общение с Богом. В отличие от большинства тех, кто родился под влиянием рабства, он не верил в колдовство, гадание или сны и всегда с презрением отзывался о таких вещах.

Будучи нанят жестокими хозяевами, он сбежал и оставался в лесу тридцать дней, и мог бы легко сбежать в свободные штаты, как это сделал его отец несколькими годами ранее; но он получил, как он говорит в своей исповеди, сообщение от духа, который сказал: "Возвращайся к своему земному хозяину, ибо тот, кто знает волю своего Хозяина и не исполняет ее, будет избит многими ранами". Это была воля не его земного, а его небесного Учителя, которую он чувствовал себя обязанным исполнить, и поэтому Нат вернулся. Его товарищи-рабы были сильно разгневаны на него за то, что он вернулся, поскольку они хорошо знали, что он способен добраться до Канады или какой-нибудь другой страны свободы, если у него будет такое желание.

Далее он говорит: "Примерно в это время у меня было видение, и я увидел, как белые духи и черные духи вступили в битву, и солнце померкло, в небесах прогремел гром, и кровь потекла ручьями; и я услышал голос, говорящий: "Такова твоя удача; ты призван это увидеть; и пусть это случится, грубо или гладко, ты обязательно должен это вынести".

Через некоторое время после этого у Ната, по его словам, было другое видение, в котором дух явился и сказал: “Змей ослабел, и Христос сложил ярмо, которое он нес за грехи людей, и вы должны принять его и сразиться со змеем, ибо быстро приближается время, когда первые станут последними, а последние - первыми”. Нет сомнения, что эта последняя фраза наполнила Ната чувством энтузиазма в пользу свободы своей расы, о которой он так долго мечтал. “Последние будут первыми, а первые будут последними”, - казалось ему, что-то значило. Он видел в этом свержение белых и установление черных на их месте, и с этой целью направил всю энергию своего разума. В феврале 1831 года Нат получил свое последнее сообщение и увидел свое последнее видение. Он сказал: “Мне сказали, что я должен встать, подготовиться и убивать своих врагов их собственным оружием”.

План восстания теперь сформировался в его собственном сознании, и для него настало время посвятить в тайну других; и он сразу же поделился своими идеями с четырьмя своими друзьями, которым он безоговорочно доверял. Харк Трэвис, Нельсон Уильямс, Сэм Эдвардс и Генри Портер были такими же рабами, как и он, и, как и он, позаимствовали свои имена у своих хозяев. С ними должна была состояться встреча, и она должна была состояться в каком-нибудь уединенном месте, где белые не потревожили бы их; и встреча была назначена. Место, где они собрались, было таким же диким и романтичным, как и видения, запечатлевшиеся в сознании их лидера.

В трех милях от того места, где жил Нат, находилось темное болото, полное рептилий, посреди которого было сухое место, куда вела узкая извилистая тропинка и по которому редко ступала нога человека, потому что это было место, где раб был замучен до смерти на медленном огне за преступление, заключавшееся в том, что он выпорол своего жестокого и бесчеловечного хозяина. Настал вечер для встречи, и они собрались вместе. Харк принес свинью; Сэм - хлеб; Нельсон - сладкий картофель, а Генри - бренди; и собрание превратилось в пир. Другие были приняты и присоединились к заговору. Все от души отведали еды и обильно выпили, кроме Ната. Он постился и молился. Было решено, что восстание должно начаться этой ночью во дворах их собственных хозяев и что каждый раб должен нанести своему угнетателю смертельный удар. Прежде чем они покинули болото, Нат произнес речь, в которой сказал: “Друзья и братья, сегодня ночью мы должны приступить к великой работе. Наша раса должна быть освобождена от рабства, и Бог назначил нас людьми, исполняющими его повеления, и давайте будем достойны нашего призвания. Мне приказано убивать всех белых, с которыми мы столкнемся, независимо от возраста или пола. У нас нет ни оружия, ни боеприпасов, но мы найдем их в домах наших угнетателей, и по мере того, как мы будем продвигаться дальше, к нам могут присоединиться другие. Помните, что мы выступаем не ради крови и резни, но необходимо, чтобы в начале этой революции все белые, которых мы встретим, погибли, пока у нас не будет армии, достаточно сильной, чтобы вести войну на христианской основе. Помните, что наша война - это не грабеж и не удовлетворение наших страстей; это борьба за свободу. Нашими должны быть дела, а не слова. Тогда давайте отправимся на место действия.

Среди тех, кто присоединился к заговорщикам, был Уилл, раб, который презирал саму идею взять имя своего хозяина. Хотя его душа жаждала свободы, он, очевидно, стал одним из них, как для удовлетворения мести, так и ради свободы, которую он видел в туманной дали. Уилл видел, как дорогую и горячо любимую жену продали торговцу неграми и увезли прочь, чтобы он никогда больше не увидел ее в этой жизни. Его собственная спина была покрыта шрамами от плеч до ступней. Большой шрам, тянувшийся от его правого глаза вниз к подбородку,

свидетельствовал о том, что он жил с жестоким хозяином. Почти шести футов ростом, один из самых сильных и атлетичных представителей своей расы, он оказался самым бесчувственным из всех повстанцев. Его единственным оружием был широкий топор, острый и тяжелый.

Нат и его сообщники немедленно отправились на плантацию Джозефа Трэвиса, у которого жили все четверо, и там был нанесен первый удар. В своем признании, незадолго до казни, Нат сказал: —

Вернувшись в дом, мы подошли к двери с топором, чтобы взломать ее, поскольку знали, что у нас достаточно сил, чтобы убить семью, если их разбудит шум; но, подумав, что это может поднять тревогу по соседству, мы решили тайно проникнуть в дом и убить их, пока они спят. Послушайте, я принес лестницу и приставил ее к дымоходу, по которому я взобрался, и, подняв окно, вошел, спустился по лестнице, отодвинул засовы на дверях и снял ружья со своих мест. Затем было замечено, что я должен пролить первую кровь. После чего, вооруженный топором и сопровождаемый Уиллом, я вошел в комнату моего хозяина. Поскольку было темно, я не мог нанести смертельный удар. Топор соскользнул с его головы; он вскочил с кровати и позвал жену. Это было его последнее слово; Уилл уложил его насмерть ударом топора, и миссис Трэвис разделила ту же участь, лежа в постели. Убийство этой семьи, насчитывающей пять человек, было делом одного мгновения; ни один из них не проснулся. В колыбели спал маленький младенец, о котором забыли до тех пор, пока мы не вышли из дома и не отошли на некоторое расстояние, когда Генри и Уилл вернулись и убили его. У нас здесь есть четыре стреляющих ружья и несколько старых мушкетов с фунтом или двумя пороха. Некоторое время мы оставались в амбаре, где прошли парадом; я выстроил их в шеренгу, как солдат, и, проделав с ними все маневры, в которых я был мастером, повел к дому мистера Салафизля Фрэнсиса, примерно в шестистах ярдах от нас.

Сэм и Уилл подошли к двери и постучали. Мистер Фрэнсис спросил, кто там; Сэм ответил, что это он и у него для него письмо; с этими словами он встал и подошел к двери; они немедленно схватили его и, оттащив немного от двери, нанесли ему несколько ударов по голове. В семье не было больше ни одного белого человека. Оттуда мы направились к дому миссис Риз, соблюдая полнейшую тишину во время нашего перехода, где, обнаружив дверь незапертой, мы вошли и убили миссис Риз в ее постели, когда она спала; ее сын проснулся, но только для того, чтобы уснуть сном смерти; у него было время только спросить: "Кто это?" - и его больше не было.

“От миссис Риз мы отправились к миссис Тернер, в миле от нас, куда добрались на рассвете в понедельник утром. Генри, Остин и Сэм пошли в ресторан, где, найдя мистера Пиблза, Остин застрелил его; остальные пошли в дом. Когда мы подошли, семья обнаружила нас и закрыла дверь. Тщетная надежда! Уилл одним ударом топора открыл дверь, мы вошли и обнаружили миссис Тернер и миссис Ньюсом посреди комнаты, перепуганные почти до смерти. Уилл немедленно убил миссис Ньюсом. Тернер одним ударом своего топора. Я взял миссис Ньюсом за руку и мечом, который был у меня при задержании, нанес ей несколько ударов по голове, но не смог убить ее, так как меч был тупым. Уилл, обернувшись и обнаружив это, убил и ее. За убийствами всегда следовали всеобщее уничтожение имущества и поиски денег и боеприпасов.

“К этому времени моя рота насчитывала пятнадцать человек, девять верховых, которые направились к миссис Уайтхеда (остальные шестеро должны были пройти через объездную дорогу к мистеру Брайанту и присоединиться к нам у миссис Уайтхед).

“Когда мы подошли к дому, мы обнаружили мистера Ричарда Уайтхеда, стоявшего на хлопковой грядке, у ограды переулка; мы позвали его в переулок, и Уилл, палач, оказался поблизости со своим смертоносным топором, чтобы отправить его в безвременную могилу. Когда мы двинулись к дому, я обнаружил, что кто-то бежит по саду, и, подумав, что это кто-то из семьи уайт, я погнался за ним; но, обнаружив, что это была служанка, принадлежащая дому, я вернулся, чтобы приступить к делу смерти; но те, кого я оставил, не бездействовали; вся семья была уже убита, кроме миссис Уайт. Уайтхед и ее дочь Маргарет. Когда я подошел к двери, я увидел Уилла, вытаскивающего миссис Уайтхед из дома, и на ступеньках он почти отделил ее голову от тела своим широким топором. Мисс Маргарет, когда я ее обнаружил, пряталась в углу, образованном выступом крышки подвала из дома; при моем приближении она убежала, но вскоре была настигнута, и после неоднократных ударов мечом я убил ее ударом по голове жердью забора. К этому времени шестеро, ушедших от мистера Брайанта, присоединились к нам и сообщили мне, что выполнили порученную им смертью работу.

Мы снова разделились: часть отправилась к мистеру Ричарду Портеру, а оттуда к Натаниэлю Фрэнсису, остальные - к мистеру Хауэллу Харрису и мистеру Т. Дойлзу. Когда я добрался до дома мистера Портера, он сбежал со своей семьей. Там я понял, что тревога уже распространилась, и немедленно вернулся, чтобы забрать тех, кого послали к мистеру Дойлзу и мистеру Хауэллу Харрису; вечеринку я оставил у мистера Фрэнсиса, сказав им, что присоединюсь к ним по соседству. Я встретил тех, кого послали за возвращением мистера Дойлза и мистера Хауэлла Харриса, встретив мистера Дойлза на дороге и убив его.

Узнав от некоторых, кто присоединился к ним, что мистера Харриса нет дома, я немедленно последовал примеру группы, отправившейся раньше; но, зная, что они завершат дело смерти и грабежа у мистера Фрэнсиса прежде, чем я успею туда добраться, я отправился к мистеру Питеру Эдвардсу, ожидая найти их там; но они уже были там. Затем я отправился к мистеру Джону Т. Бэрроузу; они были там и убили его. Я пошел по их следу к капитану Ньюиту Харрису. Я нашел большую часть верхом и готовый тронуться в путь; мужчины, которых теперь насчитывалось около сорока, кричали "ура", когда я подъехал; некоторые были во дворе, заряжали ружья, другие пили. Они сказали, что капитан Харрис и его семья сбежали; имущество в доме они уничтожили, отняв у него деньги и другие ценности.

Я приказал им сесть на лошадей и немедленно выступить; это было около девяти или десяти часов утра в понедельник. Я отправился к мистеру Леви Уоллеру, в двух или трех милях отсюда. Я занял свое место в тылу, и поскольку моей целью было сеять ужас и опустошение везде, куда бы мы ни направлялись, я поставил впереди пятнадцать или двадцать лучших верховых, на которых можно было положиться, которые обычно приближались к домам так быстро, как только могли бежать их лошади. Это делалось с двумя целями: предотвратить их побег и вселить ужас в жителей. По этой причине я так и не добрался до домов, после того как оставил миссис Принадлежал Уайтхеду до тех пор, пока не были совершены убийства, за исключением одного случая. Иногда я появлялся в поле зрения вовремя, чтобы увидеть, как работа смерти завершена, с безмолвным удовлетворением разглядывать искалеченные тела, как они лежат, и немедленно отправляться на поиски других жертв. Убив миссис Уоллер и десятерых детей, мы отправились к мистеру Уильяму Уильямсу. Мы убили его и двух маленьких мальчиков, которые были там: занимаясь этим, миссис Уильямс убежала и отошла на некоторое расстояние от дома; но ее преследовали, настигли и вынудили встать позади одного из компании, который привел

ее обратно, и после того, как показал ей искалеченное тело ее бездыханного мужа, ей сказали лечь рядом с ним, где ее застрелили.

Затем я отправился к мистеру Джейкобу Уильямсу, где была убита семья. Здесь мы нашли молодого человека по имени Друри, который пришел по делу к мистеру Уильямсу; его преследовали, настигли и застрелили. Следующим местом, которое мы посетили, был дом миссис Воэн; и после того, как я убил здесь семью, я решил отправиться в Иерусалим. Теперь нас было пятьдесят или шестьдесят человек, все верхом и вооруженные ружьями, топорами, мечами и дубинками. Когда я подъехал к воротам мистера Джеймса У. Паркера, расположенным непосредственно на дороге, ведущей в Иерусалим, и примерно в трех милях от него, мне предложили заехать туда; но я возразил, так как знал, что он уехал в Иерусалим, и моей целью было добраться туда как можно скорее; но некоторые люди, имеющие родственников у мистера Паркера, согласились, что они могут позвонить и позвать его людей.

- Я остался у ворот на дороге с семьей или восьмью, остальные пошли через поле к дому, примерно в полумиле отсюда. Подождав их некоторое время, я потерял терпение и направился за ними к дому, а по возвращении мы были встречены отрядом белых людей, которые преследовали нас по окровавленному следу и которые стреляли в тех, кто стоял у ворот, и разогнали их, о чем я ничего не знал, поскольку к тому времени никто из них не присоединился. Сразу же после обнаружения белых я приказал своим людям остановиться и построиться, так как они, казалось, были встревожены. Белые люди, числом восемнадцать человек, приблизились к нам примерно на сто ярдов, когда один из них выстрелил, и я обнаружил, что примерно половина из них отступает. Затем я приказал своим людям стрелять и броситься на них; немногие оставшиеся стояли на месте, пока мы не приблизились на расстояние пятидесяти ярдов, после чего они открыли огонь и отступили.

“Мы преследовали и настигли некоторых из них, которых, как мы думали, оставили мертвыми; преследуя их около двухсот ярдов и поднявшись на небольшой холм, я обнаружил, что их встретил другой отряд, они остановились и перезаряжали ружья, думая, что те, кто отступил первыми, и отряд, который стрелял в нас с расстояния пятидесяти или шестидесяти ярдов, отступили только для того, чтобы встретить других с боеприпасами. Когда я увидел, что они перезаряжают ружья и приближается больше людей, чем я увидел сначала, и несколько моих самых храбрых людей были ранены, остальных охватила паника, и они рассеялись по полю; белые преследовали нас и несколько раз стреляли в нас. У Хэрка подстрелили лошадь, и я поймал для него другую, которая пробежала мимо меня; пять или шесть моих людей были ранены, но на поле боя никого не осталось. Обнаружив здесь свое поражение, я немедленно решил пойти частным путем и пересечь реку Ноттовей по Кипарисовому мосту, в трех милях ниже Иерусалима, и атаковать это место с тыла, поскольку я ожидал, что они будут искать меня на другой дороге, и у меня было большое желание добраться туда, чтобы раздобыть оружие и боеприпасы”.

К белым подошло подкрепление, и чернокожие были подавлены численным превосходством противника. В этом сражении многие были убиты с обеих сторон. Уилл, кровожадный и мстительный раб, упал с поднятым широким топором, после того как уложил троих белых мертвыми к своим ногам своей собственной сильной рукой и своим ужасным оружием. Его последними словами были: “Похороните мой топор вместе со мной”, поскольку он свято верил, что на том свете черные будут сражаться с белыми и что ему понадобится его топор. Нат Тернер,

сражавшийся до последнего своим коротким мечом, сбежал с несколькими другими в близлежащий лес и не был схвачен почти два месяца. Своими деяниями он взбудоражил всю страну и в течение шестидесяти дней ускользал от тысячи вооруженных людей, шедших по его следу. Когда его схватили, полуголодный и измученный усталостью, как лиса после утомительной охоты, он стоял прямо и с достоинством, гордый и надменный, среди своих похитителей, его крепкая, компактная фигура, резкие черты лица и сверкающий глаз выдавали в нем мужчину до мозга костей.

Когда он предстал перед судом, он заявил, что “невиновен”, чувствуя, по его словам, что человек всегда прав, сражаясь за свою свободу. После прохождения простой формы судебного разбирательства он был осужден и казнен в Иерусалиме, административном центре округа Саутгемптон, штат Вирджиния. Ни одна конечность не дрожала, ни один мускул не двигался. Так умер Нат Тернер в раннем возрасте тридцати одного года — мученик за свободу своей расы и жертва собственного фанатизма. Он размышлял о несправедливости своего угнетенного и обиженного народа до тех пор, пока идея их освобождения не вытеснила все другие идеи из его головы, и он посвятил свою жизнь ее реализации. Все представлялось ему видением, и все благоприятные предзнаменования были знамениями от Бога. В том, что он был искренен во всем, что исповедовал, нет ни малейшего сомнения. Потерпев поражение, он мог бы сбежать в свободные штаты, но надежда собрать новую группу удержала его от этого.

Он запечатлел свой образ в умах тех, кто однажды видел его. Его внешность, его проповеди, его поступки и его героизм живут в сердцах его народа, на каждой хлопковой, сахарной и рисовой плантации Юга. Нынешнее поколение рабов суеверно почитает его имя. Он предсказал, что после его смерти солнце перестанет светить и что будут знаки неодобрения, данные с Небес. И это правда, что солнце потемнело, собралась гроза, и более бурной погоды, чем в день казни Ната, в округе Саутгемптон еще никогда не было. Шериф, предупрежденный заключенным, отказался перерезать веревку, удерживающую ловушку. Ни один чернокожий не прикоснулся бы к веревке. Бедного старого белого человека, давно одурманенного пьянством, привезли за сорок миль, чтобы сделать палачом. И даже плантаторы, со всеми их предубеждениями и ненавистью, верили, что он честен и искренен; ибо мистер Грей, который знал Ната с детства и которому он исповедовался, говорит о нем:

“Говорили, что он был невежественным и трусливым, и что его целью было убивать и грабить с целью получения денег для побега. Печально известно, что у него никогда в жизни не было ни доллара, он не давал клятв и не выпил ни капли спиртного. Что касается его невежества, то у него, конечно, никогда не было преимуществ образования; но он умеет читать и писать, а по природному уму и быстроте восприятия его превосходят немногие люди, которых я когда-либо видел. Что касается того, что он трус, то приведенная им причина, по которой он не сопротивлялся мистеру Фиппсу, свидетельствует о решительности его характера. Когда он увидел, что мистер Фиппс достал свой пистолет, он сказал, что знает, что ему невозможно сбежать, так как в лесу полно людей; поэтому он подумал, что для него лучше сдаться и положиться на удачу в своем спасении.

“Он законченный фанатик или играет свою роль самым замечательным образом. В других предметах он обладает незаурядной долей интеллекта, с умом, способным достичь чего угодно, но искаженным под влиянием ранних впечатлений. Он ниже обычного роста, хотя силен и активен, у него настоящее негритянское лицо, каждая черта которого ярко выражена. Я не буду

пытаться описать эффект, произведенный его повествованием, как оно было рассказано и прокомментировано им самим в проклятой тюремной яме; спокойное, нарочитое самообладание, с которым он говорил о своих недавних деяниях и намерениях; выражение его дьявольского лица, когда его охватывал энтузиазм - все еще покрытого пятнами крови беспомощной невинности, одетого в лохмотья и закованного в цепи, но осмеливающегося поднять свои закованные в кандалы руки к Небу, с духом, парящим над человеческими качествами; я посмотрел на него, и кровь застыла в моих жилах ”.

Пятьдесят пять белых и семьдесят три черных погибли во время восстания в Саутгемптоне. В роковую ночь, когда Нат и его товарищи сеяли смерть всем, кого они находили, капитану Харрису, богатому плантатору, была спасена жизнь благодаря преданности и своевременному предупреждению его раба Джима, который, как говорят, приходился сводным братом своему хозяину. После того как восстание было подавлено и отряды белых отправились на охоту за подозреваемыми неграми, капитан Харрис со своим верным рабом отправился в лес на поиски негров. Спасая жизнь своего хозяина, Джим чувствовал, что выполнил свой долг, и не мог согласиться стать предателем своей расы; и, добравшись до леса, он передал свой пистолет хозяину и сказал: “Я не могу помочь тебе выследить этих людей; они, как и я, хотят быть свободными. Сэр, я устал от жизни раба; пожалуйста, дайте мне свободу или пристрелите меня на месте ”. Капитан Харрис взял оружие и направил его на раба. Джим, приложив правую руку к сердцу, сказал: “Это то самое место, целься сюда”. Капитан выстрелил, и раб замертво упал к его ногам.

СНОСКА:

[51] Т. У. Хиггинсон, в *Atlantic Monthly*, июнь 1861г.

ГЛАВА XXXVII. РАСТУЩЕЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ РАБСТВУ.

Огромный рост числа рабов в Южных штатах и их частые попытки восстаний, а также тот факт, что вся система находилась в прямом противоречии с чувствами, выраженными в декларации независимости Америки, быстро породили ненависть к рабству.

Общество друзей, первым поднявшее голос предостережения против греха человеческого рабства, благородно выполнило свой долг; и уже в 1789 году обратилось к Конгрессу с петицией в пользу отмены рабства.

Однако до этого Уильям Беорлинг, квакер с Лонг-Айленда, Ральф Сэндифорд из Филадельфии, Бенджамин Лэй и несколько других членов общества друзей написали смелые слова в защиту свободы негров.

Бенджамин Ланди, также член Общества друзей, начал в 1821 году в Балтиморе публикацию ежемесячной газеты под названием “Гений всеобщей эмансипации”. Этот журнал выступал за постепенное, а не немедленное освобождение. Однако это имело один положительный эффект, а именно - привлекло внимание Уильяма Ллойда Гаррисона к положению поработанных негров.

Из этого интереса вырос “Освободитель”, начало которого было положено 1 января 1831 года в Бостоне. Два года спустя в Филадельфии было организовано Американское общество борьбы с рабством.

Изложив причины, побудившие патриотов Американской революции сбросить британское иго, они благородно выдвинули требования раба о его свободе.

Документ подписали шестьдесят четыре человека, среди которых были Уильям Ллойд Гаррисон и Джон Г. Уиттиер.

Формирование Американского общества борьбы с рабством вызвало в то время значительный ажиотаж и подвергло его авторов осуждению рабской кафедры и прессы того периода. Однако мало кто понимал огромную важность такой работы, и никто из ее участников не представлял, что они доживут до того, чтобы стать свидетелями достижения цели, ради которой было создано общество.

Одним из самых злобных противников, с которыми аболиционистам пришлось столкнуться в самом начале своего существования, было Американское колонизационное общество, организация, возникшая в 1817 году в интересах рабовладельцев и целью которой было увезти в Африку свободных цветных людей. “Мысли Гаррисона об африканской колонизации”, опубликованные в 1832 году, уже выбили зубы у этого врага негров, и за это общество обратило против него все свои силы.

Жители Южных штатов были не одиноки в своем волнении, поскольку этот вопрос проник во все слои общества Севера.

Примерно в это же время мисс Пруденс Крэндалл открыла школу для цветных женщин в Кентербери, штат Коннектикут, которая вскоре была разогнана, а мисс Крэндалл брошена в тюрьму.

Дэвид Уокер, цветной мужчина, проживающий в Бостоне, опубликовал обращение в защиту своей расы, наполненное энтузиазмом и хорошо рассчитанное на то, чтобы вызвать гнев сторонников рабства в стране.

“Освобождение рабов” Джеймса Г. Бинни из Кентукки и его письма церквям подлили масла в огонь.

Свободные цветные жители Севера, особенно в Бостоне, Нью-Йорке и Филадельфии, руководствовались собственными интересами и ежегодно проводили съезды, на которых они излагали свои жалобы и настаивали на равных правах со своими белыми согражданами.

На этих собраниях проявленный талант, произнесенные умелые речи и прозвучавшие решительные призывы к справедливости во многом подняли черных в глазах белых в целом и приобрели для дела негров дополнительных друзей.

ГЛАВА XXXVIII. ЗАКОН О САМОСУДЕ ТОРЖЕСТВУЕТ.

В 1834 году в свободных штатах был введен закон о самосуде, который действовал в 1835-6 и 7 годах.

Массовые беспорядки "Друзей свободы" начались в Бостоне в октябре 1835 года с нападения на Уильяма Ллойда Гаррисона и женское общество борьбы с рабством. Эта толпа, состоявшая из "состоятельных джентльменов с положением", от которых мистера Гаррисона пришлось отвести в тюрьму, чтобы спасти ему жизнь, позорно вошла в историю.

За бостонской мафией последовала мафия в Ютике, штат Нью-Йорк, возглавляемая судьей Бердсли, который разогнал собрание Общества по борьбе с рабством штата Нью-Йорк. Магазин Артура Таппана подвергся нападению толпы в Нью-Йорке, и его имущество было уничтожено на сумму в тридцать тысяч долларов. Преподобный Элайджа П. Лавджой, храбрый человек из штата Мэн, обосновался в Сент-Луисе, где возглавил редакцию "Сент-Луис Таймс" и в ее колонках благородно призывал к справедливости по отношению к поработанному негру. Автор этих строк в течение шести месяцев работал в редакции "Таймс" и хорошо знал мистера Лавджоя. Изгнанный из Сент-Луиса по закону о самосуде, он переехал в Олтон, штат Иллинойс. Здесь дух рабства последовал за ним, сломал его печатный станок, выбросил его в реку и убил героического защитника свободы слова.

Так умер этот хороший человек; но его смерть породила новых и сильных друзей для угнетенных. Уэнделл Филлипс недавно посетил могилу мученика и дал следующее описание места его захоронения:-

"Лавджой похоронен сейчас на городском кладбище, на красивом холме. Неподалеку протекает великая река. Место его упокоения отмечено продолговатым камнем, примерно тридцать дюймов на двадцать, возвышающимся на фут над землей; на нем покоится мраморный свиток с такой надписью:

Привет
Джейсету
Лавджою.
Jam parce sepulto.

[Здесь лежит Лавджой, пощадите его сейчас, в могиле.]"

Более заметное свидетельство, вероятно, не было бы застраховано от оскорблений и обезображивания до 1864 года. Он так долго сражался в авангарде, так много участвовал в самой жаркой битве, что только спустя почти тридцать лет после окончательной победы даже прах его мог успокоиться.

В городах Нью-Йорк, Филадельфия, Олбани, Утика и многих других местах свободных штатов на цветных охотились, как на диких зверей, а их имущество отбирали или уничтожали.

В двух названных первыми местах церкви и жилища этих мирных граждан были подожжены днем и сгорели дотла без каких-либо усилий властей предотвратить это.

Даже жен и детей цветных мужчин забрасывали камнями на улицах, здания школ разыскивали, их воспитанников изгоняли, и многим детям вместе с родителями пришлось бежать в деревню в поисках безопасности.

Таково было чувство ненависти, вызванное влиянием рабства на Юге на Севере.

Во время этого правления террора среди цветного населения свободных штатов их собратья по рабству также принимали мученическую смерть. Свободных чернокожих арестовывали, бросали в тюрьму, бичевали в их собственных домах, а при малейшем сопротивлении расстреливали, вешали на фонарном столбе или даже сжигали на костре.

ГЛАВА XXXIX. ГЕРОИЗМ НА МОРЕ.

В августе месяце 1839 года в газетах появилась шокирующая история: в начале июля шхуна, следовавшая вдоль побережья из Гаваны в Неувитас, на острове Куба, с примерно двадцатью белыми пассажирами и большим количеством рабов, была захвачена рабами ночью, и все пассажиры и команда были убиты, за исключением двоих, которым удалось спастись и высадиться на берег в открытой лодке. Примерно 20 числа того же месяца у нашего побережья неоднократно видели странное судно, которое, как полагали, было захваченным испанским каботажным судном, находившимся во владении негров. С ней разговаривали на нескольких лоцманских и других судах и частично снабжали водой, в которой она очень нуждалась. Также было сказано, что у черных, по-видимому, было много денег. Таможенный департамент и офицеры военно-морского флота немедленно поднялись на ноги, чтобы отправиться в погоню за “пиратами”, как спонтанно были названы неизвестные владельцы шхуны. Был отправлен пароход Соединенных Штатов "Фултон" и несколько грузовых катеров, и инкассаторам в различных морских портах были разосланы уведомления.

10 августа “таинственная шхуна” находилась недалеко от берега в Каллоден-Пойнт, на восточной оконечности Лонг-Айленда, где часть команды сошла на берег за водой и свежей провизией, за что они заплатили с неприличной щедростью. Здесь их встретили капитан Грин и еще один джентльмен, которые заявили, что у них в распоряжении есть большой ящик, наполненный золотом. Вскоре после этого, 26-го, судно было замечено капитаном США Гедни, командующим бригам "Вашингтон", работавшим на обследовании побережья, который направил офицера на борт. Офицер обнаружил большое количество негров и двух испанцев, Педро Монтеса и Хосе Руиса, один из которых немедленно объявил себя владельцем негров и потребовал его защиты. После этого шхуна перешла во владение капитана Гедни.

Испанцы указали на вождя чернокожих, и его называли Джозефом Чинкве. Он был уроженцем Африки и одним из лучших представителей своей расы, когда-либо виденных в этой стране. Как только он увидел, что судно находится в чужих руках и всякой надежде на то, что ему удастся вернуть себя и соотечественников на родину, пришел конец, он прыгнул за борт с проворством антилопы. За ним немедленно была послана маленькая лодка, и в течение двух часов моряки пытались схватить его, прежде чем им это удалось. Чинкве плавал и нырял, как выдра, сначала

на спине, потом на груди, иногда высовывая голову из воды, а иногда и пятки. Его соотечественников на борту захваченной шхуны, казалось, очень забавляла эта погоня, поскольку они хорошо знали Чинкве и гордились неукротимостью его натуры. Некоторое время сбив их с толку, он подплыл к судну, был взят на борт и закреплен вместе с остальными неграми, после чего их доставили в Нью-Лондон, штат Коннектикут.

Шхуной оказался "Амистад" капитана Рамона Феррера из Гаваны, направлявшийся в Принсипи, расположенный примерно в ста лигах отсюда, с пятьюдесятью четырьмя неграми, удерживаемыми в качестве рабов, и двумя пассажирами. Испанцы сказали, что после четырехдневного плавания негры поднялись ночью и убили капитана и повара-мулата; что рулевой и еще один матрос сели в лодку и сошли на берег; что единственными белыми, оставшимися, были упомянутые пассажиры, Монтес и Руис, которые были заперты внизу до утра; что Монтес-старший, который был морским капитаном, должен был вести корабль в Африку; что днем он держал курс на восток, потому что негры могли определить его курс по солнцу, но повернул судно налево. в ночи. Они несколько дней боксировали в Багамском проливе и несколько раз подходили к островам, но негры не позволяли ей заходить ни в один порт. Однажды они были недалеко от Лонг-Айленда, но затем снова вышли в море, и испанцы все это время надеялись, что встретят какой-нибудь военный корабль, который выручит их из неловкого положения. Один из испанцев показал, что, когда произошло восстание, он проснулся от шума и услышал, как капитан приказал юнге взять немного хлеба и бросить его неграм в надежде успокоить их. Однако Чинкве, предводитель восстания, выскочил на палубу, схватил перекладину и напал на капитана, которого убил одним ударом, после чего принял командование судном; его власть была признана товарищами, которые знали его как принца на его родине.

После долгих разбирательств в судах рабы были освобождены и отправлены обратно на родину.

В следующем, 1840 году, бриг "Креол", груженный рабами, отплыл из Ричмонда, направляясь в Новый Орлеан; рабы взбунтовались, захватили судно и доставили его в Британскую Вест-Индию, и таким образом стали свободными. Героем этого мероприятия была Мэдисон Вашингтон.

ГЛАВА XL. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК.

Решительная цель южан сделать институт рабства национальным, и столь же мощные растущие общественные настроения на Севере, направленные на то, чтобы сделать свободу всеобщей, ясно показали, что нация быстро приближалась к кризису в этом всепоглощающем вопросе. В Конгрессе люди были вынуждены принимать либо ту, либо другую сторону, и дебаты становились все более ожесточенными по мере развития темы.

Джон П. Хейл лидировал в Сенате, в то время как Джошуа Р. Гиддингс был признанным лидером в Палате представителей от имени свободы. Что касается рабства, то лидерство в Сенате находилось между Фут от Миссисипи и Макдаффи от Южной Каролины; в то время как Генри А.

Уайз, сопровождаемый ненасытной сворой, следил за интересами “своеобразного института” в Палате представителей.

Раннее принятие знаменитого “Закона о кляпе”, согласно которому все петиции по вопросу рабства должны были “выноситься на рассмотрение” без обсуждения, вместо того, чтобы помочь делу южан, вызвало презрение к его сторонникам. В Палате представителей мистера Гиддингса осудили за то, что он предложил резолюции в отношении захвата брига “Креол”.

Мистер Гиддингс подал в отставку, вернулся домой, был сразу же переизбран и вернулся в Конгресс, чтобы возобновить конкурс. Попытка изгнать Джона Куинси Адамса за представление петиции от ряда лиц, содержащихся в рабстве, потерпела неудачу, и после этого друзья негра воспрянули духом.

На Юге Законодательные органы принимали законы, ограничивающие свободу слова и прессы и затрудняющие передвижение северян по рабовладельческим штатам. Преподобный Чарльз Т. Торри сидел в Мэрилендской тюрьме за пособничество рабам в побеге, а Джонатан Уокер был заклеен раскаленным железом и отправлен домой за то же преступление. Свободные цветные жители Юга подвергались преследованиям, доселе неизвестным в этой части страны. Среди всех этих сцен на Севере шло моральное состязание. Аболиционисты гарнизона, штаб-квартира которых находилась в Бостоне, работали с рвением, равного которому едва ли когда-либо имело какое-либо объединение мужчин и женщин.

“Освободитель”, собственная газета мистера Гаррисона, возглавляла авангард; в то время как “Национальный стандарт борьбы с рабством”, иногда редактируемый Оливером Джонсоном, Лидией Марией Чайлд, Дэвидом Ли Чайлдом и Сидни Ховардом Гэем, недвусмысленно высказывался по вопросу рабства.

Дамы, связанные с этим обществом, возглавляемым Марией Уэстон Чепмен, проводили ежегодную ярмарку и собирали средства для продолжения работы по изменению общественных настроений и оказания иной помощи движению против рабства. Агенты-лекторы оставались на местах круглый год или настолько, насколько позволяли их средства. Несколько священнослужителей уже выступили против запятнанного кровью греха, и их выделили как кафедры, так и пресса, как мишени для их отравленных стрел. Самым способным и ультрасовременным из них был Теодор Паркер, исключительно одаренный и по-настоящему красноречивый проповедник 28-го конгрегационалистского общества Бостона. Томас Вентворт Хиггинсон, хотя и был моложе и позже в этом деле, был столь же верен и был одним из первых, кто пригласил лекторов по борьбе с рабством на свою кафедру. Автор этих строк, негр, по его приглашению занял его рабочий стол в Ньюберипорте, когда быть аболиционистом чего-то стоило.

Храбрые люди других конфессий в разных частях страны быстро встали на сторону друзей раба.

Битва в Конгрессе разгоралась все жарче и жарче. Война во Флориде, присоединение Техаса и война против Мексики придали рабовладельцам смелости, и они орудовали политической плетью без малейшей жалости или осмотрительности по отношению ко всем, кто их оскорблял. Большой защиты собственности рабов в свободных штатах требовали те, кто видел, как их человеческое имущество ускользает.

Закона 1793 года о возвращении беглых рабов теперь было недостаточно для серьезных перемен в общественном мнении, и Юг потребовал принятия другого кодекса. 18 сентября 1850 года был принят закон о беглых рабах, который стал законом страны.

Это было справедливо осуждено добрыми людьми всех стран как самый жестокий акт, когда-либо принятый каким-либо законодательным органом. Четыреста тысяч свободных цветных жителей штатов, не являющихся рабовладельцами, подлежали в любое время аресту в соответствии с этим законом и обращению в рабство.

Сильное волнение возникло в каждом районе свободных штатов, где проживало сколько-нибудь значительное количество цветных людей. В Пенсильвании, Нью-Йорке и Огайо, где было много беглецов и потомков бывших рабов, настроения поднялись до лихорадочного накала. Каждая железная дорога, ведущая в Канаду, была забита чернокожими, бежавшими в поисках безопасности. В одном городе штата Нью-Йорк все члены методистской церкви, числом восемьдесят два человека, включая пастора, бежали в Канаду.

Принятие Закона о беглых рабах стало печальным событием для цветных граждан этого штата. В то время в Массачусетсе проживало восемь тысяч девятьсот семьдесят пять цветных. Через тридцать шесть часов после того, как здесь стало известно о принятии законопроекта, тридцать пять цветных обратились за советом к известному в этом городе филантропу. Не прошло и шестидесяти часов, как более сорока человек сбежали. Законом Массачусетса нельзя было доверить убежище ее собственным детям; они должны были бежать в Канаду.[\[52\]](#)

Многие из этих беглецов сбежали много лет назад, вступили в брак со свободными партнерами, приобрели собственность и обзавелись комфортабельными домами; они были распущены, а их члены рассеяны. Вскоре после вступления закона в силу похитители появились в Бостоне.

Тот факт, что похитители людей рыскали по улицам, по которым восемьдесят лет назад гнались враги свободы, вызвал немалую сенсацию среди всех классов общества, а когда стало известно, что предполагаемыми жертвами были Уильям Крафт и его красавица-квартиронка жена, волнение страшно возросло. Эти двое сбежали из Мейкона, штат Джорджия, полтора года назад. Мужчина был негром без примеси, женщина - почти белой. Способ их побега был новым. Жена, одетая как джентльмен, сопровождаемая мужем в качестве раба, села на поезд, идущий на Север, и прибыла в Филадельфию после двухдневного путешествия, часть которого была проделана на пароходах. Писатель находился в Городе квакеров во время их прибытия и был одним из первых, кто приветствовал их. Во время путешествия в страну свободы произошло много захватывающих инцидентов, которые придали значительную известность конкретному случаю с Ремеслами, и вскоре ловцы рабов стали известными людьми.

После многих бесплодных попыток арестовать беглецов Хью и его спутники вернулись на Юг, в то время как Крафт и его жена бежали в Англию.

Бостон был не одинок в своем волнении; Дэниела арестовали в Буффало и доставили к Генри К. Смит, пьяный комиссар, и возвращен своему истцу; Гамлет был схвачен похитителями в Нью-Йорке, а Джерри прославил свое имя своим арестом в Сиракузах, в том же штате.

Телеграммы, извещавшие об этих событиях, наполнили сердца чернокожих печальными эмоциями и сообщили рабовладельцам, что закон может быть приведен в исполнение. Вскоре из Огайо, Иллинойса, Индианы и других штатов пришли новости об аресте и выдаче лиц,

объявленных рабами, многие из которых, как было доказано, были свободнорожденными. Бостону не разрешили оставаться здесь надолго, прежде чем она снова стала свидетельницей повторного появления ловца негров.

Цветной мужчина по имени Шадрах был объявлен рабом; его арестовали, посадили в тюрьму, и похитители почувствовали, что на этот раз у них есть уверенность. Бостон, однако, был странным местом для человека, оказавшегося в темнице за то, что хотел освободиться; и Шадраха тайком увезли в Канаду, никто не знал как. Жители Бостона, которые в основном вели торговлю с Югом, чувствовали, что их город опозорился из-за того, что не смог исполнить закон о беглых рабах, и многие из них искренне желали получить еще одну возможность.

Итак, в ночь на третье апреля 1851 года Томас Симмс был арестован и после суда, ставшего историческим, отправлен обратно в рабство, к полному позору всех, кто был причастен к его возвращению.

Затем последовало представление Энтони Бернса, баптистского священника, который был арестован по просьбе Чарльза Ф. Саттла из Вирджинии. Комиссаром, перед которым рассматривалось это дело, был Эллис Грили Лоринг. Этот судебный процесс вызвал еще больший ажиотаж, чем возвращение Симмса. Проповедник в оковах, потому что он хотел быть свободным, был чем-то новым для жителей Бостона.

Во время слушаний это чувство распространилось на провинциальные города, и почти каждый прибывающий поезд привозил большое количество людей, жаждущих увидеть новый порядок вещей. Чтобы исключить возможность спасения, здание, в котором комиссар выполнял свою работу, было заковано в цепи. Бернса доставили в Саттл, и Профсоюз снова был в безопасности.

Здание Бостонского суда в цепях, двести хулиганов и воров, приведенных к присяге в качестве полицейских особого назначения, респектабельные граждане, столкнутые с тротуаров этими ловцами рабов, и все это с целью удовлетворить “наших братьев с Юга”.

Но этот акт не успокоил чувства и не удовлетворил требования рабовладельцев, а еще больше разжег огонь аболиционизма.

“Решение Дреда Скотта” добавило новые горячие материалы к тлеющей куче. Дред Скотт, раб, увезенный своим хозяином в свободный Иллинойс, а затем за границу в тридцать шесть градусов тридцать минут, а затем обратно в Миссури, подал в суд и получил свободу на том основании, что, будучи увезенным туда, где, согласно Конституции, рабство было незаконным, его хозяин потерял все права.

Но Верховный суд, рассмотрев апелляцию, отменил решение, и Дред Скотт вместе со своей женой и детьми был возвращен в рабство.

СНОСКА:

[52] “Исполнение Томаса Симмса”. Теодор Паркер, стр. 20, 1852.

ГЛАВА XLI. РЕЛИГИОЗНАЯ БОРЬБА.

Каста, естественный продукт рабства, не остановилась у дверей святилища, как можно было бы предположить, но вошла во все или почти во все христианские конфессии нашей страны, а в некоторых случаях даже преследовала негра до священного алтаря. Во всех церквях были свои “скамьи для негров”, куда можно было посадить любых чернокожих. Таков был обычай на Юге, и то же самое было на Севере.

Поскольку религия страны была создана в соответствии с общественными настроениями, которые по своему характеру были неграноненавистническими, у чернокожих Соединенных Штатов сложилось бы плохое представление о христианской религии в самом широком смысле, если бы внутренний наблюдатель не подсказал им, что есть еще кое-что получше.

Первый шаг к пользованию религиозной свободой был сделан цветными жителями Филадельфии. Это было вызвано недобрым обращением с их белыми братьями, которые считали их помехой в своих молитвенных домах, где их стаскивали с колен во время молитвы и приказывали сесть на задние сиденья. Исходя из этих и других актов нехристианского поведения, чернокожие сочли своим долгом изобрести средства для создания собственного дома для религиозного богослужения. Поэтому в ноябре 1787 года они отделились от Методистской церкви в Филадельфии, создали общество, построили дом для собраний и обустроились сами.

Хотя белые считали черных незванными гостями в своих церквях, они, тем не менее, не желали позволять им совершать богослужения самостоятельно, если только у них не будет привилегии предоставить своим собратьям проповедников. Белые отказывали черным в праве называть себя методистами без их согласия и даже зашли так далеко, что заставляли своих белых проповедников по воскресеньям занимать кафедры среди цветных. В законе, однако, было больше справедливости, чем в Евангелии; и он встал между неграми и их религиозными преследователями и освободил первых.

В 1793 году преподобный Ричард Аллен построил церковь для своего народа в Филадельфии, и с тех пор их религиозный прогресс был поразительным. В 1816 году Ричард Аллен был рукоположен в епископа Африканской методистской епископальной церкви; Моррис Браун был рукоположен в епископа в 1828 году; Эдвард Уотерс в 1836 году; и Уильям П. Куинн в 1844 году. Они были известны как методисты Вефиля. Примерно в то же время цветные христиане Нью-Йорка, чувствуя давление касты, которое тяжело давило на них, начали вздыхать о свободе, которой пользуются их братья в Городе Братской любви; и в 1796 году под руководством Фрэнсиса Джейкобса, Уильяма Брауна и Уильяма Миллера отделились от своих белых братьев и основали церковь, ныне известную как Африканская методистская епископальная церковь Сиона. Эта ветвь секедеров сравнялась по процветанию со своими собратьями в Филадельфии.

Первая ежегодная конференция этих церквей состоялась в городе Балтимор в апреле 1818 года. Примеру цветных священников Филадельфии и Нью-Йорка вскоре последовали их представители в Балтиморе, Ричмонде, Бостоне, Провиденсе и других местах. Эти независимые религиозные движения не ограничивались сектой, известной как методисты, но баптистам,

пресвитерианам и приверженцам епископальной церкви было разрешено вести домашнее хозяйство самостоятельно.

Однако прихожанам епископальной церкви в Нью-Йорке и Филадельфии пришлось немало пострадать, поскольку в воскресенье они были вынуждены слушать проповедника, который не узнавал их в понедельник. Расчет оборотов. Питер Уильямс из Нью-Йорка и Уильям Дуглас из Филадельфии, казалось, открыли новую эру для чернокожих в этих городах, а красноречие этих двух богословов дало членам этой секты больше свободы по всей стране. В Южных штатах религиозная свобода чернокожих была ограничена гораздо сильнее, чем на Севере. Строгий закон о рабстве, который наказывал негра за то, что его находили вне помещений его хозяина после определенного времени ночи, был истолкован таким образом, чтобы применяться к нему при посещении дома Божьего и обратно; и бедную жертву часто пороли за то, что ее обнаруживали поздно, когда он возвращался домой из церкви.

Эти законы применялись как к свободным чернокожим, так и к рабам, и часто образованному цветному проповеднику “девятихвостый кот” рвал спину в течение часа после того, как он покидал кафедру.

Во всех рабовладельческих штатах рано были приняты законы, регулирующие религиозные движения чернокожих и предусматривающие, что ни одному рабу или свободному цветному человеку не должно быть позволено проповедовать. Собрание чернокожих для совершения религиозных обрядов было запрещено, за исключением случаев, когда присутствовали три или более белых человека.

ГЛАВА XLII. НАЛЕТ ДЖОНА БРАУНА НА ХАРПЕРС-ФЕРРИ.

1859 год надолго запомнится смелой попыткой Джона Брауна и его товарищей взломать запертую дверь южного дома рабства и вывести пленников более эффективным способом, чем они когда-либо знали; попыткой, в которой, это правда, маленькая группа героев бросилась на кровавую смерть, но в то же время сотрясла стены тюрьмы от вершины до основания и вселила дикую тревогу в сердца каждого тирана во всей стране рабов. Каковы были планы и цели благородного старика, точно неизвестно, и, возможно, никогда не будет известно; но какими бы они ни были, есть основания полагать, что они долго вынашивались, вынашивались молча и тайно, с большим усердием и торжественным чувством религиозного долга.

Из пяти цветных мужчин, которые были с героем при нападении на Харперс-Ферри, только двое, Шилдс Грин и Джон А. Коупленд, были захвачены живыми. Первым из них был уроженец Южной Каролины, родившийся в городе Чарльстон в 1832 году. Сбежав на Север в 1857 году, он жил в Рочестере, штат Нью-Йорк, пока его не привлекло незаурядное красноречие и природный магнетизм Джона Брауна.

Шилдс Грин был чистокровным, с хорошим лицом, яркими глазами и невысокой фигурой. Один из его товарищей по битве при Харперс-Ферри говорит о Грине: “Он был самым неумолимым из всего нашего отряда; настоящий турок в своей ненависти к похитителям людей. Без сомнения, были люди мудрее и лучше, но никогда не жил человек храбрее Шилдса Грина”.^[53]

Он вел себя при казни с подобающим хладнокровием и героизмом, взойдя на эшафот твердым, непоколебимым шагом, и умер так, как жил, храбрым человеком, до конца выражая свою вечную ненависть к человеческому рабству, пророчествуя, что рабству скоро придет кровавый конец.

Джон А. Коупленд был родом из Северной Каролины, мулатом с выдающимися способностями и искренним любителем свободы и справедливости. Он умер, как и подобает человеку, связавшему свою судьбу с судьбой героя "Харперс Ферри".

СНОСКА:

[53] "Голос из Харперс Ферри". О. П. Андерсон.

ГЛАВА XLIII. ВЕРНОСТЬ И ХРАБРОСТЬ ЧЕРНЫХ.

Штурм форта Самтер 12 апреля 1861 года стал для негров началом новой эры. Прокламация президента Линкольна, призывающая первые семьдесят пять тысяч человек подавить Восстание, нашла отклик у цветного населения по всей стране. В Бостоне на публичном собрании чернокожих многие вышли вперед, поставили свои имена под соглашением сформировать бригаду и немедленно выступить к месту боевых действий. Комитет посетил губернатора три дня спустя и предложил услуги этих людей. Его превосходительство ответил, что у него нет полномочий принимать их. Это было первое мокрое одеяло, брошенное на энтузиазм негра. "Это война белого человека", - заявило большинство общественных журналов. "Я никогда не буду сражаться на стороне негра", - раздавалось в каждом квартале, где можно было увидеть людей в форме дяди Сэма.

Везде, где открывались вербовочные пункты, чернокожие мужчины предлагали себя, но получали отказ. И все же эти люди, сознавая, что право в конечном итоге восторжествует, терпеливо ждали наступления времени, поклявшись пойти по зову своей страны.

В то время как страна, казалось, катилась к разрушению, а администрация не проводила никакой политики, сердце каждого лояльного человека возрадовалось появлению прокламации генерал-майора Джона К. Фремонта, в то время командовавшего западными войсками. Следующая выдержка из этого документа, который в то время вызвал столько дискуссий, будет включена сюда:—

"Все лица, которые будут захвачены с оружием в руках в пределах этих линий, будут преданы военному суду; и если их признают виновными, будут расстреляны. Имущество, реальное и личное, всех лиц в штате Миссури, которые поднимут оружие против Соединенных Штатов или которые, как будет непосредственно доказано, принимали активное участие на стороне своих врагов в боевых действиях, объявляется конфискованным для общественного пользования, а их рабы, если таковые у них есть, настоящим объявляются свободными людьми".

Вышеприведенный документ был первым официальным документом, выпущенным после начала войны, который, по-видимому, соответствовал требованиям настоящего характера.

Не дожидаясь указаний из столицы, генерал Фремонт распорядился выдать документы об освобождении ряду рабов, начиная с тех, что принадлежали Томасу Л. Сниду из Сент-Луиса. За этим шагом, предпринятым отважным Фремонтом, последовало аналогичное движение генерала Хантера, в то время дислоцировавшегося в Южной Каролине. Президента Линкольна, однако, убедили отменить оба вышеупомянутых приказа.

В июне 1861 года шхуна S. J. Waring из Нью-Йорка, направлявшаяся в Южную Америку, была захвачена по пути мятежным капером Джеффом Дэвисом, на борт была поднята призовая команда, состоящая из капитана, помощника капитана и четырех матросов, и судно отправилось в порт Чарльстон, Южная Каролина. Трое из первоначального экипажа остались на борту: немец в качестве рулевого, янки, которого заковали в кандалы, и чернокожий по имени Уильям Тиллман, стюард и повар шхуны. Последнего заставили заниматься его обычным делом и сказали, что отныне он является собственностью Конфедеративных Штатов и будет продан по прибытии в Чарльстон в качестве раба.

Наступает ночь; море окутывает тьма; судно быстро скользит на юг; мятежники один за другим расходятся по своим койкам; приближается полночь; в кают-компании все тихо; капитан спит; помощник капитана, несущий вахту, пьет пунш с бренди и откидывается на шканцах. Негр думает о доме и всех его прелестях; он видит в туманном будущем цепи и рабство.

Он принимает решение, и решает немедленно претворить это решение в жизнь. Вооруженный тяжелой дубинкой, он направляется в комнату капитана. Он наносит смертельный удар. Затем он идет в соседнюю комнату; наносится еще один удар, и чернокожий становится хозяином каюты. Он осторожно поднимается на палубу, ударяет помощника капитана. Офицер ранен, но не убит. Он достает револьвер и зовет на помощь. Команда встревожена; они спешат на помощь своему командиру. Негр повторяет свои удары тяжелой дубинкой; мятежник падает замертво к ногам Тиллмана. Африканец хватается за револьвер, загоняет команду под палубу, приказывает освободить янки, заковывает врага в кандалы и объявляет себя хозяином судна.

Еще пять дней, и "С. Дж. Уоринг" прибывает в порт Нью-Йорка под командованием Уильяма Тиллмана, негритянского патриота.

Едва отважный подвиг Тиллмана перестал быть темой разговоров, как общественность снова была потрясена сообщением о том, что Роберт Смолл, раб, сбежал на пароходе "Плантатор" из Чарльстона, Южная Каролина. Коммодор Дюпон сообщил об этом событии военному министру.

До этого времени заслуги цветных мужчин на войне не признавались; однако вскоре после этого генерал-майор Б. Ф. Батлер принял и признал их заслуги в Луизиане.

Вероятно, хорошо известно, что свободное цветное население Нового Орлеана по интеллекту, общественному духу и материальному достатку превосходит представителей того же класса в любом другом городе Союза. Многие из этих джентльменов были высокообразованны, много путешествовали по нашей стране и зарубежным странам, свободно говорят и читают на французском, испанском и английском языках, а в Биржевых залах или на биржевых советах в любое время обладают влиянием, полностью равным тому же количеству белых капиталистов. До войны они владели только в этом городе пятнадцатью миллионами собственности и

облагались высокими налогами для поддержки государственных школ, но им не разрешалось претендовать на малейшую выгоду от этого.

Эти джентльмены, представляющие такой большой ум, культуру и богатство, и которые, несмотря на то, что в жилах у них течет негритянская кровь, украсили бы любой круг общества на Севере, которых на Бродвее приняли бы за образованных и богатых кубинских плантаторов, а не за свободных негров, хотя многие из них сами были рабами, всегда были лояльны Союзу; и когда казалось, что Новому Орлеану грозит повторный захват повстанцами под командованием генерала Магрудера, эти цветные люди восстали *массово*, закрыли свои офисы и магазины, вооружились и организовались. разделились на шесть полков и на шесть недель бросили свои дела и были готовы сражаться для защиты Нового Орлеана, в то время как в то же время не было собрано ни одного белого полка из числа исконных белых жителей.

ГЛАВА XLIV. СТОЛИЦА СВОБОДНА.—ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ СВОБОДЫ.

В 1862 году рабство было отменено в округе Колумбия, честь которого в основном принадлежит Генри Уилсону, сенатору от Массачусетса.

С отменой рабства в округе Колумбия началась новая эра в столице нашей страны. Представители правительств Гаити и Либерии долго и тщетно добивались, чтобы их впустили вместе с представителями других наций. Рабовладельческой власти всегда удавалось не пускать их. Но теперь мечты людей претерпели изменения, и Конгресс лишь соответствовал этому новому освещению, приняв законопроект, допускающий представителей черных республик.

Как мы уже говорили ранее, работорговля все еще продолжалась между Южными штатами и Африкой. В северных портах были оборудованы корабли для ведения этой адской торговли. И хотя это было запрещено актом Конгресса, никто никогда не был осужден за торговлю рабами. Новый порядок вещей заключался в том, чтобы подвергнуть этих торговцев людям испытанию и испытать силу, с которой они так долго распоряжались телами и душами людей, похищенных ими с их родной земли.

Некто Натаниэль Гордон уже сидел в тюрьме в Нью-Йорке, и суд над ним быстро приближался. Оно пришло, и окружной суд Соединенных Штатов в городе Нью-Йорк признал его виновным в пиратстве; пиратство состояло в том, что он снарядил работорговец и переправил девятьсот африканцев по реке Конго с целью продажи их в рабство. Этот же человек ранее привлекался к ответственности за то же преступление, но присяжные не пришли к единому мнению, и, соответственно, он избежал наказания на некоторое время. Были приложены все усилия, какие только могла придумать изобретательность способных юристов или сила денег, чтобы спасти этого негодяя от виселицы; но все было напрасно, поскольку президент Линкольн категорически отказался каким-либо образом вмешиваться, и Гордон был казнен 7 февраля.

Этот удар, по-видимому, нанес коммерческим Медноголовым большее оскорбление, чем даже эмансипация рабов в округе Колумбия; ибо он нанес эффективный удар по очень прибыльной

отрасли торговли, в которой были в значительной степени заинтересованы жители Нью-Йорка. Таким образом, будет видно, что нация неуклонно продвигалась к цели свободы.

В сентябре 1862 года цветные жители Цинциннати, штат Огайо, организовали “Черную бригаду” и оказали выдающуюся услугу по защите этого города от набегов Джона Моргана и других разбойников.

Первого января 1863 года президент Линкольн обнародовал свою Прокламацию об освобождении, которая гласила следующее:—

Принимая во внимание, что 22 сентября, в год от Рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят третий, президентом Соединенных Штатов было издано воззвание, содержащее, среди прочего, следующее; а именно:

“Что, в первый день января в год от Рождества Господа нашего одна тысяча восемьсот шестьдесят три, всех лиц, содержащихся как рабы в любом штате или любого места в составе иного государства, население которого тогда в восстании против Соединенных Штатов, будет то, отныне, и вечно, бесплатные; и исполнительная власть Соединенных Штатов, включая военные и военно-морские силы его будут признавать и поддерживать свободу таких лиц, и будет делать каких-либо актов или действий по пресечению таких лиц, или любое из них, в любой работе они могут сделать для их фактического свободы; что исполнительная власть, в первый день января вышеуказанным объявлением, обозначения государств и частей государств, если таковые имеются, в которой люди в нем соответственно будет в восстании против Соединенных Штатов; и тот факт, что любое государство или народ оной должна в этот день быть добросовестным представлены в Конгрессе Соединенных Штатов членами избранной к нему, на выборах, в котором большинство избирателей этих государств участвовали, должен, при отсутствии серьезного противодействия свидетельство, считается убедительным доказательством того, что такое государство и народ его не то в мятеже против Соединенных Штатов.

“Итак, я, Авраам Линкольн, президент Соединенных Штатов, в силу предоставленной мне власти как Главнокомандующего армией и Флотом Соединенных Штатов во времена фактического восстания против властей и правительства Соединенных Штатов, и в качестве подходящей и необходимой военной меры для подавления этого восстания, сегодня, первого января тысяча восемьсот шестьдесят третьего года от Рождества Христова, и в соответствии с моей целью публично объявляю об этом на весь период в сто дней с даты первого вышеуказанного события”. -упомянутый порядок, обозначающий Штаты и части штатов, население которых, соответственно, в этот день восстает против Соединенных Штатов. Следующее, а именно:—

- Арканзас, Техас, Луизиана, Миссисипи, Алабама, Флорида, Джорджия, Южная Каролина, Северная Каролина и Вирджиния.

Луизиана (за исключением приходов Пласкемин, Сент-Мэри, Джефферсон, Сент-Джон, Сент-Чарльз, Сент-Джеймс, Вознесение, Успение, Терре Бонн, Лафурш, Сен-Бернар, Сен-Мартин и Орлеан, включая город Новый Орлеан), Миссисипи, Алабама, Флорида, Джорджия, Южная Каролина, Северная Каролина и Вирджиния, за исключением сорока восьми округов, обозначенных как Западная Вирджиния, а также округов Беркли, Аккомас, Нортгемптон, Элизабет-Сити, Йорк, Принцесса Анна и Норфолк, включая города Норфолк и

Портсмут, исключенные части которых в настоящее время оставлены именно так, как если бы этого заявления не было сделано.

“И в силу полномочий, с вышеупомянутой целью, я приказываю и заявляю, что все лица, удерживаемые в качестве рабов в указанных Штатах и частях штатов, являются и впредь будут СВОБОДНЫМИ; и Исполнительное правительство Соединенных Штатов, включая их военные и военно-морские власти, будут признавать и поддерживать свободу таких лиц.

Настоящим я предписываю людям, объявленным свободными, воздерживаться от любого насилия, за исключением случаев необходимой самообороны; и я рекомендую им, чтобы во всех случаях, когда это разрешено, они добросовестно трудились за разумную плату.

“И я далее заявляю и ставлю в известность, что такие лица, если они в подходящем состоянии, будут приняты на вооруженную службу Соединенных Штатов, в гарнизонные форты, позиции, станции и другие места, а также для укомплектования судов всех видов, находящихся на указанной службе. И в связи с этим, искренне считая, что это акт справедливости, гарантированный конституцией, и в связи с военной необходимостью, я взываю к разумному суждению человечества и милостивому расположению Всемогущего Бога.

“В удостоверение чего я приложил к этому свою руку и распорядился поставить печать Соединенных Штатов.

Совершено в городе Вашингтоне первого января в год от рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят третий и от обретения независимости Соединенными Штатами Америки восемьдесят седьмой.

(Подпись) “Авраам Линкольн”.

ГЛАВА XLV. ЧЕРНОКОЖИЕ ЗАЧИСЛЕНЫ В АРМИЮ И В БОЮ.

Генеральный прокурор Бейтс уже высказал свое мнение относительно гражданства негра, и это мнение было в пользу чернокожего. Прокламация об освобождении была лишь прелюдией к призыву к цветным мужчинам взяться за оружие, и вскоре одно последовало за другим; ибо едва слово “Освобождение” прозвучало по телеграфу, как в долине Миссисипи появился генерал-адъютант Томас. На озере Провиденс, штат Луизиана, он встретился с большим отрядом армии, состоящим из добровольцев со всех концов страны, и провозгласил им новую политику администрации.

Северные полки, дислоцированные на Юге или несущие службу на этом участке, потерпели так много поражений на поле боя и подверглись такому бесчеловечному обращению со стороны повстанцев, как мужчин, так и женщин, что новая политика, объявленная генерал-адъютантом Томасом на озере Провиденс и в других местах, была воспринята с большой благосклонностью, особенно когда белые солдаты слышали от своих непосредственных командиров, что вольноотпущенники, зачисленные в армию, будут использоваться для выполнения утомительных работ, когда в этом нет другой необходимости. Раб, рассматривавший использование мушкета как единственное средство постоянного обеспечения своей свободы, с величайшей скоростью искал ближайшее место службы.

Назначение людей из рядов белых полков вместо черных вызвало у первых еще больший интерес к новым наборам. Позиция, занятая генерал-майором Хантером в Южной Каролине, и его благоприятные отчеты о способности вольноотпущенников к военной службе, а также быстрота, с которой этот выдающийся ученый и джентльмен-христианин Томас Вентворт Хиггинсон принял звание полковника Первого Южнокаролинского полка, сделали командование негритянскими полками respectable и вызвали желание со стороны белых добровольцев добиваться назначения вместо чернокожих.

Новые полки быстро пополнялись; новобранцы приспосабливались к своим новым условиям с усердием, которое удивляло даже их друзей; а их мастерство обращения с оружием всего за несколько дней тренировок успокоило умы офицеров относительно их будущих действий.

7 июня 1863 года в долине Миссисипи произошло первое регулярное сражение между черными и белыми. Плантадоры хвастались, что, если они встретят своих бывших рабов, один их взгляд заставит негров бросить оружие и бежать. Многие северяне, особенно Копперхеды, заявляли, что верят, что так оно и будет. Поэтому все взоры были обращены на далекий Юг, в Штаты, выращивающие хлопок, сахар и рис, чтобы посмотреть, как чернокожие поведут себя на поле боя; ибо хорошо известно, что к этой части принадлежали самые невежественные представители рабовладельческого населения.

Первое сообщение, которое получил командир Милликенс-Бенд, было от одного из чернокожих, который вошел в палатку полковника и сказал: 'Масса, секеши в лагере'. Полковник приказал ему, чтобы люди немедленно зарядили ружья. Он немедленно ответил: —

“Теперь мы это сделали, масса. Прежде чем полковник был готов, люди выстроились в линию, готовые к действию.

“Враг атаковал нас так близко, что мы сражались штыками, врукопашную. У меня есть шесть сломанных штыков, чтобы показать, как храбро сражались мои люди”, - сказал полковник. “Я могу искренне сказать, - продолжал он, - что никогда в жизни не видел более храброй компании мужчин.

“Ни один из них не предложил покинуть свое место, пока не было приказано отступать. Сегодня я ездил в госпиталь, расположенный в трех милях, чтобы навестить раненых. Там было девять из них, двое скончались от полученных ран. Мальчик, который готовил для меня, пришел и выпросил ружье, когда повстанцы наступали, и занял его место в роте; и когда мы отбили бруствер, я нашел его тяжело раненным, с одним ружейным выстрелом и двумя штыковыми ранами. Новобранец, которому я выдал пистолет за день до боя, был найден мертвым, крепко сжимающим свое ружье, штык которого был сломан на три части. Поэтому они сражались и погибли, защищая дело, которое мы чтим. Они встретили смерть хладнокровно, храбро; они не подвергали себя опрометчивому риску, но все были стойкими и подчинялись приказам”.

Эта битва убедила рабовладельцев Юга в том, что их очарование исчезло; и что негр, как раб, был потерян навсегда. И все же был один факт, связанный с битвой при Милликенс-Бенд, который останется в памяти потомков как свидетельство против гуманности рабовладельцев; а именно, что ни один негр не был найден живым, который был взят в плен повстанцами в этом бою.

Следующее сражение, в котором участвовали чернокожие, произошло вверх по реке Сент-Мэри, Южная Каролина, под командованием полковника Т. У. Хиггинсона. Здесь цветные тоже оказали большую честь себе и своей расе.

Теперь мы переходим к битве при Порт-Гудзоне, в которой черные силы состояли из Первого Луизианского полка под командованием подполковника Бассетта и Третьего Луизианского полка под командованием полковника Нельсона. Линейные офицеры Третьего были белыми; и полк состоял в основном из вольноотпущенников, у многих из которых на спинах все еще виднелись следы ударов плетью, и чьи храбрые, отважные сердца учащенно бились при мысли о том, что настал час, когда они должны встретиться со своими гордыми и бесчувственными угнетателями.

Первым был знаменитый полк под названием “Туземная гвардия”, который генерал Батлер обнаружил, когда вошел в Новый Орлеан, и который так быстро предложил свои услуги для подавления Восстания. Все линейные офицеры этого полка были цветными, отобранными из числа самых богатых и влиятельных свободных цветных людей Нового Орлеана. Говорили, что ни один из них не стоил меньше двадцати пяти тысяч долларов. Храбрые, полные энтузиазма и патриотизма люди находили полный простор для развития своих способностей в этом полку, все из которого были хорошо образованы; некоторые были прекрасными учеными. Одним из самых эффективных офицеров был капитан Андре Каллиу, человек, которого невозможно было спутать с его расой. Этот полк обратился к своему командиру с просьбой разрешить им занять опасный пост в бою, и это было удовлетворено.

По мере приближения момента атаки царило величайшее подавляемое возбуждение; но все рвались в бой. Капитан Каллиу гордо расхаживал взад и вперед вдоль строя и с улыбкой приветствовал знакомые лица своей роты. Офицеры и рядовые белых полков смотрели, как эти люди идут на фронт, и спрашивали друг друга, каков, по их мнению, будет результат. Выдержат ли эти черные огонь? Не было ли испытание, которому их предстояло подвергнуть, слишком суровым? Полковник Нельсон был призван исполнять обязанности бригадного генерала, и его место занял подполковник Финнегас. Враг в своей крепости почувствовал свою силу и бросил вызов ожидаемой атаке. Наконец прозвучало приветственное слово, и наши люди двинулись в путь. Враг открыл яростный огонь из артиллерийских снарядов, картечи, картечных картечин и мушкетов. Первый снаряд, брошенный врагом, убил и ранил несколько чернокожих; но они продолжали идти. “Обвинение” было подходящим словом.

С каждым шагом колонна редела из-за падающих убитых и раненых. Чернокожие неуклонно сближались, пока их товарищи падали, и приблизились на расстояние пятидесяти шагов к тому месту, где мятежники обрабатывали замаскированную батарею, расположенную на утесе, откуда орудия могли простреливать все поле, по которому войска должны были атаковать. Этот аккумулятор находился слева от линии зарядки. Другая батарея из трех или четырех орудий командовала фронтом, а шесть тяжелых орудий обстреливали правый фланг линии, когда она формировалась, и охватывали ее фланг и тыл, когда она атаковала утес. Было установлено, что под обрывом, где стояли пушки, протекает протока, глубже, чем человек может перейти вброд. Эта атака была отбита с большими потерями. Затем подполковнику Финнегасу было приказано атаковать, и его люди, хорошо одетые, ровным строем, в два счета бросились вниз по полю смерти.

Как бы доблестно ни вели себя люди, как бы храбро ими ни руководили, не в порядке вещей было, чтобы эта доблестная бригада брала эти работы на себя. И все же приказывалась атака за атакой, которые проводились во всех этих катастрофах со спартанской твердостью. Всего было произведено шесть атак. Полковник Нельсон доложил генералу Дуайту о страшных шансах, с которыми ему приходилось бороться. Генерал Дуайт говорит в ответ: “Передайте полковнику Нельсону, что я буду считать, что он ничего не добился, если не заберет эти пушки”. Человечество никогда не простит генералу Дуайту этого последнего приказа; ибо он, конечно, видел, что всего лишь попусту растрачивал жизни своих людей. Но кем были его люди? “Только ниггеры”. Таким образом, последнее обвинение было выдвинуто в порыве отчаяния.

Земля уже была усеяна мертвыми и ранеными, и многие из храбрых офицеров пали в самом начале сражения. Среди них был доблестный и высокообразованный Ансельмо. Он был знаменосцем и прижимал звездно-полосатый флаг к сердцу, падая на них, пронзенный пятью пулями. Два капрала неподалеку спорили между собой о том, кому достанется честь снова поднять на воздух эти окровавленные эмблемы. Каждый жаждал этой чести; и во время боя вражеский снаряд ранил одного из них, а другой капрал с триумфом взвалил на плечо дорогое старое знамя и пронес его через атаку в первых рядах наступающих.

Снаряды из орудий повстанцев срубили деревья трех футов в диаметре, и они упали, похоронив под своими ветвями целую роту. Таким образом, они храбро атаковали на верную гибель, пока земля не стала скользкой от запекшейся крови убитых и усеянной телами искалеченных. Последняя атака была предпринята около часа дня. В этот момент показался капитан Каллиу, его левая рука свисала вдоль тела, так как пуля сломала ее выше локтя, в то время как в правой руке он держал обнаженный меч, поблескивающий в лучах солнца; и был слышен его хриплый, слабый голос, подбадривающий своих людей. Еще мгновение, и храбрый и великодушный Каллиу был сражен снарядом и пал далеко впереди своего отряда.

Гибель этого офицера так разозлила его людей, что они, казалось, преисполнились нового энтузиазма; и они бросились вперед с безрассудством, которое, вероятно, никто никогда не превзошел. Видя, что взятие этих батарей является безнадежной попыткой, был отдан приказ изменить программу; и войска были отозваны. Но добились ли они чего-то большего, чем потеря многих своих храбрецов? Да, так и было. Самозабвение, неустрашимый героизм и огромная выносливость негра, проявленные в тот день, открыли новую главу в американской истории для цветного человека.

Много персов было убито в битве при Фермопилах; но история сообщает только о падении Леонида и его четырехсот товарищей. Так что в будущем, когда мы уйдем со сцены, и подрастающие поколения будут говорить о конфликте в Порт-Гудзоне и знаменитой атаке негритянской бригады, они забудут всех остальных в восхищении Андре Каллиу и его цветными товарищами. Генерал Бэнкс в своем отчете о битве при Порт-Гудзоне говорит: “Какие бы сомнения ни существовали до сих пор относительно эффективности организаций такого характера, история наших дней убедительно доказывает тем, кто был в состоянии наблюдать за поведением этих полков, что правительство найдет в этом классе войск эффективных сторонников и защитников. Суровое испытание, которому они подверглись, и решительная манера, с которой они встретили врага, не оставляют у меня сомнений в их конечном успехе”.

Великолепное поведение чернокожих в долине Миссисипи вскоре сравнял с собой прославленный Пятьдесят четвертый Массачусетский полк, которым командовал оплакиваемый Роберт Дж. Шоу.

Шестнадцатого июля Пятьдесят четвертый цветной полк полковника Р. Г. Шоу был атакован противником на острове Джеймс, в ходе которого произошел двухчасовой бой, в котором повстанцы значительно превосходили силы Союза численностью. Пятьдесят четвертая, однако, привела противника перед собой в замешательство. Потери наших людей составили четырнадцать человек убитыми и восемнадцать ранеными. В тот же день полковник Шоу получил приказ от генерала Гиллмора эвакуировать остров. Подготовка началась в сумерках. Ночь была темной и штормовой, что сделало передвижение трудным и опасным. Марш проходил от острова Джеймс до острова Коул через болота, ручьи и дамбы и часть пути по узким пешеходным мостикам, по которым приходилось двигаться гуськом. Весь отряд достиг острова Коул на следующее утро, 17 июля, и в течение дня отдыхал на пляже напротив южной оконечности острова Фолли. Около десяти часов вечера полковник Пятьдесят четвертого полка получил приказ явиться со своим командованием к генералу Джорджу К. Стронгу на остров Моррис, в бригаду которого был переведен полк.

С одиннадцати часов вечера пятницы до четырех часов субботы их грузили на транспорт "Генерал Хантер", в лодку, которая принимала около пятидесяти человек одновременно. Там они позавтракали тем же самым и не ели ничего другого, прежде чем вечером начать штурм форта Вагнер.

Генерал Хантер выехал с острова Коул на остров Фолли в шесть утра; войска высадились в Пауни-Лэндинг около девяти с половиной утра, а оттуда двинулись маршем к точке напротив острова Моррис, достигнув ее около двух часов дня. Их перевезли на пароходе через залив, и в четыре часа дня они двинулись к форту Вагнер. Они добрались до квартиры бригадного генерала Стронга примерно на середине острова, около шести или шести с половиной часов, где остановились на пять минут.

Генерал Стронг выразил большое желание дать им еду и стимуляторы, но было слишком поздно, так как они должны были возглавить атаку. Они были без палаток во время проливных дождей в ночь с четверга на пятницу. На генерала Стронга произвел впечатление высокий характер полка и его офицеров; и он пожелал назначить их на должности, на которых предстояло выполнять самую суровую работу и завоевывать высшие почести.

Марш через острова Фолли и Моррис проходил по песчаной дороге и был очень утомительным. Полк прошел через центр острова, а не по пляжу, где маршировать было легче.

Подойдя на расстояние шестисот ярдов к форту Вагнер, они построились в боевую линию: полковник возглавлял первый, а майор - второй батальон. Это было на расстоянии мушкетного выстрела от противника. Огонь со стороны противника был слабым; один выстрел пришелся между батальонами, другой - справа, но стрельбы не было. К этому моменту полк вместе со следующим вспомогательным полком, Шестым Коннектикутским, Девятым Мэн-ским и другими, оставался полчаса. Перед полком выступили генерал Стронг и полковник Шоу. Затем, в семь с половиной или семь с тремя четвертями часов, был отдан приказ о нападении. Полк быстро продвигался вперед, но на некотором расстоянии перешел на удвоенную скорость.

Расстояние между местом, где была сформирована линия, и фортом было преодолено за несколько минут. Когда примерно в ста ярдах от форта открылся ружейный огонь повстанцев с таким ужасающим эффектом, что на мгновение первый батальон заколебался, — но только на мгновение; потому что полковник Шоу, выскочив вперед и размахивая саблей, крикнул: “Вперед, мои храбрые мальчишки!” - и с новыми радостными возгласами они бросились через ров, взобрались на бруствер справа и вскоре вступили в рукопашную схватку с врагом. Полковник Шоу был одним из первых, кто взобрался на стены. Он выпрямился, чтобы подтолкнуть своих людей вперед, и, крича им наступать, был застрелен и упал в форт. Его тело было найдено, а двадцать его людей лежали мертвыми вокруг него; двое лежали на его собственном теле.

Пятьдесят четвертый полк действовал хорошо и благородно; только падение полковника Шоу помешало им войти в форт. Они продвигались вперед так храбро, как только могли любые войска, и с их энтузиазмом заслуживали лучшей участи.

Сержант-майор Льюис Х. Дуглас, сын Фредерика Дугласа, знаменитого оратора, вскочил на парпет прямо за спиной полковника Шоу и закричал: “Вперед, ребята, вперед; давайте сражаться за Бога и губернатора Эндрю”. Этот отважный молодой человек последним покинул парпет. Прежде чем полк достиг парпета, сержант-знаменосец был ранен; и в момент падения знамени были схвачены сержантом Уильямом Х. Карни, который поднял их и взобрался на парпет, где он тоже получил три тяжелых ранения. Но когда был отдан приказ уйти в отставку, знаменосец, хотя и был почти инвалидом, все еще держал в воздухе эмблему свободы и последовал за своим полком с помощью своих товарищей, и ему удалось добраться до госпиталя, где он упал измученный и почти бездыханный на пол, говоря: “Старый флаг никогда не касался земли, ребята”. Капитан Льюис Ф. Эмилио, младший капитан, — все его начальники были убиты или ранены, — принял командование и отвел полк в лагерь. В этом сражении общие потери офицеров и рядового состава убитыми и ранеными составили двести шестьдесят один человек.

Когда в форте Вагнер под флагом перемирия был произведен запрос о теле полковника Шоу из Массачусетского пятьдесят четвертого полка, ответ был таков: “Мы похоронили его вместе с его неграми!” У дикарей есть обычай надругаться над мертвыми, и было вполне естественно, что уроженцы Южной Каролины попытались нанести оскорбление останкам храброго молодого солдата; но эта широкая могила на острове Моррис станет для всего народа гробом господним. Нельзя было найти более подходящего места для погребения, нельзя было найти более грандиозных похорон тому, кто, возглавляя эту великолепную атаку, воскликнул: “Вперед, мои храбрые мальчишки!” - чем отдать ему и им одну общую могилу.

Впоследствии полк Шоу отличился в ожесточенной битве при Олустиэ, сражении, которое останется в истории Восстания.

Битва при Оласти произошла на болоте, расположенном в тридцати пяти милях к западу от Джексонвилла и в четырех милях от Сандерсона, в штате Флорида. Экспедиция находилась под непосредственным командованием генерала К. Сеймура и состояла из Седьмой батареи Нью-Гэмпшира, Седьмого Коннектикута, Восьмой батареи Соединенных Штатов (цветных), Третьей артиллерийской батареи Соединенных Штатов, Пятьдесят четвертой Массачусетской (цветных) и Первой Северной Каролинской (цветных). Командование, отдохнувшее в ночь на 19 февраля 1864 года у Барбурс-Форда на реке Сент-Мэри, утром 20-го продолжило свой марш-бросок и

двинулось к Сандерсону, в девяти милях к западу, которого было достигнуто в час дня без перерыва; но примерно в трех милях дальше наступление вклинилось в пикеты противника. Седьмой Коннектикутский полк, развернутый в качестве стрелков, соединился с силами противника на болоте, еще больше укрепленными стрелковыми окопами. Здесь они были встречены пушечным и ружейным огнем; но наши войска с их винтовками Спенсера нанесли большой урон врагу, предприняв попытку захватить одно из его артиллерийских орудий, но потерпели неудачу. Однако они благородно удерживали свои позиции в течение трех четвертей часа и уже собирались отступить, когда подошли основные силы наших войск.

Восьмой (цветной) полк, который никогда не был в бою и который был набран всего несколько недель назад, подошел и двинулся вправо, когда они встретились с ужасающим ливнем ружей и снарядов. Генерал Сеймур подошел и, указывая вперед, в сторону железной дороги, сказал полковнику Фрибли, командиру Восьмого полка: “Отведите свой полк туда” — в место, где было достаточно жарко, чтобы заставить дрожать самых старых и закаленных в боях ветеранов; и все же эти люди, которые никогда раньше не слышали звука пушечного выстрела, бросились туда и начали падать, как трава под серпом. Тем не менее они продвигались вперед, не останавливаясь, пока не оказались на расстоянии двухсот ярдов от самых сильных укреплений противника. Здесь эти храбрые люди простояли почти три часа перед ужасным огнем, смыкаясь по мере того, как их ряды редели, ведя огонь спереди, с фланга и в тыл, не дрогнув и не сломавшись.

Полковник Фрибли, видя, что удержать позицию невозможно, прошел вдоль линии фронта, чтобы приказывать офицерам стрелять и постепенно отступать, и был застрелен еще до того, как дошел до конца. Он был ранен в грудь, приказал солдатам отнести его в тыл и скончался через несколько минут. Майор Барритт принял командование, но вскоре также был ранен. В это время батарея капитана Гамильтона оказалась в опасности, и он закричал нашим людям, ради Бога, спасите его батарею. Наш флаг Соединенных Штатов, после того как три сержанта поплатились жизнью, неся его во время боя, был водружен на батарею лейтенантом Элайджей Льюисом, и люди сплотились вокруг него; но орудия были установлены так беспорядочно и так близко к позициям противника, что артиллеристы были перестреляны сразу же, как появились; и лошадей, пока они доставляли орудия на позиции, постигла та же участь. Они были вынуждены покинуть батарею и не смогли унести флаг. Батарея перешла в руки противника. Во время волнения капитан Бейли принял командование и вывел полк в полном порядке. Сержанту Тейлору из роты D., который нес боевое знамя, чуть не отстрелили правую руку, но он схватил знамена левой рукой и вытащил их.

Седьмой Нью-гэмпширский полк был размещен по обе стороны дороги для фургонов и разбит, но вскоре сплотился и хорошо действовал. Линия обороны была, вероятно, в милю длиной, и на всем протяжении бои были ужасающими.

Наша артиллерия, где она могла работать, причиняла ужасный ущерб врагу; в то время как враг нанес нам очень мало вреда своей; за исключением одной пушки, шестидесятичетырехфунтовой вертлюжной, установленной на грузовом вагоне на железной дороге, которая стреляла картечью и картечными картечницами. В целом их артиллерия была очень безобидной, но их мушкетная стрельба внушала страх.

До этого времени ни Первый Северокаролинский, ни Пятьдесят четвертый Массачусетский не принимали никакого участия в бою, поскольку находились на некотором расстоянии в тылу.

Однако они услышали шум битвы и спешили на поле боя, когда их встретил адъютант, который подъехал верхом к полковнику Пятьдесят четвертого полка и сказал: “Ради Бога, полковник, поторопитесь, или день потерян!” Из всех полков каждый, казалось, смотрел на Пятьдесят четвертый Массачусетский с наибольшей зависимостью от поля боя. Этим полком командовал полковник Э. Н. Хэллоуэлл, который был ранен рядом с полковником Шоу в форте Вагнер и который после своего выздоровления побывал в нескольких боях, во всех из которых он показал себя отличным офицером и завоевал полное доверие своих людей, которые были готовы следовать за ним, куда бы он ни решил вести. Когда адъютант встретил эти два полка, он обнаружил, что они спешат дальше.

Первая Северокаролинская была в легком походном порядке; Пятьдесят четвертая массачусетская была в тяжелом походном порядке, с ранцами, походными сумками, флягами и всеми другими принадлежностями солдата. Но все пошло наперекосяк, и они с удвоенной скоростью вышли на поле. В самый критический момент, когда повстанцы готовились к одновременной атаке по всей линии фронта, захватили нашу артиллерию и направили ее против нас, полковник Джеймс Монтомгери, полковник Хэллоуэлл и подполковник Хупер выстроили нашу боевую линию справа, выстроившись шеренгой.

Пятьдесят четвертый массачусетский вошел первым, с одобрительными возгласами. За ними последовал Первый Северокаролинский (цветной); командующий подполковник Рид возглавил полк с мечом в руке и бросился на повстанцев. Они сломались, когда были в двадцати ярдах от соприкосновения с нашими негритянскими войсками. Подавленный численностью, Первый Северокаролинский полк отступил в полном порядке и открыл разрушительный огонь. Их полковник пал, смертельно раненный. Майор Богл был ранен, и двое мужчин были убиты при попытке добраться до его тела. Адъютант Уильям К. Мэннинг, ранее раненный в Малверн-Хиллз, получил пулю в тело, но продолжал оставаться, пока в него не попал еще один выстрел. Его подполковник, узнав об этом, обнял его и умолял покинуть поле боя. В следующее мгновение два друга лежали бок о бок; полковник сам получил смертельную рану. Но два цветных полка встали в пролом и спасли армию. Пятьдесят четвертый Массачусетский полк, который, как и Первый полк Северной Каролины, можно с полным основанием сказать, спас войска от полного разгрома, потерял восемьдесят человек.

Было убито три цветных сержанта; в последнего стреляли три раза, прежде чем он отказался от флага своей страны. Его звали Сэмюэл К. Уотерс, рота С, и его тело покоится там, где он упал. Боевое знамя сержант Тейлор нес в течение всего боя левой рукой, после того как правую чуть не отстрелили. Мятежники открыли огонь по месту, где оказывали помощь раненым, и их кавалерия собиралась атаковать его как раз в тот момент, когда на поле боя появился Пятьдесят четвертый Массачусетский, после чего они отступили.

Если бы полковник Хэллоуэлл с первого взгляда не оценил ситуацию, Пятьдесят четвертый Массачусетский добровольческий полк был бы убит или взят в плен. Когда они вышли на поле боя с Первым Северокаролинским, а это храбрый полк, они (Первый Северокаролинский) хорошо стреляли, пока оставались; но они уступили дорогу, тем самым обнажив правый фланг. Слева была выставлена кавалерия повстанцев; и когда левый фланг противника наступал справа от нас, их кавалерия наступала слева. Таким образом, оба фланга были стеснены, и неизбежным результатом была бы резня или плен. Мы отступили в хорошем порядке и заняли новые боевые порядки, пока не достигли Сандерсона.

Здесь была представлена сцена, которая не поддается описанию. Железнодорожная станция была забита ранеными, а дороги были забиты артиллерией, кессонами, боеприпасами, обозами, пехотой, кавалерией и машинами скорой помощи. Единственными организованными подразделениями, готовыми отразить атаку, были часть Сорокового Массачусетского конно-пехотного полка, вооруженного винтовкой Спенсера, Пятьдесят четвертый Массачусетский добровольческий полк и Седьмой Коннектикутский полк под командованием полковника Хоули, ныне губернатора Коннектикута.

Во время битвы произошло событие, представляющее захватывающий интерес, о котором я не должен упускать из виду. Это было так: —

Полковник Хэллоуэлл приказал продвинуть цветовую линию на сто пятьдесят шагов. Трое цветных капралов, Пиз, Палмер и Глазго, были ранены, а опытный Гудин убит, осталось только четверо — Уилкинс, исполняющий обязанности сержанта, Хелман и Ленокс. Знамена были продырявлены пулями, а жезл был отбит у сержанта в руке; но знамя гвардии уверенно вышло на сто пятьдесят шагов вперед, с поднятыми головами; батальон сплотился вокруг него и вел такой бой, что полковник Хэллоуэлл вскрикнул от радости, а сами солдаты издали вызывающие возгласы, от которых сосны и болота Оушен-Понда снова отозвались эхом.

Хотя этим цветным мужчинам никогда не платили, а их семьи дома нуждались, они были такими же послушными и сражались так же храбро, как белые войска, в карманах которых были “зеленые”, а жены и дети были обеспечены.

Пятьдесят четвертый Массачусетский полк вступил в бой с лозунгом “Троекратное ура Массачусетсу и семь долларов в месяц”.

Хорошо известно, что командующий генерал пришел к полковнику и сказал: “День потерян; вы должны сделать все, что в ваших силах, чтобы спасти армию от уничтожения”. И они благородно повиновались ему. Они стреляли из своих орудий, пока не иссякли боеприпасы, а затем стояли с примкнутыми штыками, пока разбитые колонны не успели отступить, и хотя однажды их полностью обошли с фланга, враг оказался в шестидесяти ярдах у них в тылу, их неустрашимый фронт и громкие аплодисменты заставили врага остановиться и дали им время сменить фронт. Они занимали позицию арьергарда на всем обратном пути в Джексонвилл; и где бы ни находился опасный пост, там можно было найти Пятьдесят четвертый.

Когда силы прибыли в Джексонвилл, они узнали, что поезд с ранеными находился на станции Тен-Майл, где он был оставлен из-за поломки двигателя. Пятьдесят четвертый Массачусетский, каким бы усталым и измотанным он ни был, был отправлен сразу же, поздно ночью, на помощь вышедшему из строя поезду. Прибыв на станцию Тен-Майл, они обнаружили, что единственный способ привезти раненых с собой - это прикрепить веревки к вагонам и позволить мужчинам действовать в качестве движущей силы. Таким образом, целый эшелон вагонов с ранеными в битве при Олустиэ был проташен этим храбрым цветным полком на расстояние десяти миль.

Битва при Пойзон-Спрингс, штат Арканзас, между тысячей военнослужащих Союза и восемью тысячами повстанцев была одним из самых серьезных конфликтов войны. Шестьсот военнослужащих Союза были цветными и выходцами из Канзаса, некоторые из них служили под началом старого Джона Брауна во время великой борьбы на этой территории. Эти

чернокожие, как будет видно, приняли на себя основную тяжесть сражения, и никогда еще люди не проявляли такой решительной храбрости, как в этом случае.

Ничто в истории Восстания не могло сравниться по бесчеловечности и зверству с ужасной бойней в Форт-Пиллоу, штат Кентукки, 13 апреля 1864 года. Ни в какой другой школе, кроме рабства, людей не могли обучить такой готовности к подобным жестокостям. Привыкшие к жестокости и скотству всю свою жизнь, им было легко совершать зверства, которые потрясли цивилизованный зарубежный мир, поскольку они вызвали возмущение нашего собственного народа.

После того, как повстанцы безраздельно овладели фортом, а оставшиеся в живых сдались, они начали беспорядочную резню всех федеральных солдат. Цветные солдаты побросали ружья и подняли руки в знак капитуляции; но на это не обратили ни малейшего внимания. Они продолжали расстреливать все, что попадалось им на пути. Некоторые из них, не видя пощады, побежали по обрыву к реке и попытались спрятаться под берегом и в кустах, где их преследовали взбунтовавшиеся дикари, которых они умоляли пощадить их жизни. Их призывы были напрасны, и все они были хладнокровно расстреляны на виду у канонерской лодки, преследуемые и перестрелянные, как собаки. Проходя вверх по берегу реки, можно было насчитать пятьдесят трупов, разбросанных вдоль нее. Один заполз в полое бревно и был убит в нем; другой перебрался через берег в реку и забрался на доску, спускавшуюся в воду. Он лежал на нем лицом вниз, опустив ноги в воду. Он лежал там, обнаженный, застывший. Несколько человек попытались спрятаться в расщелинах, образованных обрушившимся берегом, и их было нелегко заметить; но их вычислили и убили. Судя по лучшей имеющейся информации, с белыми солдатами в значительной степени обращались таким же образом.

Теперь мы приводим отчет о битве при Хани-Хилл, Южная Каролина, и одном из самых известных сражений, в которых чернокожие сражались во время войны.

Хани-Хилл находится примерно в двух с половиной милях к востоку от деревни Грэхамвилл, округ Бофорт. На гребне этого холма, там, где дорога или хайвей пересекает его, находится полукруглая линия земляных укреплений, однако с дефектами в конструкции, поскольку они слишком высоки для пехоты и практически не имеют внешнего уклона. Эти укрепления составляли центр позиций повстанцев; в то время как их левый край тянулся вверх, в сосновые заросли, а правый - вдоль линии заграждений, которая огибала болото ниже батарей. Они полностью контролировали дорогу впереди, проходящую через болото у подножия холма, и всего в каких-нибудь пятидесяти-шестидесяти ярдах от него. Через болото протекает небольшой ручей, который разливается вверх и вниз по дороге примерно на тридцать-сорок ярдов, но на всем протяжении довольно мелкий. Примерно в шестидесяти ярдах за ручьем главная дорога сворачивает влево, образуя тупой угол; в то время как другая, поменьше, уходит вправо от того же места.

Силы Союза насчитывали шесть тысяч военнослужащих, артиллерию, кавалерию и пехоту, все под командованием генерал-майора Дж. Г. Фостера, непосредственное командование осуществлял генерал Джон П. Хэтч. Первая бригада под командованием генерала Э. Э. Поттера состояла из Пятидесят шестой и Сто Сорок четвертой частей Соединенных Штатов, Двадцать пятой части штата Огайо и Тридцать четвертой и Тридцать пятой частей Соединенных Штатов

(цветных). Вторая бригада под командованием полковника А. С. Хартвелла состояла из Пятьдесят четвертого и Пятьдесят пятого Массачусетских, а также Двадцать шестого и Тридцать второго американских (цветных). Полковник Э. П. Хэллоуэлл из пятьдесят четвертого Массачусетского полка, несмотря на его явное желание, был оставлен командовать островами Моррис и Фолли. Как и в битве при Олустее, враг был встречен небольшими силами примерно в трех-четыре милих от своей базы. Силы Союза приблизились к форту по левой дороге, которая привела их к вражеским орудиям, направленным вниз по склону холма, который также находился ниже по дороге.

Тридцать второму цветному полку Соединенных Штатов было приказано атаковать форт повстанцев; он занял позицию в начале дороги. Они попытались, но застряли в болоте, которое в момент атаки сочли непроходимым; и после того, как по ним открыли яростный огонь из картечи, картечниц и мушкетов, они были вынуждены отступить.

Тридцать четвертый цветной полк Соединенных Штатов также предпринял попытку штурма, но не смог подойти достаточно близко, чтобы оказать на него какое-либо воздействие. Эти полки, однако, лишь отступили на линию фронта, где и оставались на протяжении всего сражения.

Пятьдесят пятый Массачусетский (цветной) вступил в бой справа от бригады под командованием полковника Хартвелла. Огонь стал очень жарким, но полк по-прежнему не дрогнул, линия фронта лишь дрогнула. Капитан Горо из штаба генерала Фостера, чья храбрость весь день бросалась в глаза, подъехал как раз в тот момент, когда полковник Хартвелл был ранен в руку, и посоветовал ему удалиться; но полковник отказался.

Полковник Хартвелл отдал приказ; знамена выдвинулись вперед, когда полковник крикнул: "Следуйте за своими знаменами!" Горн протрубил сигнал к атаке, и затем полковник сам двинулся вперед.

После неудачной атаки Пятьдесят четвертого и пятьдесят пятого Массачусетских полков Пятьдесят пятый полк был выстроен в колонну по ротам и снова трижды прошел маршем по узкой дамбе под огнем вражеских батарей и ружейного огня.

Капитан Крейн из Пятьдесят пятого Массачусетского, чья рота была оставлена отвечать за форт Делафилд на острове Фолли, но который по собственной просьбе перешел в качестве адъютанта к полковнику Хартвеллу, был, как и полковник, верхом.

Как только они достигли болота перед поворотом дороги и оказались недалеко от укреплений повстанцев, лошадь храброго полковника Хартвелла, с трудом пробиравшуюся по грязи, буквально разорвало на куски выстрелом из канистры.

В то же время полковник был ранен и попытался спрыгнуть с лошади, но животное упало на него, вдавив в грязь. В это время он ехал сбоку от колонны, и люди проскакали мимо; но когда они приблизились к форту, то встретили убийственный огонь картечью, картечными картечницами и пулями с близкого расстояния. По мере того как численность наступающих редела, те немногие, кто выжил, начали колебаться, и в конце концов полк отступил.

Отступая, лейтенант Эллсворт и еще один человек из пятьдесят пятого Массачусетского пришли на помощь полковнику Хартвеллу и, несмотря на его протесты, что они должны

предоставить его судьбе и позаботиться о себе сами, сняли его с лошади и унесли с поля боя. Но прежде чем он оказался полностью вне зоны действия вражеского огня, полковник был снова ранен, а храбрый рядовой, оказывавший помощь, был убит, и еще один героический человек погиб.

Двадцать пятый полк "Огайо" вскоре после начала сражения был направлен вправо, где они развернулись и сражались на линии, почти перпендикулярной нашему основному фронту. С ними была часть пятьдесят пятого Массачусетского. Были предприняты одна или две атаки, но безуспешные; но фронт удерживался там в течение всего дня. Двадцать пятый полк понес самые большие потери из всех полков.

Цветные войска хорошо сражались в течение всего дня. Во время боя противник в разное время предпринимал контратаки, но наша пехота и артиллерия косили их, и они ни разу не приблизились к нашим позициям. Всякий раз, когда атака наших людей была отбита, мятежники бросали свои укрепления, улюлюкая, как индейцы; но орудия Эймса и ужасные залпы нашей пехоты отбрасывали их назад. Морская бригада вела себя великолепно.

Пятьдесят четвертый массачусетский полк, герои всех тяжелых боев, происходивших в департаменте, были слишком разбросаны в этой битве, чтобы отдать себе полную справедливость. Сначала в бой вступили только две роты под командованием подполковника Хупера. Они были размещены слева. Впоследствии к ним присоединились еще четыре роты, которые были оставлены дежурить в тылу.

В этой битве произошло много сцен, которые дали бы художнику богатый материал. В разгар боя снаряд разорвался среди цветного караула, тяжело ранив цветного сержанта Ринга, который впоследствии был убит пулей. Рядовой Фитцджеральд из роты D., Пятьдесят пятой Массачусетской, был тяжело ранен в бок и ногу, но остался на своем посту. Майор Натт, видя его состояние, приказал ему отойти в тыл. Человек повиновался, но вскоре майор увидел, что он вернулся, и резко приказал: "Ступай в тыл и перевяжи свои раны". Человек снова подчинился приказу, но через несколько минут майор увидел еще кого-то с носовым платком, повязанным вокруг ноги, заряжающего и стреляющего. Майор сказал нашему информатору: "Я думал, что позволю ему остаться".

Как и Пятьдесят четвертый в Олустиэ, Пятьдесят пятый был последним полком, покинувшим поле боя и прикрывавшим отступление у Хани-Хилл.

Будет просто справедливости ради в адрес Пятьдесят пятого Массачусетского полка сказать, что у Хани-Хилл он занимал самую опасную позицию на протяжении почти всего сражения.

Трижды эти героические люди поднимались на холм почти к батареям и столько же раз были отброшены назад страшным ураганом картечи и снарядов; менее чем за полчаса было убито более сотни человек. Велики были его потери; и все же он оставался в проломе, в то время как наша превосходящая по численности армия сражалась с врагом на его собственной земле и в крепости, выбранной им самим.

Чем доблестный Пятьдесят четвертый Массачусетский был в битве при Оласти, тем Пятьдесят пятый был при Хани-Хилл.

Никогда самопожертвование как офицеров, так и рядовых не было более очевидным, чем в этом случае; никогда люди не смотрели смерти в лицо так спокойно. Посмотрите на неустрашимого и героического Хартвелла во главе своего полка и услышьте, как он кричит: “Следуйте за своими знаменами, мои храбрые люди!” и с обнаженным мечом ведет свой доблестный отряд. Его лошадь по колено увязла в густой грязи. Всадник, уже раненный, снова поражен осколком снаряда, но остается в седле; в то время как резвое животное, барахтающееся в трясине и мечущееся по сторонам, привлекает внимание храбрецов, которые нетерпеливо устремляются вперед, чтобы встретить врага, отвоевать утраченные позиции и одержать победу или, по крайней мере, спасти маленькую армию от поражения. Еще мгновение - и он убит; и храбрый Хартвелл пытается спрыгнуть со своего коня, но слишком слаб. Лошадь, отчаянно сопротивляясь, падает на своего всадника, и оба оказываются погребенными в грязи. Храбрый капитан Крейн, адъютант, убит и падает с лошади рядом со своим полковником. Лейтенант Бойнтон, подгоняя своих людей, погибает. Лейтенант Хилл ранен, но все еще остается на своем месте. Капитаны Соул и Вудворд оба ранены, но все же сохраняют командование. Кровь обильно течет изо рта лейтенанта Джуэтта; но он не покидает свою роту. Старший сержант Троттер ранен, но все еще сражается. Сержант Шортер ранен в колено, но в тыл не пойдет. Снаряд оторвал ногу сержант-майору Чарльзу Л. Митчелу; и когда его уносят в тыл, он кричит, подняв руку: “Не унывайте, ребята, мы никогда не сдадимся!” Но посмотрите вперед: там есть знамена, и первым среди их знаменосцев является Роберт М. Кинг, молодой, красивый и благородный сержант, чья молодость и храбрость привлекают всеобщее внимание. Едва ли старше двадцати лет, хорошо образованный, он покинул хороший дом в Огайо, чтобы последовать за военной удачей и отдать свою жизнь за спасение своей расы. Враг наводит свои пушки на знамена, слышен грохот пушек и треск ружей, передовой флаг падает, героический король убит; нет, он не мертв, а только ранен. Товарищ-сержант хватается за знамя, но знаменосец не отдает его. Он встает, высоко поднимает старое знамя одной рукой, а другой прижимает к ране в боку, чтобы остановить кровь. “Выдвиньте знамена!” - кричит командующий. Храбрый король, хотя и перепачканный собственной кровью, первым выполняет приказ. Когда он идет вперед, пуля проходит ему в сердце, и он падает. Другой выхватывает цвета; но они быстры, хватка смерти крепко держит их. Наконец рука разжимается, флаг поднимается на ветру, и безжизненное тело Роберта М. Кинга уносят с поля боя. Это всего лишь правдивый очерк роли, сыгранной одним героическим сыном Африки, о смерти которого оплакивали все, кто его знал. Это всего лишь один из двухсот сорока девяти, упавших на поле Хани Хилл. С печальным сердцем мы отворачиваемся от картины.

Шестой полк цветных войск Соединенных Штатов был вторым, организованным в лагере Уильям Пенн, недалеко от Филадельфии, подполковником Вагнером из восьмидесяти восьмого Пенсильванского добровольческого полка. Полк покинул Филадельфию 14 октября 1863 года с почти восьмью сотнями человек и полным составом офицеров, подавляющее большинство из которых проходили действительную службу в полевых условиях.

Полк подчинялся генерал-майору Б. Ф. Батлеру в крепости Монро и был назначен на службу в Йорктауне, штат Вирджиния, и стал частью бригады (впоследствии получившей столь благоприятную известность) под командованием полковника С. А. Дункана, Четвертой цветной армии Соединенных Штатов. Здесь они трудились на укреплениях и стали тщательно дисциплинированными под руководством своего полковника Джона У. Эймса, бывшего капитана одиннадцатого пехотного полка армии Соединенных Штатов, которому умело помогали подполковник Ройс и майор Кидду. Зимой полк принял видное участие в нескольких

рейдах, совершенных в направлении Ричмонда, и проявил качества, которые вызвали похвалу их офицеров и показали, что на них можно полностью положиться в более опасной работе.

В мае 1864 года полку было приказано перебраться в Кэмп-Гамильтон, штат Вирджиния, где была сформирована дивизия цветных войск, переданная под командование бригадного генерала Хинкса. В экспедиции на реку Джеймс в том же месяце под командованием генерала Батлера участвовала эта дивизия. Белые войска были высажены на Бермудских сотнях. Три полка цветных мужчин были размещены в различных точках вдоль реки. Бригада Дункана высадилась в Сити-Пойнте, где они немедленно приступили к укреплениям. Шестой и Четвертый полки вскоре после этого были переброшены в Спринг-Хилл, в пяти милях от Питерсберга. Здесь они трудились день и ночь на тех земляных работах, которым вскоре предстояло стать ареной действий, которым суждено было войти в историю. Шестой полк вскоре был оставлен в покое из-за переброски Четвертого полка в другой пункт.

29 мая силы повстанцев предприняли атаку на линию пикета, вскоре после этого противник атаковал крупными силами, но не смог отбросить линию пикета на сколько-нибудь значительное расстояние. Четвертому полку было приказано прийти на помощь Шестому; но наши силы были слишком слабы, чтобы было возможно или благоразумно атаковать противника, который ночью отступил, ничего не добившись.

Это был первый опыт людей под настоящим огнем, и они вели себя безупречно. Когда 15 июня были атакованы внешние укрепления вокруг Питерсберга, бригада Дункана встретила повстанцев исослужила хорошую службу, прогнав врага перед собой. В этом бою у нас было много убитых и раненых. Повстанцы искали убежища на своих основных сооружениях, которые носили наиболее грозный характер. Эти оборонительные сооружения были возведены трудом рабов, специально подготовленных для этой цели. Наши войска последовали за ними в их крепость. Белые войска заняли правый фланг; и чтобы привлечь внимание противника, в то время как эти войска маневрировали в поисках выгодной позиции для атаки, цветные солдаты в течение нескольких часов подвергались жесточайшему обстрелу, потеряв при этом несколько офицеров и рядовых. Ближе к ночи бой начался всерьез войсками справа, которые быстро очистили свой участок линии обороны; за этим последовало немедленное наступление цветных войск, Четвертого, Пятого, Шестого и Двадцать второго полков. За очень короткое время мятежники были вытеснены со всей линии фронта; эти полки захватили семь артиллерийских орудий и несколько пленных. За проявленную доблесть в этом бою цветные войска получили весьма лестное уведомление от генерала У. Х. Смита в Общих приказах.

Через несколько часов после вступления в ряды повстанцев наши солдаты были рады видеть ветеранов Потомакской армии, которые в ту ночь сменили наших бойцов на фронте. Один взгляд на мощные сооружения дал новичкам лучшее мнение о боевых качествах негров, чем они рассчитывали; и сразу же установилось хорошее чувство, которое быстро рассеяло большинство существовавших тогда предубеждений против черных; и с того времени и до конца войны негритянский солдат занимал высокое положение в белых войсках.

Проведя некоторое время в Бермудских сотнях, Шестой полк был направлен в Датч-Гэп, штат Вирджиния, где 16 августа они помогли выбить повстанцев с Сигнального холма; генерал Батлер лично возглавил наши войска. Шестой полк внес свою лепту в завершение строительства знаменитого канала Батлера, в течение которого они часто были очень раздражены снарядами повстанцев, которые бросали в них. Поведение солдат во время этих тяжелых сцен делало им

честь. 29 сентября полк продолжил наступление в ходе демонстрации, проведенной Батлером в тот день на Ричмонд. Первую боевую линию образовали Четвертый и Шестой полки; последний вступил в бой с тремя сотнями пятнадцатью солдатами, включая девятнадцать офицеров.

Противник был отброшен с расстояния двух миль от Дип-Боттом к своим укреплениям на Нью-Маркет-Хайтс; Шестой был вынужден пересечь небольшой ручей, а затем открытое поле. Они были встречены ужасающим огнем с укреплений повстанцев; люди падали десятками, но полк все равно шел вперед. Знаменосцы, один за другим, были убиты или ранены, пока вся цветная гвардия не была сметена с поля боя. Двести девять человек и четырнадцать офицеров были убиты и ранены. Немногие поля сражений демонстрировали большую резню, чем это; и ни в одном конфликте ни офицеры, ни солдаты не проявили себя более храбрыми. Капитаны Йорк, Шелдон и лейтенант Мейер были убиты недалеко от укреплений повстанцев. Лейтенанты Пратт, Лэндон и Макэвой впоследствии скончались от полученных ран. Лейтенант Чарльз Филдс, рота А., был убит на передовой: таким образом, рота осталась под командованием первого сержанта Ричарда Картера из Филадельфии, который удерживал ее на передовой позиции в течение всего дня, командуя с мужеством и большими способностями, привлекая особое внимание своей офицерской выправкой. Во время битвы простые солдаты проявили множество примеров непревзойденной храбрости, что доказало, что эти героические люди сражались за свободу своей расы и восстановление Союза, который должен защищать свободу человека независимо от цвета кожи. Ни один полк не сделал больше для искоренения предубеждений против негров, чем патриотический Шестой.

ГЛАВА XLVI. НЕНАВИСТЬ НЕГРОВ К СЕВЕРУ.

Оперативность, с которой цветные мужчины на Севере записывались в армию, чтобы помочь в подавлении Восстания, а также героизм и верность рабов Юга, помогавших спасти Союз, настолько разозлили нелояльных людей в Северных штатах, что они рано начали систему трусливой войны против черных, где бы они их ни находили. Дух мафии впервые проявился на митинге, состоявшемся в Бостоне 3 декабря 1860 года по случаю годовщины смерти Джона Брауна. Группа грубых людей из Норт-Энда и аристократов с Бикон-стрит захватила Тремонт Темпл, место проведения собрания, назначила Ричарда С. Фэя председателем и приняла ряд резолюций в пользу рабовладельцев Юга и осуждающих аболиционистов.

Этот успех побудил этих врагов свободы дискуссий попытаться сорвать собрание Двадцать восьмого Конгрегационалистского общества в Мюзик-Холле в следующее воскресенье, на котором Фредерик Дуглас был докладчиком. Уэнделл Филлипс обратился к тому же обществу в том же месте 19-го числа следующего года, когда дух толпы казался еще более жестоким, чем в любом предыдущем случае. Эти события были еще свежи в умах ненавистников свободы негров, когда 10 июля 1863 года в городе Нью-Йорке началось массовое восстание.

Толпа состояла из самых низших и деградировавших представителей иностранного населения (в основном ирландцев), извлеченных из грязных подвалов и притонов города, погрязших в преступлениях самого низкого пошиба и готовых на любой поступок, каким бы мрачным он ни был; вместе с худшим типом наших местных преступников, чья долгая служба в тюрьмах страны

и обучение в Демократической партии настолько деморализовали их натуру, что они всегда охотились за каким-нибудь ограблением или убийством.

Этой конгломератной массой человеческих существ руководили люди, стоявшие выше их самих в глазах общества, но, по возможности, действительно ниже в моральной деградации. Подбадриваемые людьми, занимающими высокие политические посты, и практически не встречая сопротивления, они продвигались вперед со страшной скоростью.

Никогда в истории насилия толпы преступность не доходила до таких масштабов. Убийства, поджоги, грабежи и жестокость торжествовали по всему городу днем и ночью более недели.

Сотни чернокожих, изгнанных из своих домов, преследуемых по улицам, появлялись у дверей тюрем, СИЗО, полицейских участков и просили впустить их. Так эти изверги рыскали по городу, совершая преступление за преступлением; действительно, с точки зрения жестокости Восстание перекинулось с Юга на Север.

Разрушение Приюта для цветных сирот после того, как сначала у черных детей отобрали одежду, казалось самой бессердечной сделкой.

Во время этого правления террора было убито почти сорок цветных. Некоторых повесили на фонарных столбах, некоторых сбросили с причалов, в то время как других, застреленных, избитых дубинками и разрезанных на куски ножами, видели лежащими мертвыми на улицах.

Несколько мужчин и мальчишек развлекались тем, что отрезали куски плоти от мертвого тела чернокожего мужчины, который был подвешен к фонарному столбу на углу Принс-стрит.

Сотни цветных мужчин и женщин нашли убежище в зданиях, куда можно было попасть, пройдя через “Арку” на Томпсон-стрит. Толпа предприняла несколько безуспешных попыток проникнуть в этот переулок, где в одном из зданий находилась комната площадью примерно тридцать на сорок футов, в центре которой стояла старомодная кухонная плита, верхняя часть которой, казалось, была заполнена котлами, и от всего этого шел пар, полностью заполняя помещение густым туманом. Две лампы с тусклыми дымоходами и свет от огня, который ярко пробивался сквозь сломанные дверцы печи, освещали комнату. Восемь атлетически сложенных чернокожих женщин, выглядевших так, словно они только что вернулись с кукурузного поля в Вирджинии, усталые и голодные, стояли по комнате.

Каждая из этих амазонок была вооружена оловянным ковшиком, явно новым, который, без сомнения, был куплен специально для этого случая. Женщина чрезвычайно крупных пропорций — высокая, длиннорукая, с глубоким шрамом поперек лица и полуулыбкой-полуулыбкой — была главнокомандующей “горячей комнатой”. Эта женщина стояла у плиты с ковшиком в руке и время от времени снимала крышку с большого котла для мытья посуды, который, как мы узнали, был наполнен кипятком, мылом и золой.

В случае нападения этот котел должен был стать “Королем Боли”.

В сопровождении друга, который снабдил нас маскировкой, писатель вошел в “горячую комнату” и осмотрел ее окрестности. Когда мы увидели, как пот струится по лицам этих женщин, мы отважились задать несколько вопросов.

“Вы ожидаете нападения?” - спросили мы.

“Не знаю, милая, но мы готовы, если они придут”, - последовал ответ от тетушки у плиты.

“Вы когда-нибудь были в рабстве?” мы продолжили.

- Да, бин не из дара, но совсем недавно.

- В каком штате?

“Воспитан и рожден в оле Виржини, на де Пертомук”.

- У вас сейчас есть кто-нибудь из ваших родственников в Вирджинии?

— Да, где-то в округе есть шесть чиленов и два мужа - все исключительно для спецслужб, прежде чем я убегу.

- Ты ушел один? - спросил я.

“Нет, мой старый друг проводит меня”.

- Ты же не хочешь, чтобы ловцы рабов забрали тебя обратно с миром?

“Нет, я умру в суете”.

- Как ты справишься, если они попытаются войти в эту комнату?

- Мы все обольем их горячей водой, и скалл дар очень разозлится.

- Вы все можете выплеснуть воду, не поранив друг друга?

“ О да, милая, мы весь день репетируем. И тут вся компания разразилась таким искренним смехом, что старое здание зазвенело.

Сильная жара выгнала нас из комнаты. Спускаясь по ступенькам и проходя мимо охранников, мы заметили одному из них:

- Женщины, похоже, готовы к битве.

“Да, ” ответил он. “ Сегодня вечером уимменс нанял в них дебила, и ошибки быть не может. Они устроят им жаркий ад в дар меху кого-нибудь”.

И тут охранники разразились искренним смехом, который подхватили и к которому присоединились женщины в доме, что очень ясно показывало, что эти чернокожие чувствовали себя хозяевами положения.

Когда толпа предприняла свою последнюю попытку проникнуть в переулок, одному из них, мужчине, распухшему от крепкого алкоголя и осыпавшему “ниггеров” ругательствами, удалось прорваться и направиться в “горячую комнату”, где, как говорят, он внезапно исчез. Ходили слухи, что прачки сделали из его туши мыльный жир.

Обитателей “Арки” больше никто не беспокоил.

ГЛАВА XLVII. КАСТА И ПРОГРЕСС.

Обычно обнаруживается, что в сообществах или странах существует каста среди большинства и против меньшинств. В основе этого лежит некая предполагаемая неполноценность или деградация, присущая ненавистным людям. Однако нет ничего глупее этого предубеждения. Но самая глупая из всех каст - это та, которая основана на цвете кожи; ибо те, кто придерживается ее, не имеют ни единой логической причины, чтобы привести ее в защиту.

Дело в том, что рабство было причиной всех предубеждений против негров. Везде, где с черными плохо обращаются из-за их цвета кожи, это происходит из-за их принадлежности к расе, которая долгое время носила цепи рабства. Есть ли в черном что-то, что следует ненавидеть? Если да, то почему мы видим так много черного в повседневном обиходе в качестве одежды среди всех классов? Действительно, черный предпочитают либо белому, либо цветным. Как часто молодой человек в экстазе говорит о черных глазах и черных волосах своей возлюбленной! Посмотрите на сотни рекламируемых красок для волос, используемых с целью изменения Природы! Посмотрите на мужчин с седыми бородами, выкрашенными в черный цвет; на женщин с этими прекрасными черными локонами, которые еще вчера были белыми, как свежесвыпавший снег! И не только это, но даже те, у кого светлые или рыжие бакенбарды, бегут к красильне, крадут краску, в которой им отказала Природа, и час спустя проклинают негра за цвет лица, который не был украден. Если черный цвет так ненавистен, почему джентльменам не чистят сапоги? Если бы рабы Юга были белыми, против них существовало бы такое же предубеждение. Посмотрите на “бедное белое отребье”, как называют низший класс белых в Южных штатах.

Общее хорошее поведение чернокожих во время Восстания, и особенно помощь, оказанная нашим мужчинам-северянам, бежавшим из тюрем южан, многое сделали для рассеивания предрассудков, столь свирепствующих в свободных штатах. Нижеследующее, написанное пером Джуниуса Генри Брауна, опытного военного корреспондента “Трибюн”, является лишь наглядным образцом того, что говорилось в защиту негров во время великого конфликта. В своей очень интересной работе “Четыре года в Сецессии” он говорит:

“Негр, который проводил нас к железной дороге, рассказал нам о другом человеке его цвета, к которому мы могли бы обратиться за кровом и едой в конечной точке нашего второго этапа. Мы не могли найти его почти до рассвета, а когда нашли, он указал нам на большой амбар, набитый кукурузной шелухой. В нее мы заползли в промокшей одежде и пролежали там пятнадцать часов, пока снова не смогли рискнуть выйти. Барахтаясь в шелухе, мы потеряли наши рюкзаки, трубки и шляпу.

Около девяти часов мы раздобыли обильный ужин у щедрого негра, который даже подарил мне свою шляпу, — подходящий подарок, как заметил один из моих спутников, ‘разумной контрабандой’ надежному джентльмену из ‘Нью-Йорк Трибюн’. Негр дежурил в пикете, пока мы торопливо ели, и стоял у пылающего костра. Старый африканец, и голос, и увлажнившиеся глаза, когда мы расставались с ними с благодарными сердцами. ‘Боже, благослови негров!’ - говорю я искренне. Во время всего нашего плена и после нашего побега они всегда были нашими верными, храбрыми, непоколебимыми друзьями. Мы никогда не обращались к ним с призывом, на который они не отвечали. Они без колебаний оказывали нам услугу, рискуя даже

жизнью, и в самых тяжелых обстоятельствах проявляли героические преданность и дух самопожертвования.

Волшебное слово 'янки' открыло всем их сердца и выявило самые высокие добродетели. Они были невежественны, угнетены, поработочены; но они всегда лелеяли простую и прекрасную веру в дело Союза и его конечный триумф и никогда не бросали и не отворачивались от человека, который искал пищу или кров на своем пути к свободе”.

В мае 1864 года правительство Соединенных Штатов добилось большого прогресса в обращении с цветными войсками. Обстоятельства были более благоприятными для этого изменения, чем до сих пор. Рабство было отменено в округах Колумбия, Мэриленд и Миссури. Героический штурм форта Вагнер, непревзойденная храбрость, проявленная при Порт-Гудзоне, великолепные бои при Олустиэ и Хани-Хилл, подняли цветное население в глазах нации. Президент Линкольн и его советники увидели свою ошибку и начали исправлять ее. Год начался с назначения доктора А. Т. Огасты, цветного джентльмена, хирургом цветных добровольцев, и он сразу же был назначен на службу в звании майора. Вслед за этим губернатор Массачусетса Эндрю назначил сержанта Стивена А. Суэйлса из роты F. Пятьдесят четвертого Массачусетского полка вторым лейтенантом.

М. Р. Делани, доктор медицины, вскоре после этого был назначен майором негритянских добровольцев и направлен на службу в Чарльстон, Южная Каролина. Примерно в то же время У. П. Пауэлл-младший получил назначение хирургом.

Пароходом “Плантатор”, с тех пор как Роберт Смолл вывел его из Чарльстона, командовал янки, которому было приказано нести службу там, где судно могло попасть под огонь орудий повстанцев, и который отказался повиноваться; после чего подполковник Элвелл, без консультации с какой-либо вышестоящей властью, издал приказ, назначив Роберта Смолла командиром "Плантатора".

Признание гражданских прав негра уже было получено в результате допуска Джона С. Рока, цветного мужчины, к юридической практике во всех округах, входящих в юрисдикцию Соединенных Штатов. Джон Ф. Шортер, получивший звание лейтенанта в роте D Пятьдесят пятого Массачусетского полка, по профессии был плотником и проживал в округе Делавер, штат Огайо, когда был объявлен призыв в цветные войска. Тяжело раненный в битве при Хани-Хилл, Южная Каролина, 30 ноября 1864 года, он все еще оставался в своем полку, надеясь быть полезным.

По окончании войны он вернулся домой, но так и не оправился от ранения и умер через несколько дней после прибытия. Джеймс Монро Троттер, получивший повышение за храбрость, был ранен в битве при Хани-Хилл. Он уроженец Гранд-Галфа, штат Миссисипи; переехал в Цинциннати, штат Огайо; получил образование в Университете ручного труда Олбани (штат Огайо), где отличился своими научными достижениями. Впоследствии он стал школьным учителем, и эту должность он занял с удовлетворением для жителей округов Маскингем и Пайк, штат Огайо, и с честью для себя. Поступив рядовым в Пятьдесят пятый Массачусетский полк, после его организации, он вернулся с ним в Бостон в звании лейтенанта - чин, заслуженный с честью.

Уильям Х. Дюпри, уроженец Питерсберга, штат Вирджиния, вырос и получил образование в Чилликоуте, штат Огайо. Он поступил рядовым в Пятьдесят пятый Массачусетский полк при его

формировании, вскоре был произведен в ординарцы-сержанты, а затем произведен в лейтенанты за храбрость на поле боя.

Чарльз Л. Митчел, произведен в лейтенанты Пятьдесят пятого Массачусетского полка за доблесть в битве при Хани-Хилл, где был тяжело ранен (потерял конечность), уроженец Хартфорда, штат Коннектикут, и сын Уильяма А. Митчелла из этого города. Лейтенант Митчел проходил стажировку у Уильяма Х. Берли в офисе старого “Чартерного дуба” в Хартфорде, где он стал отличным печатником. В течение пяти или шести лет, предшествовавших поступлению в армию, он работал в различных типографиях Бостона, последней из которых была “Освободительница” под редакцией Уильяма Ллойда Гаррисона, который никогда не упоминает о лейтенанте Митчеле иначе, как в выражениях высочайшей похвалы. Генерал А. С. Хартвелл, покойный полковник Пятьдесят пятого Массачусетского полка, с почетом упоминает лейтенанта Митчелла.

В 1867 году мистер Митчел был избран в законодательное собрание Массачусетса от шестого округа в Бостоне. Назначение Джона М. Лэнгстона на должность в Бюро Фризмана показало прогресс.

Однако избрание Э. Д. Бассетта министром и генеральным консулом в Хейти удивило даже тех, кто был самого благоприятного мнения о президенте Гранте, и удовлетворило людей в целом, как цветных, так и белых. После окончания войны цветные мужчины были назначены на почетные должности в таможнях различных штатов, а также в Почтовом отделении и Налоговом департаменте.

ГЛАВА XLVIII. АБОЛИЦИОНИСТЫ.

Чуть более сорока лет назад Уильям Ллойд Гаррисон поднял знамя немедленной и безоговорочной эмансипации как права раба и обязанности хозяина. Мужчины и женщины, которые постепенно сплотились вокруг него, полностью осознали серьезную ответственность, которую они тогда брали на себя, и, казалось, были готовы посвятить лучшие годы своей жизни делу свободы человека. Среди морального и политического мрака, который тогда окутал страну, голос человечества, наконец, был слабо услышан и вскоре вызвал противодействие; ибо рабство пустило корни и укоренилось в каждой клеточке американского общества. Заключение мистера Гаррисона в тюрьму в Балтиморе сразу привлекло внимание общественности к отвратительному греху, на который он нападал, и собрало вокруг него самых чистых и лучших людей страны.

Бостонская мафия 1835 года дала импульс волнениям и оказала новую помощь пионеру движения. Затем началась великая битва за свободу слова и печати; битва, в которой героизму этой небольшой группы запрещенных мужчин и женщин было достаточно места, чтобы проявить свой гений и способности. Смелость и кажущаяся дерзость, с которой они нападали на рабство в каждом уголке, где нашло убежище чудовище, даже перед лицом линчеваний, беспорядков и убийств, несла в себе очарование, которое вызывало аплодисменты в сочувствующих сердцах по всему миру, и показывало, что американские аболиционисты

обладали упорством и отвагой, которые никогда не находили аналогов в анналах прогресса и реформ.

Весной 1859 года мы присутствовали на заседании Исполнительного комитета Американского общества борьбы с рабством, как оно было тогда организовано, и мы напишем о членах так, как они выглядели в то время. Комитет состоял из двенадцати человек, помимо председателя, и сидел за длинным столом. Во главе стола сидел Уильям Ллойд Гаррисон, председатель Правления и признанный лидер движения. Его высокий и выпуклый лоб, проницательный взгляд, приятное, но встревоженное выражение лица, длинный нос и улыбка на губах сразу указывают на него как на человека, рожденного руководить.

Почтение, с которым к нему относятся его коллеги, показывает, что они высоко ценят его способности и моральную ценность. Нежный и непорочный в своих семейных привязанностях, преданный своим друзьям, простой и прилежный, честный, бесхитростный, выдающийся и достойный, подобно великим людям древности, быть увековеченным другим Плутархом. Как оратор он убедителен, ясен и логичен; как писатель он всегда считался одним из самых способных в нашей стране. Сколько услуг, которые никогда не следует забывать, он не оказал делу защиты рабов и благосостоянию человечества.

Многие из тех, кто начинал вместе с ним в юности, когда он стал мужчиной, когда он покинул свой дом в Ньюберипорте, были унесены прочь, как плавающая древесина перед приливом.

Когда самые стойкие характеры уступали место, когда лучшие гении один за другим попадали под ярмо рабства, Гаррисон оставался тверд в своих убеждениях, подобно скале, которая неподвижно стоит среди противоречивого волнения волн. Он не только друг и защитник свободы своим пером и языком, но и для угнетенных из любого региона открывает свой кошелек, свой дом и свое сердце. В былые дни беглый раб, только что вышедший из тюрьмы на Юге, которого отверг политик, и испытавший холодное плечо божественного, нашел теплую постель и завтрак под гостеприимной крышей Уильяма Ллойда Гаррисона.

Общество, исполнительный комитет которого сейчас заседает, пользуется немалым влиянием в Соединенных Штатах. Ни у кого не было более злейших врагов или более верных друзей, чем у мистера Гаррисона.

Среди его друзей есть те, кто поставил бы все на его правдивость и неподкупность; и мы уверены, что цветные люди по всей Америке, на благо которых он так долго трудился, единодушно отведут самую высокую нишу в своих привязанностях поборнику всеобщей эмансипации. Это не панегирик, поскольку никакие наши слова не прибавили бы веса перышку к всемирной славе Уильяма Ллойда Гаррисона; но мы просто хотим выразить признательность благодарного негра самому выдающемуся другу своей расы.

Справа от председателя сидел Уэнделл Филлипс, самый талантливый оратор Америки. Он немного выше среднего роста, хорошо сложен и удивительно грациозен лицом. Его золотистые волосы теперь редеют и меняют свой цвет, и его юношеский вид исчез; но он не уступает возрасту и находится в полном расцвете своих сил. Потомок одного из старейших и наиболее образованных сыновей Новой Англии; получил образование в первом университете; окончил его со всеми почестями, которыми колледж мог его наградить; изучал юриспруденцию у судьи Стори и стал членом коллегии адвокатов; он обладает всеми достижениями, которые эти преимущества могут дать человеку большого ума.

Природа отнеслась к мистеру Филлипсу как к своему любимцу. Его выразительное лицо рисует и отражает все эмоции его души. Его жесты, как и манера держаться, удивительно грациозны. В мягком взгляде его глаз есть очарование, которым никто не может не восхищаться. Будучи прилежным учеником и наделенный от Природы цепкой памятью, он снабжает себя самыми сложными датами и историческими событиями. Ничто не может превзойти разнообразие его материала. Он извлекает из предмета все, что в нем содержится, и делает это так, как не может никто, кроме Уэнделла Филлипса. У него прекрасный музыкальный голос, и он рассчитан на то, чтобы привлекать внимание, где бы его ни услышали. Это человек спокойной отваги, с патриотическим и горячим сердцем, с самым мягким характером, совершенно естественной принципиальностью, свободой от честолюбия и совершенно исключительной скромностью.

Его речи по каждому предмету, на который он выступал, будут выгодно отличаться от всего, что когда-либо произносили Питт или Шеридан в их лучшие дни. Ни об одном американце так охотно не сообщают в Европе о том, что он говорит с трибуны, как о мистере Филлипсе. Его призыв к независимости Крита был распространен на языке Демосфена и Исократа по Греции и ее островам и достиг ушей горцев Крита, от имени которых он говорил.

Но мы любим писать о нем именно из-за борьбы с рабством. Как оратор на этой платформе, он никогда не имел равных; и то благо, которое он оказал рабу своими красноречивыми речами, невозможно оценить.

Учитывая его положение в обществе, его таланты и перспективы, когда в юности он вступил в ряды запрещенных и ненавистных аболиционистов, мы считаем, что мистер Филлипс принес на алтарь свободы больше, чем любой другой из ныне живущих людей.

По другую сторону стола от мистера Филлипса сидит Эдмунд Куинси, зрелый ученый, высокообразованный джентльмен и интересный писатель. Хотя он и не такой красноречивый оратор, как его друг Филлипс, он тем не менее непоколебим в своей принципиальности. Он один из лучших председательствующих, которых может произвести Новая Англия.

Чуть дальше, на той же стороне, живет Фрэнсис Джексон. Его спокойное римское лицо, крупные черты, хорошо развитая голова и крепкое телосложение сразу говорят о том, что это мужественный человек. Он был одним из первых, кто встал на сторону мистера Гаррисона; и когда толпа в 1835 году разогнала митинг против рабства, организованный дамами, мистер Джексон с моральным мужеством, равного которому едва ли когда-либо было, вышел вперед и предложил им свое частное жилище для проведения собрания.

Еще дальше, на той же стороне, сидит Мария Уэстон Чэпмен, начитанная и образованная леди, глава и сердце антирабовладельческого базара. Многих влиятельных женщин убедили принять участие в Базаре и Фестивале подписки исключительно благодаря искреннему красноречию и утонченному обаянию миссис Чэпмен. Рядом с ней сидит ее одаренная младшая сестра Энн Уоррен Уэстон. На противоположной стороне стола - Сэмюэл Мэй-младший, способный и эффективный генеральный агент Общества. Его настойчивости, трудолюбию, джентльменским манерам и здравому смыслу Общество во многом обязано своим успехом. На заре движения мистер Мэй оставил кафедру и высокую зарплату, чтобы посвятить свое время делу, к которому давно было приковано его сердце. Мистер Мэй - серьезный оратор и никогда не выходит на трибуну, если ему не есть что сказать. Он простой, невзрачный и один из лучших друзей. Писателю посчастливилось быть связанным с ним в течение ряда лет; и он никогда не

оглядывается назад, на те дни, кроме как с наилучшими чувствами и глубочайшим уважением к моральному облику и христианским достоинствам Сэмюэля Мэя-младшего.

Недалеко от мистера Мэя сидел Чарльз Ф. Хови, знатный торговец с Саммер-стрит, простой, честный, откровенный человек, чье сердце ощущало несправедливость угнетенных так остро, как если бы он сам принадлежал к этой расе. Собравшись с тех пор на свой небесный покой, он завещал крупную сумму денег на продолжение борьбы за свободу негров. Дальше по столу сидела Элиза Ли Фоллен, чьи стихи в защиту свободы так часто звучали на наших съездах против рабства. Сидни Ховард Гэй, блестящая писательница, редактор органа Общества, заняла место рядом с миссис Фоллен. Невысокого телосложения, с тонкими чертами лица и приятным голосом, его всегда слушают с заметным вниманием. Мистер Гэй - джентльмен во всех смыслах этого слова.

Ближе к концу стола - Уильям И. Боудич, способный ученый, зрелый юрист, преданный друг свободы. И, наконец, Чарльз К. Уиппл, "К. К.У." из "Освободителя" и "Севера" из "Антирабовладельческого стандарта". Более сильного исполнительного совета для достижения великой моральной цели, вероятно, никогда не существовало. Это были мужчины и женщины, которым публика в отдельности доверяла за прямоthu характера.

На этом мероприятии также присутствовали пять человек, которые не были членами правления, но чьи долгие и кропотливые труды дали им право занять места за столом. Это были Сэмюэл Дж. Мэй, Лидия Мария Чайлд, Джеймс и Лукреция Мотт и Томас Гаррет; и о них мы сейчас упомянем.

Родившийся в Бостоне, получивший образование в ее непревзойденных школах, выпускник Гарвардского университета, глубоко проникнутый духом и учениями великого лидера нашего спасения и филантроп по натуре, Сэмюэл Дж. Мэй был привлечен на сторону мистера Гаррисона силой симпатии. Он был членом Филадельфийского конвента в 1833 году, при создании Американского общества борьбы с рабством, и его имя внесено в бессмертную "Декларацию чувств", написанную Гаррисоном, его другом на всю жизнь. Когда Пруденс Крэндалл была заключена в тюрьму в Кентербери, штат Коннектикут, за преступление, заключающееся в обучении цветных девочек чтению, ее самым близким другом был Сэмюэл Дж. Мэй. Он защищал преследуемую женщину и стоял рядом с ней, пока она не была освобождена. Несмотря на то, что мистер Мэй был тесно связан со своими обязанностями проповедника Евангелия, он отдавал много своего времени делу защиты рабов. Как оратор он всегда был интересен, потому что его добрый дух и любящая натура снискали ему благосклонное отношение всех, с кем он соприкасался. Как аболиционист, никто не был более правдивым, более бесстрашным. Его дом долгое время был пристанищем беглых рабов, проезжавших через Сиракузы, штат Нью-Йорк, и его церковь всегда была открыта для лектора, выступающего против рабства, когда другие были закрыты для него.

Лидия Мария Чайлд рано встала на сторону поработенных негров. Ее зарисовки некоторых интеллектуальных персонажей этой расы появились более тридцати лет назад и произвели немалую сенсацию благодаря смелости, с которой она отстаивала равенство чернокожих мужчин.

Джеймс и Лукреция Мотт были одними из первых в Пенсильвании, кто встал на сторону мистера Гаррисона в защиту свободы негров. Они были аболиционистами во всех смыслах этого слова,

даже в том, что касалось их одежды и продуктов питания, поскольку они были одними из первых, кто поощрял внедрение товаров свободного труда как средства ликвидации рабства путем снижения стоимости продуктов тяжелого труда рабов. Как оратор миссис Мотт, несомненно, была самой красноречивой женщиной, которую когда-либо рождала Америка. Обладая высококультурным и рефлексивным умом, досконально знакомая со страданиями негров, ненавидящая все, что отдавало угнетением, будь то религиозным или политическим, и обладающая умом и мужеством, миссис Мотт всегда слушала речи с самым пристальным вниманием и величайшим интересом.

Мистер Мотт почти не принимал участия в общественных собраниях, но его предложения по работе комитетов и советы в целом были надежными. Он щедро делился своими средствами и поддерживал каждое движение своей благородной жены.

Томас Гарретт был аболиционистом с юности; и хотя великое старое дело насчитывало среди своих сторонников поэтов, мудрецов и государственных деятелей, в его рядах не было более преданного работника, чем Томас Гарретт. Работа этого хорошего человека проходила в Делавэре, одном из самых захудалых штатов Союза, и услуги, которые он оказал свободному цветному населению этого штата в их усилиях подняться над предрассудками, проявляемыми против их расы, невозможно оценить.

Но именно как друг раба, спасающегося от своего угнетателя, мистер Гарретт был наиболее широко известен. Более сорока лет он посвятил тому, чтобы помогать беглому рабу обрести свободу.

Мы писали об исполнительных директорах самого радикального крыла движения против рабства, но была еще одна группа, чьи труды были, по возможности, более тяжелыми и заслуживали такой же похвалы, как и все, кого мы упомянули.

Это были агенты, читавшие лекции, мужчины и женщины, которые выполняли полевую службу - самую трудную часть всей работы. Они ходили из города в город и от селения к селению, настаивая на требованиях раба к его свободе; изрекая истины, к которым люди не были готовы, и получая взамен тухлые яйца, палки, камни и осуждение общественности в целом. Многие из этих работников не просили и не получали никакой компенсации; некоторые отдавали свое время и оплачивали свои расходы самостоятельно, довольные возможностью работать на благо человечества.

В первых рядах этой героической и бесстрашной группы стояла Эбби Келли Фостер, Жанна д'Арк из движения против рабства. Рожденная, как мы полагаем, в Обществе Друзей и сохранившая в значительной степени серьезность раннего воспитания, убежденная в отвратительности рабства, она отбросила комфорт, непринужденность и все остальное в сторону и отдалась, в расцвете юной женственности, защите права негра на его свободу. Впервые мы встретились с миссис Фостер (тогда еще мисс Келли) около тридцати лет назад в Буффало, штат Нью-Йорк, и впервые прослушали лекцию против ненавистной системы, от которой мы так недавно сбежали.

Несколько выше обычного роста, худощавая, но хорошо сложенная, с тонко развитым лбом и приятным лицом, с яркими глазами, чистым голосом, немного нервными жестами и простой манерой одеваться, миссис Фостер в тот раз произвела глубокое и неизгладимое впечатление на слушателей. Реалистичные картины, которые она нарисовала о беспомощном состоянии

своих закованных в цепи сестер, вызвали слезы у многих на глазах, и когда она потребовала, чтобы эти цепи были разорваны, они ответили бурными аплодисментами.

Как оратор миссис Фостер логична, убедительна; переходит от иронии к серьезным аргументам. Ее иллюстрации, анекдоты и цифры всегда по существу. Она остра на реплики. На заре движения ее считали очень способной вести дискуссии. В Буффало, где мы впервые услышали ее, она избивала одного из наших самых способных юристов, пока он не признал этот факт под громкие аплодисменты. Миссис Фостер временами бывала резка, но не жестче правды. Она бескомпромиссна и всегда надежна на публичных собраниях, где обсуждаются вопросы реформирования. Эта дама отдала лучшие годы своей полезной жизни выкупу негра из рабства.

Мы вполне можем предоставить Стивену С. Фостеру место рядом с его благородной женой. Он тоже встал на сторону рабовладельцев на заре распространения этой темы и сразу же стал одним из самых способных ее защитников. В качестве лектора он делал больше, чем кто-либо другой. Мистер Фостер был самым непопулярным из всех агентов по борьбе с рабством; и просто потому, что он “рубил до упора”, не заботясь о том, в чье лицо летят щепки. Он всегда был как дома, участвуя в дискуссиях, и горе тому человеку, который попадал к нему в руки. Его изложение темы часто поражало слушателей, и даже его лучшим друзьям и коллегам иногда казалось, что он преувеличил вопрос. Но он всегда с лихвой подтверждал то, что сказал в самом начале. В личной жизни он почти безупречен; общеизвестно честен, заслуживает доверия и верен во всех своих делах, обладая, по мнению его соседей, высокими моральными качествами.

Паркер Пиллсбери начал свою деятельность в качестве защитника свободы примерно в то же время, что и мистер Фостер, и благородно сражался за угнетенных.

Чарльз Л. Ремонд был, как мы полагаем, первым цветным человеком, выступившим с трибуны в качестве постоянного лектора по борьбе с рабством, и, без сомнения, был самым способным представителем этой расы до появления Фредерика Дугласа в 1842 году. Мистер Ремонд больше гордился собой как представителем образованного свободного цветного человека и часто ссылался на тот факт, что в его жилах “не текло ни капли рабской крови”. Мистер Ремонд почти не отличается оригинальностью, но его выученные ораторские способности и прекрасное владение языком, а также то, что он цветной человек, всегда привлекали к нему внимательное слушание. Но гений и оригинальность Фредерика Дугласа, а также его незаурядное красноречие затмили Ремонда и отбросили его в тень. Это настолько огорчило последнего, что он так и не оправился от этого и даже в настоящее время пренебрежительно отзывается о своем давнем друге и соратнике. Однако оба этих джентльмена многое сделали для отмены американского рабства.

Заметным среди защитников свободы почти с самого ее рассвета и до конца был Чарльз К. Берли, преданный друг человечества. Природа щедро осыпала мистера Берли своими дарами, но все они были дарованы его голове и сердцу. Существует своего рода красноречие, которое оплетает слушателя своей нитью и постепенно втягивает его в свою паутину, завораживая его своим взглядом, опутывая его, как паук муху, пока он не станет быстрым. Таково красноречие Чарльза К. Берли. Как спорщик, он, несомненно, самый способный из тех, кто встал на сторону раба. Если бы он не говорил так быстро, он был бы равен Уэнделлу Филлипсу; если бы он не доказывал, что его предмет не существует, он бы превзошел его. Сайрус М. Берли также

сослужил хорошую службу делу борьбы с рабством в качестве лектора и редактора “The Pennsylvania Freeman”.

Если Люси Стоун пришла на работу не так рано, как некоторые из тех, о ком мы упоминали, она принесла с собой серьезность и энтузиазм, которые обеспечивали ей внимательную аудиторию, где бы она ни выступала. Ростом ниже среднего, волосы обычно коротко подстрижены, круглое лицо, сверкающие глаза, некрасивая, но приятная на вид, всегда просто одетая, ни одного доллара на бриллианты, но с сердцем, болеющим за человечество, Люси Стоун сразу же стала одной из самых популярных выступающих против рабства. Ее аргументы убедительны, ее призывы патетичны, ее язык прост и порой классичен. Она готова к дебатам, богата иллюстрациями, красноречива в изложении и волнует прихожан так, как это удается немногим.

В настоящем, серьезном труде, как лидер корпуса агентов реформаторского движения, Сьюзан Б. Энтони мало равных. Как оратор, она полна фактов и иллюстраций, а порой и по-настоящему красноречива. На Сьюзен всегда можно положиться; и если кто-то из ее попутчиков цветной, ее ястребиный глаз всегда на чеку, чтобы не ущемить их права из-за цвета лица. Смуглая кожа писательницы тщательно проверила выдержку мисс Энтони несколько лет назад в Кливленде, штат Огайо; но при взвешивании у нее не обнаружили недостатков. В тот раз она нашла надежного покровителя в лице нашего способного и красноречивого друга Аарона М. Пауэлла. Эти двое, подкрепленные сильным голосом и искренними словами Эндрю Т. Фосса, привели владельца гостиницы в чувство; и писателю разрешили сесть за обеденный стол и поесть с белыми людьми. Мистер Пауэлл в течение нескольких лет был единственным редактором “Антирабовладельческого стандарта” и как редактор и оратор оказал неоценимую услугу делу свободы негров. Эндрю Т. Фосс покинул свою кафедру около двадцати лет назад, чтобы посвятить все свое время обсуждению принципов свободы, где его труды были высоко оценены.

Салли Холли заняла важную нишу на платформе борьбы с рабством. Ее ортодоксальное прошлое, ее знание Священного Писания, ее полные молитвы и красноречивые призывы принять ее в церкви, когда многим другим было отказано; и все же она была бескомпромиссна, как истина.

Оливер Джонсон отдал свою молодость делу защиты негров, когда быть аболиционистом стоило дороже слов. В первые дни движения он был одним из самых усердных тружеников; и как лектор, и как писатель, который был у этого дела. Мистер Джонсон - убедительный рассуждатель, глубокий мыслитель, готовый к дебатам, опытный писатель и красноречивый оратор. Время от времени он редактировал “Вестник свободы”, “Антирабовладельческий стандарт” и “Антирабовладельческий горн”; и во все времена был одним из самых бескомпромиссных и надежных представителей “Старой гвардии”.

Генри К. Райт также был одним из первых приверженцев доктрины всеобщей и немедленной эмансипации и отдал этому делу лучшие годы своей жизни.

Джайлс Б. Стеббинс, зрелый ученый, острый мыслитель, серьезный и способный оратор, преданный тому, что он считает правильным, на протяжении многих лет был одним из самых неутомимых защитников свободы.

Из тех, кто время от времени добровольно предлагал свои услуги бесплатно, мало кто нанес более сильный удар по старой Бастилии рабства, чем Джеймс Н. Баффам, человек из народа,

чьи способности были оценены и признаны его избранием мэром его собственного города Линн.

Джеймс Миллер Макким был одним из подписавших Декларацию чувств в Филадельфии в 1833 году и с тех пор всегда отдавал свое сердце и свой труд делу защиты рабов. В течение многих лет мистер Макким был ведущим человеком в Обществе по борьбе с рабством в Пенсильвании, его работа была тяжелой, но он никогда не уклонялся от своих обязанностей. Он ученый, начитанный и хороший оратор, только немного нервничает. Его круглое лицо указывает на настойчивость, которая не дрогнет, и честность, которая не разочарует. Он всегда пользовался доверием аболиционистов по всей стране и считается человеком с высокими моральными качествами. О подземной железной дороге, проходящей через Пенсильванию, мистер Макким знает больше, чем кто-либо другой, за исключением Уильяма Стилла.

Мэри Грю, благодаря ее усердному труду, неутомимой активности и поистине красноречивым речам, слушали с большим интересом, где бы она ни выступала. Более ревностного и способного друга у раба никогда не было в Пенсильвании.

Лукреция Мотт, самая красноречивая женщина, когда-либо рожденная Америкой, всю жизнь была убежденной аболиционисткой самого прямого толка. В течение многих лет ее одежда, еда и даже бумага, на которой она писала свои письма, были продуктами бесплатного труда. Тридцать лет назад мы видели, как миссис Мотт достала из кармана маленький бумажный пакетик, наполненный сахаром, и подсластила свой чай. Затем мы узнали, что она всегда так поступала во время путешествий, чтобы быть уверенной в бесплатном употреблении сахара.

Френолог назвал бы ее голову безупречной. У нее вдумчивое выражение лица, глаза светятся умом, а голос очень уверенный. Миссис Мотт иногда говорит неуверенно, когда начинает свои замечания, а потом слова льются легко, и в каждом слове есть мысль. Она всегда была любимицей аболиционистов и желанным оратором на их юбилейных собраниях.

Это было радикальное крыло аболиционистов — мужчин и женщин, которые верили в основном в моральное убеждение. Помимо них было много других, которые были столь же искренни и прилагали все свои силы, чтобы добиться освобождения, и на некоторых из них я сейчас обращаю внимание.

Около тридцати лет назад мы впервые встретились с джентльменом благородной внешности, ростом около шести футов, хорошо сложенным; лоб высокий и широкий; большие темные глаза, полные выражения; волосы каштановые, слегка тронутые сединой. Очарование его улыбающегося взгляда и сердечное пожатие его большой, мягкой руки заставили нас почувствовать себя как дома, когда нас представили Герриту Смит. Его всесторонний и хорошо развитый ум, его достойные и обдуманные манеры и музыкальный голос делают его таким, какой он есть, — одним из самых благородных ораторов от Природы. Красноречие — не самая лучшая черта характера мистера Смита, но его огромное сердце, каждый пульс которого бьется ради человечества. Он принес делу негров богатство и положение и возложил все это на алтарь своего искупления. В 1846 году он подарил три тысячи ферм такому же количеству цветных мужчин; а три года спустя он подарил по ферме каждой тысяче белых мужчин, причем десять тысяч долларов должны были быть разделены между ними.

Мистер Смит различными способами потратил много сотен тысяч долларов на освобождение и возвышение чернокожих в этой стране. Рядом с мистером Смитом в штате Нью-Йорк находится

Берия Грин, чья давняя преданность делу свободы известна по всей нашей стране. Многие цветные мужчины, чья карьера сделала честь расе, обязаны своим образованием мистеру Грину. Он самый радикальный церковник, которого мы знаем, всегда прав в вопросе рабства. Он много сделал в первые дни агитации, и его речи считались одними из лучших постановок на платформе борьбы с рабством.

Старые аболиционисты тридцатилетней давности до сих пор с удовольствием вспоминают улыбающееся лицо и интеллектуальный облик Натаниэля П. Роджерса, редактора "Вестника свободы", еженедельной газеты, которая находила радушный прием везде, где появлялась. Мистер Роджерс был человеком редких дарований, философского и проницательного ума, высокого литературного образования, быстрого восприятия и самой добродушной натуры. Он наносил жесткие удары по этому своеобразному учреждению как языком, так и пером. Как оратор, он был скорее склонен к спорам, чем к красноречию, но всегда был хорош в дискуссии. Как горячий друг мистера Гаррисона и его коллега, мистер Роджерс должен был быть причислен к сторонникам морали.

Уильям Гуделл, плодовитый писатель, глубокий мыслитель, человек большого трудолюбия, чьи большие глаза указывают на необъятный язык, долго и преданно трудился во имя справедливости и человечности.

Джон П. Хейл был первым человеком, добившимся успеха в Конгрессе, и он благородно выполнял свою работу. Его свободные манеры, фальстафовское веселье и кромвелевская отвага всегда были непосильны Футу и его южным коллегам в Сенате, и в каждом сражении за свободу сенатор от Нью-Гэмпшира выходил победителем. Мистер Хейл - крупный, толстый, общительный человек, с прекрасной головой, приятным лицом, обладающий большим количеством остроумия, иронии и сарказма; способный и красноречивый в дебатах и всегда был настоящим другом свободы и возвышения негров.

Чарльз Самнер оставил свой след в пользучеловечества, и особенно в защиту цветной расы, задолго до того, как двери Сената Соединенных Штатов открылись, чтобы принять его в качестве члена. В 1846 году он отказался читать лекции в Нью-Бедфордском лицее, потому что цветным гражданам не разрешалось занимать места наравне с белыми. Все его лекции и выступления звучали из правильного металла. Его карьера в Конгрессе была полна непревзойденного блеска. Его ораторские достижения в столице страны равны всему, что когда-либо сообщалось с форумов Рима или Афин. Все, что призвано способствовать благополучию и счастью человечества, мистер Самнер имеет мужество отстаивать до последнего.

По твердости характера у него, можно сказать, не было соперника в Сенате, и временами он казался немного упрямым. Однако его дальновидность и проницательность показывают, что он в целом прав. Усилия мистера Самнера в пользу реформ были умело поддержаны в Конгрессе его коллегой и другом Генри Уилсоном, человеком из народа и от народа. Не имея больших достижений в образовании, скромный в своих манерах, никогда не напускающий на себя аристократический вид, простой, прямолинейный, но при этом джентльменский, мистер Уилсон всегда оказывал огромное влияние; и в его речах проявляются большое исследование и большой практический здравый смысл. Он трудолюбивый работник, и в том виде деятельности, который необходим комитетам, ему, несомненно, нет равных. Будучи вигом старых времен, вольноотпущенником и республиканцем, мистер Уилсон всегда был аболиционистом самого

радикального толка; и в Конгрессе он сделал для эмансипации негров и возвышения чернокожих столько же, сколько любой другой живой человек.

Главным в своем собственном штате, а также в Конгрессе на протяжении многих лет был этот добрый старик Таддеус Стивенс, искренний друг бедняка, белого или черного. Сильный в сознании своей правоты, он никогда не уклонялся от любой встречи, и никто не говорил больше меньшим количеством слов и не кусал язык острее, чем он. В вопросе о рабстве мистер Стивенс был бескомпромиссным другом и верным защитником негров.

Джошуа Р. Гиддингс, следующий за Джоном Куинси Адамсом, был, как мы полагаем, первым человеком, который действительно встряхнул Палату представителей в защиту рабов. Мистер Гиддингс был человеком без страха, всецело преданным благополучию человечества; не оратором в общепринятом смысле этого слова, но способным участником дебатов; готовым привести факты и иллюстрации, и на него всегда можно было положиться, когда южане пытались посягнуть на свободу. Мистер Гиддингс никогда не отрицал, даже в первые дни агитации, что он был аболиционистом.

Джордж У. Джулиан из Индианы вошел в зал Конгресса как враг рабства негров и до настоящего времени твердо придерживается своих прежних убеждений.

Томас Рассел начинал жизнь как сторонник освобождения негров, и где бы ни звучал его красноречивый голос, он не оставлял сомнений в том, что касается свободы. Судья является особым любимцем цветных мужчин Бостона и вполне заслуживает этого, поскольку, будучи Сборщиком таможенных пошлин, он дал работу большому количеству представителей запрещенного класса.

Чарльз У. Слэк, талантливый редактор “Содружества”, искренний друг свободы, чьи джентльменские манеры и отзывчивое сердце оказывают негру в его офисе такой же сердечный прием, какой он оказывает белому человеку, — старый аболиционист. Чернокожий клерк в его Налоговом отделе является *prima facie* доказательством того, что у него нет предубеждения против негров. И как оратор, и как писатель, мистер Слэк оказал делу рабов большую услугу, когда быть другом расы чего-то стоило.

ГЛАВА XLIX. НОВАЯ ЭРА.

Окончание Восстания открыло для негров новую эру в его истории. Цепи рабства были разорваны; и хотя он не был облечен всеми полномочиями гражданина, черный человек, тем не менее, был уверен, что все его права будут предоставлены, ибо революции редко идут вспять. С началом восстановительных работ право негров на участие в выборах стало законным для страны и принесло с собой весь вирус ненависти к неграм, какой только можно было себе представить. Президент Эндрю Джонсон бросил всю тяжесть своего официального влияния на чашу весов против недавно освобожденного народа, что на какое-то время бросило мрачную

тень на дело справедливости и свободы. Конгресс, однако, своими конституционными поправками решил этот вопрос и наделил чернокожих гражданскими полномочиями; и вместе со своими белыми согражданами они присоединились к конвенциям о восстановлении и начали работу по возвращению своих штатов в Союз. Это было тяжелое положение для недавно получивших избирательные права чернокожих, поскольку рабство не оставило им в наследство ничего, кроме бедности, невежества и зависимости от своих бывших владельцев в плане трудоустройства и средств к существованию для себя и своих семей. Переходный период, через который они прошли во время войны, дал некоторым некоторое образование; и это, наряду с естественной склонностью негров к приобретению знаний, позволяло цветным мужчинам казаться выгоднее на любом посту, в котором они были призваны участвовать.

Речи, произносимые некоторыми из этих людей на съездах и в законодательных собраниях штатов, демонстрируют глубину мысли, полет красноречия и цивилизованную государственную мудрость, которые отбрасывают их бывших хозяев далеко на задний план.

В работе по восстановлению у цветных мужчин было то преимущество, что они были честны и искренни в том, за что они брались, и усердно трудились на благо страны.

Беспорядки в различных южных штатах, последовавшие за предоставлением избирательных прав цветным людям, свидетельствуют о глубоко укоренившихся предрассудках, существующих у людей, которые когда-то так неправильно управляли мятежными штатами. В Джорджии, Теннесси и Луизиане эти вспышки неприязни привели к гибели многих людей и уничтожению большого имущества. Ни один истинный член Профсоюза, белый или черный, не был в безопасности. Поправка к конституции, которая предоставила право голоса чернокожим мужчинам Севера наравне с их братьями с Юга, пробудила старые прорабовладельческие настроения в свободных штатах, что сделало едва ли безопасным для недавно получивших избирательные права посещение избирательных участков в день выборов в некоторых северных городах. Крик о том, что это “правительство белого человека”, был поднят демократической прессой с одного конца страны до другого, и теория Тейни о том, что “у черных мужчин нет прав, которые белые люди обязаны уважать”, была возрождена со всей присущей ей ненавистью к неграм.

Военная оккупация Юга была единственным, что спасло вольноотпущенников от уничтожения. В соответствии с ним они могли принимать участие в различных конституционных и законодательных выборах и занимать места в этих органах. Поскольку Южная Каролина была наиболее заметной участницей Восстания, она первой вернулась в Союз и признала политическое равенство расы, которую в прежние дни она покупала и продавала. Зал ее Сената, созданный для того, чтобы перекликаться с красноречием Калхаунов, Макдаффи, Хэммондов, Хэмптонов и Реттов, с тех пор наполняется речами мужчин, которые когда-то были ее рабами. Негр Рансье теперь занимает кресло президента Сената, где когда-то сидел гордый и надменный Калхун; в то время как Нэш, высокий, худощавый, чистокровный негр, говорит на диалекте плантации, сидя за столом, за которым в прежние дни сидел Уэйд Хэмптон. Штат представлен в Конгрессе Эллиотом, Рейни и Де Ларджем. Южная Каролина спокойно покорилась своей судьбе.

Однако с Грузией все обстоит иначе. На выборах в ноябре 1867 года в члены Конвента штата было набрано тридцать тысяч белых и восемьдесят тысяч цветных голосов, и было избрано несколько цветных делегатов. Была разработана и ратифицирована Конституция, и в

соответствии с ней был созван Законодательный орган. После всего этого, предположив, что они вышли из-под контроля Конгресса, мятежный элемент в Законодательном органе заявил о себе; и многие из тех, чьи инвалиды были устранены Съездом штата, в который входило несколько цветных членов, присоединились к заявлению, сделанному этим Законодательным органом, о том, что человек, в жилах которого течет более одной восьмой африканской крови, не имеет права занимать государственные должности.

Те самые люди, которым Республиканская партия предоставила все права и привилегии гражданства, которых они сами себя лишили, отказали в политическом равенстве подавляющему большинству своих сограждан. Двадцать восемь членов были исключены 22 декабря 1869 года; был принят Акт Конгресса, требующий повторного собрания лиц, объявленных избранными военным командующим, восстановления исключенных членов и отклонения других, которые были дисквалифицированы.

Изгнание бывших повстанцев из Законодательного собрания Джорджии и допуск лояльных цветных мужчин, чьи места были у них насильно отобраны, оказали благотворное влияние на все Южные штаты, поскольку показали, что национальная администрация полна решимости восторжествовать справедливости.

Быстрое получение Хирамом Р. Ревелсом места в Сенате Соединенных Штатов от штата Миссисипи показало, что прогресс был девизом республиканской партии. Назначения Э. Д. Бассетта министром в Хейти и Дж. Милтона Тернера генеральным консулом в Либерии развеяли все сомнения относительно взглядов президента Гранта и политического равенства негров.

В 1869 году цветные мужчины, впервые в истории округа Колумбия, были выбраны в качестве присяжных заседателей и служили вместе с белыми мужчинами. Это было кульминационным событием той славной эмансипации, которая началась в столице и распространилась по всей стране. С тех пор одна за другой отличительные черты были стерты, и теперь чернокожий человек признан достойным пользоваться всеми привилегиями американского гражданина.

Избрание Оскара Дж. Данна вице-губернатором Луизианы стало триумфом, который обрадовал сердца представителей его расы от штата Мэн до Калифорнии. Алабама направила Б. С. Тернера в Конгресс; Флорида - Дж. Т. Уоллса, в то время как цветные мужчины вошли в законодательные залы нескольких штатов, не названных в этой связи.

Национальный съезд республиканцев, состоявшийся в Филадельфии в июне 1872 года, принял в качестве делегатов несколько цветных мужчин, и впервые в истории президентских съездов голос негра был услышан и ему аплодировали.

Образование - это то, что нам сейчас нужно, и образование, которое мы должны иметь, несмотря ни на что. Колледжи Уилберфорс и Эйвери, а также Университет Линкольна - все они сослужили хорошую службу. Университет Говарда, Институт Линкольна, Хэмптонская школа ручного труда и Университет Фиска являются предвестниками света для нашего народа. Но нам нужно образованное служение; и пока у нас его не будет, массы будут блуждать ощупью во тьме. Дело воздержания, этот Иоанн Креститель реформ, должен быть внедрен в каждую общину, и все другие методы, к которым прибегают белые для своего возвышения, должны использоваться цветными мужчинами.

Необходимо поощрять наших молодых людей выбирать различные профессии, становиться механиками и тем самым закладывать основу для будущей полезности.

Невежественный человек будет полагаться на удачу в достижении успеха; образованный человек добьется успеха. Бог помогает тем, кто помогает себе сам.

ГЛАВА I. ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ.

В наших набросках репрезентативных мужчин и женщин можно обнаружить, что некоторые из них имеют едва ли более чем местную репутацию; но это люди, которые по мере своих возможностей внесли свой вклад в дело свободы Расы, и их не следует забывать. Другие делают честные ставки, чтобы прославиться в будущем. Мы начинаем с нашего первого героя: —

КРИСП НАПАДАЕТ.

Принцип, согласно которому налогообложение и представительство неразделимы, соответствовал теории, гениальности и прецедентам британского законодательства; и теперь этот принцип был впервые намеренно нарушен. Американские колонии не были представлены в парламенте, однако этим органом был принят закон, направленный на то, чтобы признать недействительными все права собственности на их собственность. Это был “Закон о гербовом сборе” от 23 марта 1765 года, который предписывал, что никакая продажа, облигация, расписка от руки или другой письменный документ не должны быть действительными, если они не оформлены на бумаге с печатью, установленной правительством метрополии. Известие о принятии закона о гербовом сборе сразу вызвало возмущение свободолюбивой части населения колоний, и в различных местах были проведены митинги протеста против этой своевольной меры.

Массачусетс был первым, кто выступил против метрополии. Торговцы Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии заключили соглашения о запрете импорта с целью добиться отмены этого возмутительного закона. Под давлением общественных настроений сотрудники гербового комитета подали в отставку. Красноречие Уильяма Питта и проникательность лорда Кэмдена привели к отмене закона о гербовом сборе в британском парламенте. Новому министерству в 1767 году удалось провести через Палату общин законопроект о налогообложении чая, ввозимого в американские колонии, и он получил королевское одобрение. Массачусетс снова взял на себя инициативу выступить против исполнения этого последнего акта, и Бостон начал планировать принять самое заметное участие в великой драме. Волнения в колониях спровоцировали правительство метрополии, и губернатору Массачусетса было дано право привлекать к ответственности всех лиц, которые могли бы выдвинуть какие-либо предательские возражения против этих репрессивных актов, с тем чтобы их можно было отправить домой, в Англию, для суда там. Теперь во главе дела стоял лорд Норт, и к колониям нельзя было проявлять снисхождения. Концентрация большого количества британских войск в Бостоне убедила людей в том, что на карту поставлены их свободы, и они начали спланировать.

На многолюдном и восторженном собрании, состоявшемся в Бостоне во второй половине 1769 года, выступили самые талантливые люди, которых только могли породить прогрессивные

элементы. В задней части зала, жадно прислушиваясь к выступающим, стоял смуглый мулат, очень высокий, довольно симпатичный, на вид ему было около пятидесяти лет. Это был Криспус Атакс. Хотя он и не принимал участия во встрече, ему, тем не менее, было суждено проявить себя в первой борьбе за свержение британского ига. За двадцать лет до этого Атакс был рабом Уильяма Бруно, эсквайра, из Фрэммингема, штат Массачусетс; но его сердце билось ради свободы, а не для того, чтобы его держали в цепях умственного или физического рабства.

Из “Бостон газетт” от вторника, 20 ноября 1750 года, я копирую следующее объявление:

“Сбежал от своего хозяина Уильяма Бруно Фрэммингема 30 сентября прошлого года, парень из племени Молатто, около 27 лет по имени Крисп, хорошо сложенный, рост шесть футов 2 дюйма, короткие вьющиеся волосы, колени ближе друг к другу, чем обычно; был одет в светлую шубу из медвежьей шкуры, коричневую фустановую куртку, новые бриджи из оленьей кожи, чулки из дутой пряжи и клетчатую рубашку. Тот, кто возьмет указанного Беглеца и доставит его вышеупомянутому Хозяину во Фрэммингем, получит десять фунтов, вознаграждение за старого Тенора и все необходимые расходы”.

Приведенное выше - это *дословная и литературная* реклама беглого раба, сделанная сто двадцать два года назад. Удалось ли мистеру Бруно вернуть Криспа или нет, мы остаемся в неведении.

Неприязнь между метрополией и ее колониальными подданными набирала силу, в то время как британские войска концентрировались в Бостоне. 5 марта 1770 года рано утром были замечены люди, собравшиеся на углах главных улиц, на Док-сквер и возле Здания таможни. Капитан Престон с отрядом красных мундиров отправился в путь с целью поддержания порядка в охваченном беспорядками городе, и толпы освистывали его почти в каждом месте, где он появлялся. День прошел без каких-либо внешних проявлений беспокойства, но все, казалось, чувствовали, что после наступления темноты что-то произойдет. Удвоение охраны на Таможне и вокруг нее показало, что власти чувствовали неуверенность, которую они не хотели выражать. Фонари на Док-сквер отбрасывали свой свет на разгневанные лица большой толпы, которая, казалось, ждала кризиса, в какой бы форме он ни проявился. Часть роты капитана Престона направлялась из Здания Таможни, когда их встретила толпа с Док-сквер во главе с чернокожим Атаксом, который призывал их встретиться с красными мундирами и прогнать их с улиц. “Этим мятежникам здесь нечего делать,” сказал он. “ давайте прогоним их”. Люди прониклись энтузиазмом, их храбрый лидер стал еще смелее в своих высказываниях и поведении, в то время как солдаты под командованием капитана Престона, казалось, уступили дорогу. “Вперед! не бойтесь!” - крикнул Атакс. “Они не посмеют стрелять, а если посмеют, пусть делают это”.

Камни и палки, которыми было вооружено население, свободно пускались в ход, к большому замешательству английских солдат. “Не медлите! вперед! Мы изгоним этих мятежников из Бостона!” - были последние слова, слетевшие с губ чернокожего, потому что резкий треск мушкетов заглушил его голос, и он упал, барахтаясь в крови. Две пули пронзили его соболиную грудь. Так умер Крисп Атакс, первый мученик за американскую свободу и инициатор революции, которой было суждено отнять у короны Георга Третьего ее самую яркую звезду. Огромное стечение горожан провожало останки героя к месту его последнего упокоения, и его имя с честью упоминалось в лучших кругах. Последние слова, дерзость и смерть Атакса придали духу и энтузиазму революции, и его героизму подражали как белые, так и черные. Его имя стало призывом к сплочению храбрых цветных мужчин, сражавшихся в битве при Банкерс-

Хилл. Во время доблестной обороны Редбанка, где четыреста чернокожих встретились и разбили полторы тысячи гессенцев во главе с графом Донопом, мысль об Атаке наполнила их энтузиазмом. Когда полковник Грин пал при Гротоне, окруженный своими чернокожими солдатами, которые погибли вместе с ним, они пошли в бой, гордясь возможностью подражать первому мученику американской революции.

Ему до сих пор не установлен памятник. Несколько лет назад в законодательном собрании Массачусетса была предпринята попытка, но безуспешно. Пять поколений накопленного предубеждения против негров изгнали из сознания американки всякую склонность воздавать должное одному из ее самых храбрых сыновей. Теперь, когда рабство отменено, мы можем надеяться, что в будущем увидим памятник, воздвигнутый в память о героизме Криспа Атакса.

ФИЛЛИС УИТЛИ.

В 1761 году, когда в Бостоне был свой невольничий рынок, а потомки пилигримов казались самыми благочестивыми и богобоязненными людьми в мире, миссис Джон Уитли однажды отправилась на рынок с целью выбрать и купить девушку для собственного использования. Среди группы детей, только что привезенных с африканского побережья, был изящно сложенный, довольно симпатичный ребенок семи или восьми лет, очевидно, страдающий от недавнего морского путешествия и перемены климата. Миссис Сердце Уитли было тронута интересным выражением лица и скромностью этого маленького незнакомца. Леди купила девочку, и ее назвали Филлис. Пораженная необычайной сообразительностью рабыни, госпожа решила научить ее читать, что та и сделала без труда. Вскоре девочка овладела английским языком, с которым она была совершенно не знакома, когда высадилась на американские берега.

Все ее школьные уроки были безупречны, и она впитывала учения Священных Писаний, словно интуитивно. В возрасте двенадцати лет она умела писать письма и поддерживать переписку, которая сделала бы честь человеку вдвое старше ее. Уитли, видя ее выдающийся гений, больше не относился к Филлис как к служанке, а воспринимал ее как компаньонку. Неудивительно, что девушка-рабыня стала объектом влечения, удивления и внимания утонченного и высококультурного общества, которое еженедельно собиралось в гостиной Уитли.

По мере того, как Филлис выросла и становилась женщиной, ее прогресс и достижения не отставали от обещаний ее ранних лет. Она собрала вокруг себя самых образованных белых леди и привлекла внимание литературных персонажей Бостона, которые снабжали ее книгами и поощряли созревание ее интеллектуальных способностей. Она изучала латинский язык и перевела одну из сказок Овидия, которая была напечатана в Америке не раньше, чем была переиздана в Лондоне с изящными похвалами в рецензиях.

В 1773 году в Лондоне был опубликован небольшой томик ее стихов, содержащий тридцать девять произведений, и посвященный графине Хантингдон. Подлинность этой работы была подтверждена на первой странице тома документом, подписанным губернатором Массачусетса, вице-губернатором, ее хозяином и пятнадцатью наиболее уважаемыми и влиятельными гражданами Бостона, которые были знакомы с ее талантами и обстоятельствами

ее жизни. Поскольку ее телосложение было хрупким от природы, врач посоветовал ей отправиться в морское путешествие, чтобы восстановить свое пошатнувшееся здоровье.

Филлис была освобождена своим хозяином в возрасте двадцати одного года и отплыла в Англию. По прибытии она была принята и вызвала восхищение в первых кругах лондонского общества; и именно в то время ее стихи были собраны и опубликованы в виде тома с портретом и мемуарами авторши. Филлис вернулась в Америку и вышла замуж за доктора Питерса, человека ее цвета кожи и значительных талантов. Ее здоровье начало быстро ухудшаться, и она умерла в возрасте двадцати шести лет в 1780 году. К счастью, спасенная от участи, которая ожидает жертв работорговли, эта обиженная дочь Африки получила возможность развить гений, данный ей Богом, и показать миру, какое великое зло причинили ее расе.

Хотя ее произведения не свободны от несовершенства стиля и сентиментальности, ее стихи полны философии, красоты и возвышенности. Ей не стоило никаких усилий красиво округлить точку или отшлифовать предложение до тех пор, пока оно не становилось прозрачным от великолепия. Она была легкой, напористой и красноречивой, и ей требовались лишь здоровье и еще несколько лет опыта, чтобы стать более заметной поэтессой.

БЕНДЖАМИН БАННЕКЕР.

Услуги, оказанные Баннекером науке, свободе и интеллектуальному характеру негров, слишком велики, чтобы мы могли позволить его имени замолчать, а его гению и заслугам оставаться скрытыми от мира.

Бенджамин Баннекер родился в штате Мэриленд в 1732 году в семье чистокровных африканцев; их кровь никогда не была испорчена ни каплей англосаксонской. Его отец был рабом и, конечно, ничего не мог поделать с воспитанием ребенка. Однако матери, будучи свободной, удалось выкупить свободу своего мужа, и они с сыном поселились на нескольких акрах земли, где Бенджамин оставался при жизни своих родителей.

Все его образование было получено в малоизвестной сельской школе, созданной для обучения детей свободных негров; и эти преимущества были невелики, поскольку мальчик, по-видимому, закончил учебу, не достигнув пятнадцатилетнего возраста. Несмотря на то, что Баннекер окончил школу, он все еще был студентом и с большой осторожностью и вниманием читал все книги, какие мог достать. Мистер Джордж Элликотт, джентльмен с состоянием и значительным литературным вкусом, живший по соседству с Бенджамином, заинтересовался им и одалживал ему книги из своей большой библиотеки. Среди этих книг были таблицы Майера, "Астрономия" Фергюссона и "Лунные таблицы" Ледбитера. В руки мальчика также попали несколько старых и несовершенных астрономических инструментов, которыми он пользовался с большой пользой для своего ума.

Баннекер с удовольствием изучал языки и вскоре овладел латынью, греческим и немецким языками. Он также хорошо владел французским. Классикой он не пренебрегал, а общие литературные познания, которыми он обладал, заставляли мистера Элликотта считать его самым образованным человеком в городе, и он никогда не упускал случая представить Баннекера своим самым знатным гостям.

Примерно в это же время Бенджамин обратил особое внимание на астрономию, решил провести расчеты для альманаха и составил свод на весь год. Воодушевленный этой попыткой,

он приступил к расчетам на последующие годы, которые, как и предыдущие, он начал и закончил без малейшей помощи со стороны какого-либо человека или книг, кроме тех, которые уже упоминались; так что какая бы заслуга ни была приписана его работе, она исключительно его собственная.

Он опубликовал в Филадельфии альманах за 1792-3-4-5 годы, в котором содержались его расчеты, показывающие различные аспекты планет, таблицу движений солнца и луны, их восходы и заходы, а также курсы тел планетной системы.

К этому времени достижения Баннекера стали широко известны, и лучшие ученые страны вступили с ним в переписку. Годдард и Энджелл, известные балтиморские издатели, привлекли его перо для своего создания и стали издателями его альманахов. Экземпляр его первой постановки был отправлен Томасу Джефферсону вместе с письмом, призванным заинтересовать великого государственного деятеля в деле освобождения негров и возвышения негритянской расы, в котором он говорит:

“Это истина, слишком хорошо засвидетельствованная, чтобы нуждаться в доказательстве здесь, что мы - раса существ, которые долгое время трудились под гнетом и порицанием мира; что на нас долгое время смотрели с презрением и считали скорее грубыми, чем людьми, и едва ли способными к умственным способностям. Я надеюсь, что могу с уверенностью признать, исходя из дошедшего до меня сообщения, что вы человек гораздо менее негибкий в чувствах подобного рода, чем многие другие; что вы в значительной степени дружелюбны и хорошо расположены к нам и что вы готовы оказать свою помощь для нашего избавления от тех многочисленных огорчений и бедствий, которым мы подвергаемся.

“Если это основано на истине, я полагаю, что вы воспользуетесь любой возможностью, чтобы искоренить череду абсурдных и ложных идей и мнений, которые обычно преобладают по отношению к нам, и что ваши чувства совпадают с моими, которые заключаются в том, что единый всеобщий Отец дал бытие всем нам; что Он не только сотворил всех нас из одной плоти, но и беспристрастно даровал всем нам одинаковые ощущения и наделил всех нас одинаковыми способностями; и что, какими бы непостоянными мы ни были в обществе или религии, каким бы разнообразным ни было положение или цвет кожи, мы все равно будем жить. мы все из одной семьи и находимся в одинаковом отношении к нему. Если вы полностью убеждены в этих чувствах, вы не можете не признать, что неотъемлемый долг тех, кто поддерживает права человеческой природы и кто исповедует обязательства христианства, - распространить свою власть и влияние на освобождение каждой части человеческой расы от любого бремени или угнетения, под которым они могут несправедливо трудиться; и я полагаю, что полное убеждение в истинности и обязательности этих принципов должно привести всех к этому.

“Я давно убежден, что если ваша любовь к самим себе и к тем бесценным законам, которые сохранили вам права человеческой природы, основана на искренности, вы не можете не заботиться о том, чтобы каждый человек, какого бы ранга или отличия он ни имел, мог наравне с вами пользоваться их благами; вы также не можете быть удовлетворены самым активным проявлением ваших усилий, чтобы добиться их продвижения из любого состояния деградации, до которого, возможно, довели их неоправданная жестокость и варварство людей.

“Я свободно и радостно признаю, что я принадлежу к африканской расе и обладаю тем цветом кожи, который является естественным для них, самого глубокого оттенка; и с чувством глубочайшей благодарности Верховному Правителю вселенной я сейчас признаюсь вам, что я не нахожусь в том состоянии тиранического рабства и бесчеловечного плена, на которое обречены слишком многие из моих братьев; но что я в изобилии вкусил плоды тех благословений, которые исходят от той свободной и несравненной свободы, которой вы благодетельствованы, и которую, я надеюсь, вы почувствуете”. охотно позволю вам милостиво принять из непосредственных рук того Существа, от которого исходит всякий добрый и совершенный дар.

“Ваши знания о положении моих братьев слишком обширны, чтобы нуждаться в их перечислении здесь; я также не возьму на себя смелость предписывать методы, с помощью которых они могут получить облегчение, иначе как порекомендовав вам и другим отучить себя от тех узких предрассудков, которые вы усвоили по отношению к ним, и, как предлагал Иов своим друзьям, ‘вложить свою душу в их души’. Таким образом, ваши сердца наполнятся добротой и благожелательностью по отношению к ним; и таким образом, вам не понадобится ни мое, ни других указаний, каким образом действовать здесь.... Расчеты для этого альманаха являются результатом моего напряженного изучения на преклонном этапе моей жизни; поскольку у меня давно было безграничное желание познакомиться с тайнами природы, мне пришлось удовлетворить свое любопытство здесь благодаря моему собственному усердному изучению астрономии, в котором мне нет необходимости перечислять вам множество трудностей и неудобств, с которыми мне пришлось столкнуться ”.

Мистер Джефферсон сразу же ответил и сказал: —

“Я искренне благодарю вас за ваше письмо и альманах, который в нем содержался. Никто не желает больше, чем я, видеть такие доказательства, которые вы демонстрируете, что Природа наделила наших черных братьев талантами, равными талантам представителей других цветов кожи, и что кажущаяся нехватка в них объясняется просто деградированными условиями их существования как в Африке, так и в Америке. Я могу добавить с правдой, что никто так горячо не желает, чтобы была введена в действие хорошая система для повышения их физического и умственного состояния до того уровня, каким оно должно быть, насколько позволяют глупость их нынешнего существования и другие обстоятельства, которыми нельзя пренебрегать. Я взял на себя смелость послать ваш альманах месье де Кондорсе, секретарю Академии наук в Париже и члену Филантропического общества, потому что считаю его документом, на который имеет право весь ваш цвет, для их оправдания против высказываемых в их адрес сомнений”.

Письмо Баннекера вместе с альманахом породили в сердце мистера Джефферсона новое чувство энтузиазма в защиту свободы, и особенно в отношении негров, которое прекратилось только с его жизнью. Американский государственный деятель написал Бриссо, знаменитому французскому писателю, в котором с энтузиазмом упомянул “негритянского философа”. При создании “Общества друзей черных” в Париже Лафайетом, Бриссо, Барнавом, Кондорсе и Грегуаром имя Баннекера упоминалось снова и снова, чтобы доказать равенство рас. Действительно, гений “негритянского философа” многое сделал для того, чтобы дать свободу народу Сан-Доминго. В британской палате общин Питт, Уилберфорс и Бакстон часто называли Баннекера по имени, как человека, достойного занять любое положение в обществе. При отправлении округа Колумбия в столицу федерального правительства Баннекер был приглашен

комиссарами Мэриленда и принял почетное участие в заселении территории. Но на протяжении всего своего общения с влиятельными людьми он никогда не упускал из виду положение своей расы и всегда настаивал на освобождении и возвышении раба. Он хорошо знал, что все, что было основано на признанной неполноценности естественных прав африканца, было рассчитано на то, чтобы унижить его и приблизить к ногам угнетателя, и поэтому он никогда не упускал случая сослаться на равенство рас, когда общался с теми белыми, на которых он мог повлиять. Он всегда призывал цветных людей, с которыми встречался, к самовозвышению. Он чувствовал, что лишить чернокожего человека вдохновения честолюбия, надежды, богатства, положения среди его земных братьев - значит отнять у него все стимулы к умственному совершенствованию.

Какой земледелец берет на себя тяжелый труд по выращиванию семян, если не с целью последующего наслаждения золотым урожаем? Природа наделила Баннекера всеми теми превосходными качествами, которые необходимы для того, чтобы стать великим человеком. Его память была большой и цепкой, но, благодаря странному счастью, в основном она была восприимчива к прекраснейшим впечатлениям, полученным от лучших авторов, которых он читал, и которые он всегда сохранял в их первоизданной силе и приятном порядке. Он обладал быстротой восприятия и живостью понимания, которые легко охватывали и преодолевали самые тонкие и запутанные разделы математики и метафизики. Он в значительной степени обладал тем гением, который отличает литератора; той уравновешенностью, без которой суждения холодны, а знания инертны; той энергией, которая собирает, комбинирует, усиливает и оживляет.

Он знал все отрасли истории, как естественной, так и гражданской; он прочитал всех оригинальных историков Англии, Франции и Германии и был великим знатоком старины. Критика, метафизика, мораль, политика, путешествия - все это было им изучено и хорошо усвоено. С таким багажом знаний его беседа была в равной степени интересной, поучительной и занимательной. Баннекер был настолько благосклонно оценен первыми семьями Виргинии, что в 1803 году мистер Джефферсон, тогдашний президент Соединенных Штатов, пригласил его навестить его в Монтичелло, куда государственный деятель отправился отдыхать. Но он был слишком слаб, чтобы отправиться в путешествие. Он умер в следующем году в возрасте семидесяти двух лет. Подобно золотому солнцу, которое скрылось за западным горизонтом, но все еще бросает на мир, который он поддерживал и просвещал на протяжении своей карьеры, отраженные лучи своего ушедшего гения, его имя может исчезнуть только вместе с его языком.

Баннекер верил в божественность разума и во всемогущество человеческого разума, служанкой которого является Свобода. Ему казалось, что интеллект, пропитанный наукой и умноженный временем, обязательно должен восторжествовать над всем сопротивлением материи. Он верил в свободу, истину и добродетель. Его останки до сих пор покоятся в рабовладельческом штате, где он жил и умер, без камня, отмечающего это место или говорящего о том, что это могила Бенджамина Баннекера. Он неустанно трудился, жил безукоризненно и умер в литературной упряжке, всеми уважаемый и достойный сожаления.

УИЛЬЯМ П. КУИНН.

Человек, который отказывается от домашнего уюта и добровольно становится миссионером для беднейших из бедных, заслуживает высочайшей похвалы, которой могут удостоить его собратья. После добросовестного труда по строительству церкви в Нью-Йорке, Балтиморе и

Филадельфии Уильям П. Куинн тридцать пять лет назад отправился на Запад, самое нежелательное место для цветного человека в то время. Но он не считал цену; ему было достаточно знать, что его услуги необходимы, и он оставил последствия на усмотрение Бога.

Наверное, никогда еще человек не был так проникнут духом Великого Учителя, как мистер Куинн в своей миссионерской работе. Все еще живы старики и старухи, которые с удовольствием рассказывают о самоотречении, христианском рвении, мужественной грации и трудолюбии, которые отличали этого хорошего человека при исполнении им своих обязанностей в Огайо, Индиане, Иллинойсе и Миссури. Его советы всегда были отеческими; его пример внушал преданное благочестие.

Как оратор, он был серьезен и красноречив, обладая внутренним энтузиазмом, который посылал магнетический ток через всю его паству. Пользуясь полным доверием людей, с которыми он был призван трудиться, они считали его посланным Богом и полагались на его слова так, как будто их будущее благополучие зависело от полученного совета.

В 1844 году мистер Куинн был возведен в сан епископа - должность, для которой он обладал всеми необходимыми качествами. Таннер в своем "Извинении" говорит:

"Требования работы сделали необходимым избрание другого епископа, и, словно по вдохновению, подавляющее большинство обратило свои взоры на великого миссионера как на человека, наиболее компетентного для заполнения этого поста".

Епископ Куинн умер в феврале 1873 года в преклонном возрасте восьмидесяти пяти лет.

ДЭВИД РАГГЛЗ.

Из тех, кто принимал участие в борьбе с рабством тридцать пять лет назад, никто не был более верен своей расе, чем Дэвид Рагглз. Проживая в городе Нью-Йорк, куда рабовладельцы часто привозили своих телохранителей и держали их неделями, мистер Рагглз стал занозой в боку этих южных грешников. Он был готов в любое время, несмотря на опасности, вырвать своих собратьев из рук этих гиен, и ему так удалось отобрать рабов у их хозяев и отправить их в Канаду, что он стал предметом ужаса южан, посещающих северные города. Он был одним из основателей знаменитой подземной железной дороги.

Преследуемый белыми, выступающими за рабство, преданный и покинутый некоторыми представителями своего цвета кожи, Дэвид Рагглз все еще трудился на благо своего народа.

Он был глубоко заинтересован в моральном, социальном и политическом возвышении свободных цветных людей Севера и с этой целью в течение нескольких лет издавал и редактировал "Зеркало свободы", ежеквартальный журнал, посвященный защите прав своей расы.

Как писатель, мистер Рагглз был проникновен и остроумен, всегда логичен, направляя свои стрелы прямо в оппонента. Первое, что мы когда-либо читали, вышедшее из-под пера цветного человека, было "Дэвид М. Риз, доктор медицины, израсходован Дэвидом Рагглзом, цветным человеком". Доктор Риз был известным сторонником колонизации и написал работу, в которой выступал за изгнание чернокожих с американского континента; и работа мистера Рагглза была

ответом на это. В этом споре негр оказался сильнее англосакса и проявил в мистере Рагглсе те качества острого восприятия, глубокой мысли и оригинальности, которые отличают критика и литератора.

Он был несмешанной крови, среднего роста, с приятными манерами и интересным собеседником.

Пораженный болезнью, приведшей к полной слепоте, мистер Рагглз посетил Нортгемптон, штат Массачусетс, для укрепления своего здоровья. Здесь он основал “Водолечение”, которое стало знаменитым и к которому прибегало большое количество представителей высших сословий. В этой новой области мистер Рагглз заслужил почетное звание самого успешного специалиста, завоевал теплое уважение общественности и оставил имя, забальзамированное в сердцах многих, кто чувствует, что они обязаны жизнью его выдающемуся мастерству и тщательной практике. Мистер Рагглз был добросовестным, честным и справедливым во всех своих делах. Он умер в 1849 году, всеми уважаемый.

ФРЕДЕРИК ДУГЛАС.

Карьера этого выдающегося человека, чье имя возглавляет этот очерк, известна более широко, чем карьера любого другого живущего цветного человека. Рожденный и воспитанный в условиях института рабства, который отказывал своим жертвам в праве развивать те природные способности, которые украшают детей человеческих и отличают их от лесных зверей, — института, который поощрял невежество и объявлял преступлением интеллект, когда обладателем был негр, — Фредерик Дуглас, действительно, самый замечательный человек, которого когда-либо производила Америка, будь то белый или черный.

Дни его рабства были такими же, как у представителей его расы, родившихся на Юге, и мало отличались от старого распорядка жизни на плантациях. Дуглас, однако, обладал превосходными природными способностями, которые начали проявляться еще мальчиком, но его история стала слишком хорошо известна, чтобы мы могли подробно останавливаться на ней здесь. Повествование о его жизни, опубликованное в 1845 году, придало новый импульс литературе о черном человеке. Все другие истории о беглых рабах поблекли перед прекрасно написанными, высокоописательными и захватывающими мемуарами Фредерика Дугласа. Другие повествования представили публике лишь несколько душераздирающих сцен, связанных с описываемым человеком. Но мистер Дуглас в своей книге представил читателю не только ферму своего старого хозяина и ее обитателей, но и всю окружающую его страну, включая Балтимор и его верфь. То, как он получил свое образование, и особенно то, как научился писать, читали и перечитывали тысячи людей в обоих полушариях. Его побег из рабства слишком хорошо изучен, чтобы нуждаться здесь в повторении.

Он поселился в Нью-Бедфорде, где по-прежнему оставался прилежным студентом, осваивая различные отрасли образования, которых проклятое учебное заведение лишило его в юности.

Его появление в качестве лектора было замечательным. Белые и черные мужчины выступали против рабства, но никто никогда не говорил так, как Фредерик Дуглас. По всему Северу газеты были заполнены высказываниями “красноречивого беглеца”. Он часто путешествовал с другими людьми, но все они терялись из виду в стремлении услышать Дугласа. Его попутчики иногда сердились и выступали первыми на собраниях; затем они переходили к последней

очереди; но это было все равно — впечатление беглеца оставалось единственным в памяти. Он разозлил и порадовал больше людей, чем любой другой человек. Его хвалили и порицали. Он заставлял их смеяться, он заставлял их плакать и он заставлял их клясться.

Его “Проповедь рабовладельцев” всегда была козырной картой. Он пробудил интерес в сердцах тысяч людей, которые раньше были мертвы для раба и его состояния. Многие держались подальше от его лекций, опасаясь, что их обратят против их воли. Молодые мужчины и женщины в те дни ненависти к рабству возвращались под кров своих отцов, преисполненные восхищения “беглым рабом”, и получали упреки от стариков, ворчавших: “Тебе лучше сидеть дома и учить уроки, а не бегать на собрания ниггеров”.

В 1841 году его уговорили принять агентство в качестве лектора Общества борьбы с рабством, и он сразу же стал одним из самых ценных его защитников. Он посетил Англию в 1845 году. Там его любезно и сердечно приветствовали; и после того, как он проехал вдоль и поперек страны и выступил на многочисленных публичных собраниях от имени своих соотечественников, закованных в цепи, с силой красноречия, которая покорила его слушателей и донесла до их сердец дело, за которое он выступал, он вернулся домой и начал выпуск “Полярной звезды”, еженедельной газеты, посвященной защите дела свободы.

Мистер Дуглас высок и хорошо сложен. Его обширный и полностью развитый лоб сразу показывает, что он интеллектуально превосходящий человек. У него безупречный язык и джентльменские манеры. Его голос глубокий и звучный. Его поза полна достоинства, а жестикуляция полна благородной простоты. Он человек высокого разума; естественный и без претензий; всегда владеющий собой; блестящий в искусстве разоблачения и абстрагирования. Мало кто может справиться с предметом, с которым они знакомы, лучше, чем он. Есть нечто вроде красноречия, исходящего из глубины души, как из источника, катящегося своими обильными потоками, сметающего все перед собой, ошеломляющего самой своей силой, увлекающего, опрокидывающего, поглощающего своих противников, и более ослепительного и более громкого, чем молния, перескакивающая со скалы на скалу. Это красноречие Фредерика Дугласа. Один из лучших имитаторов своего времени, обладающий большими драматическими способностями; если бы он надел носки и козырьки, вместо того чтобы стать лектором, из него вышел бы самый прекрасный Кориолан, какой когда-либо выходил на сцену.

У Фредерика Дугласа как у оратора было больше подражателей, чем почти у любого другого американца, за исключением, пожалуй, Уэнделла Филлипса. В отличие от большинства великих ораторов, он также превосходный писатель. Некоторые из его статей по уровню мастерства сравнимы со всем, что когда-либо писалось для американской прессы. Он брал уроки у лучших учителей среди самых невзрачных реалий жизни; отсюда вечная свежесть его очертаний, которые никогда не бывают чрезмерно цветными, никогда не натянутыми, никогда не нацеленными на трудные или невозможные эффекты, но которые всегда читаются как живые записи опыта.

Мистер Дуглас получил должность преподавателя лицея на первом месте. Однако его более поздние обращения из рукописей, по нашему мнению, не соответствуют его импровизированным усилиям.

Но способности Фредерика Дугласа как редактора и издателя сделали больше для свободы и возвышения его расы, чем все призывы к его платформе. До 1848 года у цветного населения

Соединенных Штатов не было литературы. Действительно, “Национальный реформатор”, “Зеркало свободы”, “Цветной американец”, “Тайна”, “Лишенный гражданских прав американец”, “Бараний рог” и несколько других, меньшего масштаба, существовали, но потерпели крах и прекратили свое существование. Все вышеперечисленные журналы сделали что-то для повышения уровня жизни чернокожего человека, но они были всего лишь плугами, вспахивающими землю и подготавливающими почву к посевному периоду. Газеты, журналы и книги, издававшиеся в те дни цветными мужчинами, были с большим одобрением восприняты белыми, которые всегда считали негров необразованной, низшей расой и считались не в своей тарелке, когда вмешивались в литературу.

Начало публикации “Полярной звезды” стало началом новой эры в литературе черного человека. Заслуженная слава мистера Дугласа сразу же обеспечила его газете место среди первых журналов страны; и он собрал вокруг себя корпус авторов и корреспондентов из Европы, а также из всех частей Америки и Вест-Индии, которые обогатили его колонки актуальными мировыми новостями.

В то время как “Полярная звезда” стала желанным гостем в домах белых, которые никогда прежде не читали газету, редактируемую цветным мужчиной, ее владелец стал еще более популярным оратором в каждом штате Союза, где терпимо относились к аболиционизму.

“Мое рабство и моя свобода”, работа, опубликованная мистером Дугласом несколько лет назад, не только придала новый импульс антирабовладельческой литературе, но и продемонстрировала на своих страницах неутомимый труд зрелого ученого.

Мы полагаем, что где-то в 1850 году его журнал получил название “Статья Фредерика Дугласа”. Его цель была той же, и он оставался представителем негров до тех пор, пока не завершил свою карьеру, что произошло только после отмены рабства.

Однако из всех его трудов мы считаем усилия мистера Дугласа как издателя и редактора наиболее полезными для его расы. В течение шестнадцати лет, вопреки многочисленному противодействию, в одиночку он демонстрировал тот факт, что цветной американец равен белому в ведении полезного и популярного журнала.

АЛЕКСАНДР В. ПУТНИК.

Епископ Уэймен родился в Мэриленде в 1821 году, и, следовательно, ему пятьдесят два года. Он рано проявил любовь к книгам и использовал свое время с максимальной пользой. Он начал работать проповедником в церкви А. М. Е. в 1842 году, находясь в Принстонском округе в Нью-Джерси. С этого времени его труды были поистине геркулесовы. В 1864 году он был почти единогласно избран епископом. Таннер в своем “Извинении” сказал о нем:

“Епископ, по-видимому, имеет преимущество как проповедник. Исполненный достоинства вид, непринужденные жесты и раскатистый голос, он, несомненно, произведут благоприятное впечатление, в то время как предмет его речи настолько прост, что самый неграмотный может полностью понять его; мудрейшие также, как правило, получают наставления”.

Говорят, что епископа Уэймена почти никогда не видят с какой-либо книгой, кроме Библии или сборника гимнов, и все же он литератор, что признают все, кто имел удовольствие слушать его

красноречивые проповеди. Он студент, хорошо разбирается в истории и поэтах и часто удивляет своих друзей цитатами из классики. В его выступлениях гармонично сочетается поэтическое и практическое, приятный союз материального с духовным, неразрывная связь декоративного и полезного, тело и душа соединены воедино. В его проповедях есть что-то искреннее, осязаемое, основательное, питательное и непреходящее. Временами он даже глубок. Он излагает свои аргументы и апелляции с такой же четкой и понятной артикуляцией, насколько впечатляюща его жестикуляция.

Лично епископ полноват, мясист и хорошо сложен. Его круглое лицо, улыбающийся вид, мерцающие глаза и веселый смех свидетельствуют о здоровье и счастье. Он имеет чистое африканское происхождение. Безупречный во всех жизненных отношениях, добрый и любящий муж, настоящий друг и хороший сосед, характер епископа Уэймена, можно с уверенностью сказать, вне подозрений.

ЧАРЛЬЗ Л. РАЗУМ.

Профессор Райзон в течение ряда лет был связан с учебными заведениями Нью-Йорка. В 1849 году он был призван на должность профессора математики и художественной литературы в Центральном колледже Нью-Йорка. Эту должность он занимал в свое удовольствие, с честью для себя и пользой для студентов. Человек с прекрасным образованием, незаурядным интеллектом, джентльменский характер во всех смыслах этого слова, отличная проницательность, один из лучших студентов, профессор Райзон обладает властью над подчиненными, которой редко достигают люди его профессии.

Если бы я был скульптором и искал модель идеального по внешности мужчины, моим выбором был бы Чарльз Л. Рейзон. Как автор как прозы, так и стихов, он не должен стыдиться своих способностей. Чрезвычайно застенчивый, он редко представляет что-либо на всеобщее обозрение. В хорошо написанном эссе о целесообразности создания промышленного колледжа и вероятном влиянии свободных цветных людей на эмансипированных чернокожих он говорит: -

“Когда бы ни произошла эмансипация, какой бы немедленной она ни была, ее субъекты, подобно многим, кто сейчас составляет так называемое свободное население, будут находиться в том, что геологи называют "переходным состоянием". Предубеждение, которое сейчас испытывается к ним за то, что они носят на себе клеймо рабов, не может исчезнуть немедленно. На их долю по-прежнему выпадут суровые испытания: проклятие ‘поруганной расы’ должно быть искуплено почти чудесными доказательствами прогресса; и некоторые из этих чудес должны предшествовать великому юбилейному дню. Вести битву на голой почве абстрактных принципов не принесет нам полной победы. Уловки сторонников рабовладельческого эгоизма теперь должны быть разоблачены, и последний слабый аргумент, что негр никогда не сможет внести какой-либо вклад в развитие национального характера, ‘прибит к прилавку в качестве разменной монеты’. Свободный цветной человек Севера посвятил себя преодолению трудностей, возникших на пути его деятельности. Он уже видит, как из его приемной трудовой школы начинают расти умные молодые рабочие, способные обогатить мир необходимыми продуктами; трудолюбивые граждане, вносящие свой вклад в

развитие цивилизации страны; самодостаточные ремесленники, защищающие свой народ от непрекращающегося обвинения в пригодности к подневольному положению ”.

В “Автографах за свободу”, из которых взят приведенный выше отрывок, у профессора Разума есть прекрасное стихотворение под названием “Надежда и доверие”, которое по оригинальности и изяществу композиции заслуживает места среди лучших произведений Вордсворта.

Стихотворение означает замысел, метод, гармонию и, следовательно, последовательность частей. Человек может быть одарен самой яркой идеальной натурой; он может выстреливать из своего мозга какой-нибудь сверкающей поэтической мыслью или образами, которые могут вызывать удивление и восхищение, как это делает комета; и все же у него может не быть конструктивности, без которой материал поэзии - всего лишь множество сверкающих фрагментов. Стихотворение никогда не может быть проверено по его длине или краткости, но по адаптации его частей. Законченное стихотворение - это архитектура мысли и языка. Требуется художественное мастерство, чтобы выточить из необработанных мраморных глыб как можно больше индивидуальных форм красоты; но для того, чтобы расположить и гармонизировать эти формы в завершенность Парфенона, необходимо не только мастерство, но и гениальность. Серьезной популярной ошибкой, разрушающей личную полезность и препятствующей литературному прогрессу, является вольная вера в то, что, поскольку человек обладает способностью облекать обычные вещи необычными идеями, он может написать стихотворение.

Идея поэзии состоит в том, чтобы дарить приятные эмоции, и мир прислушивается к голосу поэта, как к пению летней птицы; то, что в наибольшей степени свидетельствует о свободе и красноречии, вызывает наибольшее восхищение. Профессор Рейзон обладает как гениальностью, так и художественными способностями. Его очень уважают в Нью-Йорке, где он проживает, и он делает хорошую работу для возвышения своей расы.

УИЛЬЯМ Дж. УИЛСОН.

Во главе наших представительных людей, особенно наших литераторов, стоит профессор Уилсон. Временами он вносил несколько очень талантливых статей в современную литературу. В колонках “Газеты Фредерика Дугласа”, “Англо-африканского журнала” и “Англо-африканского еженедельника” время от времени появлялись за подписью “Ethiop” некоторые из самых расистских и забавных эссе, которые только можно найти в общественных журналах этой страны. Как автор очерков исторических сцен и исторических персонажей, выбирающий свои собственные сюжеты, руководствуясь собственным вкусом или симпатиями, мало кто способен на большие и более успешные усилия, чем Уильям Дж. Уилсон.

В своем воображаемом визите в “Афроамериканскую картинную галерею” он проявляет великолепные черты гения истинного критика. Его критика сравнительных достоинств Сэмюэля Р. Уорда и Фредерика Дугласа, опубликованная в газетах несколько лет назад, вместе с его эссе о Филлис Уитли высоко подняли мистера Уилсона в глазах литераторов. Его “Сцена в школьной комнате” одновременно забавна и поучительна.

Обладать гениальностью, порождение которой облагораживает чувства, расширяет привязанности, разжигает воображение и дает нам представление о прошлом, настоящем и будущем, - это один из высших даров, которыми Творец наделяет человека. Обладая острой

проницательностью, искрометным и живым воображением и удивительно удачной дикцией, мистер Уилсон пробуждает нас от оцепенения и холодности к осознанию наших возможностей.

Как оратор он приятен стилем, с манерами джентльмена. Его разговорные способности первого порядка, в которых он проявляет глубокую задумчивость. Внешне он ниже среднего роста; его профиль более выразителен, чем лицо спереди; у него улыбающееся выражение лица, под которым вы видите остроумного человека. Профессор принадлежит к несмешанной расе, чего он не стыдится. Он кассир Сберегательного банка вольноотпущенников в Вашингтоне, и его добрые советы своим соплеменникам, с которыми он имеет дело в денежных вопросах, оказываются им очень полезными.

ДЖАБЕЗ П. КЭМПБЕЛЛ.

Один из лучших людей родился в одном из самых захудалых штатов Союза. Джейбез П. Кэмпбелл - уроженец незначительного и ненавидящего негров штата Делавэр, ему шестьдесят восьмой год. Его отец был солдатом-революционером, и когда он отложил в сторону рюкзак и мушкет, он облачился в доспехи Господа и стал проповедником Церкви А.М.Э. Как и все цветные мальчики в те дни, герой этого очерка столкнулся со многими трудностями при получении образования в той части страны, где цветные мужчины не имели "никаких прав, которые белые мужчины были обязаны уважать".

Проучившись несколько четвертей под руководством некомпетентных учителей, Кэмпбелл начал курс самообразования, закончившийся изучением теологии. В 1839 году он начал как проповедник, работая в различных частях страны, в конце концов устроившись главным распорядителем книг Церкви А. М. Е. и редактором "Christian Recorder".

В 1864 году герой нашего очерка был избран епископом, и с тех пор он трудился в основном в округах Индиана, Миссури, Луизиана и Калифорния.

Епископ - в высшей степени человек из народа, ни в малейшей степени не тщеславный, но в то же время достойный и джентльменский. Это человек остроумия, увлеченный дискуссией, хорошо осведомленный по всем актуальным вопросам и не боящийся открыто высказывать свои взгляды. Епископ Кэмпбелл обладает замечательным языковым даром и использует его с максимальной пользой. Его речь легка, а жесты естественны; и как проповедник он занимает одно из первых мест в деноминации. Лично он среднего роста, с темно-коричневой кожей, точеными чертами лица, широким лбом и выражением, свидетельствующим об интеллекте.

ДЖОН М. ЛЭНГСТОН.

Джон М. Лэнгстон - уроженец Чилликота, штат Огайо, и выпускник Оберлинского колледжа. Он изучал теологию и юриспруденцию и, отдав предпочтение последнему, был принят в коллегия адвокатов, успешно практиковал в судах своего родного штата до начала Восстания, когда переехал в Вашингтон, где проживает сейчас. Во время войны и некоторое время после ее окончания мистер Лэнгстон руководил школами вольноотпущенников на Юге. Сейчас он занимает профессорскую должность в Говардском университете.

Цель всякого красноречия - повлиять на людей. Таким образом, он не связан никакими произвольными правилами дикции или стиля, не сформирован на основе каких-либо конкретных моделей и не регулируется никакими указами самоизбранных судей. Это правда, есть разные степени красноречия, и равный успех не подразумевает равного совершенства. То, что приспособлено для воздействия на сильнейшие умы просвещенного века, должно почитаться наиболее совершенным и, несомненно, должно быть критерием, по которому можно проверять абстрактное совершенство любого ораторского искусства. Мистер Лэнгстон олицетворяет высшую идею оратора, примером чего являются сила и выступления Шеридана в английской палате общин и Верньо в Собрании жирондистов. Его речи не отрывочны, но, подобно глубокому, величественному потоку, он неуклонно движется вперед, изливая свои богатые и гармоничные предложения в напряжении страстного красноречия. Его стиль смелый и энергичный, полный духа. Он глубокий, но не пустой, и изобретательный, но не утонченный.

Опытный ученый и хороший ученик, он демонстрирует в своих речах такое количество литературных познаний, которое не часто встретишь у простого юриста по бизнесу. Выступая с ходатайством, он говорит как человек под присягой, хотя и без какой-либо накрахмаленной официальности выражений. Критерием его успеха является неизгладимое впечатление, которое его речи оставляют в памяти. Они не исчезают вместе с волнением момента, но остаются в памяти вместе с живыми красками и истинными пропорциями сцен, которые они представляют. Мистер Лэнгстон среднего роста и хорошей фигуры; лоб высокой и правильной формы; глаза полные, но не выпуклые; мягкое и дружелюбное выражение лица; скромные манеры; сильный, музыкальный голос; и ведет себя как джентльмен. Его очень уважают люди всех классов, и особенно юристы. Он энергичный писатель и в политических кампаниях вносит свой вклад как речью, так и пером в либеральное дело. Мало кто на юго-западе придерживался стандартов чернокожего человека выше, чем Джон Мерсер Лэнгстон.

Как декан юридического факультета Говардского университета, он завоевал восхищение всех, кто связан с этим учебным заведением, и в недавнем выступлении в штате Нью-Йорк, посвященном праву, мистер Лэнгстон показал, что он хорошо разбирается во всем, что относится к этой высокой профессии.

ДЖОН М. БРАУН.

Среди красивых мужчин, посланных Церковью А.М.Э. проповедовать Евангелие, ни у кого нет более мужественного телосложения, интеллектуального выражения лица, джентльменского поведения, христианского духа и любви к своей расе, чем у Джона М. Брауна. Когда Комитет по границам Церкви А.М.Э. рекомендовал на Генеральной конференции 1864 года “провести отдельную Конференцию в штате Луизиана, известную как Луизианская конференция, охватывающую штаты Луизиана, Миссисипи, Арканзас, Алабама, Техас и всю ту часть Флориды, которая лежит к западу от реки Чаттануга”, мистер Браун был выбран как человек, в высшей степени подходящий для работы на новом поприще. Деньги, очевидно, не были ему в тягость, потому что, будучи цирюльником, он сел на пароход и побрился, направляясь к своему рабочему месту.^[54]

Он прибыл в Новый Орлеан, развернул свое знамя и приступил к работе с таким видом, который показывал, что он “ужасно серьезен”. Он посеял семя, и, хотя его бросили в каталажку, его

работа все еще продолжалась, была возведена церковь, в ней собирались прихожане, и дело христианских миссий процветало. После добросовестного труда на этом поприще мистер Браун был назначен секретарем-корреспондентом Церкви А. М.Е. со штаб-квартирой в Балтиморе. Теперь он занимает высокий и почетный пост епископа, место, которое никто не может занять лучше, чем он.

Он мулат средних лет, обладает талантами высокого порядка, свободно говорит, немногословен и популярен среди всех слоев общества. Оберлинский колледж не подготовил ни более достойного ученого, ни лучшего образца джентльмена-христианина, чем епископ Браун.

ДЖОН И. ГЕЙНС.

Мистер Гейнс родился в Цинциннати, штат Огайо, 6 ноября 1821 года. Его начальное образование было ограниченным, как это обычно бывало с цветной молодежью в этом районе в те дни. Вынужденный вести активную жизнь в раннем возрасте, он все же нашел время, чтобы стать хорошим знатоком английского языка, и заложил основу той способности быть полезным, которую впоследствии использовал на благо своего народа.

В возрасте шестнадцати лет он был застигнут на съезде, проходившем в одном из внутренних городов его родного штата. В этом раннем возрасте он ясно продемонстрировал свои умственные способности, и люди, на много лет старше его, с уважением прислушивались к мудрым советам, которые он уже тогда был способен дать. С того времени и до самого дня своей смерти он участвовал в советах и занимался делами своего народа; и не будет умалением заслуг других, если сказать, что немногие советовали более мудро или действовали более успешно, чем он.

Предприятие, с которым его имя наиболее прочно связано, - это движение, подарившее Цинциннати ее систему государственных школ для цветной молодежи. Когда был принят закон 1849 года, предоставляющий школьные привилегии цветной молодежи, городской совет Цинциннати отказался присвоить средства, размещенные в казне для поддержки школ, утверждая, что на это нет полномочий. У нашего покойного друга был шанс проявить те высокие качества, которые сделали его светильником у ног своего народа. Осторожный, но твердый, решительный, но терпеливый, он возглавил движение, результатом которого стало решение Верховного суда штата, поставившее государственные школы для цветных на те же условия, что и другие государственные школы города, и передавшее их контроль совету директоров, избранному цветными людьми. Конкурс затянулся почти на два года, но наконец маленький чернокожий человек одержал победу над городом Цинциннати.

Его следующей целью было тщательно организовать школы и разместить их в комфортабельных домах. Он с радостью выполнял обременительные обязанности клерка и генерального агента Правления, и его единственной наградой было сознание того, что он полезен своему народу. Его цели были временно прерваны в 1853 году законом, отнявшим контроль над школами у цветного населения. Официально не связанный со школами, он все же проявлял глубокий интерес к их состоянию, и в 1856 году, воспользовавшись представившейся возможностью, он использовал свое влияние и средства, чтобы школы снова были переданы под контроль цветного населения. Достигнув этого, он снова приступил к практическим мерам, направленным на возведение школьных зданий. Это он, наконец, выполнил. В его первом отчете городскому совету, сделанном в 1851 году, содержится настоящий призыв к

строительству школьных зданий, а в его последнем отчете, сделанном в 1859 году, объявляется о завершении строительства двух больших домов стоимостью более двадцати четырех тысяч долларов.

Если он благодетель своей расы, заставивший вырасти две травинки там, где раньше росла только одна, то, несомненно, достоин похвалы тот, кто позволил лучам интеллектуального света упасть на изголодавшиеся умы заброшенной расы, которую суровая судьба обрекла на рабство и невежество.

С ранней юности он был твердым, хотя и не фанатичным приверженцем идеи Трезвости. Он чувствовал, что опьяняющие напитки привели к падению многих сильных людей, и ради своего брата воздержался. Встретив однажды вечером на светской вечеринке джентльмена из соседнего штата, видного деятеля в мире политики и филантропии, на стол перед ними поставили бутылку игристого “Катоба” и два бокала, при этом хозяин заметил, что “в двух бокалах нет необходимости, поскольку мистер Гейнс не стал бы пользоваться своим”.

- Конечно, мистер Гейнс угостит меня, друга своей расы, бокалом вина, приготовленного из винограда, который растет на его родных холмах, - сказал джентльмен.

Мистер Гейнс покачал головой. “Я ценю оказанную честь, - сказал он, - но совесть запрещает”.

Люди, нуждающиеся в благоразумных советах, высоко ценили склад его ума. Редко выступая до тех пор, пока он не изучит предмет досконально, он, как правило, был готов говорить с должным учетом эффекта своей речи.

Персонаж этого очерка был чистокровного африканского происхождения, небольшого роста, с благородной фигурой, лицом, излучающим интеллект, красноречивым в речи и способным вести дебаты. Он умер 27 ноября 1859 года.

ДЖЕЙМС Макьюн СМИТ, доктор медицины

Не сумев добиться справедливости в учебных заведениях своей родной страны, Джеймс Макьюн Смит повернулся лицом к чужой стране. Он с отличием окончил Университет Глазго, Шотландия, где получил диплом доктора медицины. Последние двадцать пять лет он практикует в городе Нью-Йорк, где стоит во главе своей профессии. По возвращении из Европы доктор был тепло встречен своими согражданами, которые стремились отдать должное его талантам; с тех пор он по праву пользуется уважением среди ведущих представителей своей расы на американском континенте. Когда несколько лет назад в Нью-Йорке подверглись нападкам природные способности негров, доктор Смит выступил в качестве представителя черного человека, и его очерки по сравнительной анатомии и физиологии рас, прочитанные в ходе дискуссии, полностью подтвердили характер негра и поставили автора в ряд самых логичных и научных авторов в стране.

За последнюю четверть века доктор опубликовал множество ценных статей в различных журналах, издаваемых цветными мужчинами. В тот же период от него получали помощь и нью-йоркские ежедневные газеты. История, античность, библиография, перевод, критика, политическая экономия, статистика — почти все области знаний - получили эмблему от его

способного, готового, разностороннего и неутомимого пера. Освобождение рабов и возвышение свободных цветных людей отняли у него большую часть времени как у писателя.

Закон о труде одинаково обязателен как для гениев, так и для посредственностей. Разум и тело редко бывают на нашей земле настолько точно подогнанными друг к другу и настолько идеально гармонирующими друг с другом, чтобы подняться без усилий и командовать делами людей. Не в силах каждого стать великим. Никакое значительное приближение, даже к тому, что достигается легче всего, не может быть достигнуто без долгих размышлений и энергичных действий; и таким образом демонстрируется верховенство того закона, который дает совершенство только тогда, когда оно заслужено, и назначает труду неизменную награду.

Именно энергия характера, трудолюбие в сочетании с выдающимися интеллектуальными способностями обеспечили доктору Смитсу такое большое влияние в Нью-Йорке.

Как оратор он был красноречив, а порой и блестящ, но всегда ясен и по существу. Ростом доктор был невысок, но плотен и несколько склонен к полноте. У него была красивая и хорошо развитая голова, широкий и высокий лоб, круглое полное лицо, твердый рот и ослепляющий взгляд. По крови он, по-видимому, был равен англосаксу и африканцу.

ДЭНИЕЛ А. ПЕЙН, доктор медицинских наук

Учитель маленькой школы в Чарльстоне, Южная Каролина, в 1834 году Дэниел А. Пейн слишком сильно ощутил на себе гнетущую руку рабства, покинул Южный Сodom и перебрался на Север. После прохождения регулярного курса богословских исследований в Геттисбергской семинарии он поселился в Балтиморе, где вскоре проявил себя как проповедник африканской методистской деноминации. Он был несколько лет назад избран епископом и сейчас находится в штате Огайо.

Бишоп Пейн - ученый и поэт; в 1850 году он опубликовал сборник своих произведений, который вызвал значительный интерес к произведению и обеспечил автору авторитет среди литераторов. Его труды характеризуются здоровыми рассуждениями и логическими выводами и показывают, что он хорошо начитан. Епископ преданно привязан к своей угнетенной расе и постоянно призывает их к самосовершенствованию. После беседы президента Линкольна с комитетом цветных мужчин в Вашингтоне и рекомендованного им плана колонизации, а также появления обращения мистера Помероя к свободным чернокожим епископ Пейн опубликовал в колонках "Англо-африканского еженедельника" небольшой совет, который прозвучал правильно и продемонстрировал в своей композиции значительные литературные способности. Глубокая жилка подлинного благочестия пронизывает все произведения епископа Пейна. Как оратор с кафедры он занимает заслуженно высокое положение. По росту он скорее ниже среднего, с интеллектуальным выражением лица и джентльменской внешностью. Он много сделал для создания колледжа Уилберфорс в Огайо, учебного заведения, которое является честью для расы.

АЛЕКСАНДР КРАММЕЛЛ, доктор медицинских наук

Среди множества ярких примеров чернокожего человека, которые мы представляем, одним из выдающихся является Александр Краммелл. Чистая кровь, высокая и мужественная фигура, властная внешность, полный и музыкальный голос, беглая речь, выпускник Кембриджского университета, Англия, ум, наполненный богатством английской литературы, компетентно знакомый с классическими авторами Греции и Рима, от серьезного Фукидида до рапсодичного Ликофрона, джентльмен во всех своих движениях, речь целомудренная и изысканная, доктор Краммелл вполне может быть выдвинут как один из лучших и наиболее благоприятных представителей своей расы. Он священник епископальной конфессии и глубоко разбирается в богословии. Его проповеди всегда написаны, но он читает их так, как мало кто может.

В 1848 году доктор Краммелл посетил Англию и выступил с хорошо продуманной речью перед Обществом борьбы с рабством в Лондоне, где его красноречие и великолепные способности были сразу признаны и оценены по достоинству. За год до своего отъезда в Старый Свет он произнес “Хвалебную речь о жизни и характере Томаса Кларксона”, которая была великолепной, но справедливой данью уважения трудам этого великого человека на протяжении всей жизни.

Доктор Краммелл - один из наших лучших ораторов. Его стиль отточен, грациозен и даже элегантен, хотя никогда не бывает просто витиеватым или риторическим. Он обладает счастливой способностью использовать выражения, наиболее подходящие к случаю, и вставлять намеки, которые вызывают симпатию публики к наиболее культивируемому стилю. Мы думаем, что он чересчур чувствителен и несколько пунктуален.

Доктор Краммелл джентльмен по натуре и не смог бы стать никем другим, если бы попытался. Примерно десять лет назад он написал очень интересную работу об Африке, в которую эмигрировал в 1852 году.

За последние двадцать пять лет несколько наших общественных деятелей представляли нас в Европе; и никто не делал этого более достойно и с большим успехом для характера и дела черного человека, чем Александр Краммелл. Мы встречали его там снова и снова и следовали по его следу, где бы он ни проповедовал или выступал перед общественными собраниями, и мы знаем, что подтверждаем. Преданно заботясь об интересах цветного человека и принимая близко к сердцу моральный, социальный и интеллектуальный подъем уроженцев Африки, мы не сожалеем о том, что он считает своим долгом трудиться на благо своего отечества. Искренне заинтересованный в Республике и настолько способный занять самый высокий пост, на который он может быть призван, мы не удивимся, когда однажды услышим, что Александр Краммелл является президентом Либерии.

Колледж Эйвери только что оказал себе честь присвоением степени доктора богословия этому способному человеку; и мы уверены, что титул никогда не был присвоен лучше, чем в данном случае.

С момента написания вышеупомянутого очерка мы узнаем, что доктор Краммелл вернулся и поселился в городе Нью-Йорк, где он сейчас является пастором церкви.

ГЕНРИ ХАЙЛЕНД ГАРНЕТТ, доктор медицинских наук

Хотя Генри Хайленд Гарнетт родился рабом в штате Мэриленд, он сын африканского вождя, похищенного с побережья его родной страны. Вся семья его отца содержалась в рабстве до 1822 года, когда они бежали на север. В 1835 году он стал членом Ханаанской академии, Нью-Гэмпшир. Через три месяца после поступления в школу она была разгромлена толпой, которая разрушила здание. Впоследствии доктор Гарнетт поступил в Институт Онейда в Нью-Йорке под руководством этого благородного друга человечества Бери Грина, где профессора и его сокурсники относились к нему одинаково. Там он приобрел репутацию вежливого и образованного человека, способного и красноречивого спорщика и хорошего писателя.

Его первое выступление в качестве публичного оратора состоялось в 1837 году в городе Нью-Йорк, где его речь сразу же обеспечила ему положение среди первоклассных ораторов. Доктор Гарнетт - прогрессивный человек во всех смыслах этого слова. Он ярый защитник свободы, воздержания, образования, а также религиозного, морального и социального возвышения своей расы. Он приемлемый проповедник, евангелист в своей профессии. Его речи, хотя и демонстрируют много размышлений и тщательную проработку, произносятся экспромтом и с хорошим эффектом. Полностью владея своим голосом, он умело использует его, никогда не упуская возможности заполнить самый большой зал. Одна из самых известных речей, когда-либо произнесенных цветным человеком в этой стране, была произнесена доктором Гарнеттом на Национальном съезде цветных американцев в Буффало, штат Нью-Йорк, в 1843 году. Никто, кроме тех, кто слышал эту речь, не имеет ни малейшего представления об огромном влиянии, которое он оказывал на собрание.

Доктор Гарнетт посетил Англию в 1850 году, где провел несколько месяцев, а оттуда отправился на остров Ямайка, проведя там три года в качестве миссионера. Он много писал и в разное время редактировал один или два журнала, посвященных возвышению его расы. Доктор Гарнетт в течение двух или трех лет был президентом колледжа Эйвери, где его считали образованным человеком. Он также провел некоторое время в Вашингтоне в качестве пастора пресвитерианской церкви в этом городе. В настоящее время он находится над церковью Шайло в Нью-Йорке.

В течение сорока лет защитник прав своей расы, сильный и смелый оратор, много пострадавший, с хорошим послужным списком за плечами, доктор Гарнетт может считаться лидером своего народа, стоящим в первых рядах.

ЧАРЛЬЗ Л. РЕМОНТ.

Мистер Ремонд родился и вырос в Салеме, штат Массачусетс, и имел то преимущество, что с раннего возраста обучался в лучших школах. В 1838 году он начал работать в этой области в качестве лектора под эгидой Американского общества борьбы с рабством и в компании с преподобным Дж. Икабод Коддинг объехал штаты Массачусетс, Род-Айленд и Мэн. В 1840 году он посетил Англию в качестве делегата первого "Всемирного антирабовладельческого съезда", состоявшегося в Лондоне. Он пробыл за границей два года, читая лекции в различных городах Соединенного королевства.

По возвращении домой мистера Ремонда встретили радушно, и он снова возобновил свою преподавательскую деятельность. Он невысокого роста, худощавого телосложения,

аккуратного, жилистого телосложения и благородной внешности. У него хороший голос, и он считается одним из лучших декламаторов в Новой Англии. Он почти ничего не написал для прессы, и его дурная слава распространяется исключительно на платформу. Чувствительный к недостаткам и остро ощущающий предубеждение против цвета кожи, существующее по всей территории Соединенных Штатов, его выступления были в основном посвящены этой теме, которая его всегда интересовала. Способности мистера Ремонда были очень сильно переоценены. Его речи, когда они появлялись в печати, привлекали мало внимания или вообще не привлекали его, и он никогда не мог говорить ни на какую тему, кроме рабства, в котором он никогда не был глубок.

МАРТИН Р. ДЕЛАНИ, доктор медицины

Доктор Делани уже давно был на виду у публики. Мы полагаем, что его первое появление было связано с “Тайной”, еженедельной газетой, издававшейся в Питтсбурге, редактором которой он был. Его журнал был верен в своей защите прав человека и имел репутацию хорошо организованного издания. Впоследствии доктор был связан с Фредериком Дугласом в редакционном руководстве его газетой в Рочестере, штат Нью-Йорк. Оттуда он переехал в Канаду и поселился в Чатеме, где на него смотрели как на одного из выдающихся граждан страны.

Доктор Мартин Р. Делани, хотя и считается человеком высокого уровня в своей профессии, более известен как путешественник, первооткрыватель и лектор. Его сотрудничество с профессором Кэмпбеллом в “Экспедиции по исследованию долины Нигера” привлекло внимание доктора к миру, и особенно к той его части, которая проявляет интерес к цивилизации Африки. Официальный отчет об этой экспедиции показывает, что он посетил эту страну не с закрытыми глазами. Его наблюдения и предположения о климате, почве, болезнях и природных явлениях Африки интересны и свидетельствуют о том, что доктор говорил серьезно. Опубликованный отчет, автором которого он является, заслуживает внимания.

По возвращении домой доктор Делани провел некоторое время в Англии и со значительным успехом читал лекции об Африке и ее ресурсах в британской столице и провинциальных городах. Как член Международного статистического конгресса, он оправдал свое положение и честь своей расы. Глупость, с которой достопочтенный мистер Даллас, наш посланник при Сент-Джеймском суде, повел себя при встрече с доктором Делани на том августейшем собрании, и критика прессы Европы и Америки не скоро будут забыты.

Он невысокого роста, плотного телосложения, имеет быструю, жилистую походку, решителен и энергичен в разговоре, безупречен по расе и гордится своим цветом лица. Хотя доктор Делани несколько резок в своих жестах и мало обращает внимания на строгие правила ораторского искусства, тем не менее, он интересный и красноречивый оратор. Беззаветно привязанный к своему отечеству, он стремится к “негритянской национальности”. За что бы он ни брался, он выполняет это со всеми силами, которые дал ему Бог; и то, что могло бы показаться препятствием на пути других людей, было бы отброшено Мартином Р. Делани.

ДЖЕЙМС У. К. ПЕННИНГТОН, доктор медицинских наук

Доктор Пеннингтон родился рабом на ферме полковника Гордона в штате Мэриленд. Его ранняя жизнь мало чем отличалась от обычной участи рабов Средних Штатов. По профессии он был

кузнецом, что увеличивало его ценность для владельца. У него не было возможности учиться, и он ничего не знал о грамоте, когда бежал на север. Благодаря интенсивному чтению книг он, насколько это было возможно, обрел то, чего рабство лишило его в молодости. Но он всегда чувствовал раннюю порчу на своей душе.

Доктор Пеннингтон недолго был свободен, прежде чем обратил свое внимание на теологию и стал эффективным проповедником в пресвитерианской деноминации. Он несколько лет проработал при церкви в Хартфорде, штат Коннектикут. Он был в Европе три раза, его второй визит был самым важным, поскольку он оставался там три или четыре года, проповедуя и читая лекции, в течение которых он посещал мирные конгрессы, проходившие в Париже, Брюсселе и Лондоне. Находясь в Германии, Гейдельбергский университет присвоил ему степень доктора богословия. По возвращении в Соединенные Штаты ему позвонили, и он был назначен пастором церкви Шайло в Нью-Йорке.

Доктор был хорошим студентом, зрелым ученым и глубоко разбирался в теологии. Находясь в Париже в 1849 году, мы вместе с американскими и английскими делегатами Конгресса мира посетили богослужение в протестантской церкви, куда доктор Пеннингтон был приглашен проповедовать. Его проповедь по этому поводу была элегантно поставленной, произвела заметное впечатление на слушателей и сформировала в умах всех более возвышенное представление о неграх. В последние годы он ревностно и успешно трудился для образования и морального, социального и религиозного возвышения своей расы. У доктора была чистая кровь, с ярко выраженными африканскими чертами лица. По росту он был обычного роста, слегка склонный к полноте, с атлетическим телосложением и хорошим телосложением. Тот факт, что доктор Пеннингтон считался хорошим знатоком греческого, латыни и немецкого языков, хотя его ранняя жизнь прошла в рабстве, не более странен, чем то, что Генри Диас, чернокожий командир в Бразилии, превозносится во всех исторических источниках этой страны как один из самых проникновенных и талантливых людей и опытных офицеров, которыми они могли похвастаться. Доктор Пеннингтон умер в 1871 году, его смерть была ускорена из-за чрезмерного употребления одурманивающих напитков, которые подорвали его полезность в последние дни.

ФРЭНСИС Л. КАРДОЗО.

Кипящий котел восстания выбросил на поверхность в Южных Штатах большое количество цветных мужчин, которые сейчас играют заметную роль в политических делах своей части страны. Некоторые из них, как и их белые собратья, - простые авантюристы, без способностей, врожденных или приобретенных, и своим высоким положением они обязаны скорее обстоятельствам, чем каким-либо своим дарованиям или добродетелям. Есть, однако, другой класс, некоторые из которых, хотя и необразованны, являются людьми гениальными, принципиальными и с христианским рвением, изо всех сил трудящимися на благо страны и расы. Некоторые из представителей последнего класса пользовались преимуществами образовательных учреждений Севера и Европы, а также Юга, и были полностью подготовлены к ситуации, когда им пришлось действовать. Один из самых одаренных из них, человек с прекрасным образованием, честный, прямолинейный, справедливый в отношениях со своими товарищами; тот, чей здравый смысл и мужественные качества никогда не покидают его, — Фрэнсис Л. Кардозо.

Мистер Кардозо родился в Чарльстоне, Южная Каролина, его отец был белым человеком и рабовладельцем, мать - мулаткой. У него светлый цвет лица. Он выше среднего роста, крепкий и полнолицый, с хорошо развитой головой, большим мозгом и прекрасным выражением лица. Получивший образование в Шотландии и много путешествовавший за границей, он представляет внешность человека утонченного и высокой культуры, обладающего значительным литературным вкусом, а его разговор сразу показывает, что он человек образованный. Трудолюбивый и методичный в своих привычках, все еще пылкий студент, сравнительно молодой по годам, мистер Кардозо претендует на то, чтобы стать одним из ведущих людей в столице страны, поскольку сейчас он находится в своем собственном штате. Он изучал теологию, был рукоположен в священники и некоторое время проповедовал в Коннектикуте, получив большое признание.

Как оратор, мистеру Кардозо мало равных, как цветным, так и белым. Без каких-либо напряженных усилий его выражения наполнены честностью, трезвостью, доброжелательностью, сатирой и истинным красноречием. Убедительный в своей речи, он никогда не утомляет слушателей под звуки своего музыкального голоса.

Во время восстания он вернулся в свое родное государство, где оказал большую услугу своему народу. Он принимал активное участие в съезде по восстановлению, который вернул Южную Каролину в состав Союза, и был избран в законодательное собрание штата, где считался одним из самых способных людей. Сейчас он занимает высокую и почетную должность государственного секретаря своего собственного содружества. Его высоко ценят все классы населения: даже старые белые, ненавидящие негров в штате пальметто, признают способности и многие мужские добродетели Фрэнсиса Л. Кардозо.

ЭДМОНИЯ ЛЬЮИС.

Мисс Льюис, цветная американская художница, имеет смешанное индийское и африканское происхождение. Ее мать была из племени чиппева, а отец - чистокровный африканец. Оба ее родителя умерли молодыми, оставив девочку-сироту и ее единственного брата на воспитание индейцам. Здесь, как легко себе представить, ее возможности для получения образования были достаточно скудны.

Эдмония Льюис ниже среднего роста; цвет ее лица и черты лица выдают ее африканское происхождение; волосы у нее скорее индийского типа, черные, прямые и пышные. Ее голова хорошо сбалансирована, демонстрируя большой и хорошо развитый мозг. Несмотря на то, что она выросла в дикой местности, она провела некоторое время в Оберлинском колледже и получила хорошее образование.

Ее манеры по-детски просты, в высшей степени обаятельны и приятны. В ней есть гордый дух ее индийского предка, и если во внешности у нее больше африканского, то в характере больше индийского. Во время своего первого визита в Бостон она увидела статую Бенджамина Франклина. Это наполнило ее изумлением и восторгом. Она не знала, каким именем назвать "каменное изваяние", но почувствовала внутри себя прилив новых сил.

"Я тоже могу сделать каменного человека", - сказала она себе; и сразу же отправилась навестить Уильяма Ллойда Гаррисона, и рассказала ему, что, как ей известно, она может сделать, и спросила, как ей это сделать.

Пораженный ее энтузиазмом, Гаррисон дал ей рекомендательное письмо к Брэккету, бостонскому скульптору, и после небольшой беседы с ней мистер Брэккет подарил ей кусок глины и слепок человеческой ступни в качестве этюда.

“Иди домой и сделай это, - сказал он. - если в тебе что-то есть, это выйдет наружу”.

Оставшись одна в своей комнате, молодая девушка трудилась над своей глиной, а когда сделала все, что могла, отнесла результат своему хозяину. Он посмотрел на ее модель, разломал ее и сказал: “Попробуй еще раз”. Она попробовала еще раз, смоделировала ступни и руки и, наконец, взялась за медальон с изображением головы Джона Брауна, который был признан превосходным.

Следующим эссе был бюст молодого героя, полковника Шоу, первого человека, принявшего командование цветным полком, чья безвременная и славная смерть и эпитафия, произнесенная южанами: “Похороните его с его неграми”, сделали его имя бессмертным в истории нашей гражданской войны.

Семья этого юного героя услышала о бюсте, который цветная девушка делала с любовью, и пришла посмотреть на него, и была в восторге от портрета, который она сделала по нескольким плохим фотографиям. Этот бюст был продан в количестве ста экземпляров, и на эти деньги она отправилась в Европу, полная надежды и мужества.

Приехав в Рим, мисс Льюис сняла студию и посвятила себя усердной учебе и тяжелой работе, и здесь она сделала свою первую статую — фигуру Агари в ее отчаянии в пустыне. Это работа, полная чувства, ибо, как она говорит, “Я испытываю сильное сочувствие ко всем женщинам, которые боролись и страдали. По этой причине Дева Мария мне очень дорога”.

Первый экземпляр "Агари" был куплен джентльменом из Чикаго. Прекрасная группа Мадонны с младенцем Христом на руках и двумя обожающими ангелами у ее ног свидетельствует об искренности ее восхищения еврейской девушкой. Эта последняя группа была приобретена молодым маркизом Бьют, Лотарем Дизраэли, для украшения алтаря.

Среди других работ мисс Льюис есть две небольшие группы, иллюстрирующие поэму Лонгфелло о Гайавате. Ее первая, “Ухаживание Гайаваты”, изображает Миннехаху сидящей, мастерицей пару мокасин, и Гайавату рядом с ней, с миром любовной тоски в глазах. На свадьбе они стоят бок о бок, взявшись за руки. У обоих тщательно сохранен индийский тип лица, и каждая деталь одежды и т.д. Соответствует природе. Чувство равно исполнению. Это очаровательные хиты, поэтичные, простые и естественные; и никогда не было более счастливых иллюстраций к самому оригинальному стихотворению Лонгфелло, чем эти, сделанные индийским скульптором.

Также по заказу Гарвардского колледжа будет установлен прекрасный бюст того же поэта из мрамора; и в этом случае, по крайней мере, Гарвард оказал себе честь. Если он еще не откроет свои двери для женщин, которые просят у него образования, он допустит к работе женщину, получившую образование в выбранной ею области.

У мисс Льюис в студии есть прекрасный медальонный портрет Уэнделла Филлипса, очаровательная группа спящих младенцев и несколько других второстепенных работ. В Риме ее

навещают незнакомцы из всех стран, которые бывают в великом городе, и каждый восхищается гением художницы.

Высшее искусство - это то, что возвышается над рабским копированием природы, не скатываясь снова в еще более рабский конвенционализм. Все формы такого искусства чрезвычайно просты и естественны, но через естественное говорит духовное. Священная слава сияет в чертах его святых, а не собирается кольцом вокруг их голов. Он говорит на языке, понятном всем, и не имеет собственного жаргона. Она не нуждается в посвящении, прежде чем мы сможем понять ее тайны, за исключением тайн чистого сердца и пробужденного разума. Она представляет природу, но, представляя, она интерпретирует ее. Она не показывает нам ничего, кроме реальности, но в реальности она отражает невидимый идеал.

Статуя - это реализованная эмоция или мысль в камне, а не воплощенная мечта. Картина — это написанное стихотворение, а не роман, написанный маслом. Работая вместе с природой, такое искусство поднимается до чего-то более высокого, чем есть природа, становится жрицей ее храма и представляет более прозаичным душам то, что видит только поэт. Истинно поэтический ум Эдмунда Льюис проявляется во всех ее работах и демонстрирует критику гениальность художницы.

РОБЕРТ ПЕРВИС.

Роберт Первис родился в Чарльстоне, штат Южная Каролина, но имел преимущества университетского образования в Новой Англии. Он рано принял принципы свободы, отстаиваемые Уильямом Ллойдом Гаррисоном, и на протяжении всего процесса обсуждения вопроса о рабстве оставался верен своим ранним убеждениям.

Обладая большим состоянием в самом начале жизни, мистер Первис принимал активное участие в оказании помощи рабам в обретении свободы, предоставляя средства для обеспечения им чего-то вроде правосудия в выступающих за рабство судах Пенсильвании, когда они были арестованы как скрывающиеся от правосудия или когда их владельцы добровольно доставили их в штат.

Мистер Первис не ограничился простым пожертвованием своих обильных средств, но пошел на многие личные жертвы и рисковал жизнью, выполняя то, что он считал исполнением долга. Хотя он был достаточно белым, чтобы сойти за представителя доминирующей расы, он никогда не отрицал своей связи с неграми.

По внешнему виду и манерам мистер Первис до мозга костей джентльмен. Обладая высокоразвитым умом, рефлексивным воображением, легким и красноречивым в речи, но быстро вспыльчивым характером, он всегда интересен как оратор.

Несмотря на то, что мистер Первис потратил большую сумму на благотворительные цели, он по-прежнему остается богатым человеком и владеет королевской резиденцией в Байбери, примерно в пятнадцати милях от Филадельфии. Обладая незапятнанным характером, безупречным в семейной жизни, горячим другом и опасным врагом, Роберт Первис сегодня является честью для обеих рас.

ДЖЕЙМС М. УИТФИЛД.

Джеймс М. Уитфилд был уроженцем Массачусетса и в молодости переехал в Буффало, штат Нью-Йорк, где сменил скромную профессию парикмахера. Однако даже на этом посту он прославился своими научными достижениями и джентльменским поведением. Людей лощеных и утонченных привлекал его салун, и, когда они брились, они получали удовольствие от беседы с ним; и все, кто знал его, чувствовали, что Природа предназначила его для более высокого положения в жизни.

Он написал несколько прекрасных стихов и опубликовал в 1846 году сборник стихов, который хорошо выдержал испытание критикой. Его стихотворение “Как долго, о Боже, как долго!” - великолепное произведение, которое займет достойное место в американской литературе.

Несколько лет назад мистер Уитфилд переехал в Калифорнию, где занял передовую позицию вместе с прогрессивными представителями своей расы.

ФИЛИПП А. БЕЛЛ.

Хотя у нас есть лишь скудные исторические сведения о нас как о производителях книг, журналов и газет, все же следует признать, что были предприняты некоторые благородные усилия и немало времени и денег было потрачено цветными мужчинами на литературные предприятия за последние сорок лет. Старейшим и одним из самых способных американских журналистов является Филипп А. Белл.

Этот джентльмен основал “Цветной американец” в 1837 году в качестве соредатора с покойным преподобным Сэмюэлем Э. Корнишем, а впоследствии и с покойным доктором Джеймсом Макьюном Смитом. Газета была еженедельной и выходила в городе Нью-Йорке. “Цветной американец” был хорошо подготовлен, пользовался доверием публики, отличался способностями, проявленными в его редакционных статьях, а также его корреспондентами.

Мистер Белл ушел из руководства газетой в 1840 году. Однако все, кто помнит те далекие тридцать пять лет, засвидетельствуют эффективную работу, проделанную “Цветным американцем”, и честь, оказанную его благородному основателю. Около десяти лет назад мистер Белл переехал в Калифорнию, где вместе с мистером Питером Андерсоном пустил по ветру “Пасифик Аппел”, еженедельную газету, посвященную интересам цветных и принесшую человечеству великое благо. В 1865 году мистер Белл запустил “Лифт”, пикантный еженедельник, колонки которого свидетельствуют о его возможностях. К науке, философии и классике здесь относятся виртуозно.

Мистер Белл - оригинальный и тонкий писатель, обладает тонким анализом и часто проливает сверкающие лучи живого воображения на произведения своего пера.

Его статьи обычно носят практический характер, он всегда пытается устранить зло, работая на моральное, социальное и политическое возвышение своей расы.

Лично мистер Белл среднего роста, смуглый, с приятными чертами лица, джентльменскими манерами, человек большой энергии, твердой решимости, несгибаемой выносливости и прозрачной честности в достижении цели.

Обладая хорошим образованием и высокообразованным умом, мистер Белл привлекает к себе самых утонченных представителей своего цвета, которые считают его Наполеоном цветной прессы. Наша тема от природы не предназначалась для выступления, и у нас хватает здравого смысла не стремиться к ораторской славе. Однако в разговоре он всегда интересен, опирается на богатый и разнообразный опыт, полон сухого юмора.

У мистера Белла много друзей в Нью-Йорке, где о нем всегда отзываются самым высоким образом и его считают принцем добрых людей.

ЧАРЛЬЗ Б. РЭЙ, доктор медицинских наук

Доктор Рэй является священнослужителем пресвитерианского ордена и последние полвека проживает в городе Нью-Йорк. В 1840 году он стал редактором “Цветного американца”, журнала, который он вел с выдающимися способностями, всегда верный делу рабов-южан и возвышению чернокожего человека повсюду. Доктор Рэй хорошо образован, человек либеральных и реформаторских взглядов, немногословный и энергичный писатель, способный и красноречивый оратор, хорошо информированный по всем актуальным вопросам.

Он уже давно ассоциируется со всеми хорошими работами в Нью-Йорке и пользуется доверием и уважением большого круга друзей.

Лично доктор Рэй небольшого роста, аккуратного и жилистого телосложения, по расовому признаку находится примерно на полпути между африканцем и англосаксом. Он безупречен в своих манерах и по-джентльменски выглядит. Как писатель, проповедник и оратор, он многое сделал для повышения уровня жизни цветного человека в Эмпайр-Стейт.

На множестве национальных и государственных съездах, проведенных тридцать лет назад и около того, ассамблею едва ли можно было считать завершенной без присутствия Чарльза Б. Рэя, д.т.н.

В религиозных традициях его собственной конфессии к нему всегда относились с уважением, и его проповеди, произносимые перед белыми конгрегациями, неизменно производили хорошее впечатление на расу, к которой принадлежал проповедник. Безупречный в своих семейных отношениях, руководствующийся высочайшей моральной прямоотой, настоящий друг всему, что способствует улучшению морального, социального, религиозного и политического положения человека, доктор Рэй может рассматриваться как один из выдающихся людей своей расы.

ДЖОН Дж. ЗИЛЛЬ.

Тридцать пять лет назад нелегко было убедить американское сообщество в том, что цветной мужчина годится на любую должность, кроме должности слуги. Однако несколько человек, один за другим, вышли на поверхность и, вне всякого сомнения, продемонстрировали, что гениальность не ограничивается расой или цветом кожи. Выдающимся среди них был Джон Дж. Зуйл из Нью-Йорка, который благодаря своему трудолюбию, трезвости и честным отношениям многое сделал для формирования у чернокожего человека делового такта в большом мегаполисе. Мистер Зуйл по профессии практичный печатник и в компании с Беллом, Корнишем и другими основал “Цветной американец” в 1837 году. Печатавая этот журнал, он продемонстрировал механические навыки, которые сразу же поставили его в ряд лучших специалистов своего дела.

Мистер Зуйл также принимал видное участие во всех вопросах, касающихся благополучия его расы в Эмпайр-Стейт. В течение последних десяти лет он был кассиром Банка Фридменов в Нью-Йорке, и эта должность в высшей степени соответствует его способностям делового человека.

Мистер Зуйль, по-видимому, лишь немного отличается от других представителей расы: невысокий, коренастый, с приятным лицом, энергичный и джентльменский в движениях.

Его репутация безупречна, и он окружен большим кругом друзей, чьим полным доверием он пользуется.

ДЖОРДЖ Т. ДАУНИНГ.

Высокая, стройная фигура, мужественная походка, поразительный профиль и пронзительный взгляд Джорджа Т. Даунинга привлекли бы внимание в любом сообществе, даже там, где он неизвестен. Обладая замечательными талантами, прекрасно образованный, проникательный наблюдатель и преданный свободе и возвышению своей расы, он долгое время считался представительным человеком. Хороший участник дебатов, быстро использующий слабые стороны оппонента, убедительный в речи и прирожденный оратор, мистер Даунинг всегда приемлем в качестве оратора.

Он уроженец Нью-Йорка, но проживает в столице страны, где оказывает значительное влияние на политические дела, особенно те, которые касаются благополучия негритянской расы.

Дипломат по натуре, мистер Даунинг может “застегнуть пуговицу” конгрессмену с таким же успехом, как и почти любой другой человек. Смелый и честолюбивый, жадно ловящий выгоду от политического возвышения, он всегда лидирует на съездах. Честный в своих действиях, бескомпромиссный и твердо приверженный принципам справедливости. Мистер Даунинг пользуется доверием и уважением как белых, так и цветных. Поскольку он достаточно квалифицирован, чтобы занять любую должность, мы были бы рады видеть его назначенным представлять наше правительство при каком-нибудь иностранном дворе.

ШАРЛОТТА Л. ФОРТЕН.

Мисс Фортен уроженка Филадельфии; приехала в Массачусетс в 1854 году, поступила в гимназию Хиггинсона в Салеме, где вскоре заслужила репутацию внимательной и прогрессивной ученицы. Она окончила это учебное заведение с отличием, получив премию за “Прощальный гимн”, спетый на последнем экзамене. В этом сочинении мисс Фортен безошибочно продемонстрировала гениальность высокого порядка. Она стала корреспондентом “Национального стандарта борьбы с рабством” и написала несколько очень пикантных писем, выдержки из которых были приведены в других журналах.

В стихотворении под названием “Визит ангела” она делает трогательный намек на свою покойную мать, который по стилю и истинной поэтической выразительности не превзойден ничем в английском языке. По крови мисс Фортен стоит между англосаксонкой и африканкой, с точеными чертами лица, хорошо развитым лбом, лицом, излучающим интеллект, и умом, богато запасенным воспоминаниями о лучших писателях. Высокообразованная и чувствительная к предубеждениям, существующим против ее цвета кожи, мисс Фортен нелегка в нашем мире.

Она все еще продолжает писать для прессы, публикуя большинство своих статей в “Atlantic Monthly”.

Во время войны и после ее окончания она много времени преподавала в Южных Штатах, где ее труд высоко ценится.

ДЖОРДЖ Б. ВАШОН.

Герой этого очерка родился в Питтсбурге, в школах которого он учился, затем учился в Оберлинском колледже, который окончил со степенью магистра искусств. После чтения закона в НоН. Уолтер вперед, он был принят в коллегия адвокатов в 1847 году. Господин Вашон только после того, как посетила Гаити, где он оставался три года, вернувшись на родину в 1850 году. Призванный на профессорскую должность в Центральном колледже Нью-Йорка, г-н Вашон прекрасно справлялся с офисными обязанностями. Джентльмен — выпускник этого учебного заведения, ныне капитан федеральной армии — рассказал автору, что он и несколько его товарищей, которым приходилось декламировать профессору Вашону, в течение некоторого времени практиковались искать фразы и исторические происшествия на греческом, латыни и иврите, а затем задавали профессору вопросы в надежде “натолкнуть его на мысль”.

“Но, - сказал он, - мы ни разу его не поймали и пришли к выводу, что он самый начитанный человек в колледже”.

У литературы есть история, и немногие истории могут сравниться с ней по важности и нравственному величию. Следовательно, за литературные достижения, которые будут иметь вдохновляющее и освобождающее влияние, приходится платить высокую цену — цену не серебром и золотом, а тщательной тренировкой ума. Это обучение даст широту взглядов, разовьет силу характера и всеобъемлющий дух, благодаря которому вечно живые выражения истины и принципов в прошлом могут быть связаны с теми, кто имеет аналогичный характер в настоящем.

Г-н Вашон, по-видимому, придерживался такого взгляда на то, что представляет собой основательный ученый, и применил свою теорию на практике. Все произведения, созданные его пером, показывают студента и литератора. Но он в долгу не только перед культурой, ибо обладает незаурядным гением - поэтическим гением, намного превосходящим многих, кто написал и опубликовал тома. Как сказал Драйден о Шекспире, “Ему не нужны были книжные очки, чтобы читать Природу; он заглянул внутрь себя и нашел ее там”. Такого же совершенства заслуживает его поэтическое описание прекрасных пейзажей и климата Хайти в его “Винсенте Оге”. Его намек на первое посещение острова Колумбом полон торжественного величия.

Мистер Вашон смешанной крови; среднего роста, с довольно круглым лицом, с несколько торжественным выражением лица, немногословный человек, — его нужно вытянуть, чтобы оценить по достоинству. Несколько лет назад, находясь в гостях у выдающегося темнокожего джентльмена в Рочестере, штат Нью-Йорк, хозяин, оказавшийся не только оратором, но и остроумцем, пригласил “профессора Т.”, человека без образования, но любящего многословие и высокопарные слова, не понимая их значения, — развлечь мистера Вашона, намереваясь пошутить. “Профессор Ти...” использовал все выражения, которыми он владел, но без всякой цели. Литератор сидел неподвижно, слушал, пристально смотрел на первого, но не оспаривал

ни одного поднятого вопроса. Необразованный профессор, чувствуя, что его обманули, позвал мистера Д. с одной стороны и шепотом сказал:

“Вы уверены, что это образованный человек? Я боюсь, что он самозванец, потому что я пытался, но не смог вызвать его на дуэль”.

Мистер Вашон долгое время давал образование своей угнетенной расе и на этом пути исполнения долга внес большой вклад в возвышение своего народа. Мы несколько удивлены, что ни один из либеральных колледжей не удостоил себя чести присвоить мистеру Вашону звание доктора права

УИЛЬЯМ Х. СИМПСОН.

Сказать, что картина производит впечатление реальной сцены, - это комплимент. Объектом вкуса часто являются произведения искусства. Многие полагают, что природу можно изучать надлежащим образом; но искусство они отвергают как совершенно поверхностное. Но в чем же заключается факт? В самом высоком смысле искусство - дитя Природы, и им больше всего восхищаются, когда оно сохраняет сходство со своим родителем. В Венеции картины Тициана и венецианских художников в целом требуют от путешественника еще большей отдачи, поскольку окружающие его оттенки и формы постоянно напоминают ему об их работах.

Многих жителей Бостона, Нью-Йорка, Вашингтона, Филадельфии и других городов нашей страны часто призывают вспомнить имена своих отсутствующих или ушедших друзей, глядя на их черты, перенесенные на холст карандашом и кистью Уильяма Х. Симпсона, молодого цветного художника. Очевидно, он считал Тициана, Мурильо и Рафаэля своими мастерами. Венецианские художники были прилежными исследователями окружающей их природы. Объект нашего наброска, похоже, впитал их энергию, а также научился копировать благородный пример, который они оставили после себя. История художников, так же как и поэтов, написана в их произведениях. Лучшую биографию Голдсмита можно найти в его поэме “Путешественник” и романе “Викарий из Уэйкфилда”. Никто, глядя на прекрасный портрет Дж. П. Кембла в Национальной галерее Лондона в образе Гамлета, не думает о сэре Томасе Лоуренсе, который его исполнил.

Цветовой орган находится на видном месте черепа мистера Симпсона, и он хорошо развит. Его портретами восхищаются за их реалистичный внешний вид, а также за тонкие очертания, которые характеризуют их все. Очень легко описать эмоции, которые пробуждают картины, но нелегко сказать, почему картина написана именно так, поскольку она должна пробуждать определенные эмоции. Многие люди чувствуют искусство; некоторые понимают его; но мало кто одновременно чувствует и понимает его. Мистер Симпсон богат глубиной чувств и духовной красотой. Его портрет Джона Т. Хилтона, который был подарен Массонской ложе несколько месяцев назад, является великолепным произведением искусства. Чем дольше вы смотрите на черты лица, тем больше картинка похожа на реальную жизнь.

Вкус, проявленный в расцветке регалий, и восхитительный ракурс каждого почетного знака свидетельствуют о большом мастерстве. Не требуется более высокой похвалы, чем сказать, что джентльмен из Бостона, отличившийся своим здравым смыслом в картинной галерее, желающий получить изображение достопочтенного Дж. Чарльз Самнер убедил сенатора

позировать мистеру Симпсону для портрета; и в данном случае художник добился заметного успеха.

Его изображения были настолько точны, что его часто нанимали для изображения целых семей, где изначально предполагалось изобразить только одну. Мистер Симпсон не стремится ни к чему в своем искусстве, кроме портретной живописи. Тем не менее, красивый причудливый набросок, висающий в его студии и изображающий лето, демонстрирует заметные способности и непревзойденную гениальность. Венок на голове, в который вплетены различные виды волокон, и тонкость расцветки каждого конкретного вида заставляют тех, кто смотрит на него, считать его мастером своей профессии. Портреты, запечатлевшие его казнь, разбросаны по большинству Северных штатов и Канады. Некоторые побывали в Либерии, Хайти и Калифорнии.

Мистер Симпсон уроженец Буффало, штат Нью-Йорк, где он получил гуманитарное образование. Но даже в школе его ранняя склонность рисовать портреты существенно мешала учебе. Склонность использовать грифельную доску и карандаш для зачеркивания своих школьных товарищей вместо того, чтобы считать по арифметике, часто приводила к его суровому наказанию. После окончания школы он был нанят мальчиком на побегушках Мэтью Уилсоном, эсквайром, выдающимся художником, который вскоре обнаружил гениальность юного Симпсона и взял его в ученики. В 1854 году они переехали в Бостон, где мистер Симпсон усердно трудился, чтобы приобрести доскональные знания этой профессии. Мистер Уилсон заявил писателю, что у него никогда не было человека, который был бы более внимательным или заслуживающим большего доверия, чем Уильям Х. Симпсон.

Несмешанной негритянской крови, небольшого роста, с довольно мягким и женственным лицом, твердым и решительным взглядом, джентльменской внешностью и умным разговором, мистера Симпсона будут уважать за его многие хорошие качества. Он умер в 1872 году.

СЭР ЭДВАРД ДЖОРДАН.

Эдвард Джордан родился в Кингстоне, Ямайка, в 1798 году. После окончания школы он поступил продавцом в магазин одежды; но его глубокая ненависть к рабству, а также политические и социальные безобразия, совершенные в отношении свободных цветных людей, до такой степени завладели его разумом, что в 1826 году он объединился с Робертом Осборном в публикации “Сторожа”, еженедельной газеты, посвященной свободе и предоставлению гражданских прав цветным людям.

Его дневник велся с заметным умением, и вскоре мистер Джордан начал пользоваться огромным влиянием в борьбе против рабовладельческой власти. В 1830 году, когда он отсутствовал при исполнении редакционных обязанностей, в “Стороже” появилась статья, на основании которой его редактору было предъявлено обвинение в конструктивной государственной измене. Он был немедленно арестован, посажен на скамью подсудимых и предстал перед судом. Он заявил, что “невиновен”, и попросил время, чтобы подготовиться к своей защите. Заявление о признании вины было удовлетворено, и дело было передано в следующий суд. Суд начался в назначенное время; присяжные были битком набиты, поскольку сторонники рабства вынесли приговор выдающемуся защитнику свободы. Казалось, что весь город был потерян для всего, кроме судебного разбирательства. Были опасения, что в случае вынесения приговора результатом станут беспорядки, и власти подготовились к этому.

К городу поравнялся военный корабль, орудия которого были направлены вверх по одной из главных улиц, и почти на каждом проспекте, ведущем к морю, было пришвартовано торговое судно, вооруженное по крайней мере одним большим орудием, направленным в том же направлении, чтобы прочесывать улицы снизу доверху. Отряд солдат держали при оружии, им было приказано быть готовыми к действию в любой момент. Судебные приставы, включая судью, приступили к своим обязанностям, вооруженные пистолетами; а шерифу было приказано застрелить заключенного на скамье подсудимых, если будет предпринята попытка спасения. В случае признания мистера Джордана виновным, его наказанием должна была стать смерть. К счастью для всех, вердикт был “Невиновен”. Оправдание редактора “Сторожа” внесло разочарование и смятение в ряды рабовладельческой олигархии, в то же время придав новый импульс борьбе с рабством как на Ямайке, так и в Великобритании, кульминацией которой стала отмена рабства 1 августа 1834 года. В следующем году г-н Джордан был избран членом Ассамблеи от города Кингстон, который он представляет до сих пор. Примерно в это же время “Сторож” был преобразован в ежедневную газету под названием “Морнинг джорнэл”, которая существует до сих пор и принадлежит Джордану и Осборну. В 1853 году мистер Джордан был избран мэром своего родного города без оппозиции, и этот пост он занимает до сих пор. Недавно он был избран премьер-министром острова и президентом тайного совета.

Нет человека более уважаемого в Ассамблее, чем г-н Джордан, и предлагаемые им меры по реформированию часто проходят через палату представителей благодаря уважению, которое члены испытывают к представителю. В 1860 году distinguished джентльмен был возведен королевой в рыцарское достоинство.

Сэра Эдварда Джордана всегда считали честным, прямолинейным и умеренным человеком. С литературной точки зрения он считается одним из первых людей на Ямайке.

Для негра действительно ободряющий знак - смотреть на представителя своей расы, которого несколько лет назад судили за его жизнь в городе, в котором он с тех пор был мэром и занимал другие почетные должности.

Мистер Джордан умер с тех пор, как был написан вышеприведенный очерк, и ни один человек на Ямайке никогда не удостоивался на его похоронах больших почестей, чем он.

ЭДВИН М. БАННИСТЕР.

Эдвин М. Баннистер родился в городке Сент-Эндрю, штат Нью-Брансуик, и потерял отца, когда ему было всего шесть лет. Он посещал среднюю школу в своем родном городе и получил лучшее образование, чем люди в его положении. С раннего детства у него, по-видимому, была склонность к живописи, которая проявлялась в классной комнате и дома. Он часто рисовал портреты своих школьных товарищей, и учитель нередко оказывался на грифельной доске, где успехи Эдвина были настолько очевидны, что сходство вызывало веселье у мальчиков и вызывало смех за счет учителя.

После смерти его матери, когда он был еще несовершеннолетним, его отправили жить к distinguished. Харрис Хэтч, богатый юрист, владелец прекрасной фермы неподалеку за городом. В своем новом доме Эдвин не упускал из виду свои склонности к рисованию, и хотя в семье не было ничего в качестве моделей, кроме двух выцветших портретов, хранившихся

скорее как реликвии, чем из-за их внутренней ценности, он тем не менее практиковался на них и часто делал копию более реалистичной, чем оригинал. На дверях сарая, заборах и везде, где можно было сделать рисунки, были изображены два древних лица.

Когда семья по субботам уходила в церковь, молодой художник брал старую Библию и копировал с нее грубые гравюры, затем ставил ее на пыльную полку, испытывая внутреннее удовлетворение, которое, вместо удовлетворения желания, только придавало ему новое рвение в поисках новых моделей. Благодаря большому разнообразию рисунков, которые он сделал на бумаге, и правильным наброскам молодой Баннистер завоевал значительную репутацию в семье юриста, а также по соседству. Часто, после того как домочадцы ложились спать, в окно мансарды было видно тусклое мерцание тощей сальной свечи. Именно там боролся за развитие гений художника-эмбриона.

Существует большое разнообразие мнений относительно гениальности, многие ошибочно принимают талант за гениальность. Талант - это сила и тонкость ума: гениальность - это ментальное вдохновение и тонкость чувств. Талант обладает энергией и остротой проникновения, но его превосходят яркие интеллектуальные концепции гения. Первый искусен и смел, второй честолобив и нежен. Но талант превосходит практическую проницательность; и отсюда те поразительные контрасты, которые так часто наблюдаются в мире, — триумфы таланта благодаря его ловкой и деятельной энергии и невзгоды гения посреди его безграничных, но недостижимых устремлений. Мистер Баннистер - любитель поэзии и классики и всегда ищет какую-нибудь новую модель для своего талантливой карандаша и кисти.

У него есть прекрасная сцена, изображающая “Клеопатру, ожидающую приема Марка Антония”, которую, к сожалению, я не видел. Однако мне сообщили, что это прекрасно выполненная картина.

Мистер Баннистер смешанной крови, худощавого телосложения, стройный, с интересным выражением лица, быстрый в движениях, непринужденный в манерах и всеми уважаемый.

УИЛЬЯМ К. НЕЛЛ.

Мистер Нелл - уроженец Бостона, и с самого начала антирабовладельческой агитации был связан с этим движением. Он долго и упорно добивался равных школьных прав для цветных детей своего родного города, где он проделал хорошую работу.

Мистер Нелл является автором книги “Цветные патриоты американской революции”, наполненной интересными случаями, связанными с историей чернокожих этой страны, в прошлом и настоящем. Он также написал несколько небольших работ, все из которых носят гуманитарный характер.

Глубоко заинтересованный в интеллектуальном развитии и совершенствовании своей расы, он много трудился безвозмездно.

Мистер Нелл среднего роста, стройный, с благородной фигурой, быстрым шагом, упругими движениями, задумчивым, но приятным челоом, тонким лицом и целомудрен в разговоре.

Студент и любитель литературы, он обладает развитым пониманием и собрал больше фактов о расе, с которой его отождествляют, чем любой другой наш знакомый.

Мистер Нелл обладает безупречным характером и пользуется большим уважением своих сограждан.

АЙРА ОЛДРИДЖ.

Просматривая однажды утром колонки "Таймс", я увидел объявление под заголовком "Развлечения" о том, что "Айра Олдридж, африканский Росций" должен был появиться в роли Отелло в знаменитой трагедии Шекспира с таким названием, и, давно желая увидеть моего соболиного соотечественника, я решил немедленно присутствовать. Хотя двери были открыты совсем недолго, когда я добрался до Королевского Хеймаркета, театра, где должно было проходить представление, зал был битком набит, и среди публики я узнал лица нескольких выдающихся представителей знати, самым известным из которых был сэр Эдвард Бульвер Литтон, знаменитый писатель — его фигура была опрятной, подтянутой, волосы уложены по последней моде — он выглядел так, словно только что вылез из коробки для оркестра. Он большой любитель драмы, и у него есть частный театр в одном из его загородных поместий, куда он часто приглашает своих друзей и изображает из них разных персонажей.

По мере того, как приближалось время поднимать занавес, становилось очевидно, что зал будет "битком набит". Стюарт, лучший Яго со времен Юности, в компании с Родриго вышел на сцену, как только поднялся зеленый занавес. Яго выглядел злодеем и разыгрывал его в соответствии с высочайшими представлениями о персонаже. Сцена меняется, все взгляды обращены к правой двери, и появление Отелло встречают громом аплодисментов.

Мистер Олдридж среднего роста и на вид примерно на три четверти африканец; у него глубокий и мощный голос; и было совершенно очевидно, что Эдмунд Кин, некогда его учитель, также был образцом, которому он тщательно следовал в этой роли. Были те же обдуманые, чересчур отчетливые высказывания, те же длительные паузы и постепенно выполняемые жесты, в подражании манере Кина. Когда Яго начал разбираться со своими чувствами, глаза мавра вспыхнули огнем, и дальше по пьесе он выглядел самым демоном отчаяния. Когда он схватил обманщика за горло и воскликнул:

“Злодей, будь уверен, ты докажешь, что моя любовь фальшива!

Будьте уверены в этом; дайте мне визуальное доказательство;

Или, клянусь ценностью моей вечной души,

Лучше бы тебе родиться собакой,

Чем отвечать на мой проснувшийся гнев”,

зрители в едином порыве вскочили на ноги, охваченные самым диким энтузиазмом. В конце третьего акта Отелло был вызван под занавес и сорвал аплодисменты восхищенной толпы. Я наблюдал за выражением лица и каждым движением Бульвера Литтона почти с таким же интересом, как за Венецианским мавром, и видел, что никто, казалось, не был доволен больше, чем он. На следующий вечер я пошел посмотреть его "Гамлета" и был удивлен, обнаружив, что в этом он так же совершенен, как и в "Отелло", поскольку меня заставили поверить, что последний был его величайшим персонажем.

Перед нами был весь датский двор, но до тех пор, пока не прозвучали слова:

“Это не только мой чернильный плащ, добрая матушка”, —

сорвалось с уст мистера Олдриджа, было ли оно очаровано общим слухом или приковано к месту общим языком. Голос был таким низким, печальным и сладким, модуляции такими нежными, достоинство таким естественным, грация такой совершенной, что все молча поддались восхитительному очарованию. Когда Горацио сказал ему, что пришел на похороны своего отца, глубокая меланхолия, отразившаяся на его лице, показала огромную драматическую силу мистера Олдриджа.

- Прошу тебя, не смейся надо мной, товарищ по учебе!

казалось, это шло из самых глубин его души.

Айра Олдридж был уроженцем Африки, родился вскоре после приезда своего отца в Сенегал, приехал в Соединенные Штаты по возвращении отца, некоторое время оставался здесь, а затем был отправлен в Шотландию, где получил гуманитарное образование. В последние годы своей жизни мистер Олдридж много путешествовал по Европейскому континенту, посетив, среди прочего, Санкт-Петербург, где русские пришли в восторг от его драматических представлений. Он умер в Лондоне в 1868 году, оставив вдову, шведку, с которой он жил счастливо и в великолепном стиле недалеко от Лондона в течение нескольких лет.

ОСКАР ДЖЕЙМС ДАНН.

Оскар Дж. Данн был уроженцем Луизианы и по профессии штукатур, у которого он работал в молодости. Его образование было ограниченным, но то, чего ему не хватало в изучении книг, восполнялось здравым смыслом. У него был смуглый цвет кожи, властная внешность, достойные манеры, и он был рассчитан на то, чтобы произвести благоприятное впечатление на всех, кому посчастливилось познакомиться с ним. Хотя он родился рабом, тем не менее, он был одним из самых благородных людей от Природы.

Призванный к общественной жизни в то время, когда состояние его расы находилось в критическом переходном состоянии, он проявил силу интеллекта, целеустремленность и личные добродетели, которым редко можно было сравниться. Генерал Шеридан, командуя войсками в Новом Орлеане, рано обнаружил редкие способности мистера Данна и назначил его членом городского совета. Он различными способами служил городу и штату, пока не был избран на должность вице-губернатора штата. Умный во всех вопросах и отличающийся здравостью суждений, к его мнению и совету по государственным вопросам обращались люди всех партий. Будучи председательствующим в Сенате Луизианы, мистер Данн проявил парламентский талант, который одновременно вызывал уважение и восхищение самых привередливых; а в том, что касается управления делами в его официальном кресле, мало кто в стране был ему равен.

Но самой большой чертой характера этого человека была его неподдельная честность. В этом он был почти одинок, поскольку, в то время как законодательное собрание Луизианы обвинялось в спекуляции акциями, а его члены один за другим сколачивали свое новоприобретенное состояние, Оскар Дж. Данн был не только вне подозрений, но и фактически умер бедняком.

Он был спокойным, бдительным часовым Луизианы, когда она меньше всего об этом мечтала. Твердо сопротивляясь искушениям согрешить, которые слишком часто посещали чиновников, он никогда не мог стать сообщником других против нее. Его непреклонная честность сама по себе была мощным протестом против фальсификаций государственной администрации и вызывала такое искреннее уважение даже у демократов, что в последнее время авторы этих фальшивок, обращаясь к демократам за новой арендой власти, в которой им отказали республиканцы, были вынуждены возродить предубеждение под предлогом и обвинить его в подстрекательстве к созданию партии чернокожих. Не существовало ни одного факта, подтверждающего обвинение; но ложь была подходящим вспомогательным средством для новых проектов мошенничества, и, к несчастью, у некоторых “чесались руки” подписать ее в соответствии с приказом.

Его взгляды на классовый вопрос были самыми католическими. Он хотел дружбы, а не ревности между разными цветами кожи, поскольку он признавал всех в политическом обществе братьями, а не соперниками. Он чувствовал, что несправедливость по отношению к любому гражданину, белому или черному, была, если ее не устранять, угрозой для всех; что наши интересы были общими; наши бюллетени были честно подсчитаны, наше общее согласие; и наше влияние во благо, наша общая основа усилий для Луизианы. Его цели в отношении своей расы были слишком искренними, чтобы препятствовать ее прогрессу, вновь разжигая старую секционную неприязнь к ней - и он молчаливо добился в своем собственном случае признания, которому мог бы позавидовать любой гражданин. Пользуясь высоким официальным доверием, и все же темнокожий, он со спокойной, безобидной интонацией осудил жалкую ересь о том, что человек является более или менее достойным гражданином из-за своего цвета кожи.

Как оратор мистер Данн не был тем, кого мир назвал бы “красноречивым”, но то, что он говорил, всегда слушали с величайшим интересом и уважением. Все классы высоко ценили его, и с его собственным цветом кожи его власть была безгранична. На него напала внезапная и верная болезнь, и смерть унесла его, когда он был в зените своего влияния, двадцать первого ноября 1871 года.

ДЖОН Р. ЛИНЧ.

Недавнее восстание не привело к появлению более замечательного примера человека, сделавшего себя сам, чем карьера Джона Р. Линча, спикера Палаты представителей штата Миссисипи. Он родился в Луизиане, прямо напротив Натчеза, в 1847 году, в семье матери-рабыни, тогда принадлежавшей мистеру Лапиче, и сейчас ему двадцать пятый год. Его отец, будучи богатым и авторитетным человеком, принял необходимые меры, когда мистер Линч был еще ребенком, чтобы освободить его и его мать, но из-за его внезапной смерти и предательства со стороны тех, кто заключил с ним соглашение, план не был осуществлен, и оба оставались рабами до тех пор, пока не были освобождены в результате войны.

Во время своего рабства и когда он был еще мальчиком, мистер Линч испытывал глубокое, неудержимое желание подняться над безнадежной участью, на которую, казалось, уготовила ему судьба, и с энергией, которая характеризовала его с тех пор, продвигался вперед к получению такого образования, какое было в пределах его досягаемости. Он научился читать и

писать, будучи рабом, но не более того. После того, как его мать перешла в собственность мистера Альфреда Дэвиса, ее вместе с детьми увезли в Натчез, и с тех пор она живет там до сих пор. В 1864 году, когда федеральные войска овладели этим городом, мистер Линч пользовался возможностью посещать вечернюю школу всего четыре месяца, и это перечеркнуло все образовательные преимущества, которыми он обладал. С тех пор его продвижение полностью зависело от его собственных усилий и ресурсов, а также от его врожденного желания получить знания.

Никто не может отрицать, что его карьера до сих пор была самой замечательной. Это станет наиболее очевидным при сравнении его скромного происхождения и множества неудобств, в которых он трудился, с почетным положением, которое он сейчас занимает, и высокой квалификацией, которую он привносит с собой, чтобы поддерживать себя на этом месте. С точки зрения образования он вполне подготовлен; по природным способностям, которые четко определены, развиты и готовы, у него, безусловно, нет превосходства в Доме. Его знания парламентского права и обычаев были проверены во многих жарких состязаниях с лучшими тактиками законодательного органа, и оказалось, что он не уступает никому, каким бы способным он ни был. Все эти высокие качества, которыми в изобилии обладает мистер Линч, также не содержат всего того хорошего, что мы можем сказать о нем. Он обладает еще более высокой добродетелью - безупречной честностью и правдивостью. За все два года заманчивых судебных процессов, свидетелем которых он был, ни разу не было даже намека на то, что он подвержен подозрениям. Пластинка, которую он сделал за все это время, так же чиста и незапятнанна, как выпавший снег. Никто никогда не ставил под сомнение его честность и не запятнал его честное имя намеком на то, что он отклонился от пути праведности. Если он иногда отклонялся от курса, намеченного большинством его партии, он делал это, как считал, выполняя священный долг и не имея иного желания, кроме как делать то, что считал правильным.

Он был назначен мировым судьей генералом Эймсом в 1868 году в городе Натчез, принимал видное участие в конституционном собрании штата, был членом последнего законодательного собрания, а сейчас занимает кресло спикера. Мистер Линч свободно владеет речью, красноречив в своих обращениях, целомудрен в выражениях и джентльменски ведет себя во всех отношениях с другими. Среднего роста, с благородной фигурой, смуглым цветом лица, с пронизательными глазами, дружелюбным выражением лица, мужественной и прямой походкой, мистер Линч с достоинством восседает в кресле спикера и держит молоток в соответствии с Кушингом. Он был избран на место в Конгрессе от своего штата.

УИЛЬЯМ ВИППЕР.

Герой этого очерка - один из самых глубоких мыслителей, которыми черный человек может похвастаться на нашей обширной земле. В молодости он занимался торговлей пиломатериалами в Колумбии, штат Пенсильвания, в которой он приобрел квалификацию. Даже сражаясь со всем миром за грязную наживу, мистер Виппер отдавал много своего времени защите свободы рабов и возвышению цветных людей Севера. В своих деловых отношениях с белыми он всегда производил хорошее впечатление о способностях, честности и джентльменских манерах негра.

В 1833 году он возглавил редакционный отдел "Национального реформатора", ежемесячного журнала, издаваемого Американским обществом моральной реформы. Передовицы мистера

Виппера были написаны целомудренным и простым языком, но смелыми и откровенными в отстаивании истины. Он сказал:—

“Мы верим, что Образование, Воздержание, экономия и Всеобщая Свобода, при надлежащем проведении, окажутся мощными вспомогательными средствами в проведении этой необходимой реформации, на которой зиждется надежда христиан. Сейчас они творят чудеса в нашей стране под руководством отдельных и специфических организаций. Они являются связующими свойствами и столь же способны соединяться друг с другом, как такое же количество морей смешивают свои воды и образуют один великий океан. Если бы этот могучий поток филантропии мог объединиться в один живой поток, он вскоре смыл бы из нашей страны все следы нищеты и угнетения. И разве это не так же необходимо, как и то, что единый разум должен принять только эти принципы? Наша страна богата средствами для того, чтобы возродить ее к жизни после морального вырождения. У нее есть все необходимое для своего искупления; ей стоит только захотеть этого, и она свободна”.

Мистер Виппер - мулат приятной наружности, выше среднего роста, немного сутулится — тот изгиб плеч, который отличает студента. Он удивительно начитан, способен ссылаться на авторитеты древних и знаком со всей современной литературой. Он общителен и добродушен, а также очень интересен в беседе. Мистер Виппер проживает в Филадельфии, где его высоко уважают все классы общества, а его собственная раса любит его и равняется на него.

Т. В. КАРДОЗО.

Мистер Кардозо - уроженец Чарльстона, Южная Каролина; мулат с небольшим преобладанием англосаксонской крови. Ему тридцать пять лет, и, следовательно, он в расцвете сил. Он родился свободным, имел преимущества северных школ и закончил свое образование в Ньюбургском коллегияльном институте. С 1861 по 1866 год он был школьным учителем. В 1868 году он отправился в Северную Каролину в качестве пионера в деле образования среди вольноотпущенников, чтобы основать обычную школу в восемнадцатом избирательном округе конгресса и использовать свое влияние для получения государственной помощи в организации системы обычных школ. Его успех в этом предприятии был всем, чего мог ожидать самый оптимистичный преданный. Он оставался там до тех пор, пока школы не были прочно закреплены на прочной основе.

В 1870 году мистер Кардозо переехал в Висксбург, штат Миссисипи. Он не претендовал ни на какую должность, хотя хорошо известно, что в тот год все должности в штате были заполнены по назначению губернатора, — но он пошел работать и организовал в городе большую школу, которая вскоре заняла одно из первых мест в штате. В 1871 году, по настоятельной просьбе членов Республиканской партии, он стал кандидатом на должность окружного клерка округа Уоррен и был избран на эту должность. За то, как он выполнял сложные обязанности на этом очень ответственном посту, он заслужил самые высокие комплименты как от судьи, так и от членов коллегии адвокатов.

Г-н Кардозо недавно был выдвинут на должность государственного инспектора образования - должность, для заполнения которой он во всех отношениях обладает хорошей квалификацией. Он принесет в офис практические знания, которые окажут большую услугу государству и принесут долговременную пользу расе, с которой он себя отождествляет.

Скромный и сдержанный, полный достоинства и джентльменства, мистер Кардосо рассчитан на то, чтобы завоевать уважение и доверие всех, с кем он может соприкоснуться.

LOUISE DE MORTIE.

Хотя рождаются свободными, в Норфолке, штат Вирджиния, Миссис Образование-де-Mortie был ограничен. Этого, однако, она стремилась улучшить изучая, когда время ее школьных дней прошло. Мы полагаем, что она приехала в Бостон в 1853 году и сделала его своим домом. Осенью 1862 года миссис Де Морти начинала как публичный чтец в Бостоне, и ее редкие способности, красноречивое изложение поэтов, приятные манеры и здравый смысл приобрели ей множество восхищенных друзей, среди которых были некоторые из ведущих мужчин и женщин страны, и, казалось, перед ней открывалась успешная общественная карьера. Но, услышав о бедствии и нужде среди цветных детей Нового Орлеана, оставшихся сиротами в результате войны, она решила поехать туда и посвятить себя их благополучию. Несмотря на уговоры ее родственников и друзей на Севере покинуть Новый Орлеан до тех пор, пока не прекратится желтая лихорадка, она отказалась покинуть свой пост, заявив, что ее долг - служить своей беспомощной расе.

В 1867 году миссис Де Морти предприняла поиск средств для строительства Сиротского приюта, и ей удалось получить сумму, необходимую для возведения здания. Но ее полезная карьера была прервана желтой лихорадкой. Она умерла десятого октября 1867 года, на тридцать четвертом году жизни. Она перенесла свою болезнь с христианской стойкостью и в свои последние минуты сказала с детской простотой: “Я принадлежу Богу, нашему Отцу”.

Объявление о ее смерти было с сожалением воспринято ее большим кругом друзей на Севере, в то время как газеты Нового Орлеана, ее приемного дома, отзывались о ней в самых хвалебных выражениях.

Миссис Де Морти была удивительно одаренной и блестящей женщиной. Внешне она была несколько выше среднего роста, с греческими чертами лица, темными и сверкающими глазами, пухлыми губами, высоким лбом, утонченными манерами и обладала энергией, которая всегда приносит успех. На самом деле, можно с уверенностью сказать, что Луиза Де Морти была одной из самых красивых представительниц своего пола.

ЭБЕНЕЗЕР Д. БАСSETT.

Мистер Бассетт - человек, сделавший себя сам, и его смело можно назвать одним из лучших представителей своей расы. Родившийся в Личфилде, штат Коннектикут, в 1833 году, мистер Бассетт окончил, будучи лучшим ученым своего класса, Бирмингемскую академию, когда был совсем молодым, а затем с отличием окончил Государственную педагогическую школу Коннектикута в 1853 году. Сразу после этого он переехал в Нью-Хейвен, возглавил государственную среднюю школу в этом городе и охотно воспользовался возможностями, предоставленными Йельским колледжем, для изучения классики, математики и общей литературы. В 1855 году Ортодоксальное общество друзей призвало его руководить Филадельфийской цветной средней школой, которая под его руководством стала очень широко известна как ведущее учебное заведение подобного рода в стране. Почетная степень магистра искусств была присвоена ему Университетом Линкольна в Оксфорде, штат Пенсильвания.

Когда генерал Грант стал президентом, мистер Бассетт стал кандидатом в члены Миссии Хайтиан, и люди в целом были настолько довольны, что он получил непрошеную поддержку самых способных людей, цветных и белых, из всех партий.

Он мулат среднего роста, с выдающимися чертами лица, почти прямыми черными волосами, опрятной фигурой, джентльменской внешностью, умен и целомудрен в разговоре, обладает высокими моральными качествами. Он зрелый ученый, хорошо разбирается в классике и обладает хорошим литературным вкусом.

Как представитель Соединенных Штатов при другом правительстве, мистер Бассетт более чем оправдал самые оптимистичные ожидания своих друзей, в то время как страна в целом считает его одним из самых способных наших дипломатических агентов. Его переписка с правительством Метрополии показала, что он человек решительных способностей. Действительно, мужественные манеры мистера Бассетта, его достойный и возвышенный характер подняли хайтянскую миссию на более высокое положение, чем когда-либо прежде.

ДЕНЬ УИЛЬЯМА ГОВАРДА.

Будучи студентом Оберлинского колледжа, Уильям Говард Дэй хорошо учился и окончил его с отличием. Несколько лет он прожил в Кливленде, штат Огайо, где некоторое время издавал еженедельную газету, которая своевременно и эффективно служила делу свободы и возвышению цветного населения этого штата. В 1856 или 1857 году он посетил Англию, где им восхищались за его научные достижения и поистине неподдельное красноречие. Вернувшись домой, мистер Дэй стал заместителем редактора "Сион Стандарт энд Уикли Ревью". Сейчас он проживает в Гаррисберге, штат Пенсильвания, где публикует "Наш национальный прогресс", газету, посвященную делу реформ и возвышению человека.

Как оратор мистер Дэй может считаться одним из самых эффективных ораторов современности; обладает большим самообладанием и живым воображением; богат выбором иллюстраций, хорошо разбирается в истории, литературе, естественных науках и философии и может по желанию использовать свою прекрасно сохраненную память. Как писатель, мистер Дэй намного выше редакторов газет в целом, проявляя большую заботу и продуманность во многих своих статьях. Как оратор и писатель, он проделал хорошую работу для своей расы.

Он мулат обычного роста, у него большая и хорошо сбалансированная голова, высокий лоб, яркие глаза, интеллектуальное и приятное выражение лица, благородная фигура, и он является тем, кого дамы называли бы "красивым мужчиной". Мистер Дэй, помимо своих редакционных обязанностей, занимает ответственную и прибыльную должность в Государственном департаменте Пенсильвании, которую он занимает с честью для себя и с пользой для государства.

ХАЙРАМ Р. РЕВЕЛС, доктор медицинских наук

Доктор Ривелс - уроженец Северной Каролины, где он родился в Фейетвилле, графство Камберленд, как свободный человек, первого сентября 1822 года нашей эры. Проведя свое детство и юность, примерно до двадцати одного года, в Северной Каролине, он отправился в северную Индиану, законы его родного штата запрещали школы для цветных. Родителям

мальчика разрешили немного подготовить его к получению образования, и он время от времени учился за несколько лет до отъезда на Север. Он провел два года в Индиане, посещая квакерскую школу, а затем переехал в округ Дарк, штат Огайо, где оставался некоторое время, а затем окончил колледж Нокс в Гейлсбурге, штат Иллинойс; и после этого поступил на служение в качестве проповедника Евангелия под эгидой методистской церкви. В то время ему было двадцать пять лет. Его первое подопечное находилось в Индиане. С момента поступления на службу в церковь и по настоящее время он неуклонно работает проповедником и хорошо известен как практичный христианин, ревностный и красноречивый толкователь слова Божьего.

После нескольких лет в Индиане он занимал важные посты в Миссури, Мэриленде, Кентукки и Канзасе, выступая за Африканскую церковь медиков. Он был в Мэриленде в 1861 году, когда началась война, и оказал материальную помощь в формировании в этом штате первого Мэрилендского цветного полка. Он также смог помочь в Миссури сформировать первый цветной полк в этом штате и вернулся в Миссисипи в 1864 году, поселившись в Викасбурге, где возглавлял церковную общину, помогал в организации других церквей, а также в формировании и введении в эксплуатацию школьной системы, посещал различные части штата под свою ответственность и, среди прочего, проповедовал в Джексоне. Здоровье доктора Ривелса пошатнулось, и после окончания военных действий он снова отправился на Север, где пробыл восемнадцать месяцев. Вернувшись, он обосновался в Натчезе, где регулярно проповедовал перед большой паствой и где генерал Эймс, тогдашний военный губернатор, назначил его олдерменом. В 1869 году он был должным образом избран в Сенат штата.

В январе 1870 года доктор Ривелс был выбран представлять Миссисипи в Сенате Соединенных Штатов, объявление об этом застало страну врасплох, и по мере приближения времени появления цветного сенатора на своем месте в Конгрессе интерес к нему возрос. Многие из тех, кто слышал, как реконструкция обсуждалась вдоль и поперек — людьми пророческой силы и красноречия, людьми с чисто логическим и рассудительным складом ума, людьми узкими и эгоистичными, а также софистическими и предвзятыми, — и кто не проявлял особого интереса к дебатам, все равно приходили день за днем, надеясь увидеть достойного своего места в сенате первого цветного человека, претендующего на столь высокий пост, первого человека, занимающего видную государственную службу в правительстве штата.

Наконец, в пятницу, 25 февраля 1870 года, в день, который никогда не забудется, около пяти часов в присутствии зала заседаний и галерей, заполненных ожидающими и нетерпеливыми зрителями, вице-президент принес присягу Хайраму Р. Ривелсу. Сенатор Уилсон проводил его до кресла, и сержант по вооружению сразу же проводил его на место.

Солсбери сделал все возможное, чтобы повернуть колеса прогресса вспять; Дэвис тщетно боролся, заявляя, что будет “сопротивляться на каждом шагу” этой неконституционной мере, приводя иллюстрации, диссертации, проклятия и рекомендации от имени “негра” и его друзей-республиканцев; Стоктон, в интересах закона и прецедента, умолял передать этот вопрос в судебный комитет, но партия свободы твердой фалангой единодушия добилась исторического результата. Мистер Самнер, который не принимал участия в дебатах, выразительно и мощно повысил голос, изложив весь вопрос в короткой речи непосредственно перед голосованием.

Таким образом был сделан последний важный шаг в Национальном законодательном собрании для тех, кто когда-то был поработен, и главный упрек Восстанию, особенно после того, как сенатор от Миссисипи занял место, освободившееся Джефферсоном Дэвисом, когда о его государственной измене стало известно Северу и правительству. После окончания своего сенаторского курса он был назначен президентом Университета Олкорн с окладом в две тысячи пятьсот долларов в год, но это место и связанные с ним вознаграждения он оставил — по желанию губернатора Пауэrsa и поскольку он считал своим долгом — исполнять обязанности государственного секретаря как можно дольше, менее одного года. Ему оставалось еще четыре года исполнять обязанности президента университета; следовательно, с финансовой точки зрения, он кое-чем пожертвовал, чтобы добиться более высоких официальных почестей. Это его заслуга - сказать, что назначение было произведено без его согласия, из-за веры губернатора в его пригодность для этой должности.

Доктор Ривелс - мулат, приятной внешности, среднего роста, волосы вьющиеся, черты лица несколько выпуклые, с чем-то от священнослужителя.

РОБЕРТ Б. ЭЛЛИОТТ.

Мистер Эллиот имеет честь представлять в Конгрессе округ Южная Каролина, который когда-то возглавлял Джон К. Калхун, самый выдающийся человек прошлого из штата Пальметто. Мы не смогли получить информацию о месте рождения мистера Эллиота и преимуществах его образования; но, однако, мы понимаем, что он изучал юриспруденцию и выбрал ее как профессию, в которой он занимает высокое положение. Он начал свою политическую карьеру на Юге и был членом Конституционного собрания штата Южная Каролина в 1868 году; был членом Палаты представителей Южной Каролины с 6 июля 1868 года по 23 октября 1870 года; был назначен 25 марта 1869 года помощником генерал-адъютанта, эту должность он занимал до избрания в Сорок второй конгресс от республиканской партии.

Мистер Эллиотт чернокожий, несмешанной крови, с резко выраженными чертами лица негра, короткими вьющимися волосами, яркими и пронизательными глазами, благородной внешностью, несколько английским акцентом, хорошим оратором и достойными манерами. Его речи в Конгрессе и публичные выступления перед избирателями показывают, что он человек высокой культуры. Среди представителей своей расы мистер Эллиот пользуется заслуженным уважением белых повсюду. В Конгрессе на него смотрят как на способного участника дебатов, и его слушают с подчеркнутым вниманием.

Дж. МЭДИСОН БЕЛЛ.

Способность негра владеть языком, его живое воображение, его огромное удовольствие от риторических упражнений, его внутренний энтузиазм, его кажущаяся способность переноситься в сцену, которую он описывает, или эмоцию, которую он вызвал, долгое время ставили в тупик умы наших самых глубоких пронизательных мыслителей. Лучшая проверка истинного красноречия - это эффект, который оно производит на слушателя. Лучшую иллюстрацию оратора, сделавшего себя сам, можно найти в лице Дж. Мэдисона Белла, чей поэтический гений, классический склад ума и высокоразвитое понимание никогда не были оценены нашим народом.

Зимой 1867 года нам посчастливилось познакомиться с этим джентльменом, который в то время давал серию поэтических чтений в Вашингтоне. Его вечернее развлечение полностью состояло из его собственных произведений, и все они были превосходного характера. Мистер Белл - редкий пример сочетания высочайшего мастерства поэта с лучшим стилем оратора. Ораторское искусство некоторых людей нелегко описать; так же обстоит дело и с мистером Беллом. Его виртуозная аргументация, острое рассуждение и волнующие душу обращения к высшим чувствам нашей природы вскоре приводят слушателя в восторженное восхищение. Его описательные способности, как в его произведениях, так и в импровизированных выступлениях, высочайшего порядка.

Мистер Белл провел несколько лет в Калифорнии, где много сделал для возвышения своей расы. Сейчас он проживает в Огайо и оказывает благотворное влияние на дело всеобщей свободы. Он мулат, приятной внешности, с высоким широким лбом, лицом, излучающим интеллект, красивый, как и большинство представителей его расы, в которых есть смесь англосаксонской. Мистер Белл родился в Галлиполисе в 1827 году и в молодости был шуткатуром по профессии, но вскоре отложил мастерок в пользу ручки.

Дж. МИЛТОН ТЕРНЕР.

Герой этого очерка родился рабом и проживал в Миссури. Он получил образование в Оберлинском колледже, где приобрел репутацию человека, обладающего замечательными ораторскими способностями. Окончил ли он это учебное заведение или нет, мы не смогли узнать. Однако говорят, что у него классическое образование и изысканные манеры. На последних президентских выборах мистер Тернер был лидером "цветных граждан" в Сент-Луисе, где, как утверждается, он был самым красноречивым человеком на пеньке.

После инаугурации президента Гранта г-н Тернер был назначен генеральным консулом в Либерии, правительство которой приняло его с выдающимися почестями. На приеме мистер Тернер сказал: "В истинном духе прогресса вы посадили на этих берегах зародыш республики, которой суждено не только развить цивилизацию, достойную уважения и восхищения нерожденных поколений, но и посредством христианской религии очистить от варварства и принести пользу почти немедленно тысячам людей, чей интеллект сегодня подорван разрушительной силой языческих суеверий".

ГЕНРИ М. ТЕРНЕР, доктор философии, LL. D.

Из многих наших одаренных, полных энтузиазма и красноречия людей мало кто был более благодетельствован природой, чем Генри М. Тернер. Уроженец Южной Каролины, он, кажется, обладает гением и огнем Калхоунов и Макдаффи, не обладая ни каплей их крови. Мистер Тернер - крупного роста, приятной наружности, со смуглой кожей мужчина сорока лет, с великолепным голосом, беглой речью, приятными жестами и сильным произношением. Говорят, что в нежном возрасте двенадцати лет ему приснился сон, в котором он увидел множество мужчин, приходящих к нему учиться.^[55] Этот сон произвел на него впечатление, которое преследовало его до настоящего времени, и, без сомнения, оказал большое влияние на формирование его жизненного пути. Он получил лицензию на проповедование еще до того, как ему исполнился двадцать один год. Он присоединился к Церкви А. М. Е. в 1857 году. Во время

восстания президент Линкольн назначил его капелланом 1-го полка U.S. C. T., а также первым из всех цветных капелланов. Он отказался от пастырских отношений со своей церковью и последовал за своими собратьями на поле битвы, где оставался на службе до конца войны.

В своей “Апологии” Таннер говорит о докторе Тернере: “Он замечательный человек; и хотя временами кажется, что кухонные принадлежности находятся в гостиной, и *наоборот*, в нем всегда достаточно того, что требует уважения самых образованных и восхищения масс. Скорее серьезный, чем вежливый, человек, который думает сам за себя, говорит так, как чувствует, и который боится только Бога, память о нем не исчезнет с его жизнью — человек, который действительно может сказать вместе с Фемистоклом: ‘Это правда, что я никогда не учился настраивать арфу или играть на лютне; но я знаю, как возвысить маленький и незначительный город к славе и величию’”.

В проповеди, произнесенной по случаю смерти преподобного Милтона Тиллингаста, пастора Первой баптистской церкви в Мейконе, Джорджия, доктор Тернер показывает себя способным богословом и человеком тончайших чувств. Его “Негр во все века” - произведение редких достоинств, демонстрирующее отличные исследования.

ДЖОЗЕФ Х. РЕЙНИ.

Мистер Рейни - уроженец Южной Каролины, родился в Джорджтауне. Его родители выкупили свою свободу и дали сыну хорошее образование, хотя совершать такой поступок было противозаконно. Его отец был парикмахером, и он занимался этим делом в Чарльстоне до 1862 года, когда, будучи вынужден работать на укреплениях конфедератов, сбежал в Вест-Индию, где оставался до окончания войны, когда вернулся в свой родной город. Он был избран делегатом Конституционного собрания штата в 1868 году и был членом Сената штата Южная Каролина в 1870 году, уйдя в отставку при избрании на Сорок первый конгресс в качестве республиканца, чтобы заполнить вакансию, образовавшуюся из-за непринятия Б. Ф. Уиттмора, и был переизбран на Сорок второй конгресс в качестве республиканца.

Мистер Рейни ниже среднего роста, с темно-оливковым цветом лица, прямыми черными волосами, точеными чертами лица, скромными манерами и достоинством в поведении. Хотя мир не назвал бы его оратором, он, тем не менее, способный участник дебатов, и в своем ответе “Сансет” Кокс в Палате представителей продемонстрировал таланты, превосходящие “Нью-Йоркер”.

ФАННИ М. ДЖЕКСОН.

Мисс Джексон родилась, как мы полагаем, в округе Колумбия примерно в 1837 году и осталась сиротой, когда была еще ребенком. Ее воспитывала ее тетя, миссис Сара Кларк. В те дни у нее были весьма ограниченные возможности для получения образования в Вашингтоне. На попечении миссис Орр она переехала в Нью-Бедфорд, когда ей исполнилось шестнадцать. Пробыв здесь некоторое время, она поселилась в семье мэра Колдуэлла в Ньюпорте, штат Род-Айленд. Именно в это время мисс Джексон проявила те высокие качества ума, которые с тех пор достигли высшей точки в зрелости ученого.

Ее редкий талант привлек внимание мистера Колдуэлла, и с его помощью в связи с миссис Кларк она смогла поступить в школу в Бристоле, штат Род-Айленд, и начать изучение высших учебных заведений. После надлежащей подготовки здесь мисс Джексон поступила в

Оберлинский колледж, где она вскоре заняла место в ряду самых трудолюбивых и прогрессивных студентов. Чтобы иметь возможность оплачивать свои возросшие расходы, она преподавала музыку в деревенских семьях и тем самым помогала другим, одновременно помогая себе. Ее интеллектуальные устремления и моральные качества снискали безраздельное уважение и симпатию ее оберлинских учителей.

Получив диплом с отличием, мисс Джексон сразу же устроилась учительницей в среднюю школу для цветной молодежи в Филадельфии, где в настоящее время является директором. Ее способность управлять учебным заведением принесла ей больше, чем местную известность. Она верит в прогресс и по-прежнему остается студенткой. Она написала несколько хороших статей для прессы, которые демонстрируют недюжинную культуру. Как писательница, она убедительно рассуждает, глубоко мыслит, берется за насущные проблемы и виртуозно справляется с ними.

Мисс Джексон появилась на платформе, и произвела впечатляющий эффект. В своих выступлениях, которые всегда записываются, она скорее бегла, чем красноречива, более основательна, чем блестяща, более склонна к сложным аргументам, чем к закругленным периодам и отточенным предложениям, и все же ни одна точка или предложение не лишены завершенности. Остроумие, юмор, пафос, ирония — льются из ее уст так же свободно, как вода из неиссякаемого фонтана.

Оглядываясь назад на свою борьбу за образование и высокое положение, которого она достигла как учительница и литератор, мисс Джексон в целом является одной из самых замечательных женщин нашего времени.

Внешне она среднего роста; по комплекции — мулатка; черты лица четко очерченные, с интеллигентным выражением лица. Орган доброжелательности заметно развит, как и органы причинности, сравнения, идеальности и возвышенности. Этим объясняется элегантность ее дикции, ослепительность ее риторики и врожденное изящество ее завораживающих способностей. Безупречная в своей репутации, с ее редкими способностями и моральными устремлениями, мисс Джексон не может не принести несказанной пользы своей расе.

АЛОНЗО Дж. РАНСЬЕ.

Мистер Рансье во всех отношениях человек, сделавший себя сам. Родился в Чарльстоне, Южная Каролина, и, хотя его родители были свободными, им приходилось бороться с бедностью, с одной стороны, и рабством — с другой, а возможности сына получить образование были невелики. Говорят, что он никогда не получал регулярного школьного образования. Тем не менее, он так далеко продвинулся в обычном бизнес-образовании, что в возрасте шестнадцати лет занимался доставкой хлопка, риса и других продуктов для некоторых ведущих торговых домов Чарльстона. На протяжении всех своих деловых отношений мистер Рансье завоевывал уважение и доверие тех, с кем он имел дело.

Сразу после войны он внес большой вклад в проведение первого Республиканского съезда, состоявшегося в его штате в 1866 году, и был выбран им для передачи мемориала от этого органа Конгрессу Соединенных Штатов, в котором излагались жалобы лояльных людей и просьбы о защите и помощи правительства от их имени. Он оставался в Вашингтоне почти

месяц в качестве члена так называемого “Внешнего конгресса”, который состоял из ведущих цветных людей со всех концов страны. Он был председателем исполнительного комитета этого органа.

Он был членом конституционного конвента и выборщиком в президенты по билету Гранта и Колфакса в 1868 году. Он провел эту кампанию в качестве председателя исполнительного комитета Республиканского штата с большим здравым смыслом и способностями. Он был аудитором округа Чарльстон и подал в отставку, приняв выдвижение в качестве кандидата на пост вице-губернатора. Будучи избран подавляющим большинством голосов на последнюю должность, он стал, *по должности*, председателем сената и, как таковой, пользовался большой популярностью среди членов сената из-за своих справедливых решений и вежливых манер.

Известно, что он поддерживает всеобщую амнистию и несколько консервативен во многих вопросах государственной политики, но никто никогда не посягал на его личную репутацию. Его можно считать одним из самых надежных и влиятельных людей на Юге.

Мистер Рансье - мулат, моложе сорока лет, с приятными манерами, энергичный, временами полный энтузиазма, деятельный, добродушный, благородный внешне и обладает всеми манерами благовоспитанного джентльмена. Он был избран на место в Конгрессе, где, без сомнения, будет умело представлять свою расу и станет ценным дополнением к делу республиканства. Как оратор, мистер Рансье хорошо выступает, будучи хорошим участником дебатов, всегда используя изысканный язык и — что лучше всего — здравый смысл в своих аргументах.

ИСАЙЯ К. НОСИТ.

Быть хорошим участником дебатов - один из самых благородных даров Бога оратору. За кафедрой и вне ее находятся тысячи мужчин, которые могут произносить проповеди и обращения, оригинальные или избранные, и делают это в самом одобренном ораторском стиле, и все же не могут обсудить простой вопрос с ребенком. Это может показаться экстравагантным тем, кто не был за кулисами с общественными деятелями. Опытный и надежный участник дебатов должен обладать мозгами, хорошо развитым умом, способностью использовать ресурсы по своему желанию; затем - даром болтливости, темпераментом, полностью находящимся под его контролем, и должен обладать обычной степенью вежливости. Дайте такому человеку справедливое дело, и вы получите первоклассного спорщика. Мы слушали самых способных людей в британском парламенте и за его пределами двадцать лет назад, когда Броэм, Дерби, Томпсон, Дизраэли, Кобден и множество английских ораторов были в расцвете сил, и мы с восторгом сидели на галерее Французского собрания, когда оппозицию возглавлял Ламартин. Мы провели двадцать пять лет с аболиционистами нашей собственной страны, на собраниях которых было услышано больше красноречия, чем с любым другим объединением мужчин и женщин, когда-либо выступавших на мировой арене. И в конце концов, мы пришли к выводу, что самый логичный, готовый, надежный и красноречивый участник спора, которого мы когда-либо слышали, - это чернокожий мужчина, и этот чернокожий мужчина, джентльмен, чье имя возглавляет этот очерк.

Исайя К. Уирс - житель Филадельфии, но уроженец Балтимора, штат Мэриленд, ему около пятидесяти лет. Вот уже более четверти века он является ведущим человеком в своем городе, особенно в организации и поддержке литературных обществ. “Платоновский институт”,

“Гаррисоновский институт”, “Филадельфийская библиотечная компания” и некоторые более мелкие ассоциации обязаны своим существованием энергии, неутомимому рвению и здравому смыслу мистера Уирса. Верность свободе и возвышению своей собственной расы держала его всегда на чеку, в ожидании врага. Колонизационное общество нашло в нем злейшего и безжалостного врага, а негр - способного и красноречивого защитника.

Он долгое время стоял во главе “Института Баннекера”, одной из лучших и наиболее полезных ассоциаций в нашей стране, и где мы слушали самые хорошие речи, какие когда-либо произносились в залах Конгресса. Мистер Уирс не ограничивается в своих трудах литературной и политической деятельностью, но является одним из выдающихся людей в церкви, и, если бы он чувствовал себя призванным проповедовать, сейчас он был бы украшением кафедры.

Лично он невысокого роста, с опрятной фигурой, чистым африканским происхождением, интеллигентным выражением лица и глазами, которые смотрят прямо сквозь вас. Мистер Уирс имеет хорошее образование, джентльменскую внешность, хорошо начитан, с безупречным характером и является гражданином, почитаемым всеми.

ДЖОСАЙЯ Т. УОЛЛС.

Джосайя Т. Уоллс родился в Винчестере, штат Вирджиния, 30 декабря 1842 года; получил образование в обычной школе; является плантатором; был избран членом Конституционного собрания штата в 1868 году; был избран членом Палаты представителей Законодательного собрания штата в 1868 году; прослужив один год, был избран в Сенат штата на четыре года в 1869 году и был избран в Сорок второй Конгресс как республиканец от штата Флорида.

По росту мистер Уоллс худощав; по цвету лица - мулат; короткие вьющиеся волосы; благородно одет; вежлив в манерах; и пользуется уважением тех, кто знает его лучше всего.

Иногда он читает свои речи, из-за чего кажется скучным; но на самом деле он человек силы и характера и проделал хорошую работу в принятом им штате.

Мистер Уоллс глубоко интересуется сельским хозяйством и гордится тем, что прививает свои хорошо информированные взгляды вольноотпущенникам, о благополучии которых он заботится. Как фермер, он занимает одно из первых мест в своей местности, и его поголовье намного лучше, чем у его соседей.

ДЖОН ПАТТЕРСОН СЭМПСОН.

Джеймс Д. Сэмпсон из Северной Каролины, отец объекта настоящего уведомления, благодаря своему богатству и предприимчивости домашнего плотника, много лет назад сделал семью Сэмпсонов отличием в этом штате. Это были свободные люди шотландского и африканского происхождения, которые высоко ценили образование и в какой-то степени хвастались своим революционным происхождением. Он обучал своих детей в северных школах, и (по специальному законодательству) до войны его семье были предоставлены определенные привилегии. Однако после того, как он построил несколько прекрасных зданий, перед властями возник вопрос, следует ли разрешить ему жить в том, которое предназначалось для его семьи, хотя улица по соседству с его участком носила его имя.

Джон, Бенджамин и Джозеф были склонны к литературным профессиям. Бенджамин, вероятно, лучший ученый, окончил Оберлинский колледж; был профессором классической литературы в Институте Эйвери в Пенсильвании, а сейчас с отличием занимает аналогичную должность в Уилберфорсе, штат Огайо. Джон П. Сэмпсон, самый активный участник общественной жизни, родился в Уилмингтоне, штат Северная Каролина, в 1838 году. В раннем возрасте его отправили в Кембридж, штат Массачусетс, где он получил образование в обычной школе; затем в числе первых цветных юношей, поступивших в школы для белых Бостона, он окончил Комерс-колледж по курсу бухгалтерского учета, навигации и гражданской инженерии, но начал жизнь учителем в государственных школах Нью-Йорка, пока, вдохновленный речью Уильяма Уоткинса, не бросил школу и не занялся агитацией в Нью-Йорке под руководством Горация Грили и Джеймса Макьюна Смита в защиту избирательного права негров, продолжая в течение нескольких лет читать лекции в запад.

Он несколько лет издавал “Цветной гражданин” в Цинциннати, единственную цветную газету о военной политике, опубликованную во время войны, и ему помогала Христианская комиссия, которая распространила тысячи писем среди цветных солдат. Газета обычно цитировалась как солдатский орган. В то же время он редактировал по почте газету, издаваемую компанией цветных мужчин в Луисвилле, штат Кентукки. Он изучал богословие в Западной теологической семинарии в Пенсильвании и был рукоположен старейшиной процветающей общины в Аллегани, штат Пенсильвания; был директором Фонетической академии в Боулинг-Грин, штат Кентукки, которому помогали профессор Мюррей и другие способные преподаватели. Он согласился участвовать в работах по восстановлению; генерал Говард поручил ему присматривать за школами в Третьем округе Северной Каролины; избран казначеем и ассессором Уилмингтона; выдвинут в Законодательное собрание и вскоре стал видным кандидатом в Конгресс; и мог бы добиться успеха, если бы не некоторое искажение связи его отца с покупкой рабов перед войной, чтобы помочь им получить свободу.

Заинтересовавшись профессией юриста, он отказался от своих перспектив на Юге, выдержал канцелярский экзамен в Вашингтоне, был назначен на должность клерка в Казначействе, читал юриспруденцию в Национальном юридическом университете, окончил его и был допущен к практике в Окружном Верховном суде. Вскоре он стал видным деятелем в окружной политике, опубликовал энергичную предвыборную газету, был привлечен генеральным комитетом для выступления на республиканской агитации 1872 года, и с тех пор губернатор Кук назначил его одним из судей округа в связи с его нынешней должностью в Казначействе.

Мистер Сэмпсон - способный писатель, красноречивый и интересный оратор, с утонченными манерами джентльмена и пользуется большим уважением. Лично он высокий и стройный, с благородной фигурой, хорошо поставленной головой, яркими глазами и лицом, излучающим интеллект.

БЕНДЖАМИН С. ТЕРНЕР.

Мистер Тернер - мужчина крупного телосложения, с полной грудью и широкими плечами, приплюснутым носом, вьющимися волосами и выглядит так, словно жил на плантации.

Он родился в округе Галифакс, Северная Каролина, 17 марта 1825 года; воспитывался как раб и не получал начального образования, потому что законы этого штата запрещали обучать рабов; переехал в Алабаму в 1830 году и путем тайного обучения получил хорошее образование; в

настоящее время является торговцем товарами широкого потребления; был избран сборщиком налогов округа Даллас в 1867 году и членом совета города Сельма в 1869 году; и был избран в Сорок второй Конгресс как республиканец от штата Алабама. Мистер Тернер, хотя и всегда находится на своем месте во время заседаний Палаты представителей, очень тих; его редко можно увидеть беседующим; голосует, но никогда не выступает; имеет репутацию человека здравого смысла и политической прозорливости в бизнесе. Он пользуется безграничным доверием своих избирателей, и на него смотрят как на лидера среди своего народа.

П. Б. С. ПИНЧБЕК.

Продвигаясь вверх от стартовой точки для цветных на Юге и, наконец, достигнув места в Сенате Соединенных Штатов, мистер Пинчбек занял первое место в расе, которую представляет его цвет кожи. Его должность вице-губернатора штата Луизиана в то время, когда требовались истинное мужество, мужественная энергия, большое благоразумие и здравый смысл, показала, что он обладает некоторыми из лучших качеств государственного деятеля.

Хитрый Вармот нашел нечто большее, чем себе равных, в своих попытках превратить цветного человека в орудие. Став исполняющим обязанности губернатора штата, он удивил даже своих самых близких друзей проявленными способностями.

За победу над Вармотом и огромную пользу, которую она принесет штату, народ Луизианы многим обязан исполняющему обязанности губернатора Пинчбеку. Если бы он принял предложенную Вармотом взятку и действовал как его сообщник, посягательства на государственную казну, назначение людей государственными должностными лицами вопреки выраженному желанию народа были бы осуществлены без каких-либо средств возмещения ущерба, оставшихся в руках народа. Патриотическими действиями губернатора Пинчбека были предотвращены бедствия, которые последовали бы за сохранением власти Вармота, и среди масс сразу возникло большее чувство безопасности.

У цветного населения Луизианы есть основания гордиться тем, что представитель их расы сыграл столь заметную роль в том, чтобы воспользоваться возможностью и проложить путь к избавлению штата от той силы, которая тормозила его прогресс.

Поведение государственного деятеля Оскара Дж. Данна и мистера Пинчбека свидетельствует о большой чести интеллекта цветных граждан этого содружества.

Мистер Пинчбек - человек энергичный, красноречивый в речи, с джентльменскими манерами, добрый и гостеприимный, и, как говорят, человек состоятельный.

ДЖЕЙМС ЛИНЧ.

Мистер Линч родился в городе Балтимор, штат Мэриленд, примерно в 1840 году. Его отец, занимавшийся коммерцией, был вольноотпущенником, а его мать была рабыней, но ее свобода была куплена мужем. Будучи совсем маленьким, Джеймс был занят заботой об интересах своего отца, и есть те, кто помнит его как удивительно умного и привлекательно выглядящего парня, руководившего командой доставки, которая доставляла товары покровителям его отца в городе. Как только он достаточно подрос, его отправили в Ганновер, штат Нью-Гэмпшир, поступать в Кимбаллский университет, который в свое время он окончил с обычным отличием.

После завершения своего образования мистер Линч отправился в Индиану, где несколько лет был проповедником Евангелия. Затем он отправился в Галену, штат Иллинойс, где женился. В следующий раз мы слышим о нем в Филадельфии, где он избрал почетное призвание редактора “Рекордера”, популярного методистского издания. Он был известен повсюду как красноречивый оратор, способный и бегло пишущий, и вращался в таком же хорошем обществе, как, возможно, любой из его коллег.

В 1867 году мистер Линч переехал в штат Миссисипи и занял кафедру в одной из методистских церквей Джексона. Там он стал редактором религиозного журнала.

Статьи Линча всегда были тщательно подготовлены, вдумчивы, аргументированы и убедительны и, несомненно, производили хорошее впечатление везде, где их читали.

Впервые он стал политически заметным в Миссисипи во время так называемой кампании “Дент-Олкорн” 1869 года, когда республиканцы выдвинули его кандидатуру на пост государственного секретаря, он провел опрос лучших ораторов штата и был должным образом избран и квалифицирован, и вплоть до своей кончины умело и эффективно выполнял все требования, предъявляемые к этой важной и ответственной должности.

Мистер Линч был смуглого или кофейного цвета, немного ниже среднего роста, с правильными чертами лица, джентльменским и добросердечным характером, добродушным собеседником, которого любили все, кто его знал. Он умер 18 декабря 1872 года.

УИЛЬЯМ СТИЛЛ.

Герой этого очерка - уроженец штата Нью-Джерси, он родился в округе Берлингтон 7 октября 1821 года. Он вырос на ферме, принадлежащей его отцу и матери, Левину и Чарити Стилл. Непосредственная близость к месту его рождения давала мало преимуществ для образования беднейшего класса белых, а тем более для цветных детей, которым приходилось сталкиваться с предрассудками тех времен, связанными с ненавистью к неграм; тем не менее тяга Уильяма к знаниям и любовь к книгам произвели на него хорошее впечатление у учителя общей школы, которая обеспечила мальчику обучение в четверти класса и некоторую дополнительную помощь в дождливые дни.

Все товарищи цветного мальчика были белыми, тем не менее, его хорошее поведение, искреннее рвение и быстрое продвижение по службе снискали ему дружбу как учителей, так и учеников, и многое сделали для разрушения предубеждения против цветной расы в этой местности.

Благодаря усердной учебе и посторонней помощи он овладел чтением, письмом и арифметикой, а с возрастом стал уделять значительное внимание классике.

Жестокие расовые предрассудки, с которыми Уильяму Стилли приходилось сталкиваться в его деловых контактах с белыми, рано пробудили в нем глубокий интерес к делу свободы, за которое тогда выступали аболиционисты, и он стал подписчиком одного из их еженедельных журналов. В то время он был единственным цветным человеком в городе, который брал такую газету, и с его небольшой зарплатой было нелегко оплачивать подписку и почтовые расходы.

Видя пагубные последствия употребления одурманивающих напитков в обществе, мистер Стилл Эрли принял принципы воздержания, которых он цепко придерживается по сей день.

Твердо придерживаясь моральных, религиозных взглядов и принципа воздержания, Уильям Стилл в возрасте двадцати трех лет переехал на жительство в Филадельфию.

Хотя перед ним стояли искушения великого Вавилонского Столпотворения, его ранние убеждения не позволяли ему поддаться.

Давняя связь Уильяма Стилла с офисом по борьбе с рабством в Филадельфии, его близкие отношения с аболиционистами Пенсильвании, группой мужчин и женщин, о которых нельзя сказать слишком много похвал, и глубокий интерес, который он испытывал к беглым рабам, направлявшимся через этот город в Канаду, выдвинули его на видное место в глазах американского народа.

Мистер Стилл хорошо образован, обладает хорошими талантами и развивает их. Он интересный и убедительный писатель, и некоторые истории о беглых рабах, которые он недавно опубликовал в своем ценном труде “Подземная железная дорога”, указывают на него как на одного из лучших благотворителей своей расы. После начала войны рабовладельцев стало ясно, что рабство будет отменено, и закрытия офиса по борьбе с рабством в Филадельфии, мистер Стилл занялся торговлей углем, благодаря чему он стал независимым.

Честный во всех своих поступках, верный друг, безупречный в семейных отношениях, любящий муж и отец, мы всегда гордились тем, что Уильям Стилл является образцовым мужчиной.

Герой этого очерка среднего роста, безупречной расы, с выдающимися и правильными чертами лица, с постоянной улыбкой на лице, приветливый, с чувством юмора, опрятный, джентльменского поведения и интересный в разговоре. Среди всех хороших мужчин и женщин, которые его знают, как цветных, так и белых, ни один мужчина не стоит выше и не пользуется большим доверием, чем Уильям Стилл.

ПИТЕР Х. КЛАРК.

Как острый мыслитель, красноречивый и великолепный оратор, обладающий редкими интеллектуальными способностями, прекрасным образованием и высокой культурой, нравственной натурой, полной сочувствия и доброжелательности ко всему человечеству, Питер Х. Кларк по праву стоит в первом ряду выдающихся людей своей расы. Хотя мистер Кларк и не старый человек, в течение последней четверти века он принимал видное участие во всех крупных конвенциях, призванных рассмотреть состояние и наилучшие средства для морального, социального и политического возвышения цветного населения Соединенных Штатов. Мистер Кларк был связан с Фредериком Дугласом в редакционном руководстве “Полярной звезды” двадцать лет назад, и его статьи всегда были свежими, энергичными и красноречивыми.

В различных политических состязаниях в штате Огайо за последние десять лет он занимал лидирующую позицию, и его появление на публичных собраниях в округе Гамильтон во многом способствовало уничтожению предрассудков, столь широко распространенных в этой части.

Его аргументированные речи, научные достижения и джентльменское поведение принесли несказанную пользу его расе по всему Огайо.

Во время Восстания, когда цветные граждане Цинциннати подверглись жестокому обращению, Питер Х. Кларк выступил вперед как их представитель и благородно выполнил свой долг.

История “Черной бригады”, написанная в то время, оказала ему большую честь и имела огромную ценность для чернокожего человека.

Мистер Кларк проживает в Цинциннати и является директором средней школы Гейнса в этом городе. Ему, вероятно, больше, чем какому-либо другому человеку, цветные люди там обязаны за привитие им присущего им похвального стремления к образованию и продвижению по службе.

Он несколько ниже среднего роста, худощавый, с резкими чертами лица, яркими глазами, скорее недомогающего вида, гостеприимный и добрый, прямолинейный и джентльменский во всех жизненных отношениях, имеющий множество поклонников везде, где его знают. Ни один человек не был более верен своему угнетенному народу, чем Питер Х. Кларк, и никто так не заслуживает их безграничного доверия, как он.

Перу мистера Кларка мы обязаны зарисовкой Джона И. Гейнса в этой работе.

ФРЭНСИС ЭЛЛЕН ХАРПЕР.

Миссис Харпер - уроженка Мэриленда, родилась в Балтиморе в 1825 году в семье свободных родителей. То, чего она была лишена в молодости с точки зрения образования, она наверстала в последующие годы и сейчас считается одной из самых образованных и начитанных женщин того времени. Ее поэтический гений проявился рано, и некоторые из ее стихотворений вместе с несколькими прозаическими статьями под названием “Лесные листья” были опубликованы и привлекли значительное внимание еще до того, как она стала известна публике благодаря своим умелым ораторским выступлениям.

Статья миссис Харпер “Христианство” выдержит сравнение с любой подобной статьей на английском языке.

Глубоко переживая ущерб, нанесенный ее расе, она наиболее эффективно трудилась как пером, так и речью ради свержения рабства, и за десять лет до начала Восстания пресса по всем свободным штатам отмечала ее усилия как одни из самых успешных в стране.

Немногие из наших американских поэтов написали стихи, более заостренные против существующего зла, чем Фрэнсис Эллен Харпер. Ее красноречивое стихотворение “Профсоюзным спасителям Кливленда”, посвященное возвращению беглой рабыни к ее хозяину на Юге, всегда будет читаться с чувством негодования против народа Севера, который мог допустить, чтобы творились такие вещи.

“Мать-рабыня” будет стоять рядом с лучшими стихотворениями Уиттиера, посвященными “Особому учреждению”. Стихи о “Воззвании” и “Пятнадцатой поправке” ее раса будет с восторгом читать спустя века.

Все произведения миссис Харпер отличаются целомудренным языком, глубоким размышлением и волнующим душу звучанием, которое освежает читателя.

Как оратор она занимает заслуженно высокое положение; ее аргументы убедительны, призывы патетичны, логика пылка, воображение пылко, а изложение оригинально и легко. Миссис

Харпер ведет себя с достоинством как на людях, так и в частной жизни, при этом остроумна и общительна. Она самая талантливая цветная леди, которая когда-либо появлялась на публике в нашей стране, и это честь для расы, которую она представляет.

Лично миссис Харпер высокая, с опрятной фигурой; цвет кожи мулатки, яркие глаза, улыбчивое лицо и интеллигентная в разговоре.

УИЛЬЯМ Ф. БАТЛЕР.

Мистер Батлер - уроженец Галифакса, Новая Шотландия, и приехал в Штаты в 1853 году. Три года спустя он был рукоположен преподобным Уильямом Х. Бишопом и начал как проповедник Церкви Сион М.Э. Сейчас он пастор церкви Святого Марка в Нью-Йорке. В течение последних трех или четырех лет мистер Батлер принимал активное участие в политике Эмпайр-Стейт и был направлен в качестве делегата на Национальный республиканский съезд, который выдвинул генерала Гранта на его второй срок и в собрании которого он оказывал значительное влияние на цветных делегатов с Юга.

Мистер Батлер - человек хорошо образованный, начитанный, с цепкой памятью, способный вести дебаты, быстро использующий преимущество оппонента, красноречивый оратор-импровизатор и пользующийся популярностью в массах.

Старшие проповедники “Сиона” считают его “упрямым”, и несколько лет назад он порвал с этой связью и основал церковь, которой сейчас руководит. Он обладает огромной энергией и силой характера, и его обычно можно найти в первых рядах, а не в качестве последователя. Рост мистера Батлера ниже среднего, опрятная фигура, благородная внешность, смешанная кровь, пронизательные, яркие глаза, приятное выражение лица, легкие манеры и интересный разговор. Ему около тридцати лет. Во всех чрезвычайных ситуациях он считался верным своей расе и может рассматриваться как представительный мужчина.

Т. МОРРИС ЧЕСТЕР.

Мистер Честер - уроженец Пенсильвании, по профессии юрист. Он провел несколько лет в Либерии, вернулся домой и принял почетное участие в войне повстанцев. Он много путешествовал по Европе, производя хорошее впечатление везде, где появлялся. В 1867 году почтенный К. М. Клей, посланник в России, в переписке с Государственным департаментом в Вашингтоне сообщил о визите мистера Честера в Санкт—Петербург:

“Сэр: Капитан Т. Моррис Честер, бывший военный Добровольческой армии Соединенных Штатов, находясь в Санкт—Петербурге, хорошо рекомендованный уважаемыми гражданами Соединенных Штатов, а также хорошо образованный и приятный в обращении, я зашел к министру иностранных дел и сказал ему, что я не буду обращаться обычным способом, посредством записки, с просьбой представить капитана Честера, цветного американского гражданина, его Императорскому Величеству, поскольку прецедента не было, и я не знал, как его Императорское Величество будет склонен действовать; но я желал, чтобы он обратился к его Императорскому Величеству неофициальным образом, и выясните его пожелания на этот счет. Заместитель министра иностранных дел мистер Де Вестманн согласился с этим предложением и через несколько дней написал мне, что император отдал приказ внести имя капитана Честера в список лиц, подлежащих первому представлению.

“Сегодня по случаю большого смотра императорской гвардии император отправил капитану Честеру приглашение принять участие в смотре, что он и сделал, проехавшись верхом со штабом его Императорского Величества и пообедав в зимнем дворце с офицерами штаба и частью императорской семьи, которые сопровождали императора на обеде.

“Я ознакомил вас с этими фактами, поскольку считаю это дело довольно важным. У нас четыре миллиона цветных граждан; они с нами и от нас зависят как от добра, так и от зла.

“Я думаю, что долг всех добропорядочных граждан - попытаться возвысить африканскую расу в Америке, внушить им все возможное чувство собственного достоинства и подготовить их к тому окончательному влиянию, которое они должны рано или поздно оказать на политические и экономические интересы Соединенных Штатов. Именно эти взгляды повлияли на мои действия в данном случае, которые, не будучи пристрастными по своему характеру, я должен надеяться, удовлетворили бы всех патриотически настроенных американцев”.

Мистер Честер - чистокровный африканец по происхождению, великолепно выглядящий мужчина с высоко воспитанными манерами.

ДЖОЗЕФ Дж. КЛИНТОН, д. Д.

Джозеф Дж. Клинтон - уроженец Филадельфии, родился 3 октября 1823 года, имеет хорошее образование в обычной школе, учился в институте Аллегани, но не окончил его. Он был учеником Фрэнсиса Чу, парикмахера, и научился этому ремеслу. В возрасте пятнадцати лет он познал религию, присоединился к сионской методистской деноминации и стал горячим защитником дела Христа. Он начал как проповедник-мирянин в раннем семнадцатилетнем возрасте. В восемнадцать лет он занялся собственным бизнесом по производству волос, но продолжал проповедовать Евангелие тем, кто хотел услышать.

В 1843 году епископ Клинтон был рукоположен в старейшины, а в 1856 году - в епископа. Во время гражданской войны он почти все время проводил на Юге. Как капеллан Первого цветного полка Соединенных Штатов, полковник Холман, мистер Клинтон проделал хорошую работу среди представителей своей расы. Он не ограничивался простыми лагерными обязанностями, но выполнял миссионерскую работу, которая имела свое влияние среди рабов повсюду. Видя, что распространение Евангелия имеет большее значение, чем пребывание в полку, епископ Клинтон полностью посвятил себя евангельской миссионерской работе. Он организовал десять конференций, рукоположил и лицензировал семьсот служителей, принял двести тысяч членов деноминации, привел сто тысяч детей в Субботнюю школу и объездил все Южные штаты. В 1869 году он посетил Калифорнию и организовал конференцию в Сан-Франциско.

Лично епископ Клинтон полноват, мясист и хорошо сложен. У него полное лицо, что указывает на крепкое здоровье и счастливую удовлетворенность; выражение лица мягкое, доброжелательное и вдумчивое, с выражением честности, обозначающим его неспособность совершить подлый поступок. Епископ - хороший декламатор, и бурные и ошеломляющие излияния его природного красноречия, поразительная оригинальность его концепций, непреодолимая сила его пленительного голоса, яркая и обильная демонстрация иллюстраций волнуют и очаровывают слушателя. Он пользуется заслуженной популярностью среди общественности, а также среди своей собственной конфессии. Он председательствует на конференциях с большим достоинством и беспристрастностью, решая вопросы в соответствии

с Кушингом и справедливостью, без страха или благосклонности. Епископ Клинтон проживает в городе Филадельфия, в окружении любящей семьи и множества восхищенных друзей.

БЕНДЖАМИН Т. ТАННЕР, доктор медицинских наук

Доктор Таннер является редактором “Christian Recorder”, органа Африканской методистской епископальной церкви (Вефиль). Он мулат среднего роста, скромный и благородный, общительный и приятный в общении, имеет классическое образование. “Апология африканского методизма” Таннера - самая талантливая письменная работа, когда-либо созданная на эту тему. В ней он использует факты и статистику, но они обладают разнообразной красотой радуги и золотым сиянием солнечного света, если смотреть на них через призму его богатого воображения. Мало кто может превзойти его в описании; более того, он виртуозно владеет пером в этом отделе литературы, каждая идея которого полна продуманности. Как редактор журнала “The Recorder”, он написал много остроумных, содержательных и блестящих высказываний. В его передовицах сквозит оттенок роскоши, который всегда освежает. Как оратор доктор Таннер пользуется хорошей репутацией: он свободно говорит, готов, ведет себя непринужденно и надежен в своих заявлениях.

Широкая репутация его журнала за пределами его собственной конфессии, вероятно, является лучшим испытанием его способностей как газетного дирижера. Он много сделал для распространения методизма среди нашего народа и для привития чувства более образованного служения, которое повсюду необходимо. Усилия доктора Таннера, направленные на возвышение своей расы, принесли долговременную пользу, и, поскольку он все еще молод, мы с нетерпением ожидаем, что он добьется большего на обширном поприще, которое ему предстоит. Как гражданин Филадельфии, он предприимчив, энергичен и работает на общественное благо. Он пользуется большим уважением среди всех классов и по праву занимает положение представительного человека, чей титул был получен по заслугам, а не по милости.

СИНГЛТОН Т. ДЖОНС, доктор медицинских наук

Синглтон Т. Джонс - уроженец Пенсильвании, ему около пятидесяти лет. Он высок, с прекрасной фигурой, приятным лицом, яркими глазами и безупречной расой и цветом кожи. Он начал путешествовать в качестве проповедника Сионской методистской деноминации в 1847 году и был рукоположен в епископа в 1868 году. Он человек исключительной силы и красноречия. Его проповеди блистательны неизмеримой поэзией и изобилуют остроумием, инвективами, пламенной риторикой и логикой.

Епископ часто удивляет своих внимательных слушателей своими историческими познаниями. Выступая за кафедрой, он проливает свет на предмет своим остроумием, доводит истину до конца убедительными аргументами и закрепляет ее цитатой из Священного Писания, а также захватывающим и колким обращением, которое действует на аудиторию подобно разряду электрической батареи. Никто не спит под проповеди епископа Джонса, ибо он долгое время считался самым красноречивым человеком в своей деноминации. У него безупречный

характер, и он благословлен большим кругом друзей и самыми счастливыми семейными отношениями.

ДЖЕРМИН В. ЛОГУЭН.

Родившийся работавшим на Юге и бежавший в свободные штаты около тридцати лет назад, Джермин В. Логуэн прошел через огненное испытание, которое ожидало каждого беглого лектора или проповедника в те дни. Он был одним из первых, кто подвел итоги работы подземной железной дороги, и очень благородно выполнял свою работу. Более двадцати лет епископ Логуэн трудился в сезон и вне сезона в западном Нью-Йорке в качестве опытного проводника на дороге, помогая беглецу на его пути в Канаду. Как лектор, его разнообразный опыт, красноречивые и действенные речи многое сделали для изменения общественного мнения в пользу свободы.

Как проповедник, он был очень популярен в Сионской методистской деноминации, с которой он выступал. Его образование было ограниченным, но он использовал хороший язык как в своих проповедях, так и в обращениях. Примерно в 1868 году он стал епископом и исполнял свои обязанности с честью для себя и удовлетворением для своего народа.

Но епископа Логуэна дольше будут помнить за его гуманитарную деятельность. Если быть честным и преданным делу своего народа в день его горя и нужды, когда друзей было мало, а врагов много; если быть глазами для слепых, ногами для хромых, хлебом для голодных и убежищем для отверженных нашего страждущего и преследуемого народа, когда в Америке было модно охотиться на людей; если посвятить всю жизнь делам гуманности и справедливости, дает человеку право на уважение его собратьев, и особенно привилегированного класса, Джермин В. Логуэн добился успеха. заслужил такое уважение.

Лично он был крупного телосложения, смешанной крови, с сильным мужественным голосом, красивым лицом, благородными манерами и интересным собеседником. Он умер в 1871 году.

РУФУС Л. ПЕРРИ.

“Нэшнл монитор” - это бдительный журнал, редактируемый Руфусом Л. Перри, живым человеком во всех смыслах этого слова. Как секретарь-корреспондент “Объединенной американской ассоциации образования”, мистер Перри принес большую пользу делу образования на Юге среди вольноотпущенников, которые так нуждаются в таких усилиях. Его общество в основном занимается отправкой на места одобренных миссионерских проповедников и учителей; организацией школ и миссий на самоокупаемой основе в более отдаленных частях Юга; поиском квалифицированных цветных учителей и наличием их под рукой для отправки по мере необходимости.

Ассоциация находится под эгидой баптистской деноминации, и “Национальный монитор”, редактором которого является мистер Перри, можно назвать органом этой секты. Колонки газеты хорошо демонстрируют разносторонний характер джентльмена, чей мозг дает пищу для размышлений ее читателям, и причину ее широкой популярности.

Мистер Перри - человек, сделавший все сам, хорошо образованный, обладающий великолепными природными способностями, способный и красноречивый оратор, пользующийся популярностью как в других религиозных организациях, так и в своей собственной, и приносящий пользу всем, где бы он ни оказался. Он преданно привязан к своей расе и никогда не оставляет камня на камне, чтобы улучшить их моральное, социальное, религиозное и политическое состояние.

Как житель Бруклина, штат Нью-Йорк, его влияние ощущается в формировании и поддержании характера цветных людей. Мистер Перри считается одним из самых эффективных баптистских священнослужителей "Города церквей".

ЛЕОНАРД А. ГРАЙМС.

Уроженец округа Лаудон, штат Вирджиния, родившийся в Лисбурге в 1815 году от свободных родителей, Леонард А. Граймс был подвергнут всем ограничениям, с которыми его расе приходилось сталкиваться на Юге, за исключением положения связанного раба. Еще мальчиком юный Граймс отправился в Вашингтон, где устроился на работу в мясную лавку, а затем в аптеку. Впоследствии он нанялся к рабовладельцу, доверие которого вскоре завоевал. Сопровождая своего работодателя в некоторых его путешествиях по отдаленному Югу, он имел возможность увидеть различные фазы жизни рабов; и их жестокость породила в его сознании раннюю ненависть к этому институту, которая сохранялась в нем на протяжении всей его долгой и насыщенной событиями карьеры.

По возвращении в Вашингтон герой этого очерка начал проявлять интерес к подземной железной дороге, и ему многие беглые рабы были обязаны своей свободой. Свободный цветной мужчина с женой-рабыней и семьей детьми обратился к мистеру Граймсу с просьбой помочь им бежать, поскольку жену и детей должны были увезти далеко на Юг. Благодаря доброте этого хорошего человека семье удалось добраться до Канады, где они были свободны. Семью разыскивали, подозрение пало на Граймса как на виновника их побега, его судили, признали виновным и отправили в государственную тюрьму в Ричмонде на два года.

По истечении срока тюремного заключения мистер Граймс вернулся в Вашингтон и вскоре переехал в Нью-Бедфорд, штат Массачусетс, где прожил два года, а затем переехал в Бостон. В это время небольшая баптистская община совершала богослужение в зале, и они позвали мистера Граймса быть их пастором. На этом новом поприще он вскоре начал проявлять большие управленческие способности, которые должны были стать благословением для его расы в Бостоне. Двенадцатая баптистская церковь, главой которой он был четверть века, и прихожане, состоящие из представителей лучшего класса цветных граждан метрополии, являются памятником, которого никому не нужно стыдиться. мистер Граймс был ярким противником рабства, в то время как многие из его братьев-священнослужителей были по другую сторону баррикад.

Мистер Граймс был человеком с очень дружелюбным характером, у него всегда находилось подбадривающее слово и улыбка для тех, с кем он соприкасался. Как проповедник, он был человеком власти, хотя и нелегким оратором. Он был мулатом приятной внешности, с хорошими манерами, исполненный достоинства и обходительный. Ни один человек не был более любим

своими друзьями или уважаем обществом. На его похоронах, которые состоялись в марте 1873 года, в длинном кортеже, следовавшем за его останками, было более пятидесяти экипажей. Не часто бывает, чтобы человек покидал мир с меньшим количеством врагов или более близкими друзьями, чем у Леонарда А. Граймса.

ДЖОН СЕЛЛА МАРТИН.

Джон Селла Мартин - уроженец штата Северная Каролина, родился в Шарлотте в 1832 году. Он был рабом своего хозяина, который продал его, когда он был еще ребенком. Часть его жизни прошла в Джорджии и Луизиане, из последнего из этих штатов он сбежал в 1856 г. Мистер Мартин некоторое время жил в Чикаго, готовился к служению в Детройте и впервые был поселен при церкви в Буффало. Он приехал в Бостон в 1859 году и был представлен публике в Тремонт Темпл преподобным мистером Каллохом, для которого он проповедовал несколько недель во время отпуска этого джентльмена. Впечатление, которое мистер Мартин произвел, находясь в Храме, было очень благоприятным; и после того, как он некоторое время занимал кафедру в Лоуренсе, его поселили в баптистской церкви на Джой-стрит в Бостоне. С тех пор он проповедовал в Нью-Йорке и Вашингтоне, но сейчас занимается политикой, отказавшись от служения три или четыре года назад.

Мистер Мартин трижды посещал Англию и хорошо осведомлен о вопросах, касающихся этой страны, а также об этом. Он легко говорит, бегло и с готовностью, и производит впечатление человека, хорошо информированного по предмету, о котором он говорит. Какое-то время он был редактором "Нэшнл Эра", а затем редактором-корреспондентом той же газеты. Однако ему не хватает целеустремленности. В своих газетных статьях мистер Мартин демонстрирует значительные литературные способности. Лично он имеет смешанную кровь, джентльменскую внешность и утонченные манеры.

“МОИСЕЙ”.

В течение восьми или десяти лет, предшествовавших началу Восстания, все, кто посещал антирабовладельческие съезды, лекции, пикники и ярмарки, не могли не видеть чернокожую женщину среднего роста, без верхних передних зубов, с улыбающимся лицом, одетую в грубую, но опрятную одежду, со старомодным ридикюлем, или сумкой, подвешенной сбоку, и которая, заняв свое место, сразу же засыпала крепким сном. Этой женщиной была Харриет Табман, более известная как “Мозес”.

Впервые она приехала в Бостон в 1854 году и вскоре стала желанной гостьей в домах ведущих аболиционистов, которые всегда были внимательными слушателями ее странных и насыщенных событиями историй. Ее жизнь на плантации, где она родилась рабыней на Юге, была жестоко интересной. Ее спина и плечи, отмеченные хлесткими ударами плети, говорили о том, насколько бесчеловечным было учреждение, из которого она сбежала. Удар по голове вызвал частичную глухоту и причинил ей травму, из-за которой она уснула сразу же, как только села. У Мозес не было образования, и все же самый утонченный человек мог часами слушать, как она рассказывает чрезвычайно интересные случаи из своей жизни, рассказанные в самой простой манере, но всегда приправленные здравым смыслом.

Во время своего пребывания в Бостоне Мозес совершила несколько визитов на Юг, и именно из-за них она получила прозвище “Мозес”. Мужчины из Канады, которые совершили побег

много лет назад, и чьи семьи все еще находились в тюрьме рабства, будут искать Мозес и заставлять ее пойти и забрать своих близких. Как странно! Эта женщина — одна из самых заурядных на вид представителей своей расы; неграмотная; понятия не имеющая о географии; половину времени спящая, — проникала во внутренние рабовладельческие штаты, днем пряталась в лесах, ночью питалась домашней едой рабовладельца, увозила целые семьи рабов и отправляла их в Канаду, пройдя через самые труднодоступные районы Южной страны. Никогда не был пойман ни один беглец, лидером которого был Моисей.

Находясь в Канаде в 1860 году, мы встретили нескольких человек, которых эта женщина привезла из страны рабства, и все они верили, что она обладает сверхъестественной силой. У одного человека мы спросили: “Вы не боялись, что вас поймают?”

“О нет, - сказал он, - у Моисея есть обаяние”.

“Что вы имеете в виду?” - спросили мы.

Он ответил: “Белым не поймать Моисея, потому что ты видишь, что она родилась с обаянием. Господь дал Моисею силу”.

Да и сама женщина чувствовала, что обладает обаянием, и это чувство, без сомнения, взбодрило ее, придало смелости и заставило всех, кто следовал за ней, чувствовать себя в безопасности в ее руках.

Когда началась война, инстинкт призвал Мозес на действительную службу, и она сразу же уехала на Юг. Задолго до того, как доктрина Батлера о “Военной контрабанде” была признана правительством, Мозес находилась на задворках армии Союза и оказывала хорошую услугу тем представителям своей расы, которые искали защиты в наших рядах. Когда Негритянка надевала “синее”, Мозес была во всей красе и путешествовала от лагеря к лагерю, где с ней всегда обращались самым уважительным образом. Эти чернокожие мужчины отдали бы жизнь за эту женщину, потому что они верили, что у нее была чудесная жизнь.

Говорят, что генерал Бернсайд однажды послал Мозес в лагерь врага, и что она вернулась в свое время с ценнейшей информацией. В последний год Восстания в ее распоряжении был документ, представление которого всегда обеспечивало ей быстрый проезд через любую часть линии фронта Союза.

Мозес последовал за Шерманом в его марше “От Атланты к морю” и стал свидетелем нападения на Питерсбург. Огромное уважение, оказанное ей офицерами Союза, которые никогда не забывали приподнимать фуражки при встрече с ней, и странные истории, рассказанные о ее приключениях первопроходцев, и существенная помощь, оказанная ею своей собственной расе, оставили у них неизгладимое впечатление, что Мозес все еще обладает “очарованием”.

МЭРИ ШАДД КЭРИ.

Мэри Энн Шадд Кэри - уроженка штата Делавэр, несколько лет прожившая в Канаде. Она высокая и стройная, с красивой головой, которую держит в своеобразной манере. У нее приятные черты лица, интеллигентное выражение, яркие, пронизательные глаза, которые

смотрят прямо сквозь вас. Она занимает достойное место среди сильных духом женщин страны.

Миссис Кэри получила гораздо лучшее образование, чем обычно выпадало на долю свободных цветных жителей ее родного штата, и которое она значительно улучшила. Она рано проявила живой интерес ко всем мерам, направленным на возвышение ее расы, и в разное время занимала почетные должности школьного учителя, директора школы, издателя и редактора газеты, лектора и турагента. Как оратор она занимает заслуженно высокое место; как участник дебатов, она быстро использует в своих интересах слабые места своего оппонента, убедительна в своих иллюстрациях, резка в своем сарказме и язвительна в своих упреках.

Миссис Кэри решительна и непреклонна, и вы с таким же успехом могли бы попытаться разрушить каменную стену своим мизинцем, как проверять ее в том, что она считает правильным и своим долгом. Хотя она много общалась в обществе мужчин, посещала множество съездов, состоящих почти исключительно из мужчин, и ходила по тропинкам, куда женщины обычно боятся заходить, никто никогда не намекал на что-либо против ее репутации, и у нее безупречный послужной список. Будь она мужчиной, она, вероятно, была бы с Джоном Брауном в Харперс-Ферри.

Когда правительство решило отправить цветных мужчин на фронт для помощи в подавлении Восстания, миссис Кэри набрала рекрутов на Западе и доставила их в Бостон с таким же мастерством, тактом и порядком, как любой из офицеров-вербовщиков при правительстве. Ее люди всегда считались лучшими, кого приводили в штаб. Действительно, осматривавший их хирург никогда не переставал отзываться о новобранцах миссис Кэри как о безупречных. Это доказывает справедливость старой пословицы о том, что “Нужна женщина, чтобы выбрать хорошего мужчину”. Мало кто оказал более реальную услугу моральному, социальному и политическому возвышению цветной расы, чем миссис Кэри. Она вдова и все еще находится в расцвете женственности, работает над собой, чувствуя, как она говорит, “Что лучше износиться, чем заржаветь”.

ДЖОРДЖ Л. РАФФИН.

Одним из самых пагубных влияний, которые институт рабства оказал на цветное население страны, было внушение его жертве убеждения в том, что она никогда не сможет подняться выше положения слуги. Тридцать лет назад самым высоким стремлением большинства цветных мужчин было стать личным слугой джентльмена, стюардом на пароходе, метрдотелем в первоклассном отеле, главным парикмахером или чистильщиком обуви с хорошим покровительством и четырьмя-пятью мальчиками под началом для выполнения работы. Даже в наши дни, хотя рабство было отменено десять лет назад, его дух все еще витает среди цветных людей, и, особенно, на Севере. Прислуживать на вечеринках, присутствовать на свадьбах и званых обедах, и, прежде всего, быть поставщиком провизии, по-видимому, является высшей целью наших северных молодых людей, в то время как быть хорошим механиком было бы гораздо почетнее и имело бы большую тенденцию к возвышению расы. Время от времени можно встретить несколько исключений из того, что я написал выше, и одно из них - джентльмен, чье имя возглавляет этот очерк.

Джордж Л. Раффин родился в Ричмонде, штат Вирджиния, в семье свободных родителей и, конечно же, имел ограниченные возможности получения образования. Он приехал в Бостон

около двадцати лет назад и работал парикмахером примерно пять лет с тех пор, как начал изучать юриспруденцию у почтенного Харви Джуэлла. В свое время он был принят в коллегия адвокатов и сейчас пользуется хорошей практикой в своей профессии. Одним из самых похвальных поступков, связанных с возвышением мистера Раффина, является то, что он изучал юриспруденцию, сидя в парикмахерском кресле, и зарабатывал этим на жизнь.

Будучи членом законодательного собрания Массачусетса, мистер Раффин демонстрировал научные достижения в своих выступлениях, которые сразу же поставили его в ряд выдающихся деятелей этого органа. Как оратор он интересен, поскольку его выступления показывают, что он тщательно опрашивает своих слушателей, прежде чем выступить с речью. Мистер Раффин - хороший ученик, и мы думаем, что ему суждено подняться еще выше в своей профессии.

Он проявляет глубокий интерес к возвышению и благополучию своей расы, занимает видное место на всех публичных собраниях, с удовольствием выполняет обязанности председательствующего должностного лица или председателя комитета и пишет резолюции, которые удобочитаемы, а также соответствуют цели, для которой они предназначены. Мистер Раффин пользуется большим уважением в обществе и многое сделал в своих отношениях с видными гражданами для повышения уровня жизни цветного человека. Он смешанной крови, невысокий, плотный, с довольно приятным выражением лица, и на него приятно смотреть. В беседах с нашими молодыми людьми мы часто упоминали карьеру мистера Раффина как достойную подражания.

РИЧАРД Т. ГРИНЕР.

Ричард Т. Гринер - выпускник Гарвардского университета, что при обычных обстоятельствах считается залогом будущей полезности и предпочтения. Вскоре после окончания колледжа его пригласили стать преподавателем в институте для цветной молодежи в Филадельфии. Здесь его труды были высоко оценены, и многие сожалели о его уходе, чтобы возглавить другое учебное заведение в Вашингтоне, где он сейчас проживает.

Мистер Гринер проявляет глубокий интерес ко всему, что имеет отношение к развитию гениальности расы, и написал несколько очень удобочитаемых статей об образовании для "Новой национальной эры". Его труды демонстрируют значительные исследования, ум, хорошо знакомый с английской литературой, и показывают, что он человек трудолюбия и прогресса. Задолго до окончания колледжа мистер Гринер продемонстрировал свои таланты в области ораторского искусства, а недавние речи и обращения ставят его на передовые позиции в искусстве ораторского искусства.

Мистер Гринер - мулат, внешне он среднего роста, хорошей фигуры, с хорошо поставленной головой, интеллектуальным лицом, интересный собеседник и стремится к отличиям. Мистеру Гринеру не более двадцати восьми-тридцати лет, и перед ним блестящее будущее. Он хороший представитель нашей подрастающей молодежи и вполне способен внушить молодежи страны благородные чувства к самосовершенствованию. Его девиз - "молодежь на фронт". Но он должен помнить, что в то время как молодые люди могут занимать законное место впереди, стариков нельзя просить отойти на второй план. Раса не может позволить себе еще какое-то время обходиться без услуг "Старой гвардии".

ЛЬЮИС Х. ДУГЛАС.

Главный редактор "Новой национальной эры" является старшим сыном Фредерика Дугласа и наследует большую долю способностей отца. Он родился в Массачусетсе, имеет гуманитарное образование, является практическим печатником, получил отличную подготовку в офисе "Полярной звезды" в Рочестере, штат Нью-Йорк, и хорошо подготовлен для ведения газеты. Мистер Дуглас отличился при нападении на форт Вагнер, где оплакиваемый полковник Роберт Дж. Шоу упал. То, что он первым преодолел оборонительные сооружения, окружающие форт, и его восклицание "Вперед, ребята, мы будем сражаться за Бога и губернатора Эндрю" в то время комментировалось прессой Европы, а также нашей собственной страны.

Мистер Дуглас - активный, энергичный человек, глубоко уважающий интересы своей расы, бескомпромиссный в своей принципиальности и являющийся ценным гражданином в любом сообществе. Он занимал несколько важных постов в Вашингтоне, где его влияние велико. Он хороший писатель, хорошо информирован и интересен в общении. Отстаивая свои права против запрещающих комбинаций вашингтонских типографий, мистер Дуглас был более чем достойным соперником для своих потенциальных начальников. Как гражданин, он пользуется большим уважением и считается одним из ведущих людей округа. Он среднего роста, цвет лица немного темнее, чем у отца, у него мужественная походка, джентльменские манеры, интеллектуальное выражение лица и он надежен в своих деловых отношениях. Его газета "Новая национальная эра" хорошо издается и должна пользоваться покровительством наших людей по всей стране.

РИЧАРД Х. КЕЙН.

Мистер Кейн хорошо известен как известный методистский проповедник, который много лет был ведущим человеком в этой деноминации. Во время Восстания он поселился в Южной Каролине, где его здравый смысл, трудолюбие и исполнительные способности дали ему значительное влияние в своей расе. Г-н Кейн принимал активное участие в Конвенциях по конституции и реконструкции, а в Законодательном собрании штата безошибочно свидетельствовал о знании государственных дел. Он был призван занять несколько почетных и пользующихся доверием должностей и выполнял свои обязанности со знанием дела.

Моральный, социальный, религиозный и политический подъем его народа долгое время отнимал у мистера Кейна большую часть времени и внимания.

Как редактор, он проявил большой литературный такт и талант в ведении своей газеты, призывая в своих колонках к образованию, характеру и богатству как к основе возвышения человека. В 1872 году он был избран в Конгресс, представляя город Чарльстон. Как политик, мистер Кейн занимает высокое положение в своем штате, считаясь одним из самых способных ораторов на пнях, а умение говорить на пнях считается на Юге лучшим качеством оратора. Мистер Кейн почти чистокровный, скорее среднего роста, с яркими глазами, умным выражением лица, сильным, громким голосом, энергичный в своих действиях, придающий своим ораторским способностям некоторый драматический пыл, и его можно назвать оратором-энтузиастом. Джентльмен в своих манерах, безупречный в семейных отношениях, верный в дружбе, честный в отношениях с окружающими, мистер Кейн может считаться представительным человеком, к тому же способным.

СТИВЕН СМИТ.

Ни в одном штате Союза цветные люди не сталкивались с большими препятствиями на пути их морального, социального и политического возвышения, чем в Пенсильвании. Окруженные населением, состоящим из разночинцев всех стран, с преобладанием немецкого элемента, с большим количеством бедных белых из Южных Штатов, придерживающихся предубеждения против этой расы, чернокожие Пенсильвании вели тяжелую борьбу. К счастью, однако, для них по всему штату было разбросано несколько представительных мужчин, которые своим трудолюбием, честностью и моральным мужеством многое сделали для повышения характера и стандартов цветного человека.

Главным среди них был Стивен Смит, который, будучи молодым человеком, начал жизнь лесорубом в Колумбии, где в течение двадцати пяти лет был одним из основных дилеров в этом бизнесе. Честным и терпеливым трудом мистер Смит сколотил состояние и переехал в город Филадельфию, где с тех пор и проживает, и где он долгое время был одним из столпов общества.

В течение многих лет предметом этого очерка был приемлемый проповедник методистской деноминации, которой он щедро пожертвовал часть своих огромных средств. Несколько лет назад мистер Смит построил церковь за свой счет и подарил ее своему народу. Совсем недавно он воздвиг и обеспечил приют для бедных своей расы.

Мистер Смит - мулат среднего роста, крепкого телосложения, с очаровательным лицом, но невзрачный на вид, с неизгладимо выраженными чертами. Сейчас он находится на закате жизни, и его голова густо усыпана сединой. Хотя его годы уже на исходе, он все еще полон сил, занимается своими делами, время от времени проповедует и заботится об интересах "нашего народа".

Всегда интересовавшийся возвышением человека, мало кто сделал для своей расы больше, чем Стивен Смит. Он пользуется большим уважением и полным доверием жителей своего города, а также всех, кто знаком с ним.

ЛЬЮИС ХЕЙДЕН.

Тридцать лет назад подземная железная дорога работала полным ходом, и северяне предпринимали множество дерзких попыток помочь рабам сбежать в страну свободы. В некоторых случаях и беглецы, и их друзья были схвачены, доставлены обратно, подвергнуты пыткам и заключены в тюрьму. Смерть преподобного Чарльза Т. Торри в Мэрилендской тюрьме за помощь семье рабов; клеймение Джонатана Уокера за то же преступление; поимка капитана Дэниела Дрейтона за то, что он увел нескольких рабов на своем судне "Жемчужина"; и долгое и жестокое заключение преподобного Кэлвина Фэрбенкса - исторические факты, хорошо известные старым аболиционистам.

Герой этого очерка родился в Лексингтоне, штат Кентукки, где провел свои первые дни в рабстве. Льюис Хейден и его семья совершили побег из штата Кентукки в 1846 году; при содействии преподобного Кэлвина Фэрбенкса и мисс Делии А. Вебстер. Оба вышеперечисленных лица жестоко пострадали за свою доброту к беглецам. Мисс Вебстер

после нескольких месяцев заключения была освобождена, но мистер Фэрбенкс оставался в государственной тюрьме во Франкфурте, штат Кентукки, более десяти лет, в течение которых тюремные чиновники делали все, чтобы сделать его заключение как можно более мучительным.

К великой чести мистера Хейдена, он добросовестно трудился, чтобы добиться освобождения своего друга, и, как мы полагаем, способствовал сокращению его страданий.

Вместе со своей семьей мистер Хейден поселился в Бостоне, где и остался с тех пор, и где сейчас пользуется уважением и доверием большого круга друзей.

Бросив вызов царству террора, вызванному попыткой обеспечить соблюдение Закона о беглых рабах в "Возвращении сбежавших рабов", мистер Хейден стал заметным как один из самых верных друзей своей расы, отважившийся на все ради свободы, никогда не брезгающий никакими обязанностями и никогда не считающий цену.

Последние двенадцать лет он занимал должность в Палате представителей штата, а прошлой зимой служил в Законодательном органе, где выступал с речами и голосовал за реформы.

Хотя мистер Хейден и не пытается быть оратором, он, тем не менее, очень эффективный оратор. Это человек обычного роста, с небольшим количеством англосаксонской крови или вообще без нее, с благородными манерами, умный в разговоре и корректный во всех жизненных отношениях.

ГЕНРИ ГАРЛАНД МЮРРЕЙ.

Уметь рассказать историю, и рассказать ее хорошо, - это дар, а не приобретение; дар, которым человек вполне может гордиться. Джентльмен, чье имя возглавляет этот очерк, прошлой осенью покинул свой солнечный дом на острове Ямайка и нанес мимолетный визит в нашу страну. Мы слышали о мистере Мюррее как о способном редакторе ведущей газеты Кингстона, и, следовательно, он не был для нас совсем чужим человеком.

Но мы не знали о его великих способностях лектора. Однажды вечером с несколькими друзьями мы пошли послушать лекцию на тему "Жизнь среди бедняков на Ямайке". Лектором по этому случаю был Генри Г. Мюррей, который вскоре приступил к своей теме. Это был мужчина приятной внешности, немного склонный к полноте, с большими живыми глазами, улыбающимся лицом, излучавшим интеллект, и с видом хорошо воспитанного джентльмена.

Он начал в спокойной, хладнокровной, умеренной манере и не отступал от нее в течение всего вечера. Стиль мистера Мюррея верен природе, а истории, которые он рассказывал с непревзойденным мастерством, вызвали у всех приступы смеха. Он проявил талант как к трагическому, так и к комическому представлению, которые редко сочетались. Его нелепые истории, рассказанные в наглядной форме, заставляли улыбаться каждое лицо от начала до конца. По пафосу, гениальности, неподражаемому юмору и острому остроумию мы никогда не видели ему равных. Он обладает истинной *яркостью* красноречия. Мистер Мюррей - человек образованный, образованный и со вкусом, и мы будем тепло рады, когда он посетит нас снова.

СЭМПСОН ДАНБАР ТЭЛБОТ.

Епископ Тэлбот - уроженец Массачусетса, родился в городе Стаутон. Он получил хорошее образование в обычной школе в Уэст-Бриджуотере, уехал на Запад, изучал теологию и начал проповедовать в возрасте двадцати пяти лет. Вернувшись на Восток, он в течение двух лет проповедовал в Бостоне, где завел много друзей. Около девяти лет назад он был рукоположен в епископа Сионской церкви А.М.Э. и сейчас проживает в Вашингтоне, округ Колумбия

Епископу Тэлботу около пятидесяти пяти лет, он обычного роста, смуглый мулат, с красивой головой и задумчивым лицом, в котором почти нет черт негра. Он хороший ученик, начитанный и более информированный, чем духовенство в целом.

Как оратор он здравомыслящий, ясный, обстоятельный и, хотя и не блестящий, очень интересный проповедник. Его полные достоинства, спокойные высказывания обладают огромной силой. Им очень восхищаются за кафедрой, и он никогда не испытывает недостатка в слушателях.

Отсутствие огня и серы в его проповедях придает епископу джентльменский вид за кафедрой, что сильно контрастирует с его собратьями по облачению. Он хороший председательствующий и правит в соответствии с Кушингом. Живя безупречной жизнью, имея незапятнанную репутацию и проявляя глубокий интерес ко всему, что касается морального, социального и политического состояния расы, епископ Тэлбот пользуется большим уважением у всех.

ЧАРЛЬЗ БЕРЛИ ПЕРВИС, доктор медицины

Доктор Первис - сын Роберта Первиса, известного филантропа, и сотрудник Уильяма Ллойда Гаррисона, Уэнделла Филлипса и Лукреции Мотт. Когда мальчик "Берли" часто встречал нас на пароходе или в вагонах за несколько миль отсюда, отвозил в усадьбу в Байбери, слушал нашу лекцию в "старом зале", а затем возвращал нас на поезд или пароход на следующее утро, и всегда делал это весело и с улыбкой.

Герой нашего очерка родился в Филадельфии в 1841 году, получил высшее образование, получив степень бакалавра; учился в медицинском колледже Кливленда, где в 1864 году получил степень доктора медицины. Летом того же года он поступил на службу в армию в качестве исполняющего обязанности ассистента хирурга.

Доктор Первис в настоящее время проживает в Вашингтоне и занимает почетную должность профессора *Materia Medica* и юриспруденции в Университете Говарда. Доктор проявляет живой интерес к образованию и возвышению представителей своей расы и оказывает значительное влияние на дела Округа.

Он унаследовал большую часть энтузиазма и ораторских способностей своего отца и красноречиво и успешно выступал на публичных собраниях и съездах.

Благодаря пристальному вниманию к своей профессии доктор Первис получил высокое звание врача. По цвету лица он находится примерно на полпути между англосаксом и негром, вероятно, добавляя немного индейского. Как и его отец, доктор имеет приятную внешность, манеры достойные и джентльменские, и его уважают все.

ДЖОН Дж. ФРИМЕН.

Этот пикантный еженедельник “Прогрессивный американец” редактирует джентльмен, чье имя озаглавлено этим очерком. Благодаря своему врожденному гению, неутомимому трудолюбию и научным достижениям он создал и поддерживает газету, которая является желанным гостем в Нью-Йорке и по всей стране. Как редактор мистер Фримен добился исключительного успеха, и его журнал сейчас входит в число самых лучших наших изданий. Его передовицы демонстрируют больше обычного такта и таланта и всегда на стороне права, морали и возвышения человека. Он долгое время принимал ведущее участие в государственных делах и занимал видные места на съездах и общественных собраниях.

Как оратор он интересен и знает, о чем говорит.

Его речи состоят из веских аргументов и энергичных призывов. Лично мистер Фримен общителен и приветлив в своих манерах, сердечен и приятен в обращении. По цвету лица у него смуглая кожа, с четко очерченными чертами, интеллигентный лоб, стройный и прямой, походка чем-то напоминает индийскую. Он джентльмен, честен и корректен в общении с человечеством и пользуется большим уважением как человек передовых идей.

ЭЛАЙДЖА В. СМИТ.

Герой этого очерка - внук покойного преподобного Томаса Пола, чье красноречие проповедника живо запомнилось бостонцам сорокалетней давности как одного из самых занимательных богословов. Родившийся в Бостоне Элайджа В. Смит хорошо известен как один из его самых уважаемых граждан. По профессии он печатник, чему научился в офисе “Освободителя”, у Wm. Ллойд Гаррисон, который всегда говорит об “Элайдже” с величайшим уважением. Никто не может читать стихи мистера Смита без сожаления о том, что он написал так мало, и все же он дал нам больше поэзии, чем любой другой цветной американец. Немногие из ныне живущих поэтов лучше, чем он, понимают азы истинной поэзии.

Четкость его цифр, отточенность его дикции, богатая мелодичность его музыкально воплощенных мыслей и разнообразие его информации показывают, что Природа не поскупилась на свои дары.

В своих стихах мистер Смит стремится привести человечество и окружающие его вещи в гармонию с лучшим состоянием нравственного существования.

Его вклад в литературу всегда будет радовать и поучать любителей свободы и чистого и утонченного общества. Большинство его статей появлялось в “Бостон Дейли Тревеллер” и “Сатердей Ивнинг Экспресс”. Самое длинное стихотворение состоит из тридцати стихотворений.

“Держись подальше от травы” и “Добро пожаловать в весну” демонстрируют склонность автора к Природе. “Сокрушенный при Седане”, “Да здравствует Франция” и “Мольба о признании Кубы” - это побуждения отзывчивого сердца. “Поездка Питера и Джозефа в Вермонт” полна юмора и показывает, что наш автор чувствует себя как дома в юмористической поэзии. Самые тонкие чувства мистера Смита находят выход в этих прекрасных стихотворениях “Зимняя песня бедных” и “Счастливого Рождества”, любого из которых достаточно, чтобы принести писателю вечную славу.

Республиканская партия в долгу перед нашим автором за тексты, которые он внес в помощь ей в этом разделе. Следующие строки взяты из прекрасного и волнующего душу стихотворения под названием “Юбилей свободы”, зачитанного на заседании по ратификации Пятнадцатой поправки:

“Слава Богу! ибо борьба окончена,
Слава Богу! за одержанную победу,
Честь тем, кто отстоял свое Право,
На протяжении долгих лет, прошедших с начала конфликта.
“О, да пребудут молитвы тех, кто готов погибнуть
Охраняй их от беды, как огненный пояс!
Глубоко в наших сердцах мы будем лелеять их добрые дела,
И мы всегда будем стремиться заслужить их.
“Боже! у Твоего алтаря, в благодарственном поклоне,
Даруй нашим глазам увидеть Твою великую благодать;
О, пусть Твой свет, пока раздирается завеса храма,
Покажи через его порталы путь Свободных”.

“Наш потерянный лидер”, написанный после смерти Чарльза Самнера, - одна из лучших постановок мистера Смита. “The Boston Daily Traveller” пишет: “Это прекрасное стихотворение, написанное Элайджей В. Смитом, который является настоящим поэтом и создал одни из лучших стихотворений, вызванных смертью мистера Самнера”.

Мы можем привести только последний куплет:

“Дай нам веру преклонить колени
Святыня нашей Страны, и клянусь
Поддерживать жизнь в священном пламени
Этот Самнер там разжег огонь!

В “Песне освободителей” есть задор, который демонстрирует искреннюю признательность автора рабочим за свободу. Мы приводим несколько из этих вдохновенных стихотворений и сожалеем, что недостаток места мешает нам представить читателю все стихотворение целиком:

“Звучит боевой клич
С каждого холма и долины,
От скалы к скале раздается гулкий звук,

Теперь тираны дрогнут.

Больше никаких цепей и оков,

Больше не попаду в тюремную камеру,

Должны ли деспоты наказывать героев

На земле, которую они так любят.

“И ты, о остров Красоты,

Слышен твой жалобный крик;

Во всех наших обширных владениях,

Души людей взволнованы;

И взрослеют,

Они кричат от моря до моря,

- Погибель тиранам!

Справедливая Куба будет свободной!”

Лично мистер Смит невысокого роста, склонен к полноте, со светло-коричневым цветом лица.

Голова у него большая и хорошо развитая; выражение его черт мягкое и доброе, глаза живые, а овал лица изящный, полный чувствительности, тонко воспринимающий любое впечатление.

Мы все еще находимся на солнечной стороне пятидесяти, обладаем прилежными привычками и страстно любим Природу, но все же можем ожидать ценного вклада от его разностороннего пера.

Мы надеемся, что в скором времени его стихи будут представлены читающей публике в виде сборника, поскольку мы уверены, что они стали бы ценным дополнением к современной литературе, помимо ценной работы, которую они могли бы проделать для возвышения его собственной расы.

Мистер Смит написал более шестидесяти стихотворений, одно из которых вы найдете в первой части этого тома.

СНОСКИ:

[54] “Апология методизма”. Б. Т. Таннер, стр. 388.

[55] “Извинения” Таннера, стр. 415.

"MY SOUTHERN HOME,"

Or, the South and Its People.

BY DR. WM. WELLS BROWN.

PRICE, \$1.00 PER COPY.

The following are some of the comments of the Press:—

"This book may well be termed the great inside view of the South. It runs back for fifty years, and gives the state of society in the olden time. For wit and humor it has had no equal. Dr. Brown faces the whole problem of the negroes' past and future in a manly, sensible, incisive way."—*Daily Advertiser, Boston.*

"The work is full of spicy incidents and anecdotes."—*The Commonwealth, Boston.*

"The book is very entertaining and suggestive, and will be read with pleasure and profit."—*Zion's Herald, Boston.*

"Dr. Brown has given us an interesting book."—*The Journal, Boston.*

"A racy book, brim full of instruction, wit, and humor, and will be read with delight."—*Daily Transcript, Boston.*

"Dr. Brown has written a very interesting and instructive volume upon the South and its people at the present time. The book is illustrated with an engraving of the author, which does no justice at all to the handsome features of one of the most able of the anti-slavery orators of the past generation."—*Sunday Herald, Boston.*

"The most graphic and racy work yet written on the South and its people."—*New York Times.*

"Dr. Brown gives an interesting picture of the South, discusses the Negro question with sound sense and logical force, and clearly points out to the proscribed colored man the way to rise and rank as a man among men. We commend the book to our readers."—*The National Monitor, Brooklyn, N. Y.*

"The style is easy and pleasing. The portrayal is wonderful. Throughout the work there is a vein of humor running which is a characteristic of the author, and creative of side-splitting laughter in its effect. Be sure and get the book."—*Virginia Star, Richmond, Va.*

"'My Southern Home,' is a true and faithful picture of Southern Whites and Blacks. Read the book by all means."—*Herald and Pilot, Nashville, Tenn.*

"Dr. Brown has written an interesting book."—*Fred Douglass.*

A. G. BROWN & CO., Publishers, Boston, Mass.

"THE NEGRO IN THE REBELLION:"

HIS HEROISM AND HIS FIDELITY.

Containing 380 Pages, Bound in Cloth, Price, \$1.50.

This splendid work was published in 1867, and nearly the whole edition was burnt in the great Boston fire, so that but few copies were sold.

The universal demand now, for the only History which has done justice to the heroism of the colored Americans in the late war, induces us to get out this new edition.

The following are some of the comments of the Press:—

"William Wells Brown, M.D., the colored historian, is an author of whom the American Negro ought to feel proud. He has written much, and become popular as an author.

"Commencing with the first cargo of slaves landed in the Colonies in 1620, Dr. Brown carries the Negro through the war of 1812, the John Brown Raid, and the Rebellion, portraying in a graphic manner the horrors of the slave-trade, the different struggles of individual Negroes for the freedom of themselves and brothers; and finally gives a complete and detailed history of the part taken by the colored man in the late war, which showed to the world the true heroism and fidelity of the race.

"The book is full of interesting and instructive facts, told in a fascinating way."—*The National Monitor, Brooklyn, N. Y.*

"Dr. Brown has laid his race under great obligations to him for writing this History of the services of the Negro in the Wars for American Liberty."—*Wm. Lloyd Garrison.*

"The Negro in the Rebellion is a needed accession to our literature, and does the author great credit."—*New York Tribune.*

"Every soldier of the war, and especially every colored soldier, will want this book."—*New York Evening Post.*

A. G. BROWN & CO., Publishers, Boston, Mass.
